

1. Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись. 2. Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим. 3. Итак, быв провожены церковью, они проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили радость великую во всех братьях. 4. По прибытии же в Иерусалим они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвестили все, что Бог сотворил с ними и как отверз дверь веры язычникам. 5. Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезать [язычников] и заповедывать соблюдать закон Моисеев.

(1. Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись. 2. Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим. 3. Итак, быв провожены церковью, они проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили радость великую во всех братьях. 4. По прибытии же в Иерусалим они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвестили все, что Бог сотворил с ними. 5. Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезать язычников и возвестить о соблюдении закона Моисея.)

1) Сказав о том, как Варнава и Павел победно завершили многочисленные битвы с врагами Евангелия, Лука начинает рассказ о домашней войне, принесшей им немалое искушение. Так всеми способами надлежало подтвердить их учение и служение, дабы стало еще очевиднее: против всех нападков мира и сатаны апостолов укреплял Сам Бог. И особое подтверждение их учения состояло в том, что оно, испытав столько наветов, тем не менее устояло, и ходу его не могли помешать столь многочисленные препятствия. С этой целью Павел величественно возвещает, что извне участвовал во многих сражениях, внутри же одолел многочисленные страхи.

Особенно достойна упоминания нижеприведенная история. Хотя по природе мы все ужасаемся креста и любого вида гонения, больше опасности таится во внутренних разногласиях, способных сломить и расшатать наше мужество. Когда тираны обрушиваются на нас с насилием, наша плоть боится, и те из нас, кто не наделен духом отваги, трепещут всем сердцем. Но совесть тогда в собственном смысле никак не искушается. Такое состояние признается неизбежным для Церкви. Но когда случается враждовать братьям по вере, и Церковь возмущается внутри самой себя, немощные души непременно смутятся и ослабнут. Особенно там, где спор идет об учении, единственных узах братского единства. Так что, больше всего мешают Евангелию внутренние разногласия. Ведь они не только смущают немощную совесть, но и дают нечестивым повод для хулы. Посему следует тщательно изучить приведенную историю, чтобы понять: вовсе не ново, если между теми, кому проповедуется одно и то же Евангелие, возникает спор об учении. Ведь ветреные люди не могут сделать себе столь вожаденное для них имя без того, чтобы ввести какие-то собственные измышления.

Несомненно: поскольку Бог – един, едина также и истина. Посему Павел, желая призвать верующих к взаимному согласию, пользуется следующим аргументом: один Бог, одна вера, одно крещение, и т.д. Еф.4:6. Но поскольку мы видим, как возникают порочные люди, пытающиеся разорвать Церковь на части, а Евангелие извратить или сделать подозрительным чуждыми измышлениями, нам должна быть известна хитрость сатаны. Посему Павел в другом месте (1Кор.11:19) говорит, что ереси появляются для того, чтобы открылись опытные люди. Действительно, Господь Своим чудесным советом высмеивает хитрость сатаны, проверяя веру Своих подобными испытаниями и наделяя Слово очевидной победой. Он делает так, что истина сверкает тем сильнее, чем яростнее ее пытаются затмить нечестивые. Но надлежит тщательно взвесить все указанные Лукой обстоятельства этой истории.

Некоторые пришедшие из Иудеи. Данный предлог способен был обмануть даже благонамеренных. Иерусалим не без причины пользовался у церковью наивысшей честью. Христиане почитали его не иначе, как мать. Ведь из этого источника растекались по миру реки Евангелия. И вот, приходят мошенники, ссылаясь на апостолов и утверждая, что говорят лишь то, чему от них научились. Этим дымом они затмевают взор, по крайней мере, простецов. А легковесные и негодные люди жадно хватаются за представившийся повод. Волнение, возникшее в церкви, подобно буре вынуждает колебаться даже добрых и умеренных. Итак, следует отметить хитрость сатаны, злоупотребляющего именами святых и пускающего пыль в глаза простецов. Так что те, из-за почтения к людям, не дерзают вопрошать о самом деле.

Лука не говорит ясно, каким мотивом руководствовались эти болтуны. Вероятно, причиной противостояния Варнаве и Павлу служила для них **κακοζήλιαν**. Имеются определенные трудновыносимые люди, которым нравится только свое собственное. Ранее они видели, что в Иерусалиме соблюдается обрезание и другие обряды закона. И куда бы ни приходили, они не могли терпеть ничего нового и отличного. Словно пример одной церкви обязывал всех остальных. Но если подобные люди и создают смуту по неразумному рвению, внутри их понуждает самомнение и науськивает гордыня. Между тем, сатана получил желаемое: умы благочестивых застлал дым, так что они едва отличали черное от белого. Значит, следует опасаться той заразы,

чтобы одни предписывали другим закон по собственному обычаю, чтобы пример одной церкви самопроизвольно становился общим правилом. Опасаться надо и другого: чтобы уважение к людям не мешало и не ставило помехи исследованию какого-либо дела. Ведь если сатана преобразается в ангела света, если он часто с богохульной дерзостью использует святое имя Божие, что удивительно, если столь же порочно он играет именами и титулами святых.

Наконец, исход дела показывает: апостолы меньше всего хотели возложить на язычников бремя закона. Сатана пытался ввести это заблуждение. Часто происходит так, что воюющие против учения Христова присваивают себе титул Его слуг. Значит, есть лишь одно средство: приступать к исследованию дела непредвзято и здраво. Соблазны же надлежит устранять, дабы не думали мы, что дети Божии от этого между собой бранятся. Ведь сатана лживо претендует на их имена и использует в качестве личин, устрашающих простецов во время битвы.

2) *Когда же произошло разногласие.* Не слабое искушение: Павла и Варнаву впутали в бранчивую дискуссию. Уже в одном разногласии имелось достаточно зла. Но стало еще хуже, когда распря разгорелась настолько, что апостолы были вынуждены враждебно состязаться с братьями. Добавь к этому бесславие, которое навлекло на них это событие в глазах неопытных и простаков. Как будто они своим упорством смущали и нарушали мир церкви. Обычно случается так, что рабы Христовы, испытав несправедливые попреки, и добросовестно защитив правое дело, в конце, несмотря на все скорби, пересиливают ненависть других. Значит, им надлежит обладать непобедимой крепостью души, дабы презирать распространяемые о себе левые слухи. Посему Павел хвалится в другом месте, что возымел успех, пройдя через бунты и восстания (2Кор.6:5). Кроме того, рабам Христовым надлежит придерживаться правила: избегать по мере сил всякого разногласия. И если сатана когда-нибудь посеет смуту и распрю, они должны пытаться ее загасить. Пусть же они делают все, способное сохранить единство. Но там, где подвергается нападкам истина Божия, они не должны избегать любых сражения для ее защиты, и обязаны без сомнений и отважно противостоять врагам, хотя бы небо упало на землю.

Мы же, наученные этим примером, всякий раз, как в церкви возникают распри, будем стараться понять, по чьей вине это произошло. Дабы не осудить необдуманно верных служителей Христовых, основательность которых скорее достойна похвалы. Ведь они бестрепетно противостоят столь яростным атакам дьявола. А затем вышло так, что сатана оказался связанным, дабы не вредить учению Павла. Ведь если ему было бы позволено вредить, сколько он хочет, то вера язычников полностью бы извратилась, Евангелие, проповеданное Павлом, пало, а дверь призвания народов оказалась закрытой.

В-третьих, научимся тому, что надо своевременно угадать любые споры, дабы те не разгорелись во всю мощь. Ведь сатана через разногласия желает лишь возжечь столько же пожаров. И наоборот, видя, как возмущилась первая в мире церковь, и лучшие служители Христовы прошли через волнения и смуты, не будем бояться, словно чего-то нового и неожиданного, если и сегодня произойдет нечто подобное. Но, прося у Бога такого же исхода, какой Он дал тогда, будем побеждать все волнения с той же негибимой верой.

Если не обрежетесь. Этими словами Лука кратко описывает постановку вопроса. А именно: мошенники хотели связать совесть необходимостью соблюдать закон. Здесь говорится только об обрезании, но из контекста легко вывести, что спор шел о соблюдении всего закона. Кроме того, поскольку обрезание было словно торжественной инициацией по отношению к остальным обрядам закона, путем синекдохи под одной из частей разумеется весь закон. Враги Павла не отрицали, что Христос является Мессией, но, становясь христианами, одновременно удерживали древние законнические обряды.

На первый взгляд, их заблуждение могло показаться терпимым. Почему же еще Павел, по крайней мере некоторое время, им не противостоял, дабы не смущать Церковь спорами? Ведь распря касалась внешних вещей, о которых Павел в другом месте запрещает спорить слишком ожесточенно. Однако имелись три веских основания, вынудивших его к сопротивлению. Если соблюдение закона было необходимым, спасение людей стало бы связанным с делами. А его надлежит основывать только на благодати Христовой, дабы вера обрела спокойствие и мир. Итак, Павел, видя, как незаслуженной праведности веры противопоставляют законнический культ, уже не мог молчать, если не хотел предать Самого Христа. Когда противники стали утверждать, что спасется лишь тот, кто соблюдает закон Моисея, они тем самым славу за спасение передавали делам, и, поколебав упование, мучили беспокойством несчастные души.

Затем речь шла о весьма важном деле: о лишении верующих свободы, купленной Христовой кровью. Хотя внутренняя свобода Духа была у отцов общей с нами, мы все же знаем, чему учит Павел (Гал.4:1,3). А именно: их заключили под детоводительство закона, так что они мало отличались от рабов. Мы же после пришествия Христова, разрешенные от водительства закона, словно по окончании опеки, действуем много свободнее. Третий порок этого учения состоял в том, что оно полностью затмевало евангельский свет, или, по крайней мере, покрывало его мглой, дабы Христос, солнце праведности, не мог источать полноценное сияние. В итоге, с христианством было бы покончено, если бы Павел уступил подобным начинаниям. Итак, он вступил в сражение не за внешнюю необрезанность плоти, а, во-первых, за незаслуженное спасение, во-

вторых, за избавление благочестивой совести от проклятия закона и вечной смерти, и, в третьих, за то, чтобы, по устранении всех препятствий, благодать Христова воссияла как бы при ясном и безоблачном небе.

Добавь к этому, что эти болтуны наносили закону тяжкое оскорбление, нечестиво искажая его правильное употребление. Подлинное служение закона состояло в том, чтобы подобно детоводителю приводить детей за руку ко Христу. Значит, закон искажается самым значительным образом, когда под его предлогом уменьшается сила и благодать Христова. Так же и мы должны смотреть в корень, устраняя возникшие разногласия, дабы молчанием не предать истину Божию, всякий раз как видим ее атакуемой сатаной. Да не дрогнут от каких-либо опасностей наши души, да не ослабнут от поношений и клеветы. Ведь чистую религию надобно утверждать постоянно, даже если небо готово обрушиться на землю. Рабам же Христовым не подобает предаваться любопытству. Итак, если возникнет какой-либо спор, они попытаются утихомирить его смирением, а не орать во весь голос. Затем, они будут тщательно остерегаться излишних и пустых прений, и не станут возбуждать споры по пустякам. Однако там, где сатана разоидется вовсю, и станет невозможным сохранить чистую религию без борьбы, они с необходимостью соберутся с силами и восстанут на брань. Да не усомнятся они за нее вступить в самую суровую битву. Да, мир – вещь желанная, но проклят тот мир, который покупают такой ценою. Ценою гибели Христова учения. Ведь только через него мы приходим к святому и благочестивому единству.

Сегодня паписты сеют к нам великую ненависть, говоря, будто мы возбуждаем гибельные волнения, потрясающие весь мир. Но наша защита готова: хуления на Бога, которые мы обуздываем, слишком жуткие, чтобы можно было их терпеть. Посему на нас нет никакой вины. Ведь мы пошли на войну с людьми по той же самой причине, по которой надо воевать даже с ангелами. Пусть они вопят, как им вздумается, нам же достаточен пример Павла, дабы не быть прохладными и медлительными в защите благочестивого учения, когда служители сатаны всеми силами его ниспровергают. Ибо их безумное неистовство не должно победить стойкость рабов Божиих. Когда Павел яростно противостоял лжеапостолам, из конфликта в конце концов разгорелся бунт. Однако Дух Божий не винит его по этой причине. Скорее Он хвалит святого мужа за стойкость, которую Сам же ему дал.

Положили ... отправиться. Дух Божий подсказал использовать это средство для усмирения бунта, который иначе мог бы привести к совершенно гибельной ситуации. Отсюда мы научаемся: всегда следует искать способы, подходящие и удобные для устранения разногласий. Поскольку Бог весьма настойчиво заповедует нам мир, пусть верующие на деле покажут, что не мешают со своей стороны церковному миру. На первом месте у них всегда должна быть истина, утверждая которую, они не боятся никаких волнений. Однако они будут так контролировать свою пылкость, что не отвергнут и повод для добротного примирения. Больше того, они сами измыслили для этого любые возможные пути, и проявят изобретательность в их поисках.

Итак, надо придерживаться золотой середины, дабы, уловляясь чрезмерным рвением, не преступить допустимые пределы. В защите истинного учения нам подобает быть пылкими, а не надменными и дерзкими. Итак, научимся двум добродетелям: которых Дух Божий восхваляет в Павле. Когда нечестивые вызвали его на бой, он без колебаний принимает их вызов. Но, прибегая и к средству умиротворения, показывает, сколь сильно не желает войны. Иначе можно было бы сказать, что апостолы не утруждают себя переговорами и упорно настаивают на своем. Но Павел не позволяет винить себя в отсутствии стремления к миру. Добавь к этому, что немощные и невежды могли бы плохо подумать, видя, как два человека отделяются от всех рабов Христовых. Но благочестивые учителя не должны небрежью поводом для укрепления веры, показывая свое согласие с остальной Церковью. Павел не зависел от воли прочих апостолов, он не изменил бы своего мнения, даже если бы увидел их своими противниками. Ведь он не должен был уступать в этом даже ангелам, как и сам хвалится в первой главе Послания к Галатам (ст.8). Но дабы нечестивые не клеветали на него, как на человека слишком себе приверженного и горделивого, угождающего себе и презирающего остальных, Павел подобающим и полезным для Церкви образом выказал готовность дать отчет в своем учении. Затем, он выступал перед апостолами с твердым упованием на победу, ибо знал, каким будет их предстоящий суд. Ведь ими управлял тот же самый Дух.

Однако можно спросить: с каким замыслом антиохийцы послали Варнаву и Павла к прочим апостолам? Если они почитали их настолько, что оставались бы в сомнениях, покуда те не решили бы вопрос в ту или иную сторону, вера их оказалась бы шаткой и почти никакой. Однако ответ готов: зная, что все апостолы посланы Христом, давшим им одинаковые заповеди, антиохийцы были твердо убеждены в предстоящем успехе. Нет сомнения, что этот совет дали испытанные и мудрые мужи, хорошо знавшие, что мошенники напрасно претендуют на авторитет Петра и Иакова. Посему антиохийцы просили апостолов лишь оказать помощь в благом деле. Для той же цели с самого начала собирались все святые соборы, дабы мудрые и наученные Слову Божию люди разрешали споры не по своей прихоти, а по божественному авторитету.

Это полезно отметить, чтобы паписты не смутили кого своими напрасными воплями. Они, дабы ниспровергнуть Христа и Его Евангелие, а также угасить всякое благочестие, выставляют перед нами соборы, словно любое человеческое определение надо считать небесным откровением. Однако если сегодня святые отцы проводили бы заседания, то единодушно возопили бы: меньше всего они желали или намеревались постановить нечто без водительства Христа, единственного Учителя как для них, так и для нас. Не говорю

уже о том, что паписты опираются только на незаконные соборы, отдающие только грубым невежеством и варварством. Но даже самые лучшие соборы надо призвать к правилу подчинения Слову Божию. Имеется горькая жалоба Григория Назианзина о том, что никакой собор не получил благополучного исхода. Нельзя отрицать, что все лучшее, некогда процветавшее и царившее в Церкви, спустя сто лет превращалось в свою противоположность. Значит, если бы этот святой муж жил в наше время, сколь яростно отверг бы он болтовню папистов? Тех, кто без стыда притворное одурачивание выдает за законные соборы. Причем с намерением обессилить Слово Божие, всякий раз как глупцы и тупицы постановят то, что им вздумается.

3) *Быв провожены церковью.* Из того, что от имени всей церкви Павлу и Варнаве были приданы спутники, обязанные их проводить, можно заключить: все благочестивые стояли на их стороне и считали свое дело общим с ними. Посему они постановили послать Павла и Варнаву с тем же намерением, с каким и сами они хотели отправиться, дабы обуздать смутьянов, ложно выдававших себя за апостолов. Слова же о том, что апостолы в пути рассказывали братьям о чудесном обращении язычников, свидетельствуют: они шли в Иерусалим без страха, но уверенно возвещали то, чему и ранее открыто учили. Итак, они не идут как обвиняемые, собираясь защищаться перед судьями, но везде всеобщим мнением подкрепляют божественную заповедь об отмене обрядов. Они не презирали суждение прочих апостолов, но не могли считать себя обвиняемыми, зная, что ни им, ни другим не позволено иначе решать это дело. Отсюда их уверенность в изъявлении радости. К этому добавляется радость благочестивых, соглашавшихся и с учением Павла, и с призыванием язычников.

4) *Они были приняты церковью.* Под церковью Лука понимает сам народ и все ее тело. Затем особое место он отдает апостолам и пресвитерам, в первую очередь принявшим Варнаву и Павла. Далее, поскольку у апостолов не было в Иерусалиме постоянного местопребывания, и они ходили везде, куда их призывало дело, в иерусалимской церкви имелись свои пресвитеры, коим было поручено церковное управление. В чем же было отличие апостольского от пресвитерского служения, мы говорили в другом месте. Сколь братской была любовь у апостолов и пресвитеров явствует из того, что они не только дружески принимают Варнаву и Павла, но и, услышав об успехе их трудов, радуются Божией благодати. Лука снова использует оборот, встретившийся в предыдущей главе: они рассказали все, что Бог с ними соделал. Здесь надо помнить о том, что уже было сказано: апостолы не делают Бог своим соработником, но целиком приписывают Ему славу за совершенное дело. Итак, то, что Бог совершил через Павла и Варнаву, названо сделанным вместе с ними. И так же говорится, что Бог вершит с нами милость, когда помогает нам в скорби.

5) *Некоторые из фарисейской ереси.* Лука намеренно определяет разновидность людей, пытавшихся в Иерусалиме помешать Павлу. Вероятно, что зло проистекало из этого же источника. То есть, Лука ясно говорит: веяния идут из той же секты, откуда вышли зачинатели превратных споров. Хотя они и присоединились ко Христу, в них имелись остатки прежнего образа мыслей. Мы знаем: какая у фарисеев была гордыня, какое самоупование, какая надменность. Они оставили бы все это, если бы истинно облеклись во Христа. Подобно тому, как в Павле не осталось ничего от фарисея. Но большая их часть от долгого навыка приучилась к упорству и своеволию, от которых не так легко избавиться. Поскольку среди них в наивысшей степени царило лицемерие, они приписывали обрядам, скрывавшим их пороки, больше должного. Их также обуяла гордыня, внушая желание тиранически подчинять других своим прихотям. Хорошо известно, что монахи страдают обеими этими болезнями. Поэтому нет никого более яростного в преследованиях церкви, никого, более упорного в презрении к Слову Божию. Мы видим, как многие, ушедшие от них, отбрасывают куколь, но никогда от отвыкают от обретенных в монашестве нравов.

6. Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела. 7. По долгом рассуждении Петр, встав, сказал им: мужи братия! вы знаете, что Бог от дней первых избрал из нас [меня], чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали; 8. и Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святаго, как и нам; 9. и не положил никакого различия между нами и ими, верую очистив сердца их. 10. Что же вы ныне искушаете Бога, [желая] возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? 11. Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они.

(6. Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела. 7. Когда же произошел большой спор, Петр, встав, сказал им: мужи братия! Вы знаете, что Бог от дней первых избрал среди нас, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали; 8. и Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святаго, как и нам; 9. и не положил никакого различия между нами и ими, верую очистив сердца их. 10. Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? 11. Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа имеем спасение, как и они.)

6) *Апостолы и пресвитеры собрались.* Лука не говорит, что собралась вся Церковь, но лишь те, кто выделялся ученостью и суждением, кто по долгу службы мог быть законным судьей в данном вопросе. Возможно, что рассуждение проводилось в присутствии народа. Но, дабы кто не подумал, что народ без разбора допускался до обсуждения дела, Лука ясно называет апостолов и пресвитеров, поскольку они больше подходили в качестве судей. Кроме того, мы должны знать: данная форма и порядок созыва синодов установлены Богом, когда возникает какой-нибудь спор, который нельзя решить иначе. Поскольку многие ежедневно

восставали против Павла, возникший спор, угрожавший великой гибелью и уже дошедший до враждебных столкновений, и привел апостола в Иерусалим.

7) *По долгом рассуждении.* Хотя были избраны мудрые мужи и общепризнанные учителя, даже они не могли сразу придти к согласию. Откуда явствует: как Господь даже тогда упражнял Свою Церковь посредством людской немощи, дабы научить ее смиренномудрию. Добавь к этому, что на созванном соборе, на котором Он Сам председательствовал, Господь позволил подвергнуть обсуждению и спорам главный артикул христианского учения. Дабы мы не удивлялись тому, что даже благочестивым и опытным людям порой случается впасть в заблуждение. Ибо некоторые из них были не настолько умны, чтобы сразу узреть значение этого вопроса.

Думая, что закон следует соблюдать, и увлекшись необдуманным рвением, они не видят, в какой лабиринт загоняют свою и чужую совесть. Они думали, что обрезание – вечный и нерушимый символ божественного завета. Такое же мнение имелось у них относительно закона. Посему Петр больше всего старается правильно поставить совершенно непонятный для многих вопрос. Его речь состоит из двух частей. Во-первых, на основании авторитета Божия он заявляет, что язычников не следует вынуждать к соблюдению закона. Во-вторых, учит, что все людское спасение извратится, если на совесть набросить эту узду. Итак, первая часть речи, в которой он говорит о своей божественной миссии для научения язычников и о схождении на них Святого Духа, означает следующее: не люди по своей дерзости отменили обряды закона, автор этой отмены – Сам Бог. Когда же все увидели в этом божественный авторитет, сразу же устранились всяческие сомнения. Ведь вся наша премудрость в том, чтобы покориться приказу Божию и ставить Его волю выше всех иных доводов. Теперь надлежит взвесить слова Петра, коими он доказывает, что свобода от ярма закона дана язычникам от Бога.

Вы знаете. Он зовет присутствующих свидетелями, дабы кто не подумал, что речь идет о чем-то неясном и сомнительном. История была известна всем. И Петр показывает, что они слепотствуют при ясном свете, неправильно разумея дела Божии. Больше того, они еще раньше не поняли того, что было весьма ясно им продемонстрировано. Древними днями Петр зовет начало евангельской проповеди. Он как бы говорит: прежде, словно с первых дней Церкви, когда Христос начал собирать для Себя определенный народ.

Избрал из нас меня. Слово «избрал» означает здесь «постановил» или «определил». Хотя Петр одновременно имеет в виду и незаслуженное избрание Божие, и тот декрет, коим Он принял в свой народ язычников. Итак: Бог избрал – то есть, словно совершив выбор, дабы явить в язычниках образец благодатного усыновления, восхотел, – чтобы язычники услышали из моих уст Евангелие. Фраза «среди нас» означает то же, что и «перед нашим взором» или «при нашем свидетельстве». Петр подразумевает: он говорит лишь то, что хорошо им известно, что совершилось у них на глазах. Выражение весьма употребительное как у греков, так и у евреев. Хотя можно вместе с другими перевести и так: избрал меня из нашей среды.

И уверовали. Это – печать, подтвердившая призвание язычников. Учительское служение возложено на Петра божественным откровением. Но плод, истекающий из учения, облагораживает служение и делает его аутентичным. Поскольку избранные просвещаются к вере особой благодатью Духа, у учения не будет успеха, если Господь не явит Свою силу в служителях, изнутри уча разум слышащих и внутренне привлекая их сердца. Значит, Бог, приказав принести язычникам евангельское учение, тем самым посвятил их Себе, не позволяя оставаться мирскими. Но лишь тогда это посвящение станет совершенным, если Бог в их сердцах верою запечатлеет знак усыновления.

Следующее за тем предложение надо понимать как поясняющее. Ибо Петр соединяет с верой упомянутую им видимую благодать Духа. Так что она не что иное, как Его восполнение. Значит, из того, что язычники привились к народу Божию без обрезания и обрядов, Петр делает вывод: неправомерно возлагать на них необходимость соблюдения закона. Но кажется, что снисхождение на язычников Святого Духа ненадежно свидетельствует об избрании. Ведь имелись такие дары Духа, из которых нельзя было заключать о благочестии их получивших. И только дух возрождения отделяет детей Божиих от всех прочих. Отвечаю: хотя дар языков и ему подобные посылались также мирским людям, Петр считает общепринятым: в Корнилии и его родственниках Бог запечатлел благодатное усыновление видимой благодатью Духа, как бы пальцем показав на них, как на Своих детей.

Сердцеведец. Этот эпитет Петр присваивает Богу, сообразуясь с тогдашними обстоятельствами. В нем имеется скрытый антитезис: люди больше привержены внешней чистоте, поскольку судят грубым и земным чувством. Бог же смотрит на сердце. Значит, Петр учит, что плохо судить об этом деле человеческим разумом. Ведь здесь надо принять во внимание внутреннюю чистоту сердца, от нас совершенно сокрытую. Таким образом, Петр обуздывает нашу дерзость, дабы мы не противились суждению Бога, присваивая себя больше положенного. Он как бы говорит: если не разумеешь причину сказанного Богом, подумай о разнице между Им и тобой. Ведь ты из-за своей неотесанной природы привязываешься к внешнему блеску, исчезающему, когда дело доходит до небесного судилища, духовного, судящего о сердцах. Кроме того, следует держаться общего учения: очи Господни взирают не на обманчивую видимость дел, а на целомудрие сердца, как сказано в пятой главе пророка Иеремии (ст.3). Древний переводчик и Эразм переводят: Бог знает сердца.

Но они недостаточно выражают сказанное по-гречески Лукою. Ведь, называя Бога *καρδιογνώστην*, он противопоставляет Его людям, судящим преимущественно по внешнему виду. Посему по сравнению с Богом их можно назвать *προσωπογνώται*.

9) *И не положил никакого различия.* Различие состояло в том, что язычники, будучи необрезанными, внешне были приняты в завет вечной жизни. В то время как иудеев к вере приготавливало обрезание. Но Петр имеет в виду, что и тех, и других Бог привлек к надежде того же самого наследия, и вознес на одинаковую ступень почета, дабы стать детьми Божиими, членами тела Христова, святым семенем Авраама, священническим и царским родом. Отсюда следует: богохульно считать нечистыми тех, кого Бог избрал Себе для Своего стада и посвятил в священные сосуды Собственного храма. Ведь по разрушении разделявшей их преграды Он соединил язычников с иудеями, дабы они слились в едином теле. Бог, так сказать, смешал обрезание с необрезанием, дабы и домочадцы, и внешние стали одним во Христе, образуя единую Церковь, и не было больше ни иудея, ни эллина.

Верою очистив. Это соответствует эпитету, выше присвоенному Богу. Петр как бы говорит: Бог, познавая сердца, внутренне очистил язычников, удостоив их Своего усыновления и наделив духовной чистотою. Однако он добавляет: эта чистота заключается в вере. Итак, Петр, во-первых, учит: язычники и без обрядов закона обладают истинной чистотою, достаточной перед божественным судом. Во-вторых, он учит, что эта чистота достигается верою и из нее проистекает. Павел таким же образом выводит, что необрезание не мешает человеку считаться праведным и святым перед Богом. Поскольку в лице Авраама обрезание последовало оправданию и по времени шло вторым. Однако здесь возникает вопрос: отличалась ли чистота отцов от той, которую Бог ныне ниспосылает язычникам? Кажется, то Петр четко отличает этим признаком иудеев от язычников. Последние, довольствуясь чистотой сердца, не нуждаются в помощи закона. Отвечая: одни отличаются от других не по сути, а лишь по внешней форме. Бог всегда уважал чистоту сердца. И обряды древнему народу давались лишь с целью помочь его вере. Таким образом, чистота, касающаяся образов и упражнений, была внешней вплоть до пришествия Христова, и ныне ей нет среди нас места. Подобно тому, как с начала мира до его конца остается один и тот же истинный божественный культ, а именно – духовный. Однако касательно внешней формы имеется значительное различие.

Теперь мы видим: праведность отцов зависела не от обрядов, не из-за обрядов они были чистыми перед Богом, а из-за чистоты сердца. Ведь обряды сами по себе никак не влияли на их оправдание. Они были лишь вспомоществованиями, очищающими, как говорят, привходящим образом. Однако так, что истина древних была одинаковой с нами. Пришествие же Христово упразднило все привходящее. Следовательно, по исчезновении теней осталась одна голая и простая чистота сердца. Таким образом, просто решается вопрос, который иудеи считали неразрешимым. Означает ли обрезание вечный или временный завет? Итак, иудеи отрицают, что оно подлежит упразднению. Если же кто возразит, что это относится не к видимому символу, но скорее к самой означаемой им вещи, ответ готов. Однако решение не такое, о котором говорилось раньше. Поскольку Царство Христово было неким обновлением мира, нет ничего глупого в том, что оно положило конец всем теням закона. Ведь постоянство закона было основано на Христе.

Теперь перейдем ко второй части, где Петр относит чистоту язычников к вере. Почему он не говорит, что она состоит в увеличении добродетелей или в святости жизни, если не потому, что праведность приходит к людям не от этого источника? Ведь, если бы люди обретали праведность правильно и праведно живя, или были бы чисты перед Богом по природе, пало бы утверждение Петрово. Итак, этими словами Дух ясно вещает, что весь человеческий род осквернен и испачкан грязью. И, во-вторых, что эту грязь можно стереть только через благодать Христову. Поскольку вера – это средство незаслуженной поддержки со стороны Бога, она противопоставляется как общей для всех природе, так и собственным заслугам каждого. Говоря, что весь человеческий род осуждается за осквернение, я имею в виду, что мы от чрева матери обладаем только скверной, и нет в нашей природе никакой правоты, делающей нас угодными Богу. При сотворении человеческая душа была наделена превосходными дарами, но после греха все ее части поверглись пороку, так что не осталось даже капли праведности. Следовательно, чистоту надо искать вне нас самих. Если же кто возразит, что ее можно обрести заслугами дел, то нет ничего глупее, чем присваивать извращенной природе способность обретать заслуги. Итак, остается, чтобы люди искали вовне то, что никогда не найдут внутри самих себя. Действительно, служение веры в том, чтобы передать нам принадлежащее Христу, сделав его нашим по незаслуженному вменению.

Итак, между верой и благодатью Христовой имеется взаимосвязь. Ибо вера очищает нас не как добродетель или качество, внедренное в душу, а постольку, поскольку она принимает обретенную во Христе чистоту. Следует отметить выражение, что именно Бог очистил наши сердца. Этими словами Лука делает Бога автором веры и учит, что очищение является Его благодеянием. В итоге, он хочет сказать: по благодати Божией людям даруется то, что они сами не могут себе дать. Однако, имея в виду сказанное, что вера заимствует от Христа передаваемое нам, следует рассмотреть вопрос: как очищает благодать Христова, делая нас угодными Богу? Здесь имеется двоякий способ очищения: Христос, ежедневно изничтожая наши грехи, которые однажды изгладил Своей кровью, представляет нас Отчему взору чистыми и праведными. Кроме того, умерщвляя похоти плоти, Своим Духом Он обновляет нас к святости. Охотно соглашусь, что в этих словах

разумеется и то, и другое. Ведь Лука говорит не только об образе очищения, но и учит, что его совершенство достигается без законнических обрядов.

10) *Что же вы ныне искушаете Бога.* Вторая часть речи Петра, в которой он показывает, сколь погибельно учение, вводимое врагами Павла. А именно: оно ввергает в отчаяние все благочестивые души. Из сказанного он делает вывод, что вынуждающие язычников к соблюдению закона искушают Бога. Однако, идя дальше, Петр доходит до самой главной причины всего вышеизложенного. До сих пор он рассуждал о том, что язычникам причиняют несправедливость, требуя от них больше, чем хочет Бог. Поскольку Он приравнял их к Своему святому народу и удостоил чести усыновления, недостойно и несправедливо их отвергать, ограничивая таким образом Божию щедрость. Итак, для них достаточно одной веры, даже без обрядов. Теперь Петр выдвигает более высокий принцип: привязывающие человеческое спасение к делам закона не оставляют людям никакой доброй надежды. Скорее, если спасение можно достичь только соблюдением закона, весь мир окажется ввергнутым в жуткую погибель. Какими доводами доказывает это Петр, мы вскоре увидим. Что касается слов, то, поскольку Писание говорит, что Бога искушают разными способами, Петр имеет в виду следующее: Бога как бы намеренно провоцируют, возлагая на людей большее бремя, чем им следует нести. И силу Божию ограничивают, подводя их под ярмо, снятое с них Богом. А это не что иное, как, борясь с природой, как говорится, подражать древним гигантам.

Возложить на выи. Смысл слов простой: обременять совесть больше, чем она может вынести, значит – искушать Бога. Таким способом наносится тяжкий вред спасению душ. Ведь в этом случае души неизбежно впадут в отчаяние, за которым обязательно последует погибель. Но также нетерпимо и оскорбление, наносимое здесь Богу. У Него похищают власть и лишают свободы в деле нашего избавления. Кроме того, из контекста легко вывести, что Петр говорит не об одних лишь обрядах. Признаю, что рабство древнего детоводительства было тяжким и утомительным. Но было бы весьма глупо называть его бремя невыносимым. Мы знаем, что внешние обряды в точности соблюдают не только святые, но и многие лицемеры. Больше того, не было бы столь трудно исполнить нравственный закон, если бы он, довольствуясь телесным послушанием, не требовал и духовной праведности. Многим дано обуздывать свои руки и ноги. Но так управлять всеми чувствами, чтобы и в душе, и в теле царил совершенное воздержание и чистота, людям чрезвычайно затруднительно. Посему смешны те, кто ограничивает слова Петра обрядами. Ведь ими выражается бессилие людей вызывать праведность сердца. Оно не только превосходит их силы, но и полностью противно их природе.

Видящих же здесь одни обряды обмануло одно обстоятельство. Ведь вопрос был поднят тогда только о церемониях закона. Однако им не пришло в голову, что Петр внимательнее и мудрее рассмотрел то, в какой лабиринт затягивает верующих незначительная с виду ошибка. Лжеапостолы отрицали, что кто-либо может достичь спасения, если не соблюдает обряды. Но, если людское спасение привязывается к делам, оно больше не основано на благодати Христовой. Таким образом, незаслуженное примирение упраздняется. Поскольку же у людей нет сил исполнить закон, всех ожидает проклятие, возвещенное Богом преступникам закона. Таким образом, все люди впадут в отчаяние, видя, что закон делает их повинными вечной смерти. Возможно, лжеапостолы хитро об этом умалчивали. Но Петр доходит до самого источника, открывая для всех смертельный яд этого учения.

Так следует поступать и нам всякий раз, как сатана косвенно навязывает нечестивые заблуждения. Сегодня мы кажемся некоторым чрезмерными спорщиками, когда так сильно настаиваем, что не следует молиться за умерших. Ведь этот обычай – древнейший, и, кажется, не несет в себе большой опасности, хотя бы молитвы и были напрасны. Больше того, эта догма весьма приятна на вид, ибо предлогом ее является человеческое благочестие. Так думают неопытные люди, не добивающиеся до самого источника. Ведь если мы допустим, что надо молиться за умерших, одновременно следует принять и то, что ныне суд Божий избавляет людей от наказания за грехи, за которые в земной жизни не было принесено удовлетворения. Однако, таким образом, сила умиловления, совершенного Христом, будет перенесена на человеческие дела. Затем, если людям будет позволено молиться без удостоверения божественного Слова, извратится истинное молитвенное правило. А это уже совершенно нетерпимая глупость. В итоге, по этому вопросу можно вынести правильное суждение только тогда, когда, проникнув до самого источника, мы выведем все следствия, вытекающие из обсуждаемой догмы. Посему не удивительно, если Петр, дабы вытащить лжеапостолов на свет, рассуждает вообще обо всем законе. По сути, он открывает здесь лишь то, что было сокрыто от простаков. Они должны увидеть, сколь губительно учение, угасающее благодать Христову и погружающее души в ужасную пучину отчаяния.

Ни отцы наши, ни мы. Петр рассуждает не только о том, что люди сделали на самом деле, но и о том, что они могли сделать. И говорит не только о толпе, но и о святых отцах. Отрицая, что даже они могли нести бремя закона, он ясно показывает, что закон просто невозможно соблюдать. Знаю, что повсеместно как несомненная аксиома принимаются слова Иеронима: если кто скажет, что соблюдать закон невозможно, да будет анафема. Однако не следует слушать никаких человеческих слов, противящихся мнению Святого Духа. Мы видим, что именно возвещает Дух устами Петра, причем не о воле и делах людей, но об их способностях и силе. С этим соглашается и Павел, утверждая, что закону невозможно было даровать нам жизнь,

поскольку его ослабила наша плоть. Действительно, если кто-то мог бы исполнить закон, он обнаружил бы в нем обещанную жизнь. Но поскольку Павел отрицает, что в законе можно найти жизнь, отсюда следует, что требуется какая-то более возвышенная праведность, чем та, которую могут выказать люди. Признаю, что Иероним приписывал способность исполнить закон не полностью силам природы, но частично и божественной благодати. Так впоследствии он истолковывает самого себя, говоря, что способным исполнить закон он назвал верующего, укрепленного благодатью Духа. Однако даже эта оговорка не является истинной. Ведь если мы исследуем силы нашей природы, то обнаружим: люди не только не способны нести бремя закона, но не могут пошевелить даже пальцем для исполнения малейшей его части. Действительно, если истинно то, что все человеческие помышления порочны с детства, то все плотские помыслы будут враждебными Богу, и нет никого, кто Его бы взыскал. В Писании часто встречаются места, поддерживающие это мнение. Особенно слова, сказанные Павлом в 3 главе Послания к Римлянам (ст.11). Из них следует: способность человека не только слаба и ущербна в отношении исполнения закона, но и просто никакая даже в отношении начатков исполнения.

Итак, установлено: даже верующие, возрожденные Духом Божиим и стремящиеся к праведности закона, исполняют его не полностью, а лишь наполовину, и даже меньше половины. Ведь Петр говорит не об Эпикуре, не о мирских людях, но об Аврааме, Моисее и прочих святых отцах, обо всех самых совершеннейших, сколько бы их ни жило в этом мире. Однако Петр зовет их падающими под бременем закона, ибо последнее превосходило их силы.

Совершенно одиозно заявлять, что Духу Божию наносится оскорбление, если Его благодати и помощи отказывают в способности исполнить закон. Но решение готово. Мы говорим не о том, на что вообще способна благодать Духа, но о том, на что способна та мера благодати, которую Бог уделяет в этой жизни Своим людям. Всегда надлежит помнить о том, что именно обещает сделать Бог, а не дерзко рассуждать: может ли произойти то, что по Его свидетельству никогда не произойдет, и чему Он не желает бытия. Бог обещает верующим благодать и помощь Духа, дабы те противились похотям плоти и их покоряли. Но не для того, чтобы верующие бежали с такой быстротой, с какой приказывает бежать закон. Бог хочет, чтобы верующие всю жизнь были обязаны Ему, чтобы они постоянно прибегали к Нему за прощением. Если же не подобает отделять совет Божий и предписанный Им порядок от Его же силы, то глупо и смешно то, в чем нас пытаются обвинить противники: будто мы приуменьшаем божественную силу. Скорее они сами пытаются изменить Бога, заявляя, что способен измениться Его совет.

Некогда такую же клевету возводили на Августина пелагиане. Ответ его был таков: если даже возможно исполнить закон, ему достаточно и того, что никто никогда закон не исполнил, и по свидетельству Писания не исполнит до конца света. Таким образом, Августин выпутался из их хитросплетений и уловок. Однако у него не было причины для сомнений, и он мог бы охотно согласиться на то, что под водительством Святого Духа закон может быть исполнен. Ведь благодать Духа ограничивается лишь для того, чтобы согласовываться с божественными обетованиями.

Далее, мы уже показывали, что именно обещают эти обетования. Действительно, никто не спорит о том, может ли Бог, если захочет сделать людей совершенными. Но нечестиво безумствует всякий, отделяющий Его силу от замысла, о котором ясно свидетельствует Писание. Оно сотню раз объявляет о том, что именно хочет Бог и что постановил совершить. Идти же дальше – великое богохульство. Иеронима обрушить на Петра и Павла свою анафему подтолкнул философский аргумент: законы должны приспособливаться к способностям своих исполнителей. Признаю, что этот принцип выполняется для человеческих законов, но отрицаю, что он применим к закону Божию, который, требуя от всех праведности, смотрит не на способности человека, а на то, что он должен делать.

Хотя здесь возникает сложный вопрос: разве закон был дан не для того, чтобы понуждать людей повиноваться Богу? Но это было бы напрасным, если бы Дух Божий не направлял верующих к его соблюдению. Кажется, что торжественное свидетельство Моисея рассеивает на этот счет все сомнения. Он говорит, что дал иудеям заповеди не для чтения, но для исполнения делами (Втор.30:12). Отсюда мы выводим: при установлении закона на иудеев возложили ярмо, подчинявшее их Богу и не позволявшее жить по своей прихоти. Отвечаю: закон двояким образом может считаться ярмом. Поскольку он обуздывает похоти плоти и дает правило благочестивой жизни, детям Божиим надлежит наклонять свои выи под это ярмо. Но постольку, поскольку он строго предписывает обязанности перед Богом, обещает жизнь лишь при условии совершенного подчинения, и, наоборот, объявляет проклятие всем как-либо отклоняющимся от него, он является невыносимым бременем.

Скажу проще, чем Павел. Простое учение правильной жизни, посредством которого Бог приглашает нас к Себе, есть то ярмо, которому нам всем надлежит добровольно покориться. Ибо нет ничего глупее, чем утверждать, что Бог не руководит человеческой жизнью. Что люди могут без узды ходить там, где им вздумается. Итак, ни в коем случае не следует отказываться от ярма закона, если имеется в виду его простое учение. Но приведенное мнение определяет закон по-иному: исполнивший это, будет этим жить. А также: проклят всякий не пребывающий во всем написанном. Так что закон начинает быть невыносимым бременем.

Доколе спасение обещается лишь за совершенное соблюдение закона, и на суд призывается любое нарушение, у человеческого рода нет никакой надежды.

По этой причине Петр утверждает, что человеческая гордыня, возлагая на совесть бремя закона, тем самым искушает Бога. Он не отрицает, что людьми должно управлять учение закона и соглашается, что они находятся под его ярмом. Но поскольку обязанность закона не просто учить, но и смирать людей, делая их повинными вечной смерти, Петр, имея в виду это свойство учения, показывает: души благочестивых не следуют связывать уздой закона. Ведь таким образом они с необходимостью канут в вечную погибель. Кроме того, там, где имеется не только управляющая нами благодать Святого Духа, но и незаслуженное отпущение грехов, избавляющее нас от проклятия закона, исполняется также речение Моисея: заповедь эта не выше нас. Тогда мы также чувствуем, сколь сладко иго Христово и легко Его бремя. Мы знаем: по милости Божией нам отпущено то, что положено из-за немощи плоти. И тогда мы окрыленно и без уныния принимаем то, что Он нам заповедует. Посему, если ослаблена суровость закона, учение его станет не только терпимым, но и приятным. И не надо будет стягивать с себя ласково правящую нами узду. Узду, понуждающую нас не суровее, чем это для нас полезно.

11) *Благодатию Господа Иисуса Христа.* Петр считает эти вещи взаимно противоположными: надеяться на спасение по благодати Христовой, и находиться под игом закона. Это сравнение в высшей степени иллюстрирует нам оправдание во Христе. Из него мы выводим: верою оправдываются те, кто, будучи свободен от ярма закона, ищет спасение в Христовой благодати. Ранее было сказано, что иго закона соткано из двух веревок. Первая такова: кто сделает сие, будет этим жить. А вторая: проклят всякий, не пребывающий во всех заповедях. Теперь вернемся к противоположному утверждению. Если мы обретаем спасение по благодати Христовой лишь по устранению ярма закона, отсюда следует, что и спасение не состоит в соблюдении закона, и что не подвержен проклятию закона всякий, верующий во Христа. Ведь, если благодатью мог бы спасти тот, кто все еще находится под законническим игом, рассуждение Петра стало бы бессмысленным. Очевидно, что оно целиком строится на противопоставлении и несет такой смысл: мы надеемся на спасение по благодати Христовой, следовательно, мы не состоим под ярмом закона. Если бы не было противоборства между благодатью Христовой и этим ярмом, речь Петра стала бы никчемной. Посему необходимо отойти от праведности закона всем, надеющимся обрести жизнь во Христе. Ибо противоположность касается не учения, но причины оправдания.

Так опровергается измышление тех, кто следующим образом истолковывает оправдание благодатью Христовой. Якобы Христос, возрождая нас Своим Духом, дает нам силы для исполнения закона. Те, кто думает таким образом, хотя, кажется, и ослабляют немного законническую узду, все же продолжают связывать души обеими ее веревками. Ибо всегда пребудет обетование: сделавший сие, будет этим жить. С другой стороны проклятие подстерегает всех, неточно исполняющих требования закона. Посему совсем иначе, не так, как они, надо определить благодать Христову, на которую опирается спасительная вера. А именно: примирение должно быть незаслуженным, обретенным жертвою Христовой смерти, или же, что то же самое: должно иметься незаслуженное отпущение грехов, которое, умиливляя Бога, делает Его из врага, или сурового неумолимого Судьи, милостивым Отцом. Признаю, что благодать Христова возрождает нас в обновленную жизнь. Но там, где идет речь об уповании на спасение, на ум должно приходиться одно незаслуженное усыновление, соединенное с прощением и отпущением грехов. Ведь если начать учитывать дела, дабы они хотя бы отчасти делали нас праведными, иго закона останется неразорванным. А значит, падет или разрушится приведенный Петром антитезис.

Как и они. Здесь Петр свидетельствует: хотя на отцов, касательно внешнего вида, и было возложено иго закона, их совесть оставалась свободной и разрешенной. Этим устраняется глупость, которая могла бы немало смутить благочестивые умы. Поскольку завет жизни вечен и неизменен, завет, который Бог заключил со Своими рабами от начала и до конца мира, было бы глупым и нетерпимым, если бы сегодня спасение обреталось на иных основаниях, чем во времена отцов. Итак, Петр утверждает, что у нас с отцами имеется наилучшее согласие. Ведь они не менее, чем мы основывали спасительную надежду на Христовой благодати. Таким образом, примиряя закон с Евангелием, касательно цели учения, Петр устраняет преткновение, которое иудеи измыслили себе, ссылаясь на их мнимое разногласие. Отсюда явствует: отцам не был дан закон, из которого они должны искать спасение. Им не были даны обряды, соблюдение которых приносило бы им праведность. Цель всего закона состояла единственно в том, чтобы, отвергнув упование на дела, они возложили все надежды на благодать Христову. Этим ясно опровергается заблуждение тех, кто думает, что древний народ, довольствуясь земными благами, ничего не помышлял о небесной жизни. Однако Петр делает отцов причастниками одной с нами веры и приписывает им и нам общее спасение. И все же имеются люди, которым нравится фанатик Сервет со своими гнусными богохульствами. Кроме того, следует отметить: вера древних всегда была основана на Христе, поскольку нигде, кроме Него, нельзя обрести жизнь, и у людей нет иного основания для прихода к Богу. Итак, данное место согласуется с речением апостола: Христос вчера, сегодня и вовеки Тот же (Евр.13:8).

12. Тогда умолкло все собрание и слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников. 13. После же того, как они умолкли, начал речь Иаков и сказал: му-

жи братия! послушайте меня. 14. Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое. 15. И с сим согласны слова пророков, как написано: 16. Потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю ее, 17. чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий все сие. 18. Ведомы Богу от вечности все дела Его.

(12. Тогда умолкло все собрание и слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников. 13. После же того, как они умолкли, отвечал Иаков, говоря: мужи братия! Послушайте меня. 14. Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел, чтобы составить из язычников народ во имя Свое. 15. И с сим согласны слова пророков, как написано: 16. Потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и воздвигну ее, 17. чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, на которых призвано имя Мое, говорит Господь, творящий все сие. 18. Ведомы от вечности все дела Его.)

12) Умолкло все собрание. Лука хочет сказать: Дух Божий настолько воцарился в их собрании, что все согласились с аргументами Петра. Прежде между ними кипел спор, теперь же, когда Петр изложил замысел Божий и рассмотрел вопрос согласно учению Писания по усмирении всякого ропота, те, кто ранее необдуманно защищал заблуждение, успокоились и замолчали. Вот живой образец законного собора, где одна лишь божественная истина разом оканчивает все споры, как только выходит на свет. Действительно, она вполне действенна для устранения всех разногласий там, где правит Святой Дух. Ведь и Он в свою очередь хороший правитель, управляющий языками тех, кто должен руководить другими, и одновременно понуждающий к повиновению прочих, дабы они не были слишком привержены себе, но, отложив в сторону упорство, выказали послушание Богу. Нет сомнения, что и тогда имелись немногие несговорчивые, как обычно происходит в большом собрании. Однако преобладала истина Божия, и молчание, упомянутое Лукой, служило наглядным свидетельством общего согласия. Причем Петр проявил тогда весьма редкую скромность. Позволив каждому высказать все, что тот считал нужным, он откладывал собственное суждение, дабы не навязывать его другим, и откладывал до тех пор, пока вопрос не был разобран со всех сторон.

Слушало Варнаву и Павла. Из этих слов можно вывести, что раньше их не выслушивали в таком молчании. Поскольку большинство убежденно считало, будто они неправильно допустили в Церковь мирских язычников, и все, что бы они ни сказали, не исправив предварительно ложное мнение слушателей, встретило бы необъективное восприятие, но было бы истолковано в дурном смысле. Мы видим, сколь опасно ни на чем не основанное отчуждение, которое настолько овладевает умами людей, что полностью закрывает к ним доступ истине. Отсюда мы узнаем, как верно было сказано (Тит.1:15): все чисто для чистых. Ибо нет ничего спасительного, что порочные чувства не обратили бы во зло. Кроме того, рассказ Варнавы и Павла нацелен еще и на то, чтобы доказать божественное одобрение их апостольства среди язычников. Ведь его, словно небесные печати, подтвердили многочисленные чудеса.

13) *Начал речь Иаков.* Многие из древних церковных писателей считают этого Иакова одним из учеников по имени Иуст и Облия, о недостойном убийстве которого упоминает Иосиф в 20-й книге Древностей. О, если бы древние больше старались узнать конкретного человека, нежели воспевать баснословными похвалами святость человека неизвестного! Детская выдумка – то, что о нем говорят. Будто ему одному подобало входить во святая святых. Ведь, если в этом входе и имелось какое-то благочестие, входящий, не будучи первосвященником, нарушил бы божественный закон. Затем, суеверно потакать таким образом культу храма, служившему лишь тенью и прообразом. Не говорю уже о прочих подобных рассказах. Но сильно заблуждаются те, кто отрицает, что Иаков – один из двенадцати апостолов. Они вынуждены признать: Иаков – именно тот человек, которому Павел воздает такую честь, что приписывает первое место среди столпов Церкви. Гал.2:9. Действительно, никто не выделялся бы так над всеми апостолами, если бы был ниже их по рангу. И Павел наделяет его титулом апостола. Недостойно слушать то, о чем говорит Иероним: якобы звание апостола было тогда повсеместным. Ведь о достоинстве апостольского сословия ясно говорит хотя бы то, что Христос поставил апостолов над всеми учителями Церкви. К тому же, из данного места можно заключить, что Иакова весьма ценили. Он так подтверждает слова Петра своим согласием, что все принимают его мнение. Ниже в главе 21-й мы снова увидим, что значил в Иерусалиме его авторитет. Древние думали, будто это связано с тем, что он был епископом этого города. Однако не вероятно, чтобы верующие по своему суждению изменили порядок, установленный Христом. Посему не сомневаюсь, что это был сын Алфея и родственник Христа. В этом смысле он также зовется Его братом. Я не буду решать вопрос, был ли Иаков епископом Иерусалима. Это мало относится к делу, разве что опровергает бесстыдство папы. Ведь постановление собора основано больше на авторитете Иакова, чем Петра. И Евсевий в начале второй книги без сомнения зовет Иакова епископом апостолов, кем бы он на самом деле ни был. Теперь же пусть выступают вперед папа и все ромефины и станут говорить о своем главе вселенской Церкви, ссылаясь на его преемство Петру. Ведь Петр, если верить Евсевию, позволил, чтобы над ним начальствовал другой.

13,14) *Мужжи братия!* Речь Иакова состоит из двух главных частей. Во-первых, он подтверждает призвание язычников свидетельством пророка Амоса. Затем учит, что действительно полезно для возвращения среди верующих мира и согласия. Однако же так, чтобы свобода язычников оставалась нетронутой, и не затемнялась

благодать Христова. То, что Петр назван здесь Симоном, возможно, связано с тем, что его имя произносилось тогда по-разному. Говоря же, что Бог призрел собрать из язычников Свой народ, Иаков относит это к Божией милосердию, коим Он соизволил принять в Свою семью чужаков. Речь его тяжеловесна, но содержит полезное учение. Он делает Бога автором призвания язычников, и, говоря об их восприятии, объявляет милостью Божией, что язычники стали числиться среди Его народа. Но Иаков идет дальше, говоря, что Бог призрел их воспринять. Смысл таков: во время, когда язычники были отвращены от Бога, Он уже милостиво на них смотрел. Ведь мы можем лишь отходить от Бога все дальше, доколе нас не предупредит Его отеческое внимание.

Во имя Свое. Древний переводчик дает иную версию: для имени Своего. Но она значит, по сути, то же самое. Хотя предлог *ἐπὶ* можно перевести иначе. А именно: ради имени Своего, или – для имени Своего. Вполне подходит и такой смысл: спасение язычников основано на имени Божиим и Его силе. И: у Бога не было иного намерения в призвании язычников, кроме Собственной славы. Но я сохранил более распространенный перевод. А именно: причисляя язычников к Своему народу, Бог восхотел назвать их Собственным именем. Как и немного ниже будет сказано, что имя Его призывается на всех, кого Он собирает в Свою Церковь.

Наречие времени *πρώτον* можно истолковать двояким образом. Если прочесть «в начале», как гласят древние переводчики и Эразм, смысл таков: Корнилий и другие были словно начатками, с которых началось призвание Богом язычников. Но наречие это можно понять и в сравнительном смысле. В Корнилии и его родственниках был явлен образец усыновления язычников еще прежде, чем Варнава и Павел возвестили им Евангелие. И этот последний смысл нравится мне больше.

15) *И с сим согласны слова пророков.* Мы видим, что апостолы ничего не заявляли о своей прихоти, но почтительно следовали предписанному в Слове Божиим. Они не тяготились и не считали принижением своего достоинства признавать себя учениками Писания. Отсюда можно заключить, что ныне еще законно использовать пророческое учение, которое некие безумцы желают изгнать из Церкви. Иаков говорит о пророках во множественном числе, но приводит лишь одно свидетельство. Тем самым он хочет сказать: между ними имеется такое согласие, что сказанное одним является общим учением всех. Ведь все они говорят едиными устами, каждый как бы от лица всех, или скорее Дух Божий вещает во всех них. Добавь к этому, что изречения всех пророков были собраны в единую книгу, составляя одно целое. Посему пророкам в целом можно заслуженно приписывать то, что взято из какой-либо части их общей книги.

16) *Потом обращаюсь.* Поскольку место не цитируется дословно, как оно звучит у пророка, посмотрим, в чем имеются отличия. Хотя нет необходимости с пристрастием исследовать различие в словах, лишь бы было ясно: пророчество хорошо подходило текущему моменту. Бог, обещав восстановление скинии Давида, добавил, что даст иудеям овладеть остатками Едома. Во всем контексте не видно ничего, из чего можно было вывести призвание язычников. Но сразу же после у пророка идут слова об остатках язычников, на которых будет призываться имя Господне. Так пророк ясно показывает, что из иудеев и язычников составит одна Церковь. Ведь то, что тогда принадлежало одним иудеям, будет без различия дано всем. Бог дает язычникам одинаковую честь с иудеями, желая, чтобы на них призывалось Его имя. Некогда во времена Давида иудеи и прочие соседние народы подчинялись иудеям. Но, будучи данниками для народа Божия, они, тем не менее, оставались чужды Церкви. Итак, новым и необычным было то, что Бог причисляет их к Своему святому народу, дабы называться Богом и тех, и других. Ведь из этого ясно видно, что все наделены одинаковой честью.

Отсюда сразу понятно, сколь хорошо пророческое свидетельство подходило к текущему делу. Бог обещал восстановление разрушенной скинии Давида, в которой язычники будут покоряться его царству. Причем не только, чтобы платить дань или идти на войну по приказу царя, но и чтобы иметь общего Бога, будучи единой Его семьей.

Однако можно поставить вопрос, почему Иаков процитировал именно это пророчество, а не множество других, более ясно доказывающих рассматриваемое дело. Ведь Павел цитирует много такого рода пророчеств. Отвечаю: во-первых, апостолы не были мнительными в собирании библейских отрывков, но стремились лишь к тому, чтобы было для них достаточно, а именно: доказать, что их учение взято из Слова Божия. Затем, это пророчество Амоса более наглядно, чем обычно думают. Там идет речь о восстановлении разрушенного дома. Пророк описывает его плачевную гибель. Значит, сразу же следующее обетование о том, что будет воздвигнут престол, с которого цари из потомков Давида станут править язычниками, в собственном смысле относится ко Христу. Итак, по воздвижении царства Христова с необходимостью следует сказанное пророком: на язычников станет призываться божественное имя. В итоге, мы видим: Иаков обдуманно приводит данное место Амоса. Ведь если Царство Христово нельзя воздвигнуть иначе, чем призывая имя Божие на весь мир и собирая язычников в Его святой народ, глупо лишать их надежды на спасение. Значит, стене, во времена закона отделявшей одних от других, теперь надлежит пасть. Ибо эту цель наряду с другими преследовали древние обряды – отделить святой народ Божий от мирских язычников. Теперь же по устранивании различия надлежит упразднить и сами обряды. Первое слово – «обращаюсь» не содержится в тексте пророка. Однако оно наилучшим образом выражает перемену положения язычников.

Скинию Давидову надую. Не без причины пророк выставляет перед нашим взором безобразное опустошение и падение царского дома. Если бы благочестивые не убедились в том, что по уничтожении Давидова царства еще предстоит придти Христу, не только собирающемуся восстановить погубленное к прежнему порядку, но и несравненным успехом вознести до небес славу его царства, они сотню раз впали бы в отчаяние. Возвращенные с вавилонского плена иудеи из-за постоянных бесчисленных военных поражений были близки к гибели. Затем их остаток постепенно истреблялся в результате внутренних раздоров. Больше того, когда Бог приходил им на помощь, вид вспоможения, подаваемый Им, давал иудеям повод для отчаяния. Ведь власть, присвоенная Маккавеями, была отнята ими у колена Иуды. По этой причине Дух Божий постоянно внушает через пророков: Христос придет не раньше, чем погибнет царство Давида, дабы верующие не отчаивались в спасении посреди тяжелейших скорбей. Так Исаия (11:1) возвещает, что из презренного и незнатного корня вдруг взойдет отрасль. Мы также помним: Бог, восстанавливая Свою Церковь, делает это таким образом, что как бы воздвигает ее из руин.

Кроме того, данное место учит: каково истинное и надлежащее воздвижение Церкви. А именно: оно имеет место тогда, когда воздвигается престол Давида и выделяется один Христос, дабы все покорились Его власти. И поскольку папа своей богохульной тиранией подавляет Церковь, он претендует только на ее титул. Больше того, для уничтожения здравого учения он прикрывается пустым титулом как маской. Однако, если дело дойдет до надлежащей проверки, легко будет опровергнуть столь грубую показуху. Ведь, отвергнув Христа, он один теперь обладает властью. На словах папа зовет себя наместником Христовым, но на деле, отправив Христа в красивую небесную ссылку, присваивает себе Его полномочия. Ибо Христос царствует не иначе, как в учении Своего Евангелия, которое этот проклятый идол нечестиво попирает ногами. Мы же будем помнить: в законном состоянии Церковь пребудет у нас тогда, когда мы, все до единого, станем повиноваться Христу, как верховному Царю, дабы было одно стадо и один Пастырь.

17) *Чтобы взыскали Господа прочие человеки.* С экзегетической целью Иаков добавляет слово «взыскали», не встречающееся у пророка. Однако оно вовсе не лишнее. Ведь, дабы мы числились в народе Божиим, и Бог признавал нас в таком качестве, нам надлежит воодушевленно Его искать. Вероятно, Лука лишь подводит итог тому, что Иаков говорил иудеям на их родном языке. Отсюда вышло так, что к пророческим словам было примешано истолкование. Вместо остатков язычников, о которых говорит Амос, Лука в греческом переводе, более понятном для всех, говорит об остатках человеков, но в том же самом смысле. А именно: для очищения мирской скверны должно последовать отсечение. Так и произошло на деле. И это учение относится также и к нашему веку. Поскольку порча мира не позволяет ему полностью подчиниться Христу, Бог различными скорбями просеивает сорняки и плевелы, дабы собрать лишь то, что окажется в остатке.

18) *Ведомы Богу от вечности.* Упреждение, направленное на предотвращение неприязни к новизне. Ибо неожиданная перемена могла бы вызвать подозрение. И на этом основании смутились бы немощные души. Так, Иаков упреждает эту опасность и учит: это дело вовсе не ново для Бога. Хотя все произошло неожиданно, против чаяния людей. Ведь Бог прежде создания мира предвидел, что собирается сделать. И призвание язычников было сокрыто в Его извечном совете. Отсюда следует: дела не стоит оценивать на основе людского мнения. Далее, Иаков имеет в виду слова пророка, заявляя, что Бог, собираясь все это сделать, был также автором и самого пророчества. Итак, смысл следующий: когда Бог вещает через пророка, Он несомненно от самой вечности предвидит, что ни необрезание, ни что-либо еще не будет помехой для язычников собраться в Его семью. Между тем, здесь присутствует общее увещание, дабы люди не мерили собственным разумом божественные дела, причина которых известна только Богу. Скорее они должны воскликнуть с изумлением: неисследимы пути Господни, и суды Его – глубочайшая бездна.

19. *Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, 20. а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе. 21. Ибо закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу.*

(19. *Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, 20. а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови. 21. Ибо Моисей от древних родов по всем городам имеет проповедующих его, когда читается в синагогах каждую субботу.*)

19) *Не затруднять.* Иаков отрицает, что разница в обрядах должна удерживать от Церкви язычников, допущенных туда Богом. Но кажется, что он противоречит самому себе, отрицая, что их следует затруднять, и все же предписывая определенные обряды. Решение просто, его я и собираюсь подробнее изложить. Во-первых, он не требует ничего, к чему не обязывало бы их братское согласие. Затем, эти заповеди не могли бы чем-то потревожить или смутить их совесть. Ведь они знали, что свободны перед Богом. И ложная извращенная религия, которую хотели ввести лжеапостолы, полностью устранена. Теперь спрашивается: почему Иаков предписывает язычникам только эти четыре вещи. Некоторые думают, что эти требования связаны с древним обычаем отцов. У них было обыкновение: без выполнения перечисленных условий не заключать союза с каким-либо народом, которого могли бы подчинить. Но поскольку никого нельзя указать автором данного обычая, считаю все сказанное сомнительным и неочевидным. Кроме того, имеется вероятная причина, по которой Иаков заповедал язычникам об идоложертвенном, крови, и удушении. Сами по

себе это были безразличные вещи. Но в отличие от прочих обрядов закона в них содержалось нечто особенное.

Мы знаем, сколь сурово Господь велит избегать все, противоречащее внешнему исповеданию веры, все, вызывающее какое-либо подозрение в идолопоклонстве. Значит, дабы на язычниках не лежало никакого пятна суеверия, дабы иудеи не видели в них ничего несогласного с чистым божественным культом, не удивительно, если ради избежания соблазнов, им велят воздерживаться от идоложертвенного. Слово, используемое Лукой, *ἀλλόγημα*, хотя и означает профанацию (поэтому я не изменил принятый перевод: «оскверненного»), иногда используется для обозначения жертв. И этот смысл вполне подходит намерению Иакова. Возможно, будет проще и ближе к смыслу автора так и переводить настоящее место. Ведь Лука, немного ниже повторяя тот же декрет, употребляет слово «идоложертвенное». Что касается крови и удушения, то поедание их запрещено не только иудеям Моисеевым законом, но и сразу после потопа возбранено всему миру. Отсюда вышло так, что все, не полностью выродившиеся люди, воздерживаются от крови. Я имею в виду не только иудеев, но и многих язычников. Признаю: и эта заповедь была временной, но дана она была не только одному народу. Итак, ничего удивительного, если отсюда могло возникнуть великое преткновение, которое апостол счел уместным заблаговременно предупредить.

Но в отношении блуда вопрос много сложнее. Кажется, что Иаков причислил его к безразличным делам, которых следует остерегаться только из-за соблазна. Но была и другая причина, по которой он поставил блуд в ряду недозволенных по природе поступков. Хорошо известно, сколь повсеместно распространилась разнузданная вседозволенность в отношении блуда. Эта болезнь особенно процветала у восточных, более склонных к похоти. Действительно, нигде еще супружеская верность и стыдливость не пользовались меньшим почетом. К тому же, на мой взгляд, здесь говорится не о каком угодно блуде, каким является прелюбодеяние и неукрошенная блуждающая похоть, публично оскверняющие и разрушающие всякое целомудрие. Думаю, что здесь имеется в виду так называемое сожительство, вошедшее у язычников в привычку и ставшее похожим на закон.

В том же, что Иаков причисляет повсеместное извращение к вещам, самим по себе не порочным, нет ничего абсурдного. Мы лишь должны знать: у него не было намерения поставить в один ряд совершенно разные поступки. Легко опровергнуть предлог, который нечистые люди пытаются почерпнуть отсюда для своего разврата. Иаков, – говорят они, – соединяет употребление крови с блудом. Однако, приравнивает ли он их друг к другу как схожие вещи? По крайней мере, как то, в чем нет никакой разницы? Ни в коем случае. Он лишь имеет в виду порочный и превратный человеческий обычай, отклонившийся от первоначального природного закона и порядка, установленного Богом. Что же касается божественного суда, то познание о нем следует искать в неизменном библейском учении. И вовсе не двусмысленно то, что возвещает Писание: блуд проклят в глазах Бога, посредством него оскверняется душа и тело человека, поругается священный храм Божий, терзается Христос. Сказано, что Бог ежедневно карает блудников и некогда явится для них суровым мстителем. Действительно, никакими прикрасами защитники блуда, какими бы талантливыми и плодовитыми ни были, не смогут прикрыть его гнусность, сурово осужденную Небесным Судьей.

21) *Ибо закон Моисеев.* На мой взгляд, это место было плохо истолковано. Ему по сути придают противоположный смысл. Толкователи думают, что Иаков добавил эту фразу, поскольку было излишним что-либо предписывать иудеям, знакомым с учением закона и слышавшим его каждую субботу. Они полагают, что смысл таков: будем довольствоваться этими немногими требованиями к язычникам, не привыкшим нести ярмо закона. Что же касается иудеев, то у них имеется Моисей, от которого пусть они и учатся. Некоторые также выводят из этого места, что иудеям и сегодня надо соблюдать обрезание со всеми вытекающими последствиями. Однако они рассуждают глупо, даже если приведенное толкование было бы верным. Но Иаков имел в виду совсем другое. Он учит: невозможно, чтобы так быстро, словно в один миг, упразднились все обряды. Ведь уже многие столетия иудеи следуют привычке исполнять закон, да и Моисей имеет своих глашатаев. Посему на короткое время надо пойти на уступки, доколе свобода, обретенная Христом, постепенно не прояснится для всего народа. То есть, как говорится в известной пословице: древние обряды надо похоронить, но с определенными почестями. Знатки греческого поймут, что последнюю фразу: «в синагогах каждую субботу читается ...» я изменил вполне обдуманно. И сделано это лишь для избежания какой-либо двусмысленности.

22. *Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, [именно]: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей начальствующих между братьями, 23. написав и вручив им следующее: «Апостолы и пресвитеры и братья – находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братьям из язычников: радоваться. 24. Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смущали вас [своими] речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезать и соблюдать закон, чего мы им не поручали, 25. то мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, 26. человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа. 27. Итак мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно. 28. Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего*

необходимого: 29. воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы.»

(22. Тогда Апостолам и пресвитерам со всею церковью показалось уместным, избранных из среды себя мужей, послать в Антиохию с Павлом и Варнавою, именно: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей начальствующих между братьями, 23. написав и вручив им письмо, такого содержания: «Апостолы и пресвитеры и братья – находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братьям из язычников: радоваться. 24. Поелику мы услышали, что некоторые, кому мы не поручали, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, 25. то мы, собравшиеся, единодушно рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, 26. человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа. 27. Итак мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно. 28. Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: 29. воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы.»

22) Тогда Апостолы. Не без особой благодати Божией успокоилось это волнение, и по рассмотрению дела все пришли в согласие с истинным учением. Отсюда можно делать вывод о скромности народа. Позволив апостолам и прочим учителям вынести решение, он и теперь подписывается под их декретом. Апостолы же в свою очередь явили образец справедливости, ничего не решив по поводу общего для всех благочестивых дела без согласия народа. Ведь именно из пастырской гордыни возникла тираническая практика: вопросы, относящиеся ко всей церкви, решать отдельно от народа, руководствуясь мнением и даже прихотью немногих личностей. Апостолы же и пресвитеры разумно сочли необходимым послать Иуду и Силу, дабы это дело не казалось подозрительным. Мы знаем, сколь сложно обуздать клевету нечестивых, удовлетворить чрезмерно осторожных, сдержать легковесных и неопытных, устранить заблуждения, угасить зависть, успокоить споры, развеять всякие слухи. Возможно, враги Павла и Варнавы сказали бы, что они путем лести исторгли от апостолов нужное им послание, или изобрели какую-нибудь новую клевету, приводя в смущение немощных и несведущих. Если же вместе с письмом посылаются начальствующие мужи, весомо рассуждающие обо всем деле, то устраняется всякое подозрение.

24) Некоторые, вышедшие от нас. Мы видим, что у святых нет никакого лицепрятия, всегда искажающего здравый и беспристрастный суд. Они признают, что эти болтуны вышли из их среды. Однако не потакают им, не стремятся выказать им благоволение или сокрыть их заблуждение. Напротив, охотно осуждая их, не щадят даже самих себя. Во-первых, святые стаскивают с них маску, употребленную для обмана других. Они заявляли, что выражают мнение апостолов. И апостолы обличают их в обманчивых и суетных намерениях. Они отрицают, что заповедали что-либо подобное. Затем, обвиняют их еще суровее и жестче в том, что обманщики смущают Церковь и души верующих. Так они делают мошенников ненавистными и презренными для всех благочестивых. Их нельзя принимать без опасности вечной гибели. Кроме того, лжеучителя потому зовутся смущающими души, что эти души назидает истина Божия. Таким образом, данная фраза содержит в себе общее учение: если мы не хотим добровольно ввергнуть в гибель наши души, дабы те перестали быть храмами Духа Святого, и не желаем их падения, следует тщательно остерегаться тех, кто уводит нас от чистого Евангелия. Сказанное же о соблюдении закона относится только к обрядам. Хотя всегда следует помнить: об обрядах говорится так, как если бы от них зависело спасение и праведность людей. Ибо лжеапостолы, веля их соблюдать, намекали на то, что закон может принести праведность, и спасение зависит от дел.

25,26) Возлюбленными нашими Варнавою и Павлом. Эту похвалу святые противопоставляют клевете, которой лжеапостолы пытались опорочить Варнаву и Павла. Во-первых, для устранения слуха о внутренних раздорах, смущавшего души многих, написавшие свидетельствуют, что между ними имеется полное согласие. Затем, они рекомендуют Варнаву и Павла, упоминая их пламенную ревность и мужественное великодушие, говоря, что те не усомнились положить свои души за Христа. Такова добродетель, царящая в евангельском слуге, и заслуживающая немалой похвалы, если он не только усерден в учительском служении, но и готов для утверждения учения подвергнуться смертельной опасности. И как Господь подобным образом проверяет верность и стойкость Своих людей, Он и награждает их этими добродетелями, дабы они выделялись в Его Церкви. Посему Павел (Гал.6:17) носил на теле своем стигматы Христовы, наподобие щита от нападок болтунов, поносивших его учение. Хотя многим мужественным и стойким учителям Евангелия и не приходится сражаться за него с опасностью для жизни, поскольку того не требует их дело, это не мешает Христу возносить авторитет Своих мучеников всякий раз как Он ведет их на достопамятную битву. Те же, у кого нет необходимости сражаться, должны все же быть готовы к пролитию своей крови, если то когда-либо станет угодным Богу. Кроме того, апостолы превозносят мужество Павла и Варнавы только в отношении благого дела. Ведь, если бы достаточно было бесстрашно встречать опасности, мученики Христовы ничем не отличались бы от бунтарей, безумцев или гладиаторов. Итак, Павел и Варнава заслужили похвалу не потому, что просто противостояли опасностям, но потому что не избегали самой смерти ради имени Христова. Возможно также, намерением апостолов было косвенно обуздать тех болтунов, которые, ничего не претер-

пев за имя Христово, и ранее предаваясь наслаждениям, решили смутить Церковь, предназначенную только для мужественных Христовых воинов.

28,29) *Угодно Святому Духу и нам.* Апостолы и пресвитеры присоединяются к Святому Духу, тем самым ничего себе не приписывая. Эта фраза значит то же, как если бы было сказано: Дух – наш вождь и наш начальник, мы постановили написанное лишь под Его диктовку. Такая форма выражения весьма привычна для Писания. Поставив на первом месте имя Божие, оно затем добавляет к нему служителей. Когда говорится: народ уверовал Богу и Моисею, Его рабу, то вера не разывается так, словно часть ее относится к Богу, а часть – к смертному человеку. Что же имеется в виду? То, что народ, имея Бога единственным начальником своей веры, выказал доверие и Его служителю, от которого Он неотделим. Он не мог бы иначе поверить Богу, нежели, приняв учение, предложенное Моисеем. Так и прежде, отвергнув и презрев Моисея, народ сбросил с себя божественное иго. Таким образом, опровергается нечестие тех, кто, во весь голос превознося веру, нечестиво и надменно презирают служение Церкви. Как святотатственно разделять веру надвое, словно какая-то, даже малая ее частица, зависит от человека, так и насмехаются над Богом те, кто, отвергнув служителей, через которых Он говорит, притворяются Его учениками. Итак, апостолы отрицают, что сами изобрели декрет для язычников. Они лишь служители Духа, возвещающие авторитет веления Божия, и верно передавая его как бы из рук в руки. Так и Павел, упоминая о своем Евангелии, не навязывает, тем самым, Евангелия собственного изобретения, но верно проповедует то, что поручил ему Христос. Однако же глупы паписты, желающие доказать из этих слов, что Церковь обладает каким-то собственным авторитетом. Больше того, они сами себе открыто противоречат. Под каким предлогом они претендуют на то, что Церковь не может заблуждаться, если не потому, что она прямо управляется Святым Духом? Посему они громко вопят о речениях Духа, которые мы считаем всего лишь их собственными выдумками. Итак, они глупо настаивают на фразе: угодно нам. Ведь если бы апостолы что-либо постановили отдельно от Духа, пала бы первая папистская аксиома: соборы определяют лишь то, что продиктовано Богом.

Кроме сего необходимого. Паписты напыщенно торжествуют, ссылаясь на этот отрывок. Словно людям позволено принимать законы, связывающие совесть необходимыми требованиями. Под страхом смертного греха, – говорят они, – надо соблюдать все, что заповедует и предписывает Церковь. Ведь апостолы объявляют о необходимости соблюдения того, что ими постановлено. Однако ответить на эту глупую болтовню довольно легко. Ибо данная необходимость имела силу лишь тогда, когда присутствовала опасность нарушения единства. Таким образом, собственно говоря, необходимость эта была приводящей или же внешней, заключалась не в самой сути, а в избежании преткновения. И это ясно видно из скорой отмены принятого декрета. Ведь относительно того, что само по себе необходимо, законы должны быть вечными. Однако мы знаем, что этот закон, как только прекратились волнения и споры, был упразднен Павлом. Он учит, что нет ничего нечистого, и объявляет позволительным и свободным питаться любой пищей, даже идоложертвенной (Рим.14:4; 1Кор.10:25). Посему напрасно в этих словах видят предлог для связывания совести. Ведь необходимость, о которой идет речь, относилась лишь к внешним обычаям людей, дабы из них не родился соблазн. Перед Богом же свобода оставалась нетронутой.

Также напрасно пытаются вывести из данного отрывка, что Церкви дана власть что-то постановлять помимо Слова Божия. Папа, не взирая на Писание, принимает удобные ему законы, коими управляет Церковью. Причем, не десять, не двадцать, а бесчисленное множество. И законы эти не только тиранически подавляют души, но и представляют собой жестокие орудия мучений. Дабы оправдать подобную жестокость, нанятые папой проходимцы говорят, что апостолы также запретили язычникам не запрещенное божественным Словом. Я же отрицаю, что апостолы что-то добавили к Слову Божию. Это станет совершенно ясным, если мы обратим внимание на их намерение. Я уже говорил, что меньше всего они хотели установить вечный закон, коим обязывали бы верующих.

Тогда для чего же предназначено их постановление? Для взращивания между церквями братского мира и согласия. Закон давал средство временно приспособить язычников к иудеям. И, что бы там ни было, но принцип того, что в безразличных вопросах должна господствовать любовь, точно изложен в Слове Божиим, то есть, внешнее употребление вещей, по природе своей позволительных, должно соотноситься с правилом любви. В итоге, если любовь – это узы совершенства и конец закона, если заповедь Божия состоит в том, чтобы верующие стремились к взаимному единству и каждый служил к назиданию ближнего, никто не может быть столь невежествен, чтобы не увидеть: заповеданное апостолами содержится в Слове Божиим. Они лишь приспособливают всеобщее правило к текущим обстоятельствам.

Кроме того, вспомним сказанное ранее: закон этот был чисто политическим. Он не набрасывал на совесть никакую петлю, не вводил никакого вымышленного божественного культа. Эти два порока Писание повсеместно осуждает в человеческих преданиях. Но допустим, хотя это и глупо, что постановление собора не содержится в божественном Слове. Даже это ничем не поможет папистам. Пусть соборам будет позволено по откровению от Духа определять что-то, помимо указанного в божественном Слове. Но эту власть следует приписывать только законным соборам. Итак, пусть они докажут, что благочестивы и святы те соборы, декретам которых они желают нас подчинить. Но данный вопрос уже рассмотрен в начале главы, и здесь я не буду обсуждать его дольше. Пусть же читатели придерживаются того, что вполне достаточно для понима-

ния настоящего отрывка: апостолы ни в чем не отступили от Слова Божия, постановив внешний закон, сообразующийся с обстоятельствами времени и нацеленный на примирение церквей.

30. Итак, отправленные пришли в Антиохию и, собрав людей, вручили письмо. 31. Они же, прочитав, возрадовались о сем наставлении. 32. Иуда и Сила, будучи также пророками, обильным словом преподали наставления братьям и утвердили их. 33. Пробыв там [некоторое] время, они с миром отпущены были братьями к Апостолам. 34. Но Силе рассудилось остаться там. (А Иуда возвратился в Иерусалим). 35. Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя, вместе с другими многими, слово Господне.

(30. Итак, отправленные пришли в Антиохию и, собрав людей, вручили письмо. 31. Они же, прочитав, возрадовались о сем утешении. 32. Иуда и Сила, будучи также пророками, обильным словом преподали наставления братьям и утвердили их. 33. Пробыв там некоторое время, они с миром отпущены были братьями к Апостолам. 34. Но Силе рассудилось остаться там. 35. Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя, вместе с другими многими, слово Господне.)

30) *Собрав людей.* Законный способ ведения дела состоял в том, чтобы весь народ допустить к выслушиванию послания. Ведь если по поводу вероучения возникает какой-либо спор, справедливо доверить суд опытным и ученым мужам, осведомленным в Писании, прежде всего, законно поставленным пастырям. Но поскольку все равным образом должны твердо знать, во что верить, учителям по-братски надо сообщить всей Церкви, что они постановили из Слова Божия. Ибо меньше всего согласно с христианским порядком утаивать от народа общее учение, словно тот – стадо свиней. Так обычно и происходит при папской тирании. Поскольку папа и рогатые епископы не надеялись на то, что народ станет когда-нибудь обучаемым, пока последний не впал, наконец, в грубое невежество, они установили следующее правило: народ, ничего не зная, должен зависеть от их прихоти. Напротив, здесь следует придерживаться золотой середины, за начальством сохраняя законные prerogatives, а за народом – свободу, исключаящую рабское повиновение.

31) *Возрадовались о сем наставлении.* Поскольку послание было весьма коротким, не содержа ничего, кроме голых предписаний, какое же утешение могли получить из него верные? Но следует признать: в нем сохранился немалый повод для утешения. Ведь, узнав о согласии апостолов, каждый из них получил удовлетворение, и все вместе от раздоров перешли к взаимной любви. Поскольку был посеян ложный слух, будто апостолы противились Варнаве и Павлу, некоторые чрезмерно доверчивые поколебались, и в душах многих возникли сомнения. Нечестивые воспользовались этим для своего злословия, а других смущало любопытство и любовь к новизне. Таким образом, произошло взаимное разделение. Теперь же они видят: суждение первой из церквей совпадает с учением Павла и Варнавы, и обретают то, что весьма желательно для детей Божиих. А именно: утвержденные в правой вере и будучи единомысленны друг с другом, они со спокойной совестью хранят между собою мир.

32) *Иуда и Сила.* Эти два брата были посланы для того, чтобы собственными словами засвидетельствовать сказанное в апостольском письме. Иначе апостолы не послали бы столь краткое и сжатое послание. Они сказали бы нечто и о тайне веры и пространнее увещевали бы к усердию в благочестии. Лука же говорит, что эти два брата сделали и нечто большее. Наделенные даром пророчества, они в целом помогли назиданию церкви. Как бы говорит: они исполнили свой долг не только в данном им поручении, но также, уча и увещевая, сослужили церкви полезную службу. Следует отметить: они увещевали церковь по той причине, что были пророками. Ибо не всем дано исполнять столь великое служение. Посему надо остерегаться, чтобы кто-нибудь не перешел положенный ему предел. Так учит и Павел в 1Кор.7:20 и Еф.4:1, повелевая, дабы все удерживали себя в рамках данной им благодати. Посему не напрасно Лука упоминает об особом учительском даре, дабы никто или по самомнению, при отсутствии способностей, или по дерзкому рвению, или по глупому желанию выделиться, не смущал церковный порядок.

Будучи также пророками. Поскольку это слово имеет разные значения, скажем, что здесь оно означает не предсказателей, коим дано предвещать будущее. В этом случае похвала братьям оказалась неуместной, ибо речь шла совершенно о другом. Но Лука имеет в виду, что Иуда и Сила обладали глубоким пониманием тайн Божиих и являлись подлинными толкователями Божиих слов. Так же и Павел в 1Кор.14:3, рассуждая о пророчестве, и ставя его впереди остальных даров, не имеет в виду предсказания и предвещения. Он хвалит пророчество за то, что его плод – назидание Церкви в учении, увещании и утешении. Подобным образом и Лука приписывает пророчеству утешение, рассматривая его как главную пророческую функцию.

33,34,35) *С миром отпущены были.* То есть, уходя, они, прощаясь с братьями, желали им всяческого блага, как обычно происходит между друзьями. Здесь присутствует некая синекдоха. Ведь из двух братьев лишь один вернулся в Иерусалим. В тексте тут же добавляется оговорка о том, что Сила все-таки решил остаться. Но поскольку Лука говорит сразу о двух, он учит лишь тому, что церковь раньше обрела мир, чем эти люди стали думать о возвращении. Наконец, он добавляет, что Павел и Варнава, будучи в Антиохии, сами старательно учили, однако, будучи усердными в этом деле, одновременно давали возможность остальным. Из этого явствует: у всех имелось общее усердие, не вызывавшее взаимной зависти, все сотрудничали друг с другом, дабы принести пользу. Хотя упоминание о многих других, видимо, сделано специально, дабы мы не думали, будто эта церковь с уходом Павла и Варнавы оказалась покинутой. Напротив, в ней трудились и

жили довольно многие учителя. Здесь снова прославляется божественное благословение, вскоре снизошедшее на ту же самую церковь, в которой раньше сатана сеял плачевные раздоры через своих прислужников.

36. По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут. 37. Варнава хотел взять с собою Иоанна, называемого Марком. 38. Но Павел полагал не брать оставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело, на которое они были посланы. 39. Отсюда произошло огорчение, так что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр; 40. а Павел, избрав себе Силу, отправился, быв поручен братьями благодати Божией, 41. и проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви.

(36. По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут. 37. Варнава советовал взять с собою Иоанна, называемого Марком. 38. Но Павел отказывался брать оставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело. 39. Отсюда произошел между ними острый спор, так что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр; 40. а Павел, избрав себе Силу, отправился, быв поручен братьями благодати Божией, 41. и проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви.)

36) *Посетим братьев.* В этой истории, во-первых, следует отметить, сколь усердно заботился Павел об основанных им церквях. В Антиохии он трудился с пользой. Однако, помня, что он – посланный Богом апостол, Павел избирает путь не местного пастыря, а собственного призвания. Затем, поскольку не подобало привязываться к одному месту, Павел думает о том, сколь обязан всем, кого породил в Господе. Посему он не хочет лишить их своей заботы. Добавь к этому, что Павел не мог бы оставить начатое в этих местах дело без того, чтобы подвернуть его риску. Но также можно заключить, что апостол оставался в антиохийской церкви, доколе не увидел, что ее состояние благоустроено, а согласие утверждено. Теперь мы понимаем, как важно для первенствующей церкви удерживать у себя церкви меньшие. Если в малоизвестной общине возникает какое-нибудь волнение или соблазн, слух распространяется не столь широко, и соседи волнуются не столь сильно. Но если какое-то место выделяется среди прочих, когда оно дрожит, падают или, по крайней мере, трясутся небольшие окрестные и далекие постройки. Значит, Павел, оставшись на время в Антиохии, думал и о других церквях. Таким образом, здесь показан пример не только мудрости, но и усердия. Ведь слишком бурная деятельность пастырей порой вредит не меньше, чем их лень.

Как они живут. Павел уже знал, что, учитывая людскую легковесность, а также склонность к порокам, воздвигнутое среди людей редко стоит долго и неизбежно. Особенно легко пасть и выродиться церквам в случае, если последние усердно не возвращать. Ничто под небом не может быть столь же твердым, как духовная постройка веры. Ведь ее фундамент положен в самом небе. Но немного тех, в чьих душах Слово Божие пустило живые корни, поэтому твердость – редкое людское качество. Те же, кто бросает якорь в божественной истине, не перестают быть подверженными многим искушениям. И хотя их вера из-за этого не разрушается, они все же нуждаются в ее укреплении. К тому же мы видим, какие уловки использует сатана, и какими кознями он пытается ниспровергнуть то целые церкви, то каждого верующего в отдельности. Итак, не без причины Павел опасается за своих учеников. Как бы они не повели себя иначе, чем должно. Посему он желает заблаговременно упредить возникающие неудобства, а этого нельзя достичь без личной инспекции.

37) *Варнава хотел.* Лука рассказывает о грустной размолвке, непременно внушающей ужас всем благочестивым. Ведь общение Варнавы и Павла освящено небесным повелением. Они уже долго и согласно трудились под общим ярмом, возложенном на них Господом. Они много раз испытывали на себе ясное божественное благоволение. Больше того, чудесный успех, упомянутый Лукою, сам был ярчайшим из данных им благословений Божиих. И хотя на них столько раз обрушивались многочисленные преследования, столько раз жестоко нападали бесчисленные враги, хотя против них порою разгорались внутренние бунты, они все равно оказывались неразлучными, и их согласие демонстрировалось только еще ярче. Теперь же по пустяковому без труда устранимому поводу они разрывают священные узы божественного призвания. А это несомненно не могло произойти без огромного смущения всех благочестивых. И поскольку в этих святых муках наблюдается столь яростная склонность к спору, хотя многие годы они привыкли к терпению всего и вся, то что произойдет с нами, чувства которых, много меньше покорные Богу, время от времени впадают в раж? И если пустяковый предлог разлучил тех, кто вопреки стольким искушениям лелеял священное единство, то сколь легко будет сатане разлучить тех, кто или никак, или слабо заботился о сохранении мира? Какую же гордыню выказал Варнава, упорно отвергая совет Павла, хотя для него самой большой честью было числиться его спутником, и, подобно сыну, служить ему, как отцу! От Павла же, в свою очередь, можно было ожидать большей человечности. Ведь он отказался прощать оплошность верному и преданному соратнику. Итак, их пример учит нас: если рабы Христовы не будут тщательно остерегаться, у сатаны будет множество щелей, через которые он влезет для сеяния раздоров.

Но пора обсудить и причину раскола. Некоторые возлагают вину за него на чрезмерную суровость Павла. На первый взгляд их доводы кажутся основательными. Павел отвергает Иоанна, то есть Марка, поскольку ранее он отказался с ним идти на дело. Однако Марк не отступил при этом от Христа. Будучи молодым и еще непривыкшим нести крест, он вернулся домой с середины пути. К молодому же возрасту надо проявлять некое снисхождение. Будучи новобранцем, он вначале также пугался трудностей. Однако не остался на

всю жизнь ленивым и медлительным воином. И поскольку возвращение к Павлу уже служило свидетельством искреннего покаяния, отвержение Марка кажется бесчеловечным. Ибо снисходительнее надо обращаться с теми, кто добровольно наказывает себя за совершенные проступки. Были и другие причины, склоняющие Павла к милости. Дом Иоанна Марка был знаменит в Церкви своим странноприимством. Мать его во время тяжелейших гонений укрывала верующих. Когда свирепствовал Ирод и бесновался весь народ, там, по словам Луки, проводились священные собрания. Действительно, надо было пощадить столь святую и искреннюю женщину, не отчуждать ее неумеренной строгостью. Она хотела, чтобы сын занимался евангельской проповедью, а теперь из-за одного небольшого проступка от его услуг полностью отказываются. Как же сильно огорчил бы ее этот случай! Кроме того, Иоанн Марк не только просил прощения, но и исправился на деле. Так что у Варнавы имелся хороший повод для его просьбы. Однако из контекста можно вывести, что церковь одобрила совет Павла. Варнава удаляется и со своим спутником отплывает на Кипр. Но где же упоминание о братьях? Его нет. Словно Варнава ушел тайно, без всякого их напутствия. Павла же братья поручают в молитвах благодати Божией, откуда явствует, что церковь стояла на его стороне. Кроме того, Бог явил силу в благословении Павла, по благодати дав его трудам счастливый успех. Варнаву же Он словно похоронил, полностью его оставив. Отсюда можно с большой вероятностью вывести, что Богу нравилась суровость Павла.

Действительно, грех Иоанна Марка был тяжелее, чем обычно думают. Он не отпал от Христовой веры, но отступил от своего призвания. Итак, был бы дан весьма плохой пример, если бы его вскоре обратно приняли на службу, которую он оставил. Ранее он с тем условием посвятил свою деятельность Христу, что уже не мог быть свободным и независимым. И нарушать обещание в этой части ему было не более позволительно, чем мужу покидать жену, а сыну – отца. И вероломство его, нарушившее святость призвания, нельзя оправдать немощью. Следует также отметить: Павел не полностью отверг Марка. Он считал бы его братом, если бы тот довольствовался низшим положением. Павел лишь отказывался допускать его до публичного учительства, от которого он позорно отпал по собственной вине. Большая разница: отказывать ли согрешившему в прощении или только в общественном почете. Хотя, возможно, и тот, и другой перешел положенные границы. Как и привходящие обстоятельства часто портят хорошее дело. Павел справедливо и правомерно, с пользой для дисциплины, отказывался принять Марка спутником, испытав его непостоянство. Но, видя, что Варнава упорно настаивает, он мог бы уступить его желанию. Истина должна значить для нас больше, чем благоволение всего мира. Но всегда следует разумно взвешивать: насколько важен обсуждаемый вопрос. Ведь если кто-то станет показывать стойкость в никчемном и бесполезном деле, он лишь обострит разногласие. Не переставая до конца отстаивать собственное мнение, он проявит глупое и порочное упорство. Имелся компромиссный вариант, по которому Павел мог бы в чем-то уступить своему соратнику, не отходя от истины. Он не должен был льстить Марку, или покрывать его грех, но никакое благочестие не мешало ему, свободно высказав свое мнение, позволить победить себя в этом деле, не вредившем ни здравому учению, ни спасению людей. Я говорю об этом для того, чтобы мы научились, даже будучи правыми, сдерживать свое рвение, не переходя положенных пределов.

Глава 16

1. Дошел он до Дервии и Листры. И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, которого мать была Иудеянка, уверовавшая, а отец Еллин, 2. и о котором свидетельствовали братья, находившиеся в Листре и Иконии. 3. Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин. 4. Проходя же по городам, они передавали [верным] соблюдать определения, постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме. 5. И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом.

(1. Дошел же он до Дервии и Листры. И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, которого мать была Иудеянка, уверовавшая, а отец Еллин, 2. он имел доброе свидетельство от братьев, находившихся в Листре и Иконии. 3. Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин. 4. Проходя же по городам, они передавали соблюдать определения, постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме. 5. Итак, церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом.)

1) Лука начинает рассказывать о странствиях Павла после его разрыва с Варнавой. Во-первых, он сообщает, что в Листре Павел взял в спутники Тимофея. Однако, дабы мы знали, что Павел делал все обдуманно и по рассуждению, Лука ясно указывает на то, что братья одобряли Тимофея и свидетельствовали о его благочестии. Ибо так буквально и звучат его слова. Таким образом, то, что Павел в другом месте велит соблюдать при избрании служителей, здесь он показывает сам на личном примере. Ведь невероятно, что уже тогда имелись пророчества, согласно которым, по другому свидетельству Павла, Тимофея запечатлел святой Дух. Но кажется, что здесь имеется нестыковка. Лука говорит, что Тимофей пользовался у братьев доброй славой, Павел же хочет, чтобы избираемый в епископы получил признание также и чужих. Отвечаю: прежде всего, следует рассматривать мнение благочестивых. Только они – подходящие свидетели, только они разумно и правильно судят, руководствуясь божественным Духом. Нечестивым же можно приписывать одну лишь слепоту. Отсюда ясно: благочестие и святость жизни надо оценивать свидетельством и голосованием

святых, и считать достойным епископства того, кого они хвалят и рекомендуют. Однако признаю: требуется также, чтобы кандидата были вынуждены хвалить даже неверующие. Дабы Церковь Божия не подвергалась поношениям и проклятиям, позволяя людям недоброй славы собою править.

3) *Обрезал ради Иудеев.* Лука ясно указывает: Тимофей был обрезан не в силу необходимости, не потому, что этот символ еще оставался священным, но для того, чтобы Павел, таким образом, устранил всякий соблазн. Итак, хотя в глазах Бога дело было совершенно необязательным, здесь учитывалось, прежде всего, мнение людей. Посему обрезание Тимофея представляло собой не таинство, данное Аврааму и его потомству, но безразличный обряд, предназначенный не упражнять благочестие, а сохранять взаимную любовь. Теперь спрашивается: разве Павлу было позволено использовать пустой символ, значение которого уже упразднилось? Ведь кажется, что над Богом смеются там, где отходят от Его установлений. Во всяком случае, обрезание Бог заповедал только до пришествия Христова. На этот вопрос я отвечаю так: обрезание прекратилось с приходом Христа, но его употребление не было отменено сразу же. Оно оставалось дозволенным, покуда, после более ясного евангельского просвещения, все не признали, что Христос – конец закона. Здесь надо отметить три момента. Первый: обряды закона так упразднились с приходом Христа, что больше не относились к божественному культу, не были символами духовных вещей, не имели никакого обязательного употребления. Второй: их использование оставалось свободным, доколе яснее не воссияла евангельская истина. Третий: верным позволялось удерживать их постольку, поскольку их употребление способствовало назиданию, а не возвращению суеверий. Хотя это свободное упомянутое мной использование имело и некоторые исключения. Ведь у разных обрядов было разное значение. Обрезание занимало не то же место, какое имели жертвоприношения, предназначенные для умиловливания за грехи. Посему Павлу было позволено обрезать Тимофея, но не подобало приносить жертву за грехи. Общее правило таково: весь законнический культ (будучи временным) упразднился с пришествием Христа в отношении веры и совести. Что же касается его употребления, то оно на короткое время было безразличным, оставленным на усмотрение верующих постольку, поскольку не противоречило их исповеданию веры.

Следует отметить указанную мною краткость времени. А именно: все это продолжалось до ясного провозглашения Евангелия. Ибо здесь грубо заблуждаются некоторые ученые люди, которым кажется, будто обрезание еще значимо для иудеев, в то время как Павел учит, что оно излишне, если через крещение мы спогреблись Иисусу Христу (Кол.2:11; Гал.2:3). Более правильно звучит в этом случае древняя поговорка: синагогу следовало похоронить с почестями.

А теперь остается сказать о том, насколько безразличным было употребление обрезания. Это легко выяснить из самого понятия евангельской свободы. Поскольку призвание язычников еще не проявилось повсеместно, иудеям надо было дать какие-то привилегии. Итак, доколе не окрепло знание о том, что усыновление перешло от рода Авраама на все народы, иудеям было позволительно, насколько требовало назидание, сохранять свой отличительный знак. Из того же, что Павел не захотел обрезать Тита и говорит, что поступил правильно, следует вывод: нельзя было использовать данный обряд повсеместно и без разбора. Значит, здесь надо иметь в виду назидание и общественную пользу Церкви. Поскольку Павлу нельзя было обрезать Тита так, чтобы не предать чистое евангельское учение и не подставить самого себя клевете врагов, он воздержался от использования обряда, который ранее применил к Тимофею, видя, что того требует польза Церкви.

Отсюда легко видеть, сколь ужасная сумятица царит в папстве. Там соблюдается безмерная куча разнообразных церемоний. На что же она направлена, если не на то, чтобы вместо одной храмовой завесы повесить сто других? Бог упразднил ранее заповеданные обряды, дабы истина Евангелия воссияла еще ярче. Люди же посмели ввести новые церемонии, причем, не соблюдая в этом никакой меры. Затем появилось ложное мышление, что все эти обряды относятся к божественному культу. И, наконец, последовало дьявольское упование на заслуги. Теперь же, когда стало очевидным, что такие обряды – не столько покрывала или могильные плиты, закрывающие Христа, сколько зловонный навоз, оскверняющий истинную веру и религию, те, кто выступает за их свободное употребление, больше приписывают папе, чем Бог приписал Своему закону. О мессе же и ей подобных мерзостях, содержащих очевидное идолопоклонство, не стоит и говорить.

Все знали. Лука утверждает: намерение Павла заключалось в том, чтобы Тимофей имел доступ к иудеям, и они не шарахались от него как от оскверненного человека. Все знали, что отец его был эллином. Значит, поскольку матери не имели тогда власти над детьми, представлялось очевидным, что Тимофей – необрезанный. Пусть читатели попутно отметят, сколь несчастным было тогда рабство народа Божия. Евника, мать Тимофея, принадлежала к малочисленному остатку, который сами иудеи почитали за чудо. Однако же, отданная замуж за неверующего, она не смела посвятить своих детей Богу. По крайней мере, дать им внешний символ благодати. Но из-за этого она не переставала с младенчества воспитывать сына в страхе Божиим и истинном богопочитании. Пример, достойный подражания для всех женщин, которым мужья тиранической властью не позволяют наставлять детей и семью в истинном благочестии. Эллин же здесь по обычаю Писания означает любого язычника.

4) *Передавали верным соблюдать определения.* Этими словами Лука хочет сказать, сколь усердно заботился Павел о церковном мире. Тогда лучшим средством для согласия между церквями было соблюдать постановленное апостолами. И Павел, будучи в этом весьма прилежен, благоразумно остерегается возбудить по сво-

ей вине какую-нибудь смуту. Мы помним, что постановления носили временный характер. Ведь там, где устранялась опасность соблазна, Павел полностью снимал с церкви подобное бремя. Отложив в сторону постановленное, он позволил свободное использование того, что запрещали апостолы. Однако же такой отменой Павел не нарушает апостольское определение, не презирает его авторов. Ведь апостолы хотели установить не постоянный закон, но лишь на краткое время смягчить то, что могло ранить немощную совесть. Об этом я подробнее говорил в предыдущей главе.

Сказанное достаточно обличает глупость папистов, яростно винящих нас в том, что мы сильно отличаемся от Павла. Ведь, презрев, по их словам, постановления Церкви, мы хотим, чтобы совесть благочестивых управлялась одним лишь Словом Божиим, а не суждением людей. Но, как я уже говорил, Павел меньше всего желает набросить на совесть узду необходимости. Ведь он не разногласит сам с собой, когда в другом месте восклицает: все чисто для чистых (Тит.1:15). А также: кто крепок, питается всем (Рим.14:2). Царство Божие – не пища и питье (ст.17). Пища не приближает нас к Богу (1Кор.8:8). Все, что продается на рынке, ешьте, ни о чем не спрашивая, ради своей совести (1Кор.10:25). Одним словом, он примиряет то, что иначе могло показаться противоречащим друг другу, когда приказывает воздерживаться от идоложертвенного ради совести другого человека. Между тем, Павел тщательно остерегается связывать человеческие души людскими законами. Значит, мы сегодня делаем точно то же, что и Павел.

Кроме того, паписты весьма грубо блефуют, сравнивая свои законы с постановлениями апостолов. Апостолы не устанавливали нового божественного культа, не создавали новой духовной власти. Но, усердствуя о мире, увещевали язычников в чем-то уступить иудеям. И чтобы папа под этим предлогом оправдывал свои законы, он должен сначала полностью их изменить. Мы же, в то время, как паписты видят духовный божественный культ в человеческих измышлениях и права единого Бога передают людям, властвующим над душами других, вынуждены яростно этому противостоять, если не хотим вероломным молчанием предать благодать, купленную Христовой кровью. Что схожего с тремя постановлениями, принятыми для помощи немощным, имеет непомерное нагромождение законов, не только подавляющих несчастные души своим весом, но и уничтожающих всякую веру? Известна жалоба Августина Януарию, говорившего, что уже тогда Церковь отягощалась чрезмерным грузом обрядов. И если это так, стерпел бы он сегодняшнее рабство Церкви, в сотню раз более тягостное?

5) *Церкви утверждались.* Отсюда мы выводим, что сказанное Лукою об апостольских постановлениях было чем-то дополнительным и привходящим. Теперь же он говорит о другом плоде учения Павла, упоминая о том, как церкви утверждались в вере. Значит, Павел, таким образом, обустроивал внешние дела, что, прежде всего, заботился о царстве Божием, состоящем в евангельском учении, которое выше и важнее внешнего порядка. Итак, о постановлениях упомянуто лишь постольку, поскольку они способствовали согласию, дабы мы знали: святой муж заботился и об этом деле. Но на первое место помещается вера и благочестие, единственное основание которого – вера. А она, в свою очередь, опирается на чистое Слово Божие и не зависит от человеческих законов. Этим примером Лука побуждает нас постоянно преуспевать в вере, дабы в нас не возникли вялость и небрежность к совершенствованию. Также говорится и о причине возрастания веры: Господь производит это через деяния Своих рабов. Как и тогда Он воспользовался трудами Павла и его спутников. Добавляя же, что церкви возрастали числом, Лука рассказывает о еще одном плоде апостольской проповеди. Одновременно он намекает: по мере того, как первые призванные преуспевают в вере, ко Христу приходят и многие другие, как будто поросль веры, прорастая, распространяется также и на них.

6. *Пройдя через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Асии. 7. Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их. 8. Миновав же Мисию, сошли в Троаду. 9. И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам. 10. После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там.*

(6. *Пройдя через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Асии. 7. Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их. 8. Миновав же Мисию, сошли в Троаду. 9. И было ночью видение Павлу: некий муж, Македонянин стоял и просил его, и говорил: приди в Македонию и помоги нам. 10. После сего видения, тотчас мы попытались отправиться в Македонию, твердо уверенные, что призывал нас Господь благовествовать там.)*

6) *Пройдя через Фригию.* Здесь Лука говорит о том, сколь усердно и основательно занимались Павел и его спутники учительским служением. По его словам, они шли по разным областям Малой Азии для распространения Евангелия. Но, прежде всего, он считает нужным упомянуть о том, что Дух Божий воспретил им говорить о Христе в некоторых местах. А это немало возвеличивает апостольство Павла. Без сомнения, не обычные соображения побуждали его к странствиям – своим вождем в пути и поступках он признавал Духа Божия. Апостолы были готовы без различия проповедовать везде, куда приходили. Но делали они это из-за своего призвания и заповеди Божией. Они были посланы распространять Евангелие во всех народах без исключения. Но Господь, управляя их странствием, в отдельные моменты являл им Свой ранее сокрытый замысел. Однако спрашивается: если Павел везде учил только под водительством Духа, какая уверенность сегодня у служителей в своем призвании? Ведь им никакие видения не сообщают, где надо говорить, а где –

молчать. Отвечаю: поскольку сфера деятельности Павла была столь обширной, он и нуждался в особом водительстве Духа. Его апостольство простиралось не на одну лишь местность, не на несколько городов. Он получил заповедь распространять Евангелие в Азии и Европе. А это означало путешествие по огромному Средиземному морю. Посему ничего удивительного, если при такой безмерности трудов Господь, как бы протягивая руку, подавал ему знак куда идти и до какой степени продвигаться.

Но здесь возникает другой, более сложный вопрос: почему Господь воспретил говорить Павлу в Азии и не позволил ему идти в Вифинию? Если ответить, что эти народы были недостойны спасительного учения, можно возразить: почему же Македония оказалась достойной? Желаящие чрезмерно мудрствовать видят причину этого различия в людях. Якобы Господь удостоивает Своим Евангелием тех, кого видит склонными к вере и послушанию. Но Сам Он возвещает совсем иное. А именно: Я явился тем, кто меня не искал, и говорил тем, кто обо Мне не спрашивал. Ведь откуда возникают обучаемость и повиновение, если не от Его же Духа? Значит, не подлежит сомнению: одни не выделяются перед другими своими заслугами, поскольку по природе все равным образом далеки от веры. Посему лучше всего оставить за Богом свободную власть удостоивать или лишать Своей благодати тех, кого Ему угодно. Действительно, поскольку его вечное избрание незаслуженно, то же следует думать и о незаслуженности проистекающего из него призвания. Оно никак не основано на людях, поскольку Бог ничего никому не должен.

Итак, будем знать: Евангелие проистекает к нам только из источника чистой божественной милости. У Самого Бога имеется справедливая причина, по которой Он кому-то предлагает Свое Евангелие, а кому-то в нем отказывает. Но эта причина, утверждаю я, сокрыта в Его тайном совете. Между тем, пусть верующие знают: их призвали незаслуженно, пройдя мимо остальных, и не приписывали себе то, что принадлежит только милосердию Божию. В отношении же остальных, кого Бог отверг без какой-либо ясной причины, они должны дивиться глубокой бездне Его судов, которые не подобает исследовать человеку. Кроме того, слово «Асия» означает здесь ту ее часть, которая в собственном смысле несет это имя. Лука же, говоря, что Павел и его спутники пытались идти в Вифинию, доколе им не воспретил Дух, показывает, что откровения руководили ими постольку, поскольку имелась нужда. Ибо Господь имеет привычку помогать своим людям в делах сложных и неясных.

9) *И было ночью видение Павлу.* Господь не хотел, чтобы Павел дольше оставался в Азии, желая привести его в Македонию. Лука же, говоря, что ночью Павлу явился македонский муж, описывает способ божественного руководства. Здесь следует отметить: Господь использует разные способы откровения. Ведь для убеждения в разных вещах лучше подойдут разные образы. Не говорится, что это видение было дано во сне, но сказано, что оно произошло ночью. Ибо есть определенные ночные видения, происходящие, однако, в состоянии бодрствования.

Помоги нам. Эта фраза восхваляет порученное Павлу служение. Поскольку Евангелие – сила Божия во спасение, его служители зовутся помощниками погибающих, избавляющими их от смерти и приводящими к наследию вечной жизни. Здесь имеется немалый стимул для пробуждения в благочестивых учителях пылкого усердия. Ведь они слышат, что спасают от ада несчастные души и помогают спастись тем, кто иначе бы погиб. Наоборот, все народы, к которым доходит Евангелие, учатся почтительно принимать его служителей как избавителей, если не хотят по злобе отвергнуть Божию благодать. Однако эта похвала не настолько относится к людям, чтобы Бог был лишен хотя бы малой доли Своей славы. Ведь Он, хоть и приносит спасение через Своих служителей, все же является единственным его автором, простирающим руку для оказания помощи людям.

10) *Заключая.* Отсюда мы выводим, что это видение было не одиноким, но подтвержденным свидетельством Духа. Сатана часто злоупотребляет видениями для своих козней, дабы обмануть неверующих. Посему голое видение оставляет душу человека в неопределенности. Однако воистину божественные видения запечатлевают надежная отметина Духа, дабы не колебались и не сомневались те, кого Господь определенно хочет к Себе привязать. Бруту явился злой дух, призывая его на злосчастную битву, происшедшую в Филиппах. В то же самое место, куда позднее пришел и Павел. Однако случай этот сильно отличался от нашего. Господь совершенно иначе обошелся со Своим рабом, избавляя его от всякого сомнения, а не оставляя в удивлении и трепете. Так что в Павле и его спутниках за уверенностью тут же последовала готовность к повиновению. Ведь, поняв, что призываются Господом, они тут же готовятся отправиться в путь. Причастие же, употребленное здесь, имеет активный смысл. Хотя оно имеет несколько значений, не сомневаюсь, что Лука здесь хочет сказать: Павел и остальные, соединив это видение с предыдущими откровениями, были твердо убеждены, что в Македонию их призывает Сам Бог.

11. Итак, отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь, 12. оттуда же в Филиппы: это первый город в той части Македонии, колония. В этом городе мы пробыли несколько дней. 13. В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом, и, сев, разговаривали с собравшимися [там] женщинами. 14. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянцею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел. 15. Когда же крестилась она и домашние ее, то просила нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите [у] [меня]. И убедила нас.

(11. Итак, отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь, 12. оттуда же в Филиппы: это первый город в той части Македонии, колония. В этом городе мы пробыли несколько дней. 13. В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, происходила молитва, и, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами. 14. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел. 15. Когда же крестилась она и домашние ее, то просила нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня. И убедил нас.)

11,12) Эта история, словно в зеркале, показывает, сколь болезненно упражняет Господь веру и терпение Своих людей, посылая им трудности, для преодоления которых требуется особая стойкость. Таким и было прибытие в Македонию Павла. Ведь он мог и не верить посланному видению. И святые люди, оставив текущие дела, быстро переправляются через море, словно весь народ Македонии пришел к ним, моля о помощи. Теперь же надежда на успех обманута до того, что нет возможности даже проповедовать. Войдя в первый же город, они не находят никого, кому могли бы уделить внимание. Посему они вынуждены выйти за город, говорить в уединении и отдалении. Но даже там они не найдут ни единого мужа, желающего внимать их учению. В ученицы Христовы они привлекают лишь одну женщину, причем чужеземную. Кто не сказал бы, что предприятие их, столь злополучно начавшееся, оказалось глупым и неподготовленным? Но Господь вершит Свои дела в смиренном и немощном, дабы сила Его еще ярче от этого воссияла. Особенно это относится к начаткам Христова Царства. Их надлежало заложить именно так, чтобы от них веяло крестным смирением. Следует отметить стойкость Павла и его спутников. Не унывая от столь злополучного начала, они пытаются паче чаяния ухватиться даже за малейшую возможность. Действительно, рабам Христовым надлежит сражаться со всеми препятствиями, не уступать трудностям, быть готовыми трудиться завтра, если сегодня нет никакого плода. У них нет причин просить себе большего успеха, чем был у апостола Павла. Лука же, говоря, что апостолы остановились в том городе, по мнению некоторых, имеет в виду, что они спорили и разговаривали с его жителями. Однако другое толкование проще, и к нему нас подводит контекст. Немного спустя Лука показывает: Лидия была начатком тамошней церкви. Посему уместно предположить другое: причина удаления апостолов из города состояла в том, что в городе перед ними закрылись все двери.

13) *В день же субботний.* Нет сомнения, что, желая помолиться, иудеи искали уединения. Ведь тогда их религия вызывала большую неприязнь. Бог же на их примере учит нас, сколь сильно должны мы ценить исповедание веры, не покидая его из-за страха перед опасностями и ненавистью людей. Во многих местах у иудеев были синагоги, но в Филиппах, римской колонии, им не позволялось устраивать общественных собраний. Значит, они собираются в тайных местах, дабы молиться Богу вдали от зрителей. Даже это не было лишено опасности, будучи способным причинить им тяготы и несчастья. Но культ Божий иудеи предпочитали собственному покою и удобствам. То же, что Лука говорит именно об иудеях, следует из упоминания о субботе. Затем, восхваляя благочестие Лидии, Лука дает понять, что та также была иудейкой. Нет нужды долго доказывать, что для греков и римлян праздновать субботу и совершать иудейские обряды было проступком, влекущим смерть. Значит, мы видим: иудеи выбрали для молитвы берег реки не ради суеверия, но для избежания посторонних взоров. Если же кто возразит и спросит, почему же они не молились в своих частных домах, ответ довольно прост: это был торжественный молитвенный обряд для свидетельства их благочестия. Так что иудеи, удалившись от суеверий язычников, взаимно увещевали друг друга к почитанию единого Бога и лелеяли принятую от отцов религию. Что же касается Павла и его спутников, бывших здесь гостями и пришельцами, то они пошли к реке не столько ради молитвы, сколько ради обретения хоть какого-нибудь плода. Ибо берег был удобным местом для учения, удаленным от всякого шума. И те, кто собирался там ради молитвы, должны были выказать большее внимание к божественному Слову. День субботний у Луки означает саму субботу. Там же, где я, следуя Эразму, перевел: по обыкновению происходила молитва, – древний переводчик написал: казалось. И глагол *ῥοιζοῦσθαι* по-гречески несет оба смысла. Однако в настоящем случае больше подходит первый: «по обычаю совершалась молитва иудеев».

Разговаривали с ... женщинами. Или это место предназначалось только для собрания женщин, или среди мужей религия охладилась настолько, что они, по крайней мере, реже туда приходили. Как бы то ни было, мы видим: святые не упускают никакой возможности и не тяготеют нести Евангелие одним лишь женщинам. Поскольку же я считаю правдоподобным, что молились там и женщины и мужчины, то думаю: Лука не упомянул мужчин потому, что они или не сообразовали выслушать, или, слушая, ни в чем не преуспели.

14) *Женщина ... именем Лидия.* Если бы апостолов выслушало мало женщин – уже это напоминало бы продвижение сквозь узкую щель. Теперь же, когда их внимательно и успешно выслушивает только одна, разве не может показаться, что вход Христу полностью закрыт? Однако затем из этого скромного насаждения вырастает целая церковь, восхваляемая Павлом возвышенными словами. Но может быть у Лидии имелись некоторые соучастницы, о которых не упоминается, поскольку Лидия их сильно превосходила? Причину же того, что эта женщина выказала такую обучаемость, Лука видит не в том, что ум ее был более острым, чем у других, и не в том, что она как-то сама себя подготовила. Он говорит, что Сам Господь открыл ее сердце внимать сказанному Павлом. Недавно он хвалил ее благочестие, но теперь показывает: она не могла постигнуть евангельское учение без просвещения Духом. Посему мы видим, что не только вера, но и всякое разумение духовных вещей есть особый дар Божий, и служители никак не преуспеют в проповеди, если не добавится

внутреннее призвание от Бога. Под сердцем же Писание иногда понимает душу. Например, Моисей говорит (Втор.29:4): Не дал тебе Господь до сих пор сердца для разума. Так и в этом месте Лука имеет в виду не только то, что принять Евангелие с сердечным чувством Лидию побудило внушение от Духа, но и то, что разум ее был просвещен Духом для надлежащего разума. Отсюда мы видим: люди настолько глупы и настолько слепы, что, слыша, не могут слышать, и видя, не могут видеть, доколе Бог не сотворит в них новый слух и новое зрение.

Кроме того, отметим слова: сердце Лидии было открыто, дабы внимать голосу внешнего учителя. Верно, что голая проповедь — не что иное, как мертвая буква. Но также следует опасаться, как бы ложное воображение или подобие тайного озарения не увели нас от Слова Божия, от которого зависит и на котором покоится вера. Ибо многие, дабы подчеркнуть благодать Духа, воображают не знамо какие *ἐνθουσιασμοὺς*, полностью оставляя употребление внешнего слова. Однако Писание не терпит подобного разрыва, соединяя человеческое служение с тайным внушением Духа. Если бы ум Лидии не был открыт, проповедь Павла стала бы служением буквы. Но Бог не только внушил ей откровения, но и почтение к Своему Слову. Так что человеческий голос, иначе только сотрясавший бы воздух, проник в ее озаренный небесным светом разум. Итак, пусть успокоятся фанатики, под предлогом Святого Духа отвергающие внешнее поучение. Следует придерживаться правила, установленного Лукою. Мы ничего не получим только от слышания Слова без духовной благодати, и Дух дается нам не с целью породить презрение к Слову, но для внушения разуму веры в него, для написания его в человеческих сердцах. Если же спрашивается о причине того, почему Бог открыл сердце только одной женщины, необходимо вернуться к следующему принципу: уверовали все, предоставленные к вечной жизни. Ибо страх Божий, предваривший в Лидии прямое и ясное познание Христа, также представлял собой плод незаслуженного избрания. Город же Фиатира, место проживания Лидии, по утверждению географов находится на берегу реки Герм, и некогда носил имя Пелопия. Некоторые помещают этот город во Фригии, а другие — в Мисии.

15) *Когда же крестилась.* Отсюда явствует, сколь действительно поработал Бог в Лидии за такое короткое время. Ибо нет сомнения: она истинно приняла веру Христову и присоединилась к христианам прежде, чем Павел допустил ее ко крещению. Воистину, пример прекрасной расторопности. Святое же рвение ее и благочестие выдают себя также в том, что она вместе с собою посвятила Господу свою семью. Действительно, всем благочестивым должно быть присуще стремление приобщить к вере тех, над кем они имеют власть. Недостоин тот, кто числится среди детей Божиих, кто председательствует над другими, и, желая властвовать в своем доме над женою, детьми, слугами и служанками, никак не заботится о власти Христа. Значит, всякий верующий должен так пытаться обустроить свой дом, чтобы он представлял собою образ Церкви. Признаю: у Лидии не были в руках сердца ее домочадцев, не могла она по своей прихоти обратить кого угодно ко Христу. Но Господь благословил ее благочестивое усердие, сделав послушными ее домочадцев. И, как было уже сказано: всем благочестивым надлежит стремиться к тому, чтобы полностью изгнать из домов своих всякий вид суеверия. Затем, они не должны терпеть обмирщенность своих семей, но содержать их в страхе Господнем. Так Аврааму, отцу верующих, было приказано обрезать вместе с собою всех своих слуг. Его даже хвалят за заботу о собственном доме. И еще: если этот долг лежит на главе семейства, то тем более лежит он на князе. Последний не должен позволять, насколько в его силах, профанировать имя Божие в своих владениях.

То просила нас. Лидия своими словами как бы закликает апостолов: если вы признали меня верною. Она как бы говорит: заклиная вас верою, одобренною вами в печати данного мне крещения: не отвергните мое гостеприимство. Кроме того, столь сильное желание Лидии свидетельствует о том, сколь искренне и страстно она приняла Евангелие. Нет сомнения, что Господь внушил ей такое чувство, дабы еще больше воодушевить Павла продолжать начатое. И не потому, что тот увидел радушный и благосклонный прием с ее стороны, но потому что из него можно было судить о продвижении евангельского учения. Итак, это приглашение, адресованное Павлу и его спутникам, исходило не от одной лишь женщины, но от Самого Бога. Сюда же относится и следующая фраза: Лидия вынудила их принять приглашение. Все произошло так, словно Сам Бог в лице женщины протянул проповедникам Свою руку.

16. *Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретила нас одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим.* 17. *Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возведают путь спасения.* 18. *Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И [дух] вышел в тот же час.* 19. *Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам.* 20. *И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город* 21. *и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять.* 22. *Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками.*

(16. *Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретила нас одна служанка, одержимая духом Пифона, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим.* 17. *Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возведают путь спасения.* 18. *Это*

она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час. 19. Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам. 20. И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город 21. и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять. 22. И собрался против них народ, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками.)

16) Лука продолжает описывать возрастание церкви. Хотя он не говорит об этом прямо, из контекста легко вывести, что к вере привели многих, или, по крайней мере, церковь как-то возросла в числе. Так что Павел не напрасно посещал собрания в часы общественной молитвы. Одновременно Лука говорит о том, что сатане удалось этот процесс прервать. Поскольку апостолов били палками и бросили в темницу, они, в конце концов, были вынуждены покинуть город. Но какие бы козни ни строил сатана, в конце главы мы увидим: прежде ухода апостолов в церковь все же вошло какое-то количество людей.

Одержимая духом прорицательным. Поэты создали басню о змие по имени Пифон, убитом стрелами Феба. Из этого домысла родился другой: говорить, что вошедшие в экстаз вдохновлены духом Пифона. Возможно также, что жрицы Феба носили имя в честь бога Аполлона. Лука следует здесь распространенному способу выражения. Он говорит о народном заблуждении, а не о том, по чьему внушению пророчествовала служанка. Не вызывает сомнения, что под личиной Аполлона скрывался дьявол, подобно тому, как всякое идолопоклонство и обман создается в его канцелярии. Однако кто-то может удивиться тому, что дьявол, под чьим влиянием вещала служанка, был автором столь лестного отзыва о Павле, Силе и их спутниках. Как мог он изречь истину, будучи отцом лжи? Кроме того, почему дьявол добровольно уступил рабам Христовым, разрушавшим его царство? Как понять, что он, будучи заклятым врагом Евангелия, приготавливал людские души к его принятию? Действительно, больше всего ему свойственно отвращать мир от Слова Божия. Теперь же он призывает его слушать. Откуда столь неожиданная перемена и необычный порыв? Однако дьявол, являясь отцом лжи, склонен скрываться под ложной личиной истины. Итак, по хитрому умыслу он притворяется иным, не таким, каков по природе, дабы, тайно проникнув, суметь навредить больше. Посему то, что он зовется отцом обмана, следует понимать не так, словно он всегда открыто и откровенно вещает ложь. Скорее надо остерегаться его косвенных уловок, дабы, претендуя на видимость истины, он не обманул нас голой личиной. Мы также видим, что дьявол ежедневно пользуется схожим приемом. Что красивее титулов папы, прикрываясь которыми, он выставляет себя не противником, а наместником Христовым? Что звучит солидней вступления: во имя Господне, аминь? Но мы знаем: служители сатаны, похваляясь истиной, на деле извращают ее и заражают смертельным недугом.

У сатаны два способа нападать на Евангелие. Иногда он пользуется грубой силой, иногда же влезает в доверие путем обмана. И вид его лжи также двойствен. Или он извращает ложными учениями и грубыми суевериями Слово Божие, или, хитро притворяясь другом Слова, вползает в души словно по подземному ходу. Больше того, враг опаснее всего тогда, когда преображается в ангела света. Мы видим: на что была направлена изысканная похвала, адресованная Павлу и его спутникам. А именно: поскольку дьяволу было неудобно открыто вести войну с Евангелием, он тайными уловками пытался ослабить людскую веру. Если бы Павел согласился с его свидетельством, не было бы больше различия между спасительным учением Христовым и кознями сатаны. Свет благовестия был бы застлан тьмою обмана, и, таким образом, полностью угашен.

Но спрашивается: почему Бог дал сатане такую вседозволенность, позволил ему бесовскими прорицаниями обманывать и водить за нос несчастных людей? Не говоря о том, что утверждают о его сообразительности утонченные богословы, считаю общепризнанным: дьявол изрекает пророчества о тайных и будущих событиях только по божественному дозволению. Но кажется, что Бог весьма плохо заботится о людях, делая их беззащитными перед обманом сатаны. Поскольку пророчества дышат божественной силой, они, будучи провозглашенными, с необходимостью внушают людям почтение, если те хоть как-то уважают Бога. Отвечаю: Бог никогда не дает сатане такую свободу действий без того, чтобы наказать с ее помощью неблагодарный мир, который настолько желает лжи, что добровольно предпочитает обмануться, нежели покориться истине. Ибо это – вселенское зло, на которое жалуется Павел в Первой главе Послания к Римлянам (ст.21), говоря, что люди не прославляют Бога, познанного ими из устройства мироздания, и неправедно подавляют Его истину. И праведная плата за такую неблагодарность состоит в том, что на дьяволе ослабляется узда, дабы тот разными лжевидениями ниспровергал в погибель тех, кто по собственной злобе отвращается от божественного света. Итак, всякий раз, как ты читаешь о прорицаниях сатаны, думай о праведном мщении Божиим. И если Бог столь сурово мстит за презрение к Себе мирским язычникам, наученным лишь свидетельством неба и земли, то сколь более жуткое наказание заслуживают те, кто сознательно и добровольно подавляет явленное им в законе и Евангелии чистое спасительное учение. Посему ничего удивительного, если сатана путем обмана с такой вседозволенностью вводит в заблуждение весь мир, нечестиво презревший ясно предъявленную ему евангельскую истину.

Но можно снова возразить: никто не избавлен от опасности, когда столь распространены ложные прорицания. Ведь, когда затемнена истина, добрые не меньше, чем злые кажутся подверженными козням сатаны.

Ответ весьма прост: даже если сатана без различия расставляет для всех сети, благочестивых хранит благодать Божия, дабы те не попали в них вместе с другими. И Писание ясно различает между этими случаями: таким образом Господь испытывает веру Своих людей, а нечестивых ослепляет, дабы те погибли по собственным заслугам. Посему Павел ясно говорит о том, что сатане позволено действительно обманывать лишь тех, кто отказывается слушаться Бога и принимать Его истину, 2Фес.2:11. Эти слова достаточно обличают преступное нечестие людей, извиняющих презрение к любому учению под следующим предлогом: куда нам обратиться, если дьявол владеет столькими и столь различными способами обмана? Значит, – говорят они, – выгоднее жить свободными от всякой религии, нежели навлекать на себя погибель каким-либо к ней усердием. Однако страх, на который они ссылаются, далеко не искренен. Ведь больше всего желают они жить подобно скотам без какого-либо страха Божия. Так что им нравится любая уловка, лишь бы она не обязывала их к благочестию. Признаю: сатана бесчисленными способами хитро и нечестиво злоупотребляет священным именем Божиим. Весьма справедлива пословица, порожденная нынешним папством: во имя Господне творится любое зло. Но, поскольку Господь объявляет Себя учителем смиренных, и обещает быть близким к праведным сердцем, поскольку Павел учит (Еф.6:17), что Слово Божие – меч Духа, поскольку говорит, что истинно утвержденные в евангельской вере больше не подвержены человеческому мошенничеству, поскольку Петр зовет Писание светильником, сияющим в темном месте (2Пет.1:19), поскольку нас не может обмануть милостивое приглашение Христово: ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, – то, что бы ни замыслил сатана, какую бы тень ни пытались навести лжепророки, не следует бояться, что нас покинет Дух благоразумия и различения, по мановению обуздывающий сатану и делающий нас победителями над ним верою в Собственное Слово.

18) *Павел, вознегодовав.* Возможно, в начале Павел не обращал внимания на крики служанки. Надеясь остаться незамеченным, он предпочитал тут же удалиться. Однако постоянное повторение этой сцены в конце концов его утомило. Он больше не мог делать равнодушный вид без того, чтобы сатана не впал в еще большую разнузданность от его терпения и молчания. Кроме того, Павлу не следовало дерзко решаться на подобное запрещение, доколе он не получил твердое познание о наделении себя божественной силой. Ведь без повеления Божия слова Павла были бы пусты и бесполезны. Но это следует отметить, дабы кто не дерзнул осудить Павла за чрезмерную поспешность, за то, что тот столь яростно схватился с нечистым духом. Ведь тягость и негодование вызвало в нем лишь понимание следующего факта: напор сатаны возрастет, если ему своевременно не воспротивиться. И решился он на что-то лишь под водительством Духа, и наложил запрет, только почувствовав себя наделенным небесной силой. Однако кажется, что Павел не согласен с самим собой, поскольку в другом месте (Фил.1:18) проповедует, что радуется всякой возможности продвижения Евангелия, даже посредством нечестивых людей, умышленно пытающихся сделать его ненавистным. Отвечаю: здесь имелся совсем иной случай. Ведь все подумали бы, что бес служанки сотрудничает с Павлом. Таким образом, евангельское учение не только стало бы подозрительным, но и превратилось бы в чистую насмешку. По этой же причине и Христос приказал замолчать бесу, хотя терпел иногда, чтобы Его имя возвещалось нечистыми людьми.

Именем Иисуса Христа повелеваю тебе. Надо отметить форму выражения. У этого чуда была двойная цель: проявить силу Христову и засвидетельствовать, что у Него нет ничего общего с обманом сатаны. Посему Павел, присваивая власть и силу одному Христу, объявляет себя только Его служителем. Кроме того, он ясно противопоставляет Христа бесу, дабы все поняли, что между ними имеется острая и постоянная вражда. Ведь полезным было образумить людей, доверявших столь откровенному мошенничеству, дабы те, очистившись от него, пришли к правильной вере.

19) *Видя.* Тот же самый дьявол, недавно лъстиво уловлявший Павла устами служанки, теперь внушает ярость ее господам, дабы те волокли апостола на смерть. Так, облачившись в новую личину, дьявол разыгрывает новую комедию. Ибо прежняя его игра лишилась всяческой надежды на успех. Даже если на гонение толпу подвиг пыл выказанного Павлом рвения, его не следует вменять апостолу в вину. Да и сам Павел не покался в совершенном чуде, не пожалел о его совершении, ибо ясно сознавал, под Чьим внушением изгнал из служанки беса. Это учит нас, что не следует дерзко осуждать праведные поступки, предпринятые по божественной заповеди, какая бы за этим ни следовала неудача. Ведь Бог проверяет таким образом постоянство Своих слуг, доколе их печаль не рассеет более счастливый и благоприятный исход дела. Что же касается хозяев служанки, то Лука указывает на причину, по которой те столь яростно восстали на апостола. А именно: у них исчезла всякая надежда на постыдный доход. Кроме того, хотя одна лишь алчность подтолкнула их ненавидеть Евангелие и его служителей, они приводят благовидный довод: им неприятно, когда рушится общественный порядок, нарушаются принятые законы и возмущается мир. Таким образом, хотя враги Христовы ведут себя нечестиво и постыдно, они всегда измышляют повод для своего греха. Больше того, даже если их порочная алчность явна для всех, они с невозмутимым видом всегда придумывают что-то для сокрытия своего позора.

Так и сегодня паписты, изображающие ревность по собственному закону, преследуют лишь цель господства и прибыли. Пусть же они клянутся всем святым, что руководствуются благочестивыми чувствами. Сами дела их вопиют о том, что рвение их порождается от кухонного благоволия, а опухалом является тщеславие.

Они – либо голодные псы, подстегиваемые собственной прожорливостью, либо – свирепые львы, дышащие одним лишь зверством.

20) *Сии люди, ..., возмущают город.* Хитро составлено обвинение, повешенное на Христовых слуг. С одной стороны, обвинители претендуют на звание римлян, самое в то время почетное, с другой же – ссылаются на самое бесславное имя иудеев, делая из него предлог для ненависти. Ведь относительно религии римляне были похожи на кого угодно, только не на иудейский народ. Римлянину позволялось совершать священнодействия в Греции, в Азии и везде, где процветали идолы и суеверия. И сатана легко согласовывался с самим собою, облекаясь в разные формы. Единственная же истинная религия, имевшаяся в мире, была римлянам ненавистна. Третья клевета состоит в том, что апостолы якобы подстрекали к восстанию. Говорили, что Павел и его спутники смущают общественное спокойствие. То же самое обвинение возводили в свое время и на Христа. Да и теперь, дабы усилить к нам ненависть, паписты с большой убедительностью вопят, что учение наше направлено лишь к общественной смуте, приводя к отвратительному всеобщему расстройству. Однако нам по примеру Христа и Павла надлежит мужественно презирать эту лживую хулу, доколе Господь не выведет на свет злобу наших врагов и не обличит их бесстыдства.

21) *Обычаи, которых ... не следует ни принимать.* Обвинители опираются на общее предубеждение, дабы не позволить свободное обсуждение дела. Подобным образом и паписты сегодня ведут себя по отношению к нам: это было постановлено вселенским собором; это мнение настолько принято, что не подобает в нем сомневаться; это подтверждается давним обычаем; это одобрено согласием более, чем тысячи веков. Но зачем все это, если не для того, чтобы полностью лишить авторитета Слово Божие? Превозносится людские суждения, а, между тем, законам Божиим не дается никакого места. Чего стоят все эти предубеждения, можно судить из настоящего отрывка. Знаменитыми были законы римлян, но религия зависела от одного лишь Слова Божия. Посему в этом случае надо внимательно следить за тем, чтобы люди были поставлены на место, и преобладал только авторитет Божий, покаяя себе все знаменитое и превозносимое в этом мире.

22) *Народ также восстал на них.* Лука, рассказывая о том, что народ восстал, как только возмущились немногочисленные ничтожные люди, стяжательные прорицатели, порочность которых была хорошо известна, учит нас, сколь безудержно готов обрушиться мир на Иисуса Христа. Глупость и легковесность – постоянный порок, общий почти для всех народов. Но великая сила сатаны проявляется в том, что люди, скромные и смиренные в остальных случаях, без всякого повода внезапно восстают, соединяясь с любыми недостойными сообщниками для подавления божественной истины. Да и в самих судьях наблюдалось не больше благоразумия. Подумаем, какую роль должны были те сыграть. Их долгом было обуздать ярость народа, мужественно противостоять насилию толпы. Они должны были своей властью защитить невинных. Однако, потакая смуте, они хватают обвиняемых и, разорвав их одежды, приказывают без суда стегать плетью. Действительно, плачевный пример людской порочности. Из-за нее почти все судилища мира, обязанные быть святилищем справедливости, осквернены нечестивой и безбожной войной с Евангелием.

Но спрашивается: зачем апостолов бросили в темницу, уже предварительно наказав? Ведь темница учреждена ради стражи обвиняемых. Раньше судьи пользовались этой мерой пресечения для того, чтобы более ясно и подробно разузнать дело. Так мы видим, что со слугами Христовыми обращаются менее человечно, чем с прелюбодеями, разбойниками и другими преступниками. Отсюда яснее распознается сила сатаны, подстегивающая и возбуждающая людские души, так что те, преследуя Евангелие, уже не пытаются прикрываться правосудием. Но если положение благочестивых, защищающих Христову истину, и более тяжко, чем состояние нечестивых преступников, доля их все же весьма почетна. Во всех переносимых несправедливостях они славно торжествуют перед Богом и Его ангелами. Они выносят поношения и позор, но, поскольку знают, что стигматы Христовы на небе ценятся больше, чем пустая и суетная земная помпа, то, чем более нечестиво и оскорбительно с ними обращается мир, тем обильнее у них повод для похваления. Ведь, если Фемистокла мирские писатели почитали настолько, что предпочли его темницу судейскому престолу, то сколь почтительнее надлежит нам думать о Сыне Божием, дело Которого затрагивается всякий раз, как верующие выносят гонения ради Евангелия? Итак, хотя Господь попустил нечестивым судьям терзать Павла и Силу, Он сделал так, что их позор вылился в еще большее прославление. Ведь любые гонения, выпадающие нам из-за евангельского свидетельства, суть восполнения Христовых страданий. И как наш Начальник обратил проклятый крест в триумфальную колесницу, так же украшает Он заточения и пытки Своих людей, давая им триумф над сатаной и всеми нечестивыми.

Сорвав с них одежды. Поскольку древний переводчик правильно передал смысл, изменение, внесенное Эразмом, весьма неудачно. Якобы воеводы разорвали свои собственные одежды. Ведь Лука только хочет сказать: святых людей избивали в обстановке смуты, насилие над ними было столь яростным, что одежды оказались разорванными. Римскому же обычаю было весьма чуждо, чтобы судьи публично разрывали собственные одеяния. Особенно, поскольку речь шла о неизвестной религии, не способной сильно их взволновать. Посему у меня нет желания дольше спорить об очевидных вещах.

23. *И, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их.* 24. *Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду.* 25. *Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их.* 26. *Вдруг сделалось великое землетрясение,*

так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели. 27. Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали. 28. Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь.

(23. И, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их. 24. Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду. 25. Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их. 26. Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех ниспали узы. 27. Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и собирался умертвить себя, думая, что узники убежали. 28. Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь.)

23) *Крепко стеречь.* Воеводы, приказав крепко стеречь Павла и Силу, поступили так с целью больше разузнать об их деле. Ранее ради успокоения народного волнения они велели бить их палками. Как я уже говорил, мир с такой яростью обрушивается на служителей Евангелия, что не соблюдает меры в строгости наказаний. Кроме того, ради примера, нам весьма полезно знать, сколь недостойно некогда обошлись с Христовыми слугами. И не менее полезно знать то, что Лука говорит об их терпении и мужестве. Их ноги находились в колодках, но апостолы, по его словам, молились и прославляли Бога. Отсюда явствует: ни нанесенные им оскорбления, ни раны, причинявшие страдания плоти, ни зловоние тюремной ямы, ни опасность приближавшейся смерти не препятствовали им пылко и радостно благодарить Господа. Надо придерживаться общего правила: невозможно молиться надлежащим образом без того, чтобы одновременно прославлять Господа. Хотя усердие к молитве рождается из ощущения нашей нищеты и зла, и посему соединено со страданием и скорбью, верующим надлежит управлять своими чувствами и не роптать на Бога. Таким образом, законный способ молитвы соединяет два по виду противоположных чувства: беспокойство и грусть, происходящие из ощущения тяготящей нас нужды, и радость от послушания, покоряющего нас Богу, и надежды, подкрепляющей нас и являющей безопасную гавань во время кораблекрушения. Такую форму молитвы нам предписывает Павел, Фил.4:6: прошения ваши вместе с благодарениями да станут известны Богу. Но в этой истории надо отметить следующие обстоятельства. Хотя страдание от ран было весьма тяжким, хотя заточение причиняло скорбь, хотя опасность была велика, Павел и Сила не перестали хвалить Бога. Из этого мы выводим, сколь стойкими и воодушевленными были они в деле несения собственного креста. Да и прежде Лука говорил о том, что апостолы возрадовались, удостоившись претерпеть поношение ради имени Господня.

25) *Узники же слушали их.* Следует знать: Павел и Сила молились громко, дабы засвидетельствовать перед другими заключенными в темнице собственную добрую совесть. Они могли бы, по обычаю, молиться тайным сердечным воздыханием или тихо упрашивать Господа. Итак, почему же апостолы возвышают голос? Конечно, не вследствие тщеславия. Но, уповая на правоту своего дела, они открыто возглашают, что смело прибегают к Богу. Значит, в их молитвах заключено исповедание веры, подавшее всем пример и приготовившее как узников, так и дом стража к последовавшему чуду.

26) *Сделалось великое землетрясение.* Произведя видимое знамение, Господь, во-первых, оповещал Своих рабов, давая понять, что их молитвы услышаны. Но чудо предназначалось также и для других. Бог мог бы без землетрясения избавить Павла и Силу от оков и открыть двери темницы. Но знамение немало способствовало убеждению в том, что Бог именно ради апостолов заставил сотряситься небо и землю. Затем, надлежало, чтобы темничный страж и остальные почувствовали присутствие Божие, не думая, будто чудо произошло случайно. Нет сомнения, что Господь явил тогда пример силы, полезный для всех веков. Ибо верующие должны твердо знать: Бог близок к ним всякий раз, как надо вступать в сражения и подвергаться опасностям ради защиты Евангелия. Между тем, Бог не всегда прибегает к такому способу свидетельства. Не всегда выдает Свое присутствие видимыми знаками. И не подобает предписывать Ему в этом деле закон. Видимым же чудом Он помог тогда Своим рабам для того, чтобы сегодня мы довольствовались лишь Его тайной благодатью, о чем подробнее говорилось во второй главе книги.

27,28) *Темничный страж, пробудившись.* Страж хотел наложить на себя руки, дабы упредить неминуемую казнь. Ведь глупо было бы оправдываться тем, что двери темницы открылись сами собою. Но можно спросить: почему Павел, видя, что самоубийство стража давало возможность для бегства, все же этому воспротивился? Кажется, что таким образом апостол отверг данное от Бога избавление. Больше того, кажется смешной, что Бог позволил стражу проснуться, не давая чуду возыметь результата. Отвечаю: здесь надо принять во внимание божественное намерение. Бог не для того, наряду с другими, избавил от уз Павла и Силу, не для того отворил двери темницы, чтобы тут же вывести узников на свободу. Явив силу Своей десницы, Он укрепил веру Павла и Силы, для прочих же сделал имя Христова славным и известным. Значит, Бог таким образом ответил на молитвы апостолов, что показал Себя способным избавлять их всякий раз, как Ему будет угодно. Кроме того, когда Бог избавляет Своих от смерти, ничто не может помешать Ему проникнуть не только в темницу, но и в могилу. Перед Петром Бог открыл двери темницы с другой целью, как было сказано в главе 12-й. Теперь же сохранение Павла и Силы имело иную причину. Бог хотел не столько

освободить их посредством чуда, сколько утвердить в вере на будущее. Затем, следует помнить о том, что уже было сказано: открытие темницы относилось и к другим узникам. Дабы все они поняли: Бог благоволил учению, которое люди столь несправедливо преследуют. И Павел без сомнения все это сознавал. Поэтому, избавленный от уз, он не пытается уйти. Возможность для бегства у него была. Почему же он ею не воспользовался? Потому ли, что презрел благодать Божию? Или потому, что восхотел своей ленью сделать чудо напрасным? И то, и другое вовсе невероятно. Отсюда мы выводим, что удержал Павла Сам Бог. Так Господь обычно управляет душами Своих людей в сложных и запутанных обстоятельствах. И они, порою сознательно, а порою нет, следуют тому, что надо делать, не переходя положенные им пределы.

29. Он потребовал огня, вбежал [в темницу] и в трепете припал к Павлу и Силе, 30. и, выведя их вон, сказал: государи [мои]! что мне делать, чтобы спастись? 31. Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой. 32. И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его. 33. И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все [домашние] его. 34. И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога.

(29. Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к ногам Павла и Силы, 30. и, выведя их вон, сказал: государи! Что мне делать, чтобы спастись? 31. Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой. 32. И проповедали слово ему и всем, бывшим в доме его. 33. И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его. 34. И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался, что со всем домом своим уверовал в Бога.)

29) В трепете припал. Повиноваться Богу стража не меньше побудил страх, чем подготовило чудо. Отсюда явствует, сколь полезно страшиться с людей гордыню, дабы научить слушаться Бога. Прежде страж ожесточался в своих суевериях. Значит, он высокомерно презрел бы все, сказанное Павлом и Силой, которых ранее с поношением вверг в темничные застенки. Теперь же страх делает его обучаемым и скромным. Значит, всякий раз, как Господь поражает нас и внушает какую-то боязнь, будем знать: это сделано, чтобы привести нас в чувство, стащив с вершины превозношения. Но удивительно, что стража не упрекают за припадание к ногам апостолов. Почему же Павел стерпел то, что, по словам Луки, Петр не потерпел от Корнилия? Отвечаю: Павел потому пощадил стража, что знал: не суеверие, а страх перед божественным судом побудил его самоуничтожиться. Этот вид оказания почтения был весьма распространен. Особенно он был обычен для римлян. Желая о чем-то смиренно просить или молить о прощении, они припадали к ногам тех, кого собирались упрашивать. Значит, у Павла не было причин гневаться на человека, просто униженного Богом. Ведь если бы сделанное противоречило божественной славе, Павел не забыл бы о ревности, ранее оказанной в Ликаонии. Итак, из его молчания мы выводим, что в таком способе почитания не содержалось ничего противного благочестию и славе Божией.

30) Государи мои? Что мне делать. Страж просит совета, но одновременно свидетельствует о своем послушании. Мы видим, что он искренне затронут и готов слушаться приказа тех, кого незадолго до этого бездушно ввергал в оковы. Часто нечестивые, увидев чудеса, на мгновение приходят в трепет. Но тут же подобно фараону вновь становятся упорными или, по крайней мере, не укрощаются так, чтобы слушаться Бога. Этот же страж, познав силу Божию, не оказался испуганным лишь на миг, чтобы потом вернуться к прежней жестокости, но явил послушание Богу и склонность к здоровому учению. Он выведывает способ достижения спасения. И отсюда становится еще яснее: страх его перед Богом не был преходящим. Воистину смирившись, страж добровольно покоряется Божиим служителям. Он понял: они были брошены в темницу только для того, чтобы изменить религию его народа. И теперь готов слушать их учение, которое прежде презирал.

31,32) Веруй в Господа Иисуса. Короткое и на вид бессодержательное, это определение спасения было, однако, весьма полным, потому что призывало уверовать во Христа. Ибо один лишь Христос обладает всеми заключенными в Себе частями блаженства и вечной жизни, которые предлагает нам в Евангелии. Мы же принимаем их верою, как я говорил в главе 15-й. Здесь надо отметить два обстоятельства: во-первых, Христос – единственный объект веры. Посему, отходя от Христа, человеческий разум блуждает в потемках. Значит, ничего удивительного, если все папистское богословие представляет собой безумный хаос и непроходимый лабиринт. Ведь, презрев Христа, паписты потакают себе в пустых и ветреных умствованиях. Кроме того, надо отметить: когда мы принимаем Христа верою, Он один достаточен нам для спасения. Однако последующая добавленная Лукой фраза еще лучше выражает природу веры. Павел и Сила приказывают стражу уверовать в Сына Божия. Ограничиваются ли они этим единственным пунктом? Из контекста Луки следует, что апостолы также возвестили Слово Господне. Значит, мы видим: вера не легковесное и сухое мнение о неизвестных вещах, но ясное отчетливое познание Христа, полученное из Евангелия. Если нет проповеди Евангелия, не остается вовсе никакой веры. В итоге, Лука соединяет веру с проповедью и учением. И коротко сказав о вере, он изъясняет истинный и законный способ верования. Посему вместо вымысла скрытой веры, о которой болтают паписты, будем придерживаться веры, заключенной в Слове Божиим и являющей для нас Христову силу.

33) Крестился сам и все домашние его. Лука снова расхваливает благочестивое рвение стража, посвятившего всю свою семью Господу. Благодать Божия сияет также и в том, что семья его быстро пришла к благочес-

тию и согласию. Одновременно отметим обстоятельства этой внезапной перемены. Еще недавно страж желал себе смерти, думая, что Павел и другие узники сбежали. Теперь же он, отложив страх, добровольно приводит их в свой дом. Так мы видим, что вера воодушевляет к мужеству тех, кто прежде находился в полном отчаянии. Действительно, когда мы цепенеем от страха и сомнений, лучший повод для упования: возложить все заботы на Бога. И никакая опасность не должна удерживать нас от исполнения долга, когда мы надеемся на тот исход, который Бог сочтет для нас полезным.

34) *Возрадовался ..., что уверовал.* Ранее на примере стража расхваливалась внешняя проповедь веры. Теперь же описывается ее внутренний плод. Радужно приняв апостолов, страж не испугался возможного наказания. Он гостеприимно обошелся с теми, стеречь кого его поставили воеводы, тем самым засвидетельствовав действенность собственной веры. Радость же, о которой говорит Лука, особое благо, получаемое каждым от принадлежащей ему веры. Нет мучения худшего, чем недобрая совесть. Ведь неверующие, всеми способами желая отвлечься, с необходимостью трепещут, зная, что не имеют мира с Богом. Если же они не чувствуют мучения в настоящем и распутствуют в безумной и необузданной вседозволенности, все равно радость их неспокойна. Значит, искренняя и постоянная радость приходит только от веры, когда мы наслаждаемся ощущением божественной милости. По этой причине Захария говорит (9:9): радуйся и веселись, дочь Сиона, вот идет твой Царь. Больше того, везде в Писании вере приписывается способность веселить души. Итак, будем знать: вера – не пустое и мертвое воображение, но живое чувство благодати Божией, приносящее твердую радость от уверенности в спасении. И этой радости заслуженно лишены нечестивые, избегающие мира Божия и нарушающие всяческую справедливость.

35. *Когда же настал день, воеводы послали городских служителей сказать: отпусти тех людей.* 36. *Темничный страж объявил о сем Павлу: воеводы прислали отпустить вас; итак выйдите теперь и идите с миром.* 37. *Но Павел сказал к ним: нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас.* 38. *Городские служители пересказали эти слова воеводам, и те испугались, услышав, что это Римские граждане.* 39. *И, придя, извинились перед ними и, выведя, просили удалиться из города.* 40. *Они же, выйдя из темницы, пришли к Лидии, и, увидев братьев, поучали их, и отправились.*

(35. *Когда же настал день, воеводы послали городских служителей сказать: отпусти тех людей.* 36. *Темничный страж объявил о сем Павлу: воеводы прислали отпустить вас; итак, выйдя теперь, идите с миром.* 37. *Но Павел сказал к ним: нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Нет, пусть придут и сами выведут нас.* 38. *Городские служители пересказали эти слова воеводам, и те испугались, услышав, что это Римские граждане.* 39. *И, придя, умоляли их и, выведя, просили удалиться из города.* 40. *Они же, выйдя из темницы, пришли к Лидии, и, увидев братьев, утешили их, и отправились.*)

35) *Когда же настал день.* Спрашивается, от чего судьи столь внезапно изменили решение? За день до этого они велели заковать Павла и Силу, словно собираясь жестоко их покарать, а теперь позволяют безнаказанно уйти. Если бы судьи, по крайней мере, их выслушали, то, разузнав их дело, могли бы вразумиться, обретя здравый смысл. Но дело, кажется, находилось в том же самом состоянии. Отчего же судьи добровольно раскаялись? Отвечаю: здесь говорится лишь о том, что происходит весьма часто, когда возникает общественная смута. Тогда буйствуют не только простолудины, волнение охватывает и правителей. А это выливается в весьма дурные дела. Хорошо известны стихи Вергилия:

И словно в огромной толпе, частенько, когда возникает волненье
Лютует душою незнатная, грубая чернь:
Летают огни и каменья, оружием двигает ярость.
Внезапно, увидев какого-то мужа, известного им
Заслугами и благочестием редким и славным,
Все вдруг умолкают, и, слух обращая, внимают.
Словами одними он душами правит, смягчая сердца.

Значит, более всего позорно, когда с возникновением смуты судьи вместе с народом поддаются общей страсти. И воеводы, увидев народное волнение, сочли это достаточной причиной для побивания апостолов палками. Теперь же они вынуждены со стыдом и позором покаяться в собственной легковесности. Также, возможно, что, исследовав происхождение смуты, воеводы поняли: виноваты сами распространители слухов. Посему, установив невинность Павла и Силы, они, хоть и поздно, но избавляют их от наказания. Этот пример поучает начальствующих, сколь следует остерегаться поспешности. Мы же, в свою очередь, видим, как легко воеводы прощают собственные, даже очевидные, прегрешения. Особенно, если речь идет о незнатных и несправедливых людях. Позволяя Павлу и Силе свободно уйти, воеводы сознают, что прежде причинили им несправедливость. Однако они считают достаточным не доходить по отношению к апостолам до крайней жестокости и неправды. *Ῥαβδούχοι* здесь зовутся доносители, по имени присущей последним болезни. Поскольку знаком ликтора был топор, привязанный к розгам.

37) *Без суда всенародно били.* Защита Павла основана на двух обстоятельствах. Первое: телу римского гражданина было причинено насилие. Второе – последнее совершилось вопреки законному порядку. Впоследствии мы увидим, что Павел был римским гражданином. По закону же Порция, законам Семпрония и многим другим установлениям следовало остерегаться давать кому-либо, кроме народа, власть над жизнью римского гражданина. Однако может показаться удивительным, что Павел не заявил о собственных правах еще прежде бичевания. Ведь молчание его было хорошим поводом для оправдания судей. Однако вероятно, что его не выслушали во время самой смуты. Если же кто возразит, что в этом случае Павел слишком поздно пытается оправдаться, больше того, что он глупо и напрасно видит облегчение в присутствии воевод, ответ также очевиден. Положение Павла от этого не стало бы лучше. Но надо отметить: меньше всего он стремился способствовать собственной выгоде. Он лишь хотел дать впоследствии облегчение всем благочестивым, дабы начальники не обрушивались с подобной вседозволенностью на добрых и невинных братьев. Поскольку Павел считал последних связанными с собою, он и передал свое право братьям, дабы к ним проявили снисхождение. По этой-то причине Павел и требовал оправдания. Таким образом, он разумно использовал представившуюся возможность. Ничем не следует пренебрегать в обуздании врагов, дабы лишить последних свободы мучить невинных. Ибо Господь не напрасно предлагает нам подобную помощь. Однако будем помнить: если нас в чем-то ущемили, не следует мстить вредителям за причиненную несправедливость. Надо лишь приложить усилия для их сдерживания, не позволяя причинять вред остальным.

38) *Испугались, услышав, что это Римские граждане.* Их не затронул более сильный довод: дурное и жестокое обращение с невинными людьми без какого-либо исследования дела, – хотя последнее обвинение было откровенно вопиющим. Однако, воеводы, не боясь человеческого суда, не думали также и о суде божественном. Посему они с равнодушием не обращают внимания на возможные обвинения в несправедливости. Они лишь боятся наказания от римлян за нарушение телесной свободы граждан. Воеводы знали: данное преступление влечет наказание смертью даже для высших начальников. Что же тогда сделают с предводителями области? Таков страх всех нечестивых. Имея перед Богом омертвевшую совесть, они потакают себе во всех грехах, доколе им не грозит людское мщение.

40) *Увидев братьев.* Апостолов попросили сразу же уйти. Но им надо было учесть интересы братьев и не позволить погибнуть нежному евангельскому семени. Нет сомнения, что апостолы остались бы дольше, если бы им позволили. Однако просьба воевод содержала властное требование, вынуждавшее апостолов к повиновению. Между тем, они не пренебрегли своим долгом, увещевая братьев к стойкости. Из того же, что апостолы пришли к Лидии, можно заключить: несмотря на прирост Церкви, эта женщина продолжала выделяться перед всеми из-за непрерывного исполнения долга благочестия. И это еще яснее видно из того обстоятельства, что в доме ее собирались все благочестивые.

Глава 17

1. Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога. 2. Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писания, 3. открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам. 4. И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих [Бога], великое множество, так и из знатных женщин немало.

(1. Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога. 2. Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писания, 3. открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я, – говорил он, – проповедую вам. 4. И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, и великое множество религиозных Еллинов, и немалое число знатных женщин.)

1) *Пришли в Фессалонику.* Нам неизвестно, почему Павел не пытался проповедовать в Амфиполе и Аполлонии, городах, по свидетельству Плиния, весьма почтенных. Разве что он последовал водительству Духа, и, руководствуясь уже полученным откровением, имел или не имел намерения говорить по мере предоставления случая. Возможно, Павел и здесь пытался принести пользу, но Лука умалчивает об этом из-за полного отсутствия успеха. Из того же, что, испытав побои в Филиппах и едва спасшись от большой опасности, Павел все же проповедует в Фессалонике Христа, ясно видно, сколь упорно и мужественно он следует своему призванию, сколь бестрепетно он готов подвергнуться новым опасностям и волнениям. Это непобедимое мужество и неустанное несение креста ясно свидетельствует: Павел трудился не как простой человек, но был наделен небесной силой. И дивное терпение его проявлялось также в том, что, придя к иудеям, неукротимое упорство которых он столько раз испытывал, Павел все же работает ради их спасения. Зная, что Христос дан иудеям для спасения, и что сам он поставлен апостолом для проповеди покаяния, во-первых, иудеям, а затем и язычникам, Павел, доверяя исход своих трудов Господу, повинуетсЯ Господней заповеди, хотя и не сильно надеется на будущий успех. Прежде он, кажется, попросался с иудеями, сказав: вам надлежало первым проповедать царство Божие; поскольку же вы не принимаете его, то, вот, мы обращаемся к язычникам. Но это жесткое высказывание следует относить лишь к собранию, нечестиво отвергнувшему предложенное Евангелие и сделавшее себя недостойным Божией благодати. В отношении же всего народа Павел не перестает исполнять порученное ему служение. И этот пример учит нас, сколь сильно следует ценить

призвание Божие. Дабы никакая неблагодарность людей не мешала нам заботиться об их спасении, доколе Господь посылает нас предназначенными для них служителями. Вероятно, что уже в первую субботу некоторые отвергли здоровое учение. Но их порочность не помешала апостолам проповедовать в субботы следующие.

2) *Говорил с ними из Писаний.* Лука, во-первых, сообщает краткое содержание бесед. А именно: что Иисус, сын Марии, есть Христос, некогда обетованный в законе и пророках, смертью Своей изгладивший грехи мира, а воскресением принесший праведность и жизнь. Затем Лука говорит, как Павел доказывал свое учение. Давайте сначала обсудим эту вторую часть. Лука говорит, что Павел рассуждал, основываясь на Писаниях. Значит, доказательство веры надо искать только из божественных уст. Если речь идет о человеческих делах, то уместны человеческие доводы. В учении же веры должен царить только божественный авторитет, и нам всем подобает от него зависеть. Это признают все. Все соглашались, что принимать надо к одному лишь Богу. И все же немногие слушают Его говорящим в Святых Писаниях. Однако, если для нас ясна аксиома, что Писание исходит от Самого Бога, то правило учения и познания не следует искать где-либо еще. Отсюда явствует, сколь дьявольское заблуждение обуревают папистов, отрицающих, что из Писаний можно что-либо надежно вывести. Посему они заявляют: надо придерживаться человеческих измышлений. Однако позволю себе спросить: правильным ли был способ ведения спора, употребленный Павлом? Пусть же они, по крайней мере, устыдятся, что неверующий народ больше них почитал тогда Слово Господне. Иудеи слушали Павла, позволяли ему аргументировать из Писания. Папа же со своими приспешниками считает насмешкой, если кто-то ссылается на Писание. Словно Бог выражается в нем двусмысленно и косноязычно. Учтем еще и то, что сегодня в Писании присутствует больше света, и ярче сияет истина Божия, нежели в законе и пророках. Ведь в Евангелии Христос, солнце правды, освещает нас полным незамутненным блеском. Тем более нетерпимо богохульство папистов, отказывающих Слову Божию в ясности. Мы же должны знать: веру нельзя основывать на чем-то, кроме Слова Господня. И во всех спорах надо опираться только на его свидетельство.

3) *Открывая.* Здесь Лука говорит о главном содержании или предмете спора. Он приводит два положения, касающихся Христа. Первое: Ему надлежало умереть и воскреснуть. И второе: Сын Марии и был тем распятым. Когда речь идет о Христе, возникает три вопроса. Существует ли Он, кто Он, и каков Он? Если бы Павел обращался к язычникам, ему надо было бы начать с более общих принципов. Ведь язычники ничего не слышали о Христе, и мирские люди не понимают, что нуждаются в каком-либо Посреднике. Среди иудеев же, которым Посредник был знаком, этот пункт не подлежал сомнению. Посему Павел как нечто излишнее опускает то, с чем все и так соглашались. Кроме того, иудеям труднее всего было признать Искупителем именно распятого Иисуса. Поэтому Павел начинает именно с положения о том, что Христу надлежало умереть. И делает он это с целью устранить соблазн креста Господня. Однако не следует думать, что Павел привел только исторические события. Он исходит из несомненного принципа, что были причины, по которым Христу надлежало пострадать и воскреснуть. Павел говорил о падении человеческого рода, о грехе и наказании за него, о суде Божиим и вечном проклятии, коему все подвержены. Ведь Писание, проповедуя смерть Христа, обращает нас именно к этим истинам. Так Исаия (53:6) не просто говорит о предстоящей смерти Христа, но, ясно указывая на то, что все мы блуждали, и каждый шел своей дорогой, и четко называет причину Его страданий: Бог возложил на Него все наши прегрешения, очищение мира нашего было на Нем, ранами Его мы все исцелились; изгладив грехи, Он приобрел для нас праведность. Так Даниил (9:24), упоминая о силе и плоде Его смерти в девятой главе, говорит, что грех запечатан, дабы последовала вечная праведность. Действительно, нет лучшего и более действенного довода для доказательства служения Христа, чем та ситуация, когда люди, смирившись от осознания собственного зла, не видят для себя никакой надежды, кроме жертвоприношения Христова. Тогда, отложив гордыню, они покорно принимают Его крест, которого раньше стыдились и гнушались. Значит, и нам надлежит сегодня вернуться к тому источнику, из которого Павел доказывал смерть и воскресение Христовы.

Это положение проливает большой свет и на второй пункт апостола. Павлу было бы нелегко доказать и убедить, что Христом является Сын Марии, если бы прежде иудеи не узнали, на какого Искупителя надо надеяться. Если же это установлено, остается лишь приложить ко Христу то, что Писание приписывает Посреднику. Итог нашей веры в том, чтобы мы знали: Сын Марии есть Христос и Посредник, Которого прежде обещал Бог. Затем, мы должны знать, зачем Он умер и воскрес; не воображали себе какое-то земное царство, но искали в Нем духовную праведность и все относящееся к спасению. И когда говорится, что Павел то и другое доказал, основываясь на Писании, следует знать: иудеи еще не были так глупы и не отличались таким бесстыдством, каким отличаются сегодня. Павел мог привести основанные на жертвоприношениях и всем законническом культе доводы, которые ныне иудеи громогласно высмеивают. Хорошо известно, сколь недостойно разрывают и искажают они другие места Писания. Тогда в них оставался некоторый здравый смысл, делавший их в определенной степени обучаемыми. Теперь же на сердце их лежит покрывало. Посему, даже при ярком свете иудеи видят подобно кротам.

4) *И некоторые из них уверовали.* Здесь мы видим плод избранного Павлом способа разговора с грешниками. Он ясно доказал всем, что Иисус есть Христос, примиривший с нами Отца Собственной смертью, и воскресение Которого означает жизнь для мира. Однако только некоторые из иудеев уверовали, остальные

слепнут при ярком свете, с оглохшим слухом отвергая голос ясной и несомненной истины. Также достойно быть отмеченным следующее: в то время как из иудеев уверовали лишь немногие, к вере пришло великое множество греков, ранее много далее от нее отстоявших. Зачем же иудеев с детства питали учением закона? Разве для того, чтобы еще больше отдалить от Бога? Бог уже начал являть в них пример слепоты, столь часто вызывавшей пророческие упреки. Но Лука не говорит, что завет Божий стал недействительным потому, что Богу удалось собрать лишь немногих. Ведь в остальных незаслуженно спасенных также сияют искорки избрания. Лука также учит, что люди верили словам Павла не только в той мере, что подписывались под ними с холодным согласием. Они также, по его словам, возымели искреннее чувство, присоединяясь к апостолам в качестве спутников. И подлинным исповеданием Евангелия они вызвали гнев собственного народа. Что же еще означает приведенная фраза, нежели то, что уверовавшие признали: для них несомненно проповеданное Павлом учение, и они полностью стоят на стороне апостола? Ведь более всего противно вере, познав истину Божию, оставаться нерешительным и колеблющимся. Если же кто захочет истолковать так, что люди прилипли к Павлу и Силе из-за усердия к учению, дабы дома получить от них еще большую информацию, то и в этом явствует пламенность их веры. Ведь всегда остается незбылемым следующее: никто не верует во Христа, кромеверяющего себя Ему и охотно вступающего под Его знамена.

Как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество. Эти люди, впитав начатки благочестия, были ближе к Царствию Божию, чем другие, доселе пребывавшие в навозе суеверий. Однако спрашивается: откуда благочестие у греков? Ведь они, предавшись нечестивым заблуждениям и безумствам, были полностью лишены Бога. Павел учит об этом в Еф.2:12. Но следует знать: куда бы ни были изгнаны иудеи, они везде сеяли семя благочестия и распространяли благоухание более чистого, чем у других, учения. Ведь по чудесному совету Божию их жалкое рассеяние вылилось в противоположный результат, приводя блуждающих и ошибающихся к правильной вере. Да, религия греков все еще оставалась оскверненной многими превратными измышлениями. Но многих язычников тяготило собственное безумие. И к иудаизму их привлекало осознание того, что культ единого Бога надежнее всех прочих. Значит, под Эллинами разумеи здесь тех, кто был набожен и как-то приобщился к истинному и законному богопочитанию, оставив пристрастие к грубому идолопоклонству. Хотя, как я уже говорил, приобщение их, вероятно, было легковесным и смутным, сильно отстоящим от правильного наставления. Посему этот почетный титул Лука присваивает им в несобственном смысле. Подобно тому, как Дух Божий иногда удостоивает имени веры невозделанный ее начаток, или даже только подготовку к ней, так и здесь набожными зовутся те, кто, распрощавшись с идолами, начал исповедовать истинного Бога. И хотя набожность эта была смутной и неясной, не заслуживая сама по себе названия религии, поскольку она представляла собой ступень, непосредственно приводящую к Богу, имя, как говорят, дается ей по достигаемому результату. Больше того, слепой и суеверный страх Божий порой также называется религией. Это говорится не иначе, как *καταχρηστικῶς*, для обозначения разницы между каким угодно божественным культом и эпикурейским бесстыдством. Между тем, будем знать: истина или, по крайней мере, здоровое учение Слова Божия является правилом благочестия. Так что без истинного света разумения нет вовсе никакой религии.

5. Но неверовавшие Иудеи, возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступив к дому Иасона, домогались вывести их к народу. 6. Не найдя же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда, 7. а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса. 8. И встревожили народ и городских начальников, слушающих это. 9. Но [сии], получив удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их. 10. Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, пошли в синагогу Иудейскую.

(5. Но неверовавшие Иудеи возревновали и, взяв с площади некоторых негодных людей, собравши толпу, возмущали город и, окружив дом Иасона, домогались вывести их к народу. 6. Не найдя же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти, возмутившие весь свет, пришли и сюда, 7. а Иасон принял их тайно, и все они поступают против постановлений кесаря, говоря, что царь – другой, Иисус. 8. И встревожили народ и городских начальников, слушающих это. 9. И, получив удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их. 10. Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, пошли в синагогу Иудейскую.)

5) *Возревновав.* Мы видим, что Павел никогда не воздвигал Царство Христово без борьбы. Ибо, как только проявлялся некий плод учения, тут же возникали преследования. Но поскольку Павел знал, что ему надлежит сражаться с порочностью дьявола и мира, он не только выдерживал все нападки, но и становился от них еще ревностнее в своем деле. Значит, по его примеру, рабам Христовым надлежит довольствоваться лишь тем, что труды их не полностью напрасны. И эта награда обильно возмещает все их злоключения. Кроме того, этот отрывок учит нас: рвение, коим обуреваются неверующие, – не что иное как безумный порыв. Ведь он не управляется ни благоразумием Духа, ни Его правотой и справедливостью. Даже если сами они ради самооправдания всегда ссылаются в порочном рвении на волю Божию, эта история ясно показывает: в них царствует одно лишь лицемерие, и все тайники их сердца исполнены ядовитой злобой. Враги Павла заявляли, что отстаивают божественный закон. И спорят с апостолом лишь ради его защиты. Но почему же они науськивают всех безбожников, сговариваясь с ними возбудить смуту? Почему мирскому градоначаль-

ству внушают ненависть к Евангелию, способную перекинуться и на закон? Действительно, их поведение ясно доказывает: восставать на Павла толкает их вовсе не ревность по Богу. Зачем они окружают дом Иасона и, возбудив волнение, требуют вывести Павла? Только для того, чтобы выставить его на всенародное побивание камнями. Итак, будем знать: злое рвение, пылающее в суеверных людях, всегда заражено лицемерием и порочностью. Поэтому и происходит так, что ярость их не знает никакой меры.

Взяв с площади некоторых негодных людей. Греческое слово, используемое Лукой, означает ленивых и никчемных людей, которые, не имея, чем бы заняться у себя дома, праздно шатаются по городской площади. Или же означает дерзких и голодных, готовых возмутить толпу, а также совершить любое другое преступление. Отсюда снова видно: прибегающие за помощью к негодным людям имеют весьма недобрую совесть. И поскольку начальство к ним благоволило, что еще подвигло их на возбуждение смуты, кроме уверенности в том, что успеха можно достичь лишь при всеобщем волнении? Лука же описывает, каким образом подобные люди сумели поднять восстание. А именно: хаотически возбуждая народ и повсюду сея свой яд, доколе средств не оказалось достаточно для причинения прямого насилия. То же, что искусство поднимать восстание обще всем смутьянам, на собственном опыте знают города, подвергнувшиеся этой болезни.

6) *Эти, возмутившие весь свет.* Таково положение Евангелия. Ему вменяют все смуты, возбуждаемые против него сатаной. Нечестие врагов Христовых столь велико, что, являясь истинными виновниками смуты, вину толпы они приписывают святым и смиренным учителям. Действительно, Евангелие проповедуют не для того, чтобы сеять между людьми распри, но для того, чтобы, примирив их с Богом, сохранять между ними мир. Поскольку в Евангелии Христос милостиво приглашает нас к Себе, сатана и нечестивые приходят в полное неистовство. Значит у Павла и Силы уже была наготове защита. Однако апостолам надлежало на время подвергнуться ложным слухам. Апостолам надлежало безропотно мириться с ними до того, как их пожелают выслушать. И Господь их примером учит нас, что не следует уступать клевете и ложным слухам. Скорее мы должны мужественно стоять в утверждении истины, готовые выслушивать обвинения даже при правильных поступках. Посему опровергается порочная мудрость тех, кто ради избежания ложного обвинения без колебаний предают Христа и Евангелие собственной вероломной скромностью. Как будто молва о них ценнее молвы о Павле и его спутниках. Больше того, ценнее священного имени Божия, подвергаемого людским надругательствам.

7) *Все они поступают против повелений кесаря.* Вторая часть обвинения: апостолы оскорбляют величие римской империи. Тяжкое и серьезное обвинение. Но весьма бесстыдно состряпанное. Павел и Сила пытались воздвигнуть Царство Христово. Последнее же является духовным. Иудеи знали, что оно осуществляется без какой-либо несправедливости к римской власти. Знали, что меньше всего христиане хотели потрясти основание общественного устройства или лишить кесаря законных прав. Но, ища причину для ненависти к апостолам, хулители облакаются в ложную личину. У македонцев религия, особенно иудейская, не ценилась столь высоко, чтобы ради нее тут же предавать неизвестных на смерть. Итак, иудеи используют предлог оскорбления величества, чтобы уничтожить невинных, посеяв к ним ненависть и злобу. Да и сегодня сатана не перестает распространять подобную мглу, затмевая людские очи. Паписты хорошо знают, – и в глазах Бога они обличаются вновь и вновь, – что возражения их более чем суетны; и нет основания их обвинениям в том, что мы ниспровергаем всякий общественный порядок, упраздняем законы и суды, низвергаем власть любых царей. Но им не стыдно лгать, называя нас врагами общественного порядка, дабы настроить против нас весь мир. Ибо следует отметить: иудеи не только делали вид, что нарушены постановления кесаря, что Павел и Сила посмели что-то обновить в религии, но и прямо утверждали: апостолы выступают за иного царя. Последнее обвинение было полностью вымышленным. Кроме того, если религия когда и заставляет нас противостоять тираническим эдиктам, запрещающим высказывать честь Христу и божественному культу, то все же по праву можно заявить: мы не нарушаем власти царей. Ибо последние не настолько вознесены, чтобы подобно гигантам пытаться столкнуть Бога с небесного престола. Правильным было извинение Даниила (Дан.6:23): против царя ничем не согрешил. Правильным, несмотря на то, что пророк отказал в повиновении безбожному указу. Ведь Даниил не причинил несправедливости смертному человеку, предпочтя ему Бога. Так и мы с доброй совестью платим подати царям, готовые к любому гражданскому послушанию. Но если, не довольствуясь своим положением, они потребуют от нас оставить божественный страх и почитание, нет причин говорить о нашем к ним презрении только потому, что для нас важнее власть и величие Бога.

8,9) *Встревожили народ.* Мы видим, сколь бесчестно поступают со святыми мужами. Поскольку последним не дают возможности защититься, гонение на них, хоть и невинных, становится легким делом. Мы видим: вовсе не ново, что под давлением народа волнение охватывает и сами гражданские власти. Особенно из-за того, что вред причиняется неизвестным и пришлым людям, от которых не ждут никакой мзды. Даром же начальники не согласны подвергаться опасности. Тогда не смотрели на доводы и справедливость, не пытались разузнать дело. Но один подталкивал другого без какого либо протеста со стороны третьего. Все вели себя беспорядочно и хаотично, как обычно бегут во время пожара. Но по особому благодаянию Божию вышло так, что волнение это быстро улеглось. Ведь как только начальники говорят, что собираются расследовать дело, народ успокаивается. Объяснения принимаются. И дело теряет свою остроту.

10) *Отправили ... в Верию.* Отсюда явствует, что труды Павла даже за малое время принесли великий плод. Братья отсылают его и Силу из города, но, исполняя свой долг, добровольно становятся их спутниками, участвуя в опасностях и несении креста. Невероятна стойкость Павла: столько раз испытал надменность и злобу своего народа, он никогда не прекращал попыток привести хотя бы некоторых ко Христу. Поскольку он знал, что обязан иудеям и язычникам, никакая людская неправда не могла отвести его от собственного призвания. Так и всем рабам Христовым надлежит сражаться против мирской злобы и не слагать с себя должное бремя, каким бы несправедливостям они ни подвергались.

11. Здешие были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так. 12. И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало. 13. Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ. 14. Тогда братья тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю, а Сила и Тимофей остались там. 15. Сопровождающие Павла проводили его до Афин и, получив приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились.

(11. Те же, которые приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так, делились благородством среди Фессалоникских. 12. И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало. 13. Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и возбудили народ. 14. Тогда братья тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю, а Сила и Тимофей остались там. 15. Сопровождающие Павла проводили его до Афин и, получив приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились.)

11) *Были благомысленнее.* Лука возвращается к фессалоникийцам. С уходом Павла память о Христе могла показаться похороненной. Действительно, удивительно, что этот слабый, едва светящийся огонек не был полностью угашен, и не зачахло семя здравого учения, не способное прорасти без постоянного усердного орошения. Однако после ухода Павла выяснилось, сколь действенной и плодоносной была его проповедь. Ведь люди, вкушившие лишь начатки благочестия, делают успехи и в отсутствие апостола, упражняясь в постоянном чтении Писания. Во-первых, Лука подчеркивает, что люди эти принадлежали к знатным семействам. Ведь упомянутое им благородство относится не к душе, а к происхождению. Некоторые предпочитают понимать так, что верийцы как бы сравниваются с фессалоникийцами. Ведь Лука зовет их *εὐγενεστέροις*, а не в превосходной степени *εὐγενεστάτους*. Но, думаю, у греков это – обычная и употребительная форма выражения, звучащая грубо для слуха латинян. Добавь к этому сказанное немного ранее о том, что в Фессалониках уверовали некоторые из почетных женщин. Тогда не покажется вероятным, что верийцев ставят здесь впереди жителей Фессалоники.

У Луки имеется три основания упомянуть о благородстве рода. Мы знаем, сколь болезненно оставляют люди высокое положение, сколь редко великие, первенствуя в мире сем, отложив гордыню, принимают крестное поношение и похваляются смирением, как заповедует Иаков (1:10). Итак, Лука говорит здесь о редкой действительности Духа Божия. Ведь он утверждает, что этим благородным людям плотское достоинство не помешало принять Евангелие, приготовиться к несению креста и предпочесть поношение Христово славе мира сего. Во-вторых, Лука хочет сказать нам, что благодать Христова дается любым сословиям. В этом смысле и надо понимать слова Павла (1Тим.2:4): Бог хочет, чтобы все люди спаслись. Дабы бедные и неграмотные (хотя Христос и удостоил их первого места) не закрывали дверь перед богатыми. Итак, мы видим: собираются и благородные и плебеи, пользующиеся почетом и презренные, собираются, чтобы слиться в едином теле. Дабы все до единого смирили себя, превознося одну лишь божественную благодать. В-третьих, Лука, кажется, указывает на причину, по которой к вере пришли столь многие, и Царство Христово столь быстро распространилось в Фессалониках. А именно: немалая помощь состояла в том, что первенствующие и благородные люди своим примером проложили путь для прочих. Ведь народ в основном руководствуется поведением авторитетных лиц. Хотя это не столь уж удобная опора для веры и благочестия, для Бога не ново вести к Себе окольными путями тех, кто еще не верует и погрязает в заблуждениях.

Приняли слово. Лука хвалит фессалоникийцев прежде всего за то, что те с готовностью и усердием приняли Евангелие. Затем, за то, что, ежедневно и постоянно его исследуя, они тем самым укрепляли свою веру. Таким образом, их благочестие и вера с самого начала получают похвалу за готовность и решительность, а по мере своего прогресса – за стойкость и пламенное усердие к преуспеванию. Действительно, первый шаг веры состоит в том, чтобы мы проявили готовность следовать за Христом, и, отбросив плотской разум, явили себя обучаемыми и послушными. И Павел, украшая фессалоникийцев той же самой похвалой (1Фес.2:13), поддерживает тем самым свидетельство Луки. Что же касается второй части, то постоянство – добродетель, которой никак не следует пренебрегать. И Лука говорит, что верующие в укреплении своей веры проявляли немалое усердие. Ведь многие, возгоревшись в самом начале, затем предаются лени и, никак не заботясь о преуспевании, губят в себе всякое семя веры.

Но здесь можно привести два возражения. Стремление проверить услышанное, кажется, говорит о гордыне и весьма чуждо упомянутой прежде готовности. Кроме того, поскольку проверка – знак сомнения, отсюда следует, что у этих людей не было никакой веры, с которой всегда соединены *πληροφορία* и уверенность. На первое возражение отвечаю: нельзя понимать слова Луки в том смысле, будто фессалоникийцы судили и

спорили о том, надо ли принимать истину Божию. Они лишь проверяли учение Павла свидетельствами Писания, не иначе как золото проверяется огнем. Ведь Писание – воистину тот лидийский камень, которым надо испытывать все учения. Если же кто возразит, что этот способ проверки сомнителен, поскольку Писание часто бывает неясным и ему можно придавать разный смысл, отвечу так: одновременно следует присопротивить суждение Духа, не напрасно зовущегося духом различения. Кроме того, под водительством и руководством Духа верующие судят о любом учении именно из Писания, а не откуда-либо еще. Таким образом, опровергается богохульное положение папистов: поскольку из Писаний нельзя вывести ничего определенного, вера зависит только от постановлений Церкви. Дух же Божий хвалит фессалоникийцев и, ссылаясь на их пример, предписывает нам общее правило. Однако фессалоникийцы напрасно бы исследовали Писания, если бы те не имели достаточно света для нашего научения. Итак, неизблемой пребывает аксиома: никакое учение не достойно веры, кроме того, которое мы видим основанным на Писании. Папа же хочет, чтобы все без рассуждения принимали всякое слово, изреченное им по собственной прихоти. Но, будем ли мы считать его выше самого Павла, проповедь которого верующим было позволено проверять? Отметим: здесь идет речь не о каком-то показушном соборе, а о небольшом собрании людей. Отсюда становится еще яснее, что к чтению Писания призваны все и каждый в отдельности. Таким образом, исследование и проверка не противоречат послушанию веры. Ведь как только человек обращает слух и, желая научиться, выражает внимание, он уже является послушным и обучаемым, даже если и не сразу полностью соглашается со сказанным. Например: какой-то неизвестный учитель утверждает, что несет истинное учение. Я приду к нему, проявлю готовность выслушать, приведу душу в состояние послушания правде. Тем не менее, я проверю, каково его учение, и приму лишь то, что признаю как твердую и надежную истину. Самый правильный образ действий: если мы, исполнившись почтения к Богу, охотно и сладостно слушаем предлагаемое нам Слово, словно исходящее от Него Самого. Между тем, мы остерегаемся мошенничества людей, и наши души не спешат верить чему-либо в слепой и суетной легковесности. Значит, проверка, о которой говорит Лука, направлена не на то, чтобы сделать нас медлительными и ленивыми в вере. Скорее готовность вместе с исследованием предлагается здесь как средний путь между легковесностью и недоверием.

Теперь надо ответить на второе возражение: вера противна всякому сомнению. Но тот, кто исследует, сомневается. Значит, фессалоникийцы, проверяя учение Павла, еще лишены веры. Однако убежденность веры не мешает ее подтверждению. Подтверждением же я называю то, когда истина Божия все больше и больше запечатлевается в наших сердцах, хотя и прежде не подвергалась нами сомнению. Например: я слышу из Евангелия, что благодатью Христовой примирен с Богом, что мои грехи изглажены Его священной кровью. Слышу свидетельство, производящее во мне веру. Затем, если я тщательно исследую Писания, то узнаю и другие свидетельства, которые не только подкрепят мою веру, но и усилят, утвердят ее, придавая более полную убежденность. Подобным образом говорится и о том, что вера помогает пониманию при чтении Писаний. Если же кто возразит, что фессалоникийцы, устанавливая из Писаний, так ли обстоит дело, тем самым сочли учение Павла малоавторитетным, отвечу следующее. Преуспевание веры таково, что время от времени верующие ищут в Писании истины, в которых уже убеждены Богом, получив духовное свидетельство. И Лука не говорит, что вера фессалоникийцев была полностью совершенной. Он лишь упоминает о том, как они привелись ко Христу, и какие успехи сделали в деле веры, доколе среди них не воздвиглось прочное здание благочестия.

12) *И многие из них уверовали.* Сказанное относится не к предыдущему предложению, словно люди, упомянутые Лукой, начали верить только после проведенной проверки. Это было бы весьма глупым. Но Лука хочет сказать: по их примеру многие пришли к вере, и церковь в этом городе сильно возросла. До сих пор Лука говорил о начатках фессалоникийской церкви с той целью, чтобы никто не думал, будто с неожиданным и насильственным уходом Павла его труды полностью погибли. Если не ошибаюсь, именно с этим намерением прежде рассказа об изгнании Павла в Верию упомянуто о плоде его проповеди в другом городе.

13) *Когда ... Иудеи узнали.* Мы видим, сколь неутолимая ненависть к Евангелию обуревала повсюду иудеев. Они яростно изгоняли Христа не только тогда, когда Его предлагали у них дома. Слыша, что где-то проповедуют Его имя, иудеи, словно обезумев, стремительно бегут в это место. Но здесь надо подумать не столько о гневе одного народа, сколько об отчаянной злобе сатаны, подстрекающего своих к возмущению Царства Христова, к уничтожению людского спасения, и пользующегося ими как орудием возбуждения смуты. Посему будем знать: когда сегодня верным служителям Христовым противостоит столько яростных врагов, война ведется не со стороны людей. Это сатана, отец лжи, устраивает козни для погубления Христова Царства. Даже если форма его враждебных действий не всегда одна и та же, он никогда не перестает утруждать верных рабов Христовых с помощью прямых нападков, козней, или домашних неурядиц.

16. *В ожидании их в Афинах Павел возмущился духом при виде этого города, полного идолов.* 17. *Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чужими [Богом], и ежедневно на площади со встречающимися.* 18. *Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется, он проповедует о чужих божествах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение.* 19. *И, взяв его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою?* 20. *Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему*

хотим знать, что это такое? 21. Афиняне же все и живущие [у них] иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое.

(16. В ожидании их в Афинах Павел возмущился духом при виде этого города, преданного идолопоклонству. 17. Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися. 18. Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: «что хочет сказать этот суеслов?», а другие: «кажется, он проповедует о чужих демонах», потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение. 19. И, взяв его, привели на марсово поле и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? 20. Ибо что-то новое ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое? 21. Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое.)

16) *Возмущился.* Хотя Павел везде, куда бы ни приходил, усердно исполнял вверенное ему учительское служение, Лука говорит, что в Афинах он проявил еще больший пыл. Ибо видел, что идолопоклонство процветало в этом городе больше, чем в других местах. Тогда весь мир был полон всякими идолами. Нигде не было чистого божественного культа. Везде наблюдались бесчисленные признаки суеверий. Но Афины сатана ввел в безумие больше прочих городов, так что люди в них с еще большим сумасшествием предавались нечестивым и превратным обрядам. Сей пример достоин быть отмеченным. Город, бывший престолом мудрости, источником всяческих искусств, матерью гуманизма, превосходил остальных своей слепотою и безумием. Мы знаем, какими похвалами единогласно украшали его знающие и ученые люди. И сам он до такой степени себе нравился, что считал варварами всех, кого ему не удалось перевоспитать. Однако Дух Святой, осуждая в неведении весь мир, зовет всех учителей свободных наук буруеваемыми великим безумием. Отсюда мы узнаем, что значит в делах Божиих человеческое остроумие. Нет сомнения: Бог позволил афинянам впасть в крайнее сумасшествие, дабы сделать их свидетельством для всех веков. Свидетельством того, что вся сила человеческого разума, оснащенная знаниями и учением, может лишь безумствовать, когда речь заходит о Царстве Божием. У афинян, без сомнения, имелись предлоги, которыми они оправдывали любые измышленные ими превратные и порочные культы. Однако бесспорно следующее: они не только играли в пустую и детскую болтовню, но и сами позорным образом обманулись своими грубыми грязными домыслами. Так, словно, лишившись здравого смысла, превратились в тупых бессловесных тварей. Зная, какая религия происходит от человеческого разума, зная, что мудрость людей – не что иное, как мастерская заблуждений, мы так же узнаем, что афиняне, опьяненные своей гордыней, заблуждались сильнее других. Их надмевала древность собственного города, его изысканность и красота. Они даже утверждали, что из Афин произошли многие боги. Итак, спустив Бога с небес и сделав Его жителем своего города, афиняне заслужили оказаться низринутыми и погрузиться в самую глубину преисподней. Как бы то ни было, но Дух Божий отмечает здесь вечным бесславием суету человеческой мудрости. Ведь там, где у нее имелся особый престол, сгустился самый крошечный мрак, процветало самое махровое идолопоклонство, и сатана с наибольшей вседозволенностью обманывал людей своими кознями.

Теперь перейдем к апостолу Павлу. Лука говорит, что, увидев город столь приверженным идолопоклонству, апостол возмущился духом. Здесь он приписывает ему не просто негодование, не говорит, что он лишь оскорбился подобным зрелищем. Лука имеет в виду особую пламенность благочестивого и святого гнева, обострившего его ревность и заставившего с еще большим пылом приняться за дело. Здесь надо отметить два момента. Павел, вознегодовав при виде нечестивой профанации имени Божия, искажения Его истинного культа, тем самым засвидетельствовал: для него нет ничего дороже Божией славы. И эта ревность в большей степени должна процветать в нас самих, как сказано в Псалме (68:10): ревность по дому Твоем снедает меня. У благочестивых имеется общее правило. Всякий раз, как они видят своего Небесного Отца обесславленным, в них возгорается сильное негодование. Подобно благочестивому мужу Лоту Петр мучился в своем сердце, поскольку не мог исправить омерзительные преступления народа (2Пет.2:8). Учителям же подобает пылать сильнее остальных, согласно Павлу, назвавшему себя ревнителем того, чтобы Церковь сохранилась в истинной чистоте (2Кор.11:2). Те же, кого не затрагивают оскорбления в адрес Бога, кто не только спокойно их выносит, но и полностью не замечает, не заслуживают числиться среди детей Божиих. Ведь они не отдают Богу даже чести, полагающейся земному отцу. Во-вторых, следует отметить: Павел возмущился не так, что сломался и впал в отчаяние. Мы видим, как многие, видя славу Божию нечестиво хулимой, горячатся до такой степени, что, страдая и стеля, все же больше ожесточают людей, чем пытаются их образумить. Между тем, свою лень они извиняют под тем предлогом, что не желают действовать бесцельно. Они считают напрасными свои будущие усилия, если станут сражаться против яростной и сговорившейся толпы. Павел же не только не впадает в лень, не только не покоряется трудностям, не только не отвергает учительское служение, но с еще большим пылом стремиться утвердить дело благочестия.

17) *С Иудеями и с чтущими Бога.* У Павла была привычка: везде, где имелась иудейская синагога, начинать проповедь Евангелия именно с нее, и вначале предлагать Христа своему народу. Затем от иудеев он переходил к язычникам, которые, вкусив учение закона, хотя и не были еще напоены истинным благочестием, все же почитали Бога Израиля, и, желая научения, не отвергали свидетельств, почерпнутых из Моисея и пророков. Поскольку же подобная обучаемость представляла собой первый шаг к вере, больше того, была неким начатком веры, Дух Святой и удостоивает почетного титула тех, кто, получив самые начальные знания,

ближе других приступил к истинному Богу. Они и зовутся здесь людьми, чтущими Бога. Но будем помнить: этот титул отличает их от прочих лишь с целью показать никчемность всякой мирской религии. Вставшие под знамена Бога Израиля особо зовутся почитателями Бога. Им одним приписывается благочестие. Значит, остальным ничего не остается, кроме позорного прозвища безбожников, как бы сильно ни утруждали они себя в собственных суевериях. И заслуженно: ибо каким бы ни был блеск идолопоклонства, если исследовать его внутреннее содержание, обнаружится только жуткое презрение к Богу. И все, чем они угождают своим идолам, предстанет пустой показухой.

18) *Стали спорить с ним.* Теперь Лука добавляет, что между Павлом и философами произошел спор. Не потому, что он намеренно на него пошел, зная, что последние рождены лишь для распрей и болтовни. Нет, Павел против собственного желания был втянут в подобный конфликт. Он и сам велит благочестивым учителям вооружиться духовным оружием (Тит.1:9), которым те должны смело защищать истину, если на нее восстают враги. Ибо не всегда от нашего выбора зависит иметь дело с теми, с кем мы хотим. Господь часто позволяет появляться упражняющим нас неуступчивым и упорным людям, в споре с которыми истина предстает еще ярче. Нет сомнения, что эпикурейцы по обычному своему упорству мучили диспутами святого мужа. Также и стоики нападали на него, упоая на собственные утонченные доводы. Но исход покажет, что Павел не рассуждал как софисты, не был увлечен бесполезными *λογωμαχίας*, но сохранил ту умеренность, которую заповедует другим проповедникам. И нам следует поступать также: основательно опровергая пустые тонкости, мы должны возглашать лишь твердое и несомненное. Кроме того, всегда надо остерегаться опасности, дабы самомнение или желание проявить свои способности не вовлекло нас в излишние и мирские споры.

Далее, Лука упоминает о двух сектах, которые, будучи диаметрально противоположны друг другу, страдали также противоположными пороками. Эпикурейцы не только презирали добрые и подлинные искусства, но и открыто их ненавидели. Их философия состояла в измышлении солнца шириной в две ступни, представлении о том, что мир состоит из атомов. Развлекаясь таким образом, они разрушали великое зодчество, наблюдаемое в мироздании. И если бы их обличили в этом сотню раз, то не обнаружили бы в них большего стыда, чем в собаках. Хотя эпикурейцы единогласно соглашались с существованием богов, они думали, что те ведут на небесах праздную жизнь, предаются удовольствиям и блаженны только в силу собственной лени. Как я уже успел упомянуть: они отрицали, что мир сотворен Богом. Подобным образом, они воображали, что и человеческие дела развиваются случайно, не управляясь небесным провидением. Вожделение было для них наивысшим благом. Не постыдное и разнузданное, но такое, что своими приманками все больше и больше развращает людей, склонных к потаканию плоти. Аморальность их поведения была предметом всеобщей молвы. Поэтому вышло так, что эпикурейцы позволяли себе свободно потакать плоти.

Стоики же, хотя и утверждали, что мир подчиняется божественному провидению, затем абсурдным домыслом или, скорее, безумством, осквернили эту часть своего учения. Они не говорили, что мир управляется советом, праведностью и силою Божией, но измышляли лабиринт всевозможных причин. Так что Сам Бог с необходимостью рока вынужден насильно кружиться с небесной твердью. Подобно тому, как поэты заключают Юпитера в золотые кандалы. Ведь несмотря на его сопротивление в мире все же владычествует неизбежность. Хотя стоики и видели высшее благо в добродетели, они не понимали, что есть истинная добродетель. Люди надмевались гордым самоупованием, украшая себя прерогативами, похищенными у Бога. И хотя все уничижали благодать Святого Духа, не было секты более надменно себя ведущей. Для них мужество представляло собой твердолобое безумие.

Значит, в Павле действительно проявилась чудесная сила Духа. Посреди такого зверья, пытающегося его смутить, он твердо устоял в незыблемой евангельской истине. Имея надежную опору, он выдержал и животную гордыню одной секты, и самоуверенные уловки другой. Кроме того, здесь мы яснее видим, сколь плохо согласуется с небесной мудростью благоразумие плоти. Ибо, хотя весь мир оскорблялся Евангелием, философы в нападках на него были вождями и знаменосцами. К ним особенно относится то, что Павел говорит о мудрости плоти (1Кор.1:21). Она враждебна Христу, и никто не пригоден к обучению начаткам Евангелия, если прежде от нее не отречется.

А другие. Лука представляет нам две разновидности людей. И обе весьма далекие от благочестия. Однако из них одна была много хуже другой. Те, кто снова желал слышать называемое ими новым, руководствовались не здравым усердием к учению, а пустым любопытством. Кроме того, они малопочтительно думали о Слове Божием, принимая его за мирскую новизну. Но, поскольку они обращают к нему слух и не высказывают однозначного мнения, доколе дело не прояснится дальше, в их отношении не стоит полностью отчаиваться. Другие же, надменно отвергая предлагаемую истину, больше того, оскорбительно ее осуждая, закрывают для себя дверь спасения. Ведь из великой гордыни родился богохульный вопрос: что хочет сказать этот суеслов? Они не устаиваются выслушать Павла и оскорбительно его отвергают, словно он – обычный заурядный болтун. Добавь к этому, что подобные люди не по дерзкому рвению ужасаются его учения, но открыто попирают еще не познанные ими религиозные истины. Им стыдно учиться чему-то у неученого человека. Ведь доселе они хвалились тем, что обучают весь мир

Проповедует о чужих божествах. Демонов они разумеют не в отрицательном смысле, в каком о них говорит Писание. Но считают их меньшими богами или гениями, помещаемыми между высшим Богом и людьми. О них много раз упоминает сам Платон. Что касается общего смысла, следует отметить, что сказанное Павлом о Христе и воскресении показалось для них проповедью новых божеств. Отсюда мы выводим: наша вера в том сильнее всего отличается от языческих суеверий, что своим Посредником считает одного Христа, научая, что лишь от Него следует просить спасения, и лишь в Его смерти искать умиловления грехов, коим мы примиряемся с Богом. В том, что учит: Духом Его обновляются люди, ранее бывшие мирскими и проданными греху, начиная после это жить праведно и свято. И, кроме того, в том, что от этих начатков, из которых состоит духовное Царство Божие, разум наш, наконец-то, поднимается к надежде воскресения. О других вещах философы, хоть и не рассуждают право, все же кое-что могут сказать. Касательно вечной жизни и бессмертия души речи их весьма содержательны. О вере же, являющей незаслуженное примирение во Христе, и воскресении, коим Дух Святой восстанавливает в нас образ Божий, о призвании Божиим, о последнем воскресении, они хранят полное молчание.

19) *Привели в ареопаг.* Хотя это и было судебным местом, Лука не имеет в виду, что Павла привлекли к ответу, заставив отчитываться перед ареопагитами. Он хочет сказать, что его привели туда, где обыкновенно бывало большее скопление народа, дабы диспут проводился публично в присутствии почтенного собрания. Допустим все же, что Павла привели на суд. Но сам исход показывает: его не отдали во власть судей, позволив свободно говорить подобно проповеднику. Кроме того, добавленное немного позже о характере и нравах афинян достаточно показывает: причиной данной Павлу возможности выступить служило их любопытство. Оно привело и к тому, что апостолу предоставили столь знаменитое место для проповеди о Христе, и к тому, что столь многие к нему присоединились. Ведь проповедовать иначе, собрав народ на площади или в людном месте, представляло бы собой карасмый смертью проступок. В ареопаге же, поскольку там из-за чрезмерного влечения к новизне болтунам давали возможность трясти языком, у Павла, в ответ на поступившую просьбу, возникла возможность рассуждать о тайнах веры.

21) *Ни в чем охотнее не проводили время.* Афиняне почти всегда предавались двум упомянутым Лукою порокам. Часто бывает так, что люди, жадные до новизны, одновременно являются и болтунами. Истинно некогда написал Гораций:

Ты избегай знатолубца, подобен, ведь, он болтунам.

Действительно, мы видим, что любопытные люди подобны бездонным бочкам. Но от праздности здесь проявились оба этих порока. Не только потому, что философы проводили целые дни в рассуждениях. Но и потому, что сама афинская толпа была чрезвычайно склонна к новизне. И не было такого грязного умелца, который не приложил бы руку к обустройству дел в Афинах. Действительно, сказанное Лукой единогласно подтверждают почти все греческие и латинские писатели: нет никого алчнее, легкомысленнее и упорнее этого народа. Посему в этом городе, бывшем тогда матерью всех наук, никогда не могло возникнуть постоянного способа правления. Так что, в итоге, силой, правда недолгой, оказалась там сама свобода. Афиняне не знали меры в поисках и смутах, доколе не погубили себя и всю Грецию. Даже после того, как дела пришли упадок, они не оставили своей дерзости. Посему Цицерон высмеивает их глупость, говоря, что они и тогда продолжали издавать не менее суровые декреты, чем когда владовали над Грецией. Хотя имела небольшая надежда достичь успеха у столь необузданных людей, Павел все же не пренебрег представившейся возможностью, пытаясь хоть кого-то привлечь к Христу из этой огромной толпы. Да и немалая слава выпадала Евангелию от того, что в самом известном городе, словно на театральных подмостках, опровергались и обличались все ложные культы, до сих пор в этом месте процветавшие.

22. *И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны.* 23. *Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу».* Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. 24. *Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет* 25. *и не требует служения рук человеческих, [как бы] имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание и все.*

(22. *И, став Павел среди марсова поля, сказал: мужи, Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы более, чем набожны.* 23. *Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу».* Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. 24. *Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет* 25. *и не получает заботу от рук человеческих, не имея в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь и дыхание во всем.*)

22) *Афиняне.* Эту речь Павла позволительно разделить на пять частей. Хотя Лука лишь кратко приводит то, что Павел изъяснял во многих словах, не сомневаюсь, что ему удалось передать основной смысл, не пропустив ни одного из основных положений. Во-первых, Павел намекает на суеверие афинян, на то, что те произвольно почитают своих богов. Затем, почерпнутыми от природы аргументами он показывает, кто такой Бог, каковы Его атрибуты, и как Его правильно почитать. В-третьих, он обрушивается на глупость людей, которые, будучи созданы для того, чтобы признавать в Боге Творца и Зодчего, словно слепые блуждают в потемках. В-четвертых, Павел увещевает: нет ничего абсурднее, чем изображать Бога в статуях и рисунках,

поскольку истинным Его образом является человеческий разум. Наконец, в-пятых, он переходит ко Христу и воскресению мертвых. Ведь прежде, чем говорить о евангельской вере, было весьма полезным обсудить эти четыре положения.

Особенно набожны. *Δεισιδαιμονία* греки обычно понимают в хорошем смысле. Между тем, это слово также означает неумеренный страх, которым мучаются суеверные люди, измышляя для себя пустые затруднения. Смысл этого места, кажется, таков: афиняне в почитании Бога перешли разумные пределы, не придерживаясь должной умеренности. Павел как бы говорит: афиняне поступают необдуманно в том, что изнуряют себя, блуждая вокруг да около. Это – касательно буквального смысла слов. Суть же сказанного такова. Павел доказывает: все культы афинян порочны уже по той причине, что они без твердого знания почитают неких богов, случайно и необдуманно принимают разнообразные культы, причем без всякой умеренности. Ведь воздвижение алтарей неведомым богам являлось знаком того, что афиняне не придерживались ничего определенного. У них имелась огромная толпа богов, о коих рассказывались всякие басни. Но, смешивая их с богами неизвестными, афиняне тем самым признавали, что не обладают информацией об истинном божестве.

Далее, всякий почитающий Бога без какой-либо уверенности, вместо Бога почитает лишь свои домыслы. Как бы себе ни угождали верующие, без знания никакая религия не угодна Богу, и не должна считаться священной и законной. Больше того, как бы сильно ни надмевались люди, поскольку совесть их остается запутанной, они неизбежно обличаются собственным судом. Ведь суеверие всегда лишено определенности и время от времени изыскивает чего-то нового. Итак, мы видим, сколь несчастно положение тех, кто не имеет ясного света истины. Ведь они всегда не уверены в самих себе, играя при этом с Богом.

Однако надо отметить: неверующие, когда последних то ослепляет добровольная ожесточенность, то влекут за собой различные вождения, – воюют сами с собой. Часто они не только себе угождают, но и, если кто-нибудь выступает против их непотребств, жестоко на него обрушиваются. Так науськивает их дьявол, и они думают, что лучше всего угождать самим себе. Между тем, если возникает какое-либо сомнение, если восстает какой-нибудь мошенник, если появляется какое-нибудь новое безумие, они не только без сомнения их принимают, но и охотно повсюду за них хватаются. Отсюда явствует: неверующие не успокаиваются ни безмятежной совестью, ни принятым способом почитания Бога, но подобно закоренелым пьяницам всегда находятся в прострации. Однако беспокойство более терпимо, чем оцепенение. Ибо оно не позволяет неверующим угождать самим себе. Хотя суеверие и не всегда боязливо, все же, будучи вовлеченным в разные заблуждения, оно беспокоит разум и мучает его слепыми терзаниями. Отсюда вышло так, что афиняне смешали неведомых богов с домашними, которых считали известными себе, измыслив их по пустому и праздному мнению. Из этого явствует их беспокойство. Они сами признаются, что не довольствуются народными богами, переданными от старших и называемыми отеческими или местными. Посему Павел, дабы исторгнуть из их душ всякую укоренившуюся ложную мысль, принимает за аксиому следующее положение: афиняне сами не знают, кого почитают, не имея какого-то несомненного божества. Если бы они признавали некоего конкретного Бога, то, довольствуясь Им, никогда бы не обращались к богам неизвестным. Ведь познание единого истинного Бога восполняет недостаток любых идолов.

23) *Неведомому Богу.* Легко допускаю, что это алтарь был посвящен всем иностранным богам. Но не соглашусь с мнением Иеронима, что Павел, пользуясь святой хитростью, отнес к единому Богу то, что было написано о многих. Ведь надпись эта была повсеместно распространена и явно не давала повода для хитрого толкования. Почему же Павел множественное число изменил на единственное? Конечно, не для того, чтобы обмануть афинян. Но поскольку этого требовало дело, он говорит, что возглашает учение о некоем неведомом Боге. Обличив же их в заблуждении, в том, что те не ведают, кого именно следует почитать, и в огромной толпе богов не имеют определенного объекта поклонения, Павел после внушает афинянам то, что благоприятствует его собственному учению. Было бы несправедливым отвергать или презирать сказанное о некоем новом Боге, Которому прежде они себя посвятили. Ведь много лучше прежде узнать Бога, чем необдуманно Ему поклоняться. Таким образом, Павел снова возвращается к положению о том, что Бога нельзя правильно почитать и благочестиво чтить, доколе Тот остается непроявленным. Но здесь может возникнуть вопрос: как Павел мог сказать, что афиняне почитают Бога, если они вычеркивали чужих богов из собственных законов? Больше того, сам Павел называет идолопоклонством все, что совершают люди без божественного предписания. Если Бог считает законным лишь тот культ, который согласен с Его Словом, то как же Павел приписывает почитание Бога людским безумствам? Ибо Христос, осуждая самарян, основывался на единственном положении: они почитают Бога без твердого знания, и все же утверждают, что чтут Бога Авраама. Итак, что же надо сказать об афинянах, которые, похоронив память об истинном Боге, поставили на его место Юпитера, Меркурия, Палладу и прочую незаконную шайку? Отвечаю: Павел не хвалит здесь совершенное афинянами, но, опираясь на их чувства, хоть и порочные, пользуется ими как поводом для научения.

24) *Бог, сотворивший мир.* Цель Павла состояла в научении тому, кем именно является Бог. Далее, поскольку речь обращалась к мирским людям, Павел заимствует доказательство от природы. Ведь в такой ситуации он напрасно ссылаясь бы на Писания. Я сказал, что намерение святого апостола состояло в том, чтобы при-

вести афинян к истинному Богу. Они уже знали о том, что существует какая-то божеская сущность. Необходимо было лишь исправить их ложную религию. Отсюда мы выводим: мир блуждает в зыбких двусмысленностях, больше того, мечется лабиринте, доколе о природе Божией царит ложное мнение. Ибо истинное начало благочестия в том, чтобы всякий четко знал, какого именно Бога почитает. Если бы кто захотел рассуждать о религии в целом, то первым положением было бы следующее: имеется какое-то божество, которому люди должны поклоняться. Однако поскольку никто не ставил это под сомнение, Павел начинает со второго положения: истинного Бога следует отличать от всех человеческих измышлений. Значит, Павел начинает с определения Бога, доказывая из него, каким образом Его следует почитать. Ведь второе зависит здесь от первого. Ибо откуда столько ложных культов, откуда такая дерзость в их умножении, если не оттого что люди измышляют Бога по собственному разумению? Нет ничего более распространенного, чем искажение чистого божественного культа, когда люди оценивают Бога по собственным способностям и чувствам. Посему для разрушения всех порочных культов нет ничего вернее, чем начать с того, какова истинная природа Бога. Этой методе следовал Сам Христос, Ин. 4гл. Бог есть Дух. Значит, Он одобряет только поклонников, чтущих Его духовно.

Действительно, Павел не рассуждает утонченно о тайной божественной сущности, но, ссылаясь на творение, показывает, каково полезное знание о Боге. Что же именно отсюда выводит Павел? Что он выводит из того, что Бог Творец, Ваятель и Господь мира? То, что он не обитает в рукотворенных храмах. Поскольку из сотворения мира явствует, что праведность, мудрость, благость и сила Божия разлиты за пределами неба и земли, следует вывод: ее нельзя заключить в какие-то пространственные границы. Но кажется, что это доказательство излишне. На ум приходит следующее возражение: статуи размещаются в храмах для свидетельства божественного присутствия. Но никто не является столь невежественным, чтобы не знать: Бог наполняет Собою все. Отвечаю: истинно то, о чем я говорил раньше: идолопоклонство воюет само собой. Неверующие говорят, что молят богов в присутствии их образов. Но если бы они не привязывали силу и власть Божию к изображениям, разве ожидали бы они от них помощи? Поэтому вышло так, что один храм они считают более святым, чем другие. Язычники бегут в Дельфы, дабы спросить оттуда Аполлона. Минерва же имеет престол в Афинах. Теперь мы видим: Павел обличает ложное мнение, всегда обманывавшее людей, воображавших себе плотского Бога. Первый шаг к правильному познанию Бога в том, чтобы мы вышли за пределы себя и не измеряли Бога способностями своего разума. Больше того, чтобы мы ничего не воображали о Нем плотским разумом, но твердо знали: Бог находится выше мира и отделен от всех творений.

От подобного здравомыслия мир уклонялся всегда. Ведь людям врождена порочность, стремление искажать славу Божию своими измышлениями. Будучи плотскими и земными, они хотят того, что отвечает их природе. Затем, по мере собственной дерзости они воображают то, что способны постичь. Такими вот измышлениями искажается истинное и чистое познание Бога. Больше того, истина Его, как говорит Павел (Рим. 1:25), обращается в ложь. Ибо всякий, не поднимающийся над миром, вместо Бога почитает пустые тени и образы. Далее, если крылья веры не возносят нас на небеса, мы с необходимостью изнемогаем в собственных измышлениях. И не удивительно, что язычники обманулись плотскими призраками, сведя Бога с небес и включив в мирские элементы. То же произошло и с Иудеями, коим Бог все же явил Свою духовную славу. Ведь не напрасно Иеремия порицает их за то (66:1), что они заключают Бога в стенах храма. И то, что сей порок процветал во все века, выводится из речи Стефана, которую Лука приводит в 7-й главе. Если бы кто спросил иудеев, которых Дух Святой обличает в неотесанности: неужто они думают, что Бог заключен в пределах их храма, – они твердо отвергли бы обвинение в столь грубом заблуждении. Однако, поскольку они не поднимались в умах выше лицемерия храма и, уповая на храм, хвалились, что Бог как будто к ним привязан: Дух Святой заслуженно обличает иудеев в том, что те привязывают Бога к храму, словно смертного человека. Истинно сказанное мною прежде: суеверие противоречит самому себе, предаваясь различным домыслам. Да и сегодня у папистов нет иной защиты, нежели той, которой некогда иудеи и язычники пытались прикрыть свои заблуждения. В итоге, суеверие воображает Бога обитающим в рукотворном храме. Не потому, что хочет держать Его пленником в рукотворенных вещах, но потому, что, думая о плотском Боге, привязывает Его силу к идолам и славу Божию переносит на внешние образы.

Однако, если Бог не обитает в рукотворных храмах, почему Писание в стольких местах свидетельствует, что Он восседает среди херувимов, и храмом Его является вечный покой? Отвечаю: подобно тому, как Бог не привязан к месту, так и меньше всего Он желает привязать Свой народ к земным символам. Скорее Он нисходит к ним для того, чтобы возвысить до Собственного вознесенного положения. Посему злоупотребили храмом и ковчегом люди, до такой степени к ним привязавшиеся, что полностью обратились к земле и отошли от духовного почитания Бога. Здесь мы видим, что имеется большая разница между символами присутствия Божия, дерзко измышляемыми людьми, и символами, установленными Богом. Ибо люди всегда склоняются долу, пытаются познать Бога плотским образом. Бог же водительством Своего Слова возносит их ввысь и использует лишь промежуточные символы, коими дает познание глупцам подходящим для них образом, доколе постепенно не вознесет их на небеса.

25) *И не требует служения рук человеческих.* Тот же вопрос, который ранее был задан о храме, теперь встает в отношении обрядов. Ведь, кажется, что осуждаемое Павлом в обрядах язычников можно отнести и к формам Моисеева культа. Но решение весьма несложно: верующие никогда не связывали культ Божий не-

посредственно с обрядами. Они лишь считали обряды вспомоществованиями, упражнявшими их по причине немощи. Принося в жертву Богу скот, принося Ему хлеб и возлияния, возжигая светильники, они знали, что благочестие не заключено в подобных вещах, но, получая помощь от подобного рода начатков, всегда стремились к духовному божественному культу, лишь его почитая ценным и достойным Бога. И Бог во многих местах ясно заявляет, что Его не заботит ничто видимое и внешнее, что обряды сами по себе ничего не значат, что почитание его заключается лишь в вере, чистой совести, молитвах и благодарении. Что же тогда мы скажем о язычниках? Когда они водружали статуи, воскуряли фимиам, устраивали игры, украшали идолами потолки своих храмов, то думали, что лучшим образом исполняют обязанности благочестия. Между тем, их простонародным нелепостям потакали не только философы, но и поэты, полагая божественный культ в церемониальной помпе и великолепии. Опуская бесчисленные свидетельства, приведу лишь слова Персея.

Скажите, жрецы, что же делает злато в священном?

А именно то, что Венере от дев подается.

От щедрой руки подаем ли мы вышним поддержку,
Которую дать им не в силах слепое отродье Мессалы,
И чту ли я право, души благочестье, святые раздумья
Ума, благородство в груди. Это ль я почитаю?

Все это забыв, прибегаю я к храмам, несу возлиянья.

Нет сомнения, что именно Бог приписал мирским людям подобные фразы, извиняющие их неведение. Но легко заметить: те, кто так говорит, тут же впадают в общее безумие. Больше того, в их души никогда не проникает понимание того, что это все означает. Даже если те, кто выделяется в народе остротой ума, вынуждены признать, что одни лишь обряды не имеют никакой ценности, все равно, они не перестают уповать на то, что обряды составляют часть божественного культа. Посему, чем прилежнее они заняты подобными пустяками, тем больше уверены, что правильно исполняют обязанности благочестия. Итак, Павел отвергает мысль всех смертных о том, что обрядами и другими внешними вещами можно умиловать Бога. Ведь все они от малого до великого желают послужить Ему делами. Приводится и причина: Бог, будучи Господом неба и земли, не нуждается ни в чем и, подавая людям жизнь и дыхание, не может ничего принять от них взамен. Что же люди принесут Богу от себя, если, нуждаясь во всех благах, имеют что-то лишь от Его незаслуженного благодеяния? Больше того, люди что-то из себя представляют лишь по благодати Божией и тут же обратятся в ничто, если Бог заберет животворящий их дух. Отсюда следует: не только слабоумны, но и чрезвычайно надменны те, кто почитает Бога творениями своих рук. То же, что Бог называет милостыни и дела любви благоуханными жертвами, надо отличать от настоящего случая, где речь идет только об обрядах, кои неверующие приносят Богу вместо духовного почитания. Под жизнью и дыханием здесь означает душевная и животная жизнь. В заключительной части предложения некоторые современные греческие кодексы добавляют фразу *κατὰ πάντα*, то есть, «во всем». Мне же кажется, что лучше подходит древний вариант: *καὶ τὰ πάντα*, «и все». Ведь он и яснее, и содержит более полное учение. Из него лучше видно, что у людей нет ничего собственного. Кроме того, с ним согласны определенные греческие рукописи.

26. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, 27. дабы они искали Бога, не ощутив ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: 28. ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род». 29. Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого.

(26. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, 27. дабы они искали Бога, не ощутив ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: 28. ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «ведь и мы также Его порождение». 29. Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого.)

26) *От одной крови.* Павел учил афинян тому, зачем был сотворен человеческий род, дабы после пригласить их к размышлению о цели собственной жизни. Действительно, мерзка неблагодарность людей. Все, наслаждаясь собственной жизнью, не думают о том, зачем Бог им ее дал. Однако это звериное тупоумие присуще большей части людей. Так что они вовсе не думают о том, почему существуют в мире. Им не приходит на ум мысль о Творце неба и земли, Чьи блага они все время получают. Значит, Павел, обсудив природу Божию, своевременно добавил увещание о том, что все люди обязаны усердно стремиться к познанию Бога. Ведь непосредственно для этого они и созданы, и рождены. Павел кратко указывает им на цель жизни, состоящей в искании Бога. Далее, поскольку в мире имела не одна религия, но все народы разошлись по разным сектам, Павел учит, что подобное разнообразие рождается от порочности. На мой взгляд, сюда же относится и сказанное им о том, что все созданы из одной крови. Ведь единокровие, происхождение от одного рода, должно было бы служить людям узами взаимного согласия. Однако именно религия наибольшим образом примиряет или разобщает людей. Отсюда следует: те, кто разногласит в религии и почитании Бога,

отошли от природы. Ведь из какого бы места они ни происходили, в какой бы части мира ни обитали, у всех них имеется Один Создатель и Отец, Которого следует искать в общем согласии. Действительно, ни телесное расстояние, ни границы областей, ни различие во нравах, ни какой-либо иной разлад между людьми не заставляет Бога измениться. В итоге, Павел имел в виду, что разница в религии есть нарушение природного порядка. И видимые разногласия между народами являются свидетельством упадка благочестия. Ибо все они отошли от Бога, общего для всех Отца, от Которого происходит всякое прочее родство.

Для обитания. По своему обычаю Лука приводит лишь общий итог Павловой речи. Кроме того, Павел, без сомнения, вначале показав, что жизнь людей на земле подобна театральной сцене, делающей их созерцателями дел Божиих, упомянул затем о провидении Божиим, выдающем себя в управлении всем мирозданием. Ведь, говоря, что Бог определил предустановленные времена и пределы обитания, он хочет сказать, что мир управляется Его десницей и советом, и дела людей обустраиваются не случайно, как полагают мирские люди. Таким образом, из небольшого приведенного Лукою текста мы выводим, что Павел охватил в своей речи весьма важные темы. Говоря, что времена были предопределены заранее, он свидетельствует, что Бог прежде создания людей постановил, каким будет их грядущее состояние. Мы, видя, как в человеке возникают разные наклонности, как потрясаются царства, изменяются земли, пропадают города, погибают люди, глупо думаем, будто здесь господствует либо рок, либо простой случай. Но Бог в этом месте устами Павла свидетельствует: раньше совет Его твердо установил, сколь длительным будет обитание любого народа, и в каких границах он будет жить. Если же Бог определил конкретное время и назначил границы обитания народов, нет сомнения: Он также управляет всем ходом их жизни.

Следует отметить, что Павел приписывает Богу не только голое предузнание и холодное созерцание, как по неведению поступают некоторые, но и помещает причину происходящих событий в Его совете и воле. Он говорит не только о предвиденных но и о *πρότεταγμένα* временах, то есть, обустроенных в желаемом Им порядке. Добавляя же сразу, что Бог от начала определил установленное Им раньше, Павел имеет в виду, что Бог десницей Своей силы исполняет то, что постановил в Собственном совете, согласно сказанному: Бог наш на небе все, что восхотел, сделал. Теперь мы видим: подобно тому, как в военных лагерях у каждого отряда и десятка свое определенное место, так же размещены на земле и люди. Дабы отдельные народы доминировали своими пределами, и каждый в пределах своего обитания обустраивал собственное жилище. Кроме того, хотя в разных местах возникало самомнение, и многие, возгоревшись порочным желанием, перешли положенные границы, никогда человеческая похоть не мешала Богу управлять из святилища Своего всеми событиями. Даже если люди мнутя на земле и, кажется, восстают на само небо, дабы ниспровергнуть божественное провидение, они все же, сознательно или нет, скорее вынуждены его исполнить. Итак, будем знать: мир таким образом крутится по орбите смут и волнений, что Бог направляет все к установленной Им прежде цели.

27) *Дабы они искали Бога.* У этого предложения две части. Первая: искать Бога это – обязанность человека. И вторая: Бог выходит ему навстречу, обнаруживая Себя столь ясными знаками, что у нас не остается извинения за собственное неведение. Итак, будем помнить: злоупотребляют этой жизнью и недостойны обитания на земле те, кто не усердствует и не прилагает усилий к поискам Бога. Как если бы отдельные виды животных отошли от своих вложенных природой наклонностей, что заслуженно считалось бы чудовищным явлением. Особо следует отметить благодать Божию, подступающую к нам столь близко, что ее могут потрогать даже слепые. Тем более постыдна и нетерпима людская слепота, не чувствующая присутствия Божия при столь ясных и видимых ее проявлениях. Куда бы ни обращали люди очи – вверх или вниз, – они неизбежно заметят живые образы силы, мудрости и благодати Божией. Ибо Бог в обустройстве мира вовсе не туманно отделил Свою славу, но везде запечатлел очевидные ее приметы, так что ее могут признать даже слепцы. Отсюда мы заключаем, что люди не только слепы, но и глупы. Ведь им нисколько не помогают даже такие ясные свидетельства. Однако здесь возникает вопрос: неужели люди по природе могут достичь истинного и понятного знания о Боге. Ведь Павел намекает, что лишь по собственной лени они не чувствуют присутствия Божия. И, закрывая очи, они не делают Бога менее ощутимым. Отвечаю: к их неведению и глупости примешена такая порочность, что, лишенные правого суда, они без разума проходят мимо всех знаков, блистающих на небе и земле божественной славой. Больше того, поскольку истинное знание о Боге есть Его особый дар, и вера, единственный законный инструмент познания, возникает лишь от просвещения Святым Духом, отсюда следует, что под водительством одной природы наши умы не могут его достичь. Действительно, Павел рассуждает здесь не о способностях человека, но о том, что люди не извинительны, когда слепотствуют при столь ясном свете. Это же он говорит и в первой главе Послания к Римлянам (ст.20). Итак, хотя человеческий разум изнемогает в поисках Бога, он не может оправдаться от своей вины. Бог дает людям Себя осязать, они же словно пребывают в оцепенении, о чем подробнее говорилось в гл. 14.

Хотя Он и недалеко. Дабы еще больше обличить людскую порочность, Павел отрицает, что Бога следует искать в закоулках и на извилинах пути. И если каждый проявит лишь небольшое внимание, он найдет Бога в самом себе. Данный опыт убеждает: наше тупоумие, хотя и унаследовано от Адама, вовсе не свободно от собственной вины. Несмотря на то, что нет такого уголка мира, что не свидетельствовал бы о славе Божией, нам вовсе не надо выходить за пределы себя, чтобы постичь существование Бога. Ибо Своею силой Он так затрагивает каждого из нас изнутри, что глупость наша будет воистину чудовищной, если мы, даже

чувствуя, не сможем Его ощутить. По этой причине некоторые философы зовут человека *микрoκοσμον*. Ибо он превыше всех остальных творений представляет собой образ славы Божией, исполненный бесчисленным количеством чудес.

28) *Ибо мы Им*. Признаю, что апостолы по обычаю еврейского языка частицу «в» часто понимают в значении «через». Но поскольку фраза о том, что мы живем в Боге, более эмфатична и выражает более глубокую мысль, мне не захотелось ее менять. Не сомневаюсь в том, что Павел хочет сказать: мы неким образом сохранимся в Боге, ибо Он обитает в нас Своею силой. Посему Бог Сам отделяет Себя от всех творений именем Иегова, дабы мы знали: собственно говоря, существует Он один, мы же существуем в Нем лишь постольку, поскольку Он питает и поддерживает нас Своим Духом. Во всех частях мира разлита сила Духа, поддерживающая эти части в должном состоянии. Небу и земле она дает наблюдаемую нами крепость, а животным – возможность двигаться. Вовсе не так, как болтают безумные люди: будто богами исполнено все, и, больше того, даже камни являются богами. Но так, что Бог чудесною силой и внушением Собственного Духа сохраняет все, созданное Им из пустоты. Кроме того, особо упоминается о людях. Ведь Павел говорит, что им не следует далеко искать близко пребывающего от них Бога. Далее, поскольку человеческая жизнь превосходнее простого движения, а движение – бытия, Павел на первом месте помещает самое главное, постепенно спускаясь до простого существования. Смысл его слов следующий: не только жизнь дается нам от одного лишь Бога, но и всякое движение. Более того, даже существование, низшее из всех трех, происходит из того же источника. Я утверждаю, что жизнь – самое превосходное качество в людях. Ведь они не только обладают жизнью и движением, общими со скотами, но также наделены разумом и пониманием. Посему Писание особо прославляет вышеозначенный ниспосланный от Бога дар, и делает это вполне заслуженно. Так Иоанн (1:4), упоминая о вселенском сотворении, не без причины отдельно добавляет, что жизнь была светом для людей. Теперь мы видим: все, не знающих Бога, не знают самих себя. Ведь Бог не только присутствует в их выдающихся умственных способностях, но и в самом их существовании. Собственно бытие подобает одному лишь Богу, все остальные существуют только в Нем. Данный отрывок также учит: Бог не создал мир таким образом, что потом удалился от Собственных дел. Мир стоит силой Божией, и Тот, Кто единожды стал Создателем, продолжает оставаться вечным Управителем. Так что мы всегда и усердно должны размышлять об этой постоянной поддержке, дабы мысль о Боге постоянно приходила нам на ум.

Некоторые из ваших стихотворцев. Павел цитирует полустишие из Арата не столько из-за его авторитета, сколько для внушения стыда афинянам. Ведь подобные поэтические свидетельства проистекают не откуда-нибудь, а от природы и здравого смысла. И не удивительно, что Павел, обращаясь к неверующим людям, не знающим истинного благочестия, воспользовался свидетельством поэта, упоминающего о знании, от природы вложенном и запечатленном в человеческих сердцах. Довод же папистов сильно от этого отличается. Они настолько опираются на человеческие свидетельства, что противопоставляют их божественному Слову. Они не только считают учителями веры Иеронима, Амвросия и остальных святых, но и хотят связать нас речениями собственных зловонных пап не иначе, как словами Бога. Даже больше: они не стыдятся приписывать Аристотелю такой авторитет, что в сравнении с ним в школах молчат пророки и апостолы. Теперь возвращаюсь к толкованию настоящего отрывка. Нет сомнения, что Арат говорил тогда о Юпитере. Однако Павел неосознанно сказанное поэтом о своем Юпитере приспособил к истинному Богу, придавая словам иной смысл. Поскольку люди по природе наделены определенным чувством Бога, они черпают из этого источника подлинные принципы. Хотя, как только они начинают думать о Боге, тут же изнемогают в собственных превратных умствованиях. Таким образом, чистое семя вырождается в разные искажения. Но, несмотря на это, первоначальное знание о Боге продолжает в них пребывать. Пользуясь этим, сказанное Вергилием о вымышленном Юпитере, что Им исполнено все, никто из здравомыслящих не усомнится приложить к истинному Богу. Больше того, Вергилий, желая выразить силу Божию, ошибочно приводит ложное Его имя. Что же касается смысла слов, то, может быть, Арат считал, будто в человеческих душах содержится нечто божественное. Подобно тому, как манихеи воображали, что души происходят от Бога. Так Вергилий, говоря о мире:

Но Дух изнутри нас питает, и разум, разлитый в суставах,
Приводит всю массу в движение...

больше философствует по образу платоников, чем ясно сознает, что мир поддерживается таинственным божественным воздействием. Однако это измышление не помешало Павлу утвердить правильную аксиому, хоть и искаженную людскими выдумками: люди являются родом Божиим, поскольку превосходством своей природы свидетельствуют о чем-то божественном. Именно этому и учит Писание: мы созданы по образу и подобию Божию. То же Писание учит во многих местах, что мы становимся детьми Божиими по вере и незаслуженному усыновлению, когда прививаемся к Христову телу и, возрожденные Духом, начинаем быть новым творением. Но, означая Сам Дух из-за Его многочисленных видов благодати разными именами, Писание также, вполне естественно, в разном смысле использует термин «дети». Все смертные без разбора зовутся детьми Божиими, поскольку разумом и пониманием ближайшим образом приступают к Богу. Однако образ Божий в них почти полностью стерт. От него остаются лишь блеклые линии. Посему заслуженно имя это ограничено одними верующими, наделенными Духом усыновления и представляющими Небесного Отца светом разума, праведностью и святостью.

29) *Мы, будучи родом Божиим.* Павел выводит, что Бога нельзя изображать в рисунках или скульптуре. Ведь Он восхотел, чтобы образ Его пребывал в нас самих. Душу, в которой собственным образом заключен божественный образ, изобразить нельзя. Значит, еще абсурднее желать изобразить Самого Бога. Теперь мы видим, сколь сильно оскорбляют Бога те, кто приписывает Ему телесный облик, в то время как душа человека, содержащая лишь искорку божественной славы, не допускает ничего подобного. Далее, поскольку нет сомнения, что Павел обрушивается здесь на общее суеверие всех язычников, желавших изобразить Бога телесными знаками, надо придерживаться общего учения: сущность Божию дурно и нечестиво искажают, а истину Его обращают в ложь, всякий раз, когда величие Его представляют в каком-либо видимом образе. Как учит и сам Павел в первой главе Послания к Римлянам (ст.23).

Хотя во все века идолопоклонники пытались себя оправдывать, пророки не напрасно возражали им теми же словами, которые ныне приводит Павел: Бог становится подобным дереву, камню или золоту, когда Ему изготовляют образ из мертвой и тленной материи. Язычники использовали идолы, дабы по мере своей грубости лучше разглядеть близкого к себе Бога. Однако, поскольку Бог неизмеримо превосходит способности нашего разума, всякий пытающийся постичь Его собственной мыслью искажает Его славу превратным и ложным воображением. Посему не подобает нечто измышлять о Боге по собственному разумению. Затем, что еще хуже, вполне очевидно: люди воздвигают Богу статуи только потому, что мыслят о Нем нечто плотское, отдающее бесславию.

Сегодня ничуть не более извинительны наши паписты. Какие бы отговорки они ни приводили для оправдания изображений, коими пытаются выразить Бога, поскольку заблуждение их одинаково с заблуждением древних, их обличают те же самые пророческие свидетельства. То, что паписты пытаются приводить такие же извинения, какие раньше приводили язычники, явствует из их собственных книг. Посему пророки не могут у них избежать упреков в том, что чрезмерно подчеркивают тяжесть идолопоклонства, больше того, возводят на него ложные обвинения. Однако, здраво все обдумав, все правильно мыслящие поймут: любые, даже утонченнейшие ловкачи, прибегающие к всевозможным доводам, изобличаются одним единственным безумием: они пытаются служить Богу посредством идолов. Там, где я вместе с Эразмом перевел «Божество», Лука говорит τὸ θεῖον в среднем роде, означая этим божескую сущность. Поскольку Павел отрицает, что Бог подобен золоту или серебру, или камню, являясь предметом человеческого искусства или вымысла, он исключает сразу и материю, и форму, осуждая любые людские измышления, искажающие истинную природу Божию.

30. Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, 31. ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых. 32. Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. 33. Итак Павел вышел из среды их. 34. Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними.

(30. Итак, прежде не обращая внимания на времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, 31. Тем, что назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых. 32. Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. 33. Итак Павел вышел из среды их. 34. Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними.)

30) *Времена неведения.* Тот, кто верит в истинность народного мнения, в то, что одобрено долгим обычаем и принято по общему согласию всех, мог бы возразить Павлу: Зачем ты разрушаешь учение, принятое от начала мира столетиями поколениями? Кому доказываешь ты, что весь мир обманывался столь длительное время? Как и сегодня нет такого гнусного богохульства, которое паписты не надеялись бы защитить подобными доводами. Павел же упреждает это возражение. Он учит: люди заблуждались столь долго потому, что Бог не протянул им с неба руку, дабы вывести на правильный путь. Может показаться глупым, что мужи, наделенные разумом и суждением, постыдно заблуждались в столь важном вопросе. Однако Павел хочет сказать: люди не будут знать меры в заблуждениях, покуда на помощь им не придет Бог. На вопрос же, почему Бог не подал им скорого врачевства, Павел отвечает лишь одно: таким было Его благоволение.

Действительно, почему Бог внезапно возжег свет Своего учения, хотя раньше четыре тысячи лет позволял людям блуждать в потемках? Причина этого для нас непостижима. По крайней мере, о ней молчит Писание. Так что здесь более уместна сдержанность, чем неумеренное любопытство. Все, не позволяющие Богу по Собственному усмотрению говорить или молчать, пытаются призвать Его к ответу. А это более, чем недостойно, и противоречит самой природе. Затем, те, кто не довольствуется Его мудростью и тайным советом, с необходимостью начнут спорить с Павлом, ясно укажем, что неведение усиливалось в мире, доколе Богу было угодно его терпеть. Другие толкуют иначе: Бог щадил неведение язычников, словно потворствуя им и не желая наказывать. Однако подобная мысль полностью чужда замыслу и намерению Павла. Он никак не пытается преуменьшить людскую вину, и хочет лишь возвеличить неожиданно воссиявшую благодать Бо-

жию. Ложность приведенного толкования явствует и из других мест. Ведь те, кто согрешил без закона, погибли без закона. В итоге, Павел хочет показать, сколь слепы люди, доколе им не явит Себя Бог.

Почему же Он не сразу разогнал мрак? На это не следует дерзко и с любопытством искать причину. Но все, что было угодно Богу, без сомнения должно казаться правильным и нам. Хотя и жестко звучат слова о том, люди, по попущению Божию, много веков несчастно себя обманывали, нам надлежит довериться божественному провидению. Если же в нас когда-то возникнет пустая и порочная жажда к знанию, то давайте сразу вспомним, сколь часто учит Павел о тайне, сокрытой от века, о том, что язычникам неожиданно воссиял свет Евангелия. Вот образец многообразной премудрости Божией, превосходящей всякое людское разумение. Будем же помнить: вина не снимается с людей из-за того, что Бог не восхотел исправлять их заблуждения. Ибо их всегда обличала собственная совесть, не позволяя избежать заслуженного осуждения. Павел же, сказав, что мир заблуждался по попущению Божию, сделал это не для того, чтобы переложить на Бога вину, но устранил повод для вредных и любопытных вопрошаний. Отсюда мы узнаем, сколь почтительно и умеренно надо думать о провидении Божиим. Дабы кто не дерзал по гордыне человеческой природы выпытывать у Бога отчета в Его делах.

Далее, это поучение сегодня не менее полезно нам, чем людям того времени. Враги возродившегося Евангелия считают абсурдом, что Бог во время папского отступничества столь долго позволял людям заблуждаться. Словно Ему не позволено, не давая отчета, попускать человеческое неведение и сегодня, как в те далекие времена. Прежде всего, надо отметить, с какой целью это все говорится. Чтобы неведение прошлых времен не мешало нам сразу же выказать повиновение обратившемуся к нам Богу. Многие думают, что, имея союзниками отцов и ссылаясь на длительный обычай, они тем самым вполне оправдывают свое заблуждение. Больше того, они охотно и жадно хватаются за эту отговорку лишь бы не повиноваться Слову Божию. Павел же отрицает, будто ссылка на неведение отцов может служить извинением, избавляющим от обязанности слушать Бога. Хотя и сами они не невинны перед Богом, еще более нетерпимой будет вялость наша, если мы станем слепнуть при ярком свете дня, и при звуке евангельской трубы оставаться глухими и сонными.

Ныне повелевает людям всем. Этими словами Павел учит: как только Бог начинает говорить, сразу же следует обращать к Нему слух. Согласно написанному (Пс.94:7-8): сегодня, если глас Его услышите, не ожесточайте сердца ваши. Никак не извинительно превозношение тех, кто, несмотря на милостивое приглашение со стороны Бога, не пользуется этой возможностью. Между тем, из данного отрывка мы узнаем, с какой целью проповедуется Евангелие. А именно: чтобы Бог вернул нас к себе от прежних житейских заблуждений. Значит, всякий раз, как в наших ушах звучит евангельский глас, будем знать: это Бог призывает нас к покаянию. Также следует отметить: речь приписывается здесь Самому Богу, хотя Он и обращается через людей. Ибо полный авторитет, подобающий небесной истине, имеется у Евангелия лишь тогда, когда вера наша видит в Боге Проводителя всех пророчеств и зависит только от Его уст.

31) *Он назначил день.* Упоминание о страшном суде добавлено с целью потряснуть со слушателей оцепенение. Мы знаем, сколь сложно для людей отречься от самих себя. Так что их необходимо силой принуждать к покаянию. А это нельзя сделать лучше, нежели призвав их к судилищу Божию и напомнив об ужасном суде, который нельзя ни презреть, ни избежать. Итак, будем помнить: учение о покаянии процветает лишь тогда, когда люди, по природе желающие себе льстить, пробуждаются от страха перед судом Божиим. И к евангельскому учительству пригодны лишь те, кто, являясь глашатаем и герольдом Верховного Судьи, призывает виновных к ответу и возвещает грядущее воздаяние так, словно последнее уже находится в Его деснице. И не напрасно добавлено: «праведно», или: «по правде». Хотя на словах все признают, что Бог – праведный Судья, мы видим, что обычно это бывает лукавством. Ибо люди не позволяют Богу требовать отчета, превышающего их знание и разумение. Итак, Павел хочет сказать, что люди ничего не выигрывают от пустой лести. Они не смогут помешать праведности Божией, объявляющей позором перед Богом то, что кажется людям возвышенным. Ведь Бог будет следовать не пожеланиям смертных, а Им же установленному правилу.

Посредством предопределенного Мужа. Нет сомнения, что Павел многое сказал тогда о Христе, дабы афины знали: Он – Сын Божий, через Которого миру дано спасение, и Которому дана всякая власть на небе и на земле. Иначе приводимая речь была бы неспособной кого-либо убедить. Но Лука счел достаточным привести краткий итог сказанного. Вероятно, что сначала Павел говорил о благодати Христовой, и прежде, чем провозгласить Его Судьей, показал людским Искупителем. Однако, поскольку Христос часто подвергается презрению, предлагая Себя как Искупителя, Павел возвещает, что однажды Он отомстит за нечестивое презрение. Ведь через Него будет судим весь мир. Глагол *ῥιζεν* можно отнести как к тайному совету Божию, так и к его внешнему проявлению. Но поскольку первое толкование принято больше, я охотно с ним соглашусь. То есть: Бог Своим вечным советом назначил Сына Судьей над миром. Дабы отверженные, отвергающие власть Христову, знали, что напрасно воюют с нерушимым божественным установлением. Поскольку же мысль о том, что Бог будет судить мир через человека, находится за пределами человеческого разума, Павел добавляет, что достоинство Христово, в которое трудно поверить, подтверждено Его воскресением. Воля Божия должна пользоваться у нас таким почтением, что каждый обязан без промедления подписываться под любым ее решением. Но поскольку ради извинения часто ссылаются на неведение, Павел

ясно учит, что Христос воскресением Своим ясно предстал Судией мира, и людским очам стало явлено то, что Бог еще прежде у Себя постановил. Главный же пункт учения, приводимый Лукой в немногих словах, Павел изъяснял долго и подробно. Он упомянул не только о воскресении Христа из мертвых, но и, как полагает, рассуждал о силе Его воскресения. Ибо зачем воскрес Христос, если не для того, чтобы стать первенцем воскресших? И зачем воскреснем мы, если не для жизни или смерти? Отсюда следует: воскресение Христово объявило и доказало, что именно Он – Судья над всем миром.

32) *Одни насмехались.* Здесь мы видим, сколь неодолима людская самоуспокоенность. Их не тревожит ни божественное судилище, ни величие Верховного Судьи. Ранее мы говорили, что предъявлять взору людей божественный суд – самый острый стимул побудить их бояться Бога. Но ожесточение презрителей было столь непрошибаемым, что сказанное о будущем отчете за собственную жизнь они без колебаний высмеивают как басню. Однако у евангельских служителей нет причин из-за этого воздерживаться от порученной проповеди суда. Пусть нечестивые смеются. Само учение, над которым они потешаются, обличит их так, что, наконец, они поймут напрасность своего противления. И не удивительно, что афиняне высмеяли эту часть Павловой речи. Она содержала в себе тайну, сокрытую от человеческого разума, о которой даже лучшим философам никогда ничего не приходило на ум. И мы не можем постигнуть ее иначе, нежели вознеся очи собственной веры к неизмеримой божественной силе. Однако же речь Павла не осталась вовсе бесплодной. Среди слушателей были и такие, кто начал кое в чем преуспевать. Признаваясь, что желают снова его послушать, они тем самым хотят сказать: хотя у них и нет полного убеждения, но все же имеется первоначальное впечатление, побуждающее к новым исследованиям.

34) *Между ними был Дионисий.* Из того, что Лука называет одного мужа и одну женщину, ясно видно: в начале число верующих было невелико. Другие люди, упомянутые им, оставались как бы в нерешительности. Они не отвергали полностью учение Павла, но и не были столь серьезно им затронуты, чтобы соединиться с учениками. Прежде всего, Лука упоминает Дионисия, поскольку тот пользовался среди горожан особой властью. Похоже, что и Дамарь была одной из первых женщин в городе. Далее, смешны потуги папистов из судьи сделать астролога, что следует приписывать отчасти их незнанию, а отчасти – дерзости. Ничего не зная про Ареопаг, они позволяют себе полную вседозволенность в домыслах. Чрезвычайно грубо варварство тех, кто приписывает Дионисию книги о небесной и церковной иерархии, а также о божественных именах. Небесная иерархия не только полна глупых монашеских рассказов, но и просто кишит абсурдными измышлениями и нечестивыми спекуляциями. Книги о церковной иерархии сами говорят о том, что составлены много столетий спустя, когда чистота христианства уже была искажена кучей всевозможных обрядов. Книга же о божественных именах, хотя и содержит нечто достойное внимания, больше поучает тонкостям, чем твердому благочестию.

Глава 18

1. После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф; 2. и, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтийянина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, – потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, – пришел к ним, 3. и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток. 4. Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов. 5. А когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос.

(1. После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф; 2. и, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтийянина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, – потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, – пришел к ним, 3. и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо были они делатели палаток. 4. Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов. 5. А когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос.)

1) Эта история достопамятна уже по одному тому, что рассказывает о начале церкви в Коринфе, городе, заслуженно знаменитом множеством населения и выдающимися талантами, но, одновременно, страдавшем грубыми постыдными пороками. Далее, Лука показывает здесь, какими трудами, и пройдя через какие опасности, Павел сумел обрести этот город для Христа. Сколь населенным был город Коринф, сколь сильно был он привержен удовольствиям и богатству из-за своего знаменитого рынка, – хорошо известно. Древняя поговорка: не всем дано вступить в Коринф, – вполне свидетельствует о его дороговизне и роскоши. И когда Павел вошел в этот город, на что, спрашиваю я, он надеялся? Не известный никому человечишко, не имевший никакого блеска, не являвший никакого богатства или силы. Из того же, что безмерный водоворот города не угасил в нем усердие по распространению Евангелия, мы заключаем: Павел был наделен чудесной божественной силой, и через него не человеческим, но небесным образом трудился Сам Господь Бог. Так что не напрасно Павел заявляет, что коринфяне – печать его апостольства (1Кор.9:2). Ибо дважды слепы люди, не признающие, что в столь смиренном и презренном образе действий еще ярче воссияла слава Божия. И сам Павел явил недвусмысленный образчик непобедимой стойкости. Терзаемый столькими насмешками, презренный в глазах гордецов, он уповал на одну лишь божественную защиту. Однако полезно по порядку рассмотреть приводимые Лукой отдельные обстоятельства.

2) *Иудея, именем Акилу*. Немалое искушение состояло в том, что Павел не нашел в Коринфе никого, кто радушно бы его принял, кроме этого дважды беженца Акилы. Происходя из Понта, он оставил свою родину и, переправившись через море, поселился в Риме. Оттуда он снова был вынужден уйти эдиктом Кесаря Клавдия. Хотя удобства сего города были велики, богатства непомерны, местоположение приятно, а иудеев жило много – Павел не нашел более радушного хозяина, чем человека, покинувшего оба своих приюта. Если сравнить с подобным печальным началом великий плод, тут же последовавший из проповеди Павла, сила Духа Божия станет для нас еще ярче. Также можно понять, как Господь по особому замыслу обращает к Своей славе и спасению благочестивых то, что кажется для плоти несчастливым и тяжким. Согласно плотскому разуму нет ничего несчастнее изгнания. Но для Акилы было более желанным стать товарищем Павла, чем претендовать на власть в Риме или на своей родине. Итак, эта счастливая беда Акилы научает нас: часто Господь больше помогает нам, посылая скорби, нежели обращаясь нежно и ласково. Он подвергает нас тяжелому и скорбному странствию, чтобы через него привести к небесному покою.

Всем Иудеям удалиться из Рима. Положение этого народа было тогда весьма тяжким. Удивительно, что не все иудеи отделились тогда от почитания Бога. Но еще удивительнее другое. Вопреки тирании Кесаря у иудеев преобладала религия, в которой те были воспитаны. Однако, когда воссиял Христос – солнце праведности, лишь немногие из них к Нему обратились. Я не сомневаюсь, что Господь сознательно позволил людям терзаться разными скорбями, дабы те с большей готовностью восприняли благодать предложенного Им искупления. Но большая их часть, как обычно, закоснела в своих грехах, и лишь немногие, подобно Акиле и его жене, проявили обучаемость под воздействием Божиих кар. Если Светоний говорит правду, их оттолкнула ненависть к прозвищу христиан. Таким образом, приключившаяся беда скорее ожесточила этих людей. Ожесточила от того, что их по ошибке обвинили в принадлежности к религии, которую они ненавидели.

3) *И, по одинаковости ремесла*. Здесь говорится, что Павел еще прежде прихода в Коринф, привык работать руками. Причем не ради удовольствия, но для обретения трудом нужного пропитания. Неизвестно, где вначале он научился этому ремеслу. Но из его же собственных слов явствует: в Коринфе этим делом он занимался больше всего. Приводится и причина такого образа действий. Лжеапостолы, дабы хитро войти в доверие людей, учили бесплатно. Значит, святой муж не хотел уступать им в этой чести, дабы Евангелие Христово не подверглось поношениям. Кроме того, из данного отрывка можно вывести: Павел, куда бы ни приходил, прежде, чем заняться постоянным учительством, везде пользовался своим ремеслом для обретения заработка. Златоуст же, говоря, что Павел занимался швейным делом, никак не противоречит Луке, поскольку палатки тогда обычно изготавливались из кожи.

4,5) *Говорил в синагоге*. Удивительно, откуда возникла фраза, повсеместно встречающаяся в латинских кодексах: Павел выставлял напоказ имя Христово. Разве что какой-то читатель захотел восполнить недостаток приведенного Лукой предложения. Здесь Лука четко оговаривает два обстоятельства. Первое: Павел спорил с иудеями. Второе: после прихода Силы с Тимофеем он начал более открыто проповедовать Христа. Хотя, вероятно, что Павел сразу же заговорил о Христе, поскольку не мог опустить главный пункт божественного учения, способ его проповеди тогда вполне мог несколько отличаться. *Πειθεῖν*, то есть «убеждать», я понимаю как: постепенно приводить к убеждению. На мой взгляд, Лука хочет сказать: в то время, как иудеи холодно и глупо толковали закон, Павел, дабы пробудить их ото сна, говорил о порочности человеческой природы, о необходимости благодати, об обетованном Искупителе, о способе обретения спасения. Ведь это – вполне подходящая подготовка к принятию Иисуса Христа. Затем, добавляя, что Дух вынудил Павла учить о мессианстве Иисуса, Лука имеет в виду, что рвение его усилилось еще больше. Так что он свободно и открыто начал проповедовать о Христе. Таким образом, мы видим: Павел не сразу же высказал все, но соотносил учение с предоставлявшимися возможностями. Поскольку же правило это полезно и сегодня: верным учителям надлежит тщательно взвешивать, с какого именно положения начинать, дабы плохое и туманное начало не помешало продвижению учения.

Далее, хотя в Павле и было достаточно рвения, вовсе не глупо звучит фраза о том, что по прибытии помощи он стал еще ревностнее. Не потому, что собрался с духом из-за стыда перед сообщниками или упования на них, но потому что верил: данная помощь послана ему с неба. Кроме того, понуждение духа понимается здесь не как внешнее насилие, подобно тому, как жриц Феба и фанатиков вводит в экстаз дьявольское безумие. Нет. Рвение прибавилось в Павле от обычного внушения пребывавшего в нем Духа Святого. Так что он, будучи понуждаем новой божественной силой, одновременно добровольно следовал его внутреннему водительству. Фразу о том, что Павел свидетельствовал о мессианстве Иисуса, я толкую так: хорошо рассказав иудеям о служении Искупителя, апостол библейскими свидетельствами доказал, что именно Иисуса и следовало им ожидать. Поскольку к Нему относилось все, что закон и пророки приписывают Христу Господню. Итак, Павел не просто заявил, но, приведя торжественное свидетельство, доказал, что Иисус, Сын Марии, и есть Христос, будущий Посредник между Богом и людьми, возвращающий миру жизнь и избавляющий его от гибели.

6. *Но как они противились и злословили, то он, отряси одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших; я чист; ныне иду к язычникам*. 7. *И пошел оттуда, и пришел к некоторому чтущему Бога, именем Иусту, которого дом был подле синагоги*. 8. *Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем до-*

мом своим, и многие их Коринфян, слушая, уверовали и крестились. 9. Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, 10. ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе. 11. И он оставался там год и шесть месяцев, поучая их слову Божию.

(6. Но как они противились и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главе вашей; будучи чист; затем иду к язычникам. 7. И пошел оттуда, и пришел к некоторому чтущему Бога, именем Иусту, которого дом был подле синагоги. 8. Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим, и многие их Коринфян, слушая, уверовали и крестились. 9. Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, 10. ибо Я с тобою, и никто не прострет руку, дабы навредить тебе, потому что у Меня много людей в этом городе. 11. И он оставался там год и шесть месяцев, поучая их слову Божию.)

6) *Противились.* Иудеи терпели Павла, доколе он не перешел к открытой проповеди Христа. Здесь и всколыхнулась их ярость. Надо отметить фразу: иудеи от противоречия перешли к открытому богохульству. Так происходит весьма часто. Люди потакают себе настолько, что дьявол постепенно возбуждает их ко все большему безумию. Тем более надо тщательно остерегаться, дабы дурная похоть не побудила нас противоречить истине. Особенно пусть устрашает нас ужасное осуждение, которое Дух Святой устами Павла изрек против всех восстающих. Ведь то, что Павел, отряхнув одежды, выказал знак отвержения, не означало частное человеческое негодование. В сердце его возгорелась ревность по Богу. Больше того, Бог поставил его вестником Собственного мщения, дабы враги знали, что превозношение их вовсе не безнаказанно. О символе данного проклятия кое-что сказано в 13-й главе. Туда я и отсылаю своих читателей. Итог таков: презрение к Его Слову оскорбляет Бога больше любых других преступлений. Действительно, достойны оплакивания люди, попирающие или отталкивающее единственное врачевство от всех своих грехов. Ибо, как для Бога нетерпимо восстание против Его Слова, так же должно оно гневить и нас. Я имею в виду случай, когда нечестивые открыто ведут с Богом войну, вооружаясь для сопротивления Его Слову. Тогда небесная труба как бы призывает нас на бой. Ибо нет ничего позорнее, чем своим бездействием позволить нечестивым нападать на Бога, вплоть до ругательств и богохульств.

Кровь ваша. Таковым возвещается мщение Божие. Ибо они не имеют оправдания. Они не могут снять с себя какую-либо часть вины, когда, презрев приглашение Божие, пытаются угасить свет жизни. Итак, неся вину за собственную гибель, они, по утверждению Павла, подлежат соответствующей каре. Говоря же, что сам он чист, апостол свидетельствует, что исполнил собственное служение. Известно, что Господь заповедует служителям у пророка Иезекииля (3:18): если не возвестишь нечестивому, чтобы он обратился, кровь его взыщу с руки твоей. Значит, Павел, поскольку не нес никакой вины в закоснелости иудеев, снимает с себя всякое возможное обвинение. Его слова внушают прочим служителям: если те не хотят быть виновны перед Господом в крови других, то изо всех сил им следует стараться обратить заблуждающихся на истинный путь, не позволяя им погибнуть по собственному неведению.

Иду к язычникам. Даже если бы иудеи выказали наивысшую обучаемость, Павлу все равно следовало бы приложить усилия для научения язычников, для которых он и был поставлен апостолом. Но здесь Павел свой уход связывает с тем, что не желает иметь дело с надменностью иудеев. Способ его учительства состоял в том, чтобы, начав с иудеев, соединить с ними в общении веры язычников. И, таким образом, из обоих составить единое тело Церкви. Когда же надежда на успех среди иудеев исчезла, оставалось только обратиться к язычникам. Итак, смысл следующий: иудеев надо лишить принадлежащего им наследия, дабы передать его язычникам. Таким образом, он ранит иудеев, дабы они вернулись к здравому смыслу, отчасти убоявшись и даже придя в смятение, а отчасти покаявшись из-за ревности к язычникам. Однако, поскольку иудеи оказались неизлечимыми, позор их привел лишь к погружению в еще больше отчаяние.

7) *И пошел оттуда.* Павел не потому оставил дом Прискиллы и Акилы, что ему надоели эти сожители. Он сделал это для того, чтобы больше сблизиться с язычниками. Я подозреваю при этом, что упоминаемый Лукою Иуст был не иудеем, а язычником. И этому не противоречит близость его жилья к синагоге. Ведь иудеи жили в рассеянии и не имели для жительства постоянных городов. Больше того, кажется, что Павел сознательно выбрал дом, ближайший к синагоге, дабы еще больше уколоть этим иудеев. Эту гипотезу подтверждает и похвала Иусту за то, что тот был чтущим Бога. Даже если среди иудеев истинная религия процветала не слишком сильно, поскольку они все исповедывали Божий культ, могло показаться, что благочестие присуще всему этому народу. Язычники же редко почитали Бога. Поэтому, если кто из них ближе подходил к истинному благочестию, ему и прилагалась похвала, противопоставляемая идолопоклонству. Также думаю, что язычниками были и коринфяне, упоминаемые Лукой немного спустя. Но чтобы мы не думали, будто труд Павла среди иудеев был лишен всякого плода, Лука и из них упоминает некоторых уверовавших — Криспа и Сосфена, — о которых Павел говорит в Первом Послании к Коринфянам (1:14). Ибо в приветствиях апостол делает Сосфена своим соратником, а о Криспе говорит, что его крестил. Начальника же синагоги я понимаю не как единственного председателя (поскольку этот титул немного ниже отнесен и к Сосфену), но как одного из главных.

9) *Господь ... сказал Павлу.* Даже если плод Павлова учения, состоящий в ежедневном обретении нескольких людей, и мог воодушевить его к постоянству, для еще большего его утверждения добавляется небесное от-

кровение. Отсюда мы выводим: ему предстояло великое сражение, тяжелые и разнообразные испытания. Ведь Господь никогда не давал откровения зря. Да и Павла не посещали ежедневные видения. Однако Господь воспользовался этим средством, когда того потребовала необходимость. И само дело показывает: святому мужу предстояли величайшие труды, от которых он не только изнемог бы, но и полностью обессилел, если бы его не укрепила новая поддержка. И Павел не напрасно говорит о том (1Кор.2:3), что приход был презренным, что он жил тогда в страхе и трепете. Поэтому я заключаю, что чудесная действенность Духа, которой и раньше был наделен Павел, получила поддержку от божественного откровения. Далее, поскольку Писание отделяет видения от снов, как явствует из 12-й главы Чисел (ст.6), под видением, на мой взгляд, Лука понимает следующее: когда Павел вошел в экстаз, ему предстал определенный образ, из которого ясно заключалось присутствие Бога. Действительно, нет сомнения, что Бог явился ему в определенном знамении.

Не бойся. Это увещание показывает, что у Павла была причина для страха. Ведь устранять боязнь при спокойном и радостном положении дел излишне. Особенно в столь активном и мужественном человеке. Далее, из того, что Господь удерживает Своего раба от страха, дабы заставить его добросовестно и верно исполнять служение, мы заключаем, что больше всего противится чистой евангельской проповеди тревога души. Действительно, опыт показывает: те, кому мешает этот порок, не могут быть верными и мужественными служителями. И лишь те готовы к учительскому служению, кому дана душевная сила превозмогать любой страх. Поэтому Павел пишет Тимофею (2Тим.1:7): вестникам Евангелия дан дух не страха, но силы любви и трезвости. Итак, надо отметить связь слов: не бойся, но говори. Как если бы было сказано: пусть страх не мешает тебе говорить. Кроме того, поскольку боязнь препятствует нам говорить прямо, но сдерживает от правильного и подлинного изложения дела, Христос кратко касается того и другого. Говори, – повелевает Он, – и не молчи. То есть, согласно народной пословице, говори, но не вполголоса. Эти слова предписывают служителям Евангелия общее правило. Дабы они просто, без прикрас и притворства, излагали то, что Господь хочет сообщить Своей Церкви. Больше того, чтобы они не скрывали ничего, что способствует назиданию и продвижению в вере.

10) *Ибо Я с тобою.* Первая причина, по которой Павел, обуздав страх, спокойно и бестрепетно был должен исполнять свое служение, состояла в том, что Бог находился на его стороне. Этому соответствует славословие Давида (Пс.22:4): если я пойду долиною смертной тени, не убоюсь никакого зла, ибо Ты со мною. А также: Если меня окружают полчища и т.д. (там же, 26:3). Спрашивается: разве Давид не чувствовал присутствие Господа и в иных обстоятельствах? Ведь он и в других местах часто испытывал Его поддержку. Всеобщим и вечным остается обетование: Я с вами плоть до скончания века. И всякий раз, как мы повинемся собственному призванию, не подобает отчаиваться в Его помощи. Но для Господа весьма обычно приспособлять обещание присутствия Своего во всех наших делах к особым требующим этого обстоятельствам. Мы знаем: когда доходит до конкретного дела, мы больше всего думаем о желанной помощи. Добавь к этому, что два утверждения: Я с тобою, – и, – никто тебе не повредит, – вполне друг с другом согласуются. Иногда бывает так, что Бог, помогая нам, все же попускает нам внешне тяготиться. Как и Павла Он не покинул даже в момент смерти. Здесь же Бог обещает особую защиту, ограждающую нас от нападков врагов.

Но спрашивается: разве Павлу было необходимо подобное подтверждение? Ведь ему надлежало добровольно идти на любые опасности. Что, если бы ему предстояло умереть? Разве от этого ему позволялось бы покориться страху? Отвечаю: если Бог некогда возвестил о том, что рабы Его на время пребудут в спокойствии и безопасности, это никак не должно им мешать мужественно готовиться к смерти. Мы ведь различаем между полезным и необходимым. И также следует отметить: среди обетований имеются такие, которые непременно должны быть у верующих, дабы те не впали в отчаяние. К ним, по мере необходимости, добавляются и другие, по устранении которых вера благочестивых не падает, уповая на несомненную Божию благодать. Подобным образом и Павлу приказано сохранять спокойствие, поскольку враги не смогут его затронуть. Если бы тогда его угнетало их насилие, он ни в коем случае не уступил бы страху. Однако, Бог восхотел укрепить его отвагу также и тем, что обещал избавление от грядущих опасностей. Так что, если Господь порою обильно шадит и нас, все равно не следует пренебрегать утешением в подобной немощи. Между тем, для обуздания всех порочных плотских чувств мы должны довольствоваться одним соображением: покуда мы воинствуем под Его властью, Он не может нас покинуть. Когда говорится: никто не посмеет вредить тебе, – Господь не имеет в виду, что Павел будет избавлен от насилия и волнений. Ведь впоследствии иудеи смертельно угрожали его жизни. Но смысл таков: все их попытки окажутся тщетными, поскольку Бог постановил исхитить Павла из их рук. Значит, и мы должны отважно сражаться, дабы достичь такой же победы.

Потому что у Меня много людей. Вторая причина для упования. Бог восхотел создать здесь великую и многочисленную церковь. Хотя сомнительно, зависит ли эта часть от предыдущей, контекст вполне уместно описать так: поскольку Бог постановил собрать руками Павла великую церковь, Он совершенно не потерпит, чтобы его труд прервали враги. Он как бы говорит: Я буду помогать тебе и не дам тебе отойти от народа, служителем которого ты поставлен.

Охотно принимаю толкование, состоящее в том, что здесь не приводятся разные причины, которые надо разуметь по отдельности. Однако я различил между ними так, чтобы они друг другу соответствовали. Далее,

Господь называет Своим народ, который заслуженно мог бы считать чужим. Но поскольку он был записан в книге жизни и подлежал скорейшему принятию в семью, было вполне уместно украсить его этим титулом. Мы знаем: многие овцы до времени блуждали вне стада, и многие волки смогли примешаться к овцам. Значит, тех, кого Господь постановил впоследствии приобрести, взирая на их будущую веру, Он уже признает состоящими в Своем народе. Но будем помнить: к телу Христову прививаются люди, принадлежащие к нему по вечному усыновлению Божию. Как и написано: они были Твои, и Ты дал их Мне (Ин.17:6).

11) *Оставался там год.* Мы нигде больше не читаем о столь длительной добровольной остановке Павла. Однако из двух его посланий явствует: он не только перенес там бесчисленные беды, но по причине неблагодарности и надменности народа испытал также многие поношения. Таким образом, мы видим: во всех обстоятельствах борения Павла, Господь продолжал чудесно его упражнять. Мы также делаем вывод о том, сколь трудным и нелегким было созидание церквей. Ведь на основание даже одной из них наилучший строитель потратил так много времени. Причем, он считает, что не полностью завершил дело. По его словам, дело завершили другие, покорившись Господу и строя на заложенном им фундаменте. Как и впоследствии говорит: я насаждал, Аполлос же поливал (1Кор.3:6).

12. Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, 13. говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону. 14. Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал Иудеям: Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, 15. но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом. 16. И прогнал их от судилища. 17. А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том.

(12. Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, 13. говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону. 14. Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал Иудеям: Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то заслуженно терпел бы я вас, 15. но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом. 16. И прогнал их от судилища. 17. А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том.)

12-14) *Галлиона.* Либо перемена мнения проконсула придала иудеям еще больше отваги бесчинствовать (подобно тому, как нечестивые и упорные люди злоупотребляют всякой переменной для создания смуты), либо же, уповая на милость к себе судьи, они внезапно на целый год нарушили покой и тишину в городе. Итог их обвинения таков: Павел вопреки закону пытается внушить извращенный божественный культ. Но спрашивается: имеют ли они в виду Моисея или обряды, вошедшие в обиход со времени римского владычества? Поскольку последнее предположение кажется мне натянутым и бессмысленным, скорее соглашусь с тем, что Павла винили в следующем преступлении: он, якобы, нарушил культ, божественно предписанный в законе, стремясь при этом ввести гнусные новшества. И Павел заслуживал бы законного обвинения, если бы попытался что-либо подобное сделать. Однако поскольку было совершенно ясно, что святого мужа вероломно и преступно оклеветали, иудеи старались прикрыть дурное намерение благочестивым предлогом. Мы знаем: сколь жестко заповедует в законе Господь, говоря, каким образом должны почитать Его иудеи. Значит, отходить от этого правила – богохульство. Но, поскольку Павел никогда не хотел что-либо добавить или отнять от закона, обвинение это выдвигается несправедливо. Отсюда мы выводим, что сколь бы праведно и безупречно ни вели себя верующие, они не избегнут ложного беславия, пока не обретут возможности оправдаться.

Однако противники обращались с Павлом не только недостойно и лживо. Когда он восхотел опровергнуть их бесстыдство и лживые поношения, проконсул тут же прерывает его речь. Итак, Павел вынужден уйти с судилища без какой-либо защиты. Галлион отказался выслушивать дело не из-за ненависти к Павлу, но из-за того, что в обязанности начальника не входило вникать в религиозные споры. Поскольку римляне не могли обязать покоренные народы соблюдать собственный культ, то, чтобы не показаться одобряющими их собственные нравы, они запретили гражданским властям покушаться на подобную юрисдикцию. Отсюда мы видим, что производит неведение истинного благочестия в любой империи или любом государстве. Все выступают прежде всего за то, чтобы процветала и крепла религия. Но тогда там, где знают истинного Бога и придерживаются твердого правила Его почитания, нет ничего справедливее того, что Бог предписывает в Своем законе. А именно: начальники, обладающие властью, упразднив противные суеверия, должны утверждать чистый культ истинного Бога. Но если римляне соблюдали свои обряды только по гордости и упорству, у них не могло быть никакой уверенности, поскольку полностью отсутствовала истина. Так что они думали, будто лучший образ действий: сохранить провинциалам свободу нравов. Однако нет ничего абсурднее, чем позволять людям почитать Бога по собственному усмотрению. Посему Бог через Моисея обособно заповедует царю позаботиться составить для себя собственный свиток закона. Дабы, будучи хорошо научен и уверен в собственной религии, он с еще большим воодушевлением защищал то, что признавал бы несомненной истиной.

15) *Об учении и об именах.* Плохо обдуманная речь. Но Галлион говорит о законе Божиим столь презрительно, будто иудейская религия состояла в одних словах и ненужных спорах. Действительно, поскольку иудеи

были великими спорщиками, нет сомнения, что многие из них смущали себя и других излишней болтовней. Больше того, мы слышим, в чем их упрекает Павел во многих местах Писания, особенно в послании к Титу. Однако Галлиона все равно нельзя оправдать. Ведь он одновременно с их любопытством похулил и закон Божий. Как надлежало устранить повод для глупого словопрения, так же, ведя речь о божественном культе, надо было твердо знать: разговор идет не о словах, но о весьма важном и серьезном деле.

17) *Еллены, схватив Сосфена*. Это был тот Сосфен, которого Павел почетно назвал своим соратником в начале Послания к Коринфянам. Среди верующих ранее о нем не упоминалось вовсе. Но вероятно, что он был одним из спутников Павла. Какое же безумие толкнуло греков с яростью на него напасть? Разве что дети Божии всегда обречены на противление мира, на нападки без какого-либо разбирательства дела. Посему нет причин и сегодня смущаться оскорблениями, если мы видим, что церковь отовсюду недостойно притесняют. К тому же здесь ясно и наглядно вырисовывается порочность человеческой природы. Допустим, что ненависть иудеев была понятной. Но почему греки обратили гнев на кроткого Сосфена, а не на зачинщиков смуты? Ведь последние беспричинно восстали на святого апостола. Причина в следующем: там, где людьми не правит Дух Божий, их вовлекает во зло как бы тайный инстинкт природы. Но, может быть, они сильно оскорбились на Сосфена, поверив, что тот приютил нечестивых людей для возбуждения смуты.

А Галлион. Прекращение смуты следует приписывать не столько лени проконсула Галлиона, сколько ненависти к иудейской религии. Римляне желали бы похоронить саму память об истинном Боге. Хотя им разрешалось давать и исполнять обеты всем идолам Азии и Греции, почитать Бога Израиля было смертным преступлением. Наконец, при общем присущем всем суеверии нападки подвергается лишь истинная религия. Поэтому Галлион и сделал вид, что не заметил надругательства над Сосфеном. Ранее, сказав о том, что отомстит за все возможные несправедливости, он позволяет бить перед своим судилищем невинного человека. Откуда такая терпимость? Только от того, что он желал истощить иудеев взаимными нападками, дабы одновременно угасла и их религия. Но поскольку устами Луки Дух осуждает беспечность Галлиона за то, что тот не защитил несправедливо гонимого человека, пусть наши начальники знают: они еще менее извинительны, если соглашались на беззакония и злодеяния, если не сдерживают превозношение злых, если не протягивают руку угнетенным. Если же ленивым и вялым прилежит справедливое осуждение, то сколь ужасный суд ожидает вероломных и злых, которые, потворствуя несправедливому делу и потакая преступлениям, словно воздвигнув знамя безнаказанности, укрепляют дерзость вредоносных людей.

18. Павел, пробыв еще довольно дней, простился с братьями и отплыл в Сирию, – и с ним Акила и Прискилла, – остригши голову в Кенхреях, по обету. 19. Достигнув Ефеса, оставил их там, а сам вошел в синагогу и рассуждал с Иудеями. 20. Когда же они просили его побыть у них долее, он не согласился, 21. а простился с ними, сказав: мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме; к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу. И отправился из Ефеса. (Акила же и Прискилла остались в Ефесе.) 22. Побывав в Кесарии, он приходил [в Иерусалим], приветствовал церковь и отошел в Антиохию. 23. И, проведя [там] несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников.

(18. Павел, пробыв еще довольно дней, простился с братьями и отплыл в Сирию, – и с ним Акила и Прискилла, – остригши голову в Кенхреях, по обету. 19. Достигнув Ефеса, оставил их там, а сам вошел в синагогу и рассуждал с Иудеями. 20. Когда же они просили его побыть у них долее, он не согласился, 21. а простился с ними, сказав: мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме; к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу. И отправился из Ефеса. (Акила же и Прискилла остались в Ефесе.) 22. Побывав в Кесарии, он приходил и приветствовал церковь, и отошел в Антиохию. 23. И, проведя там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников.)

18) *Пробыв еще довольно дней*. Стойкость Павла выказывается в том, что страх не обращает его в бегство. Чтобы внезапный несвоевременный уход не смутил еще немощных и незнающих учеников. Во многих других местах мы читаем о том, что Павел уходил тотчас, как только на него воздвигали гонения. Почему же теперь он остается в Коринфе? Видя, что присутствие его толкает врагов свирепствовать против Церкви, Павел без колебаний покупал для верных покой ценой своего ухода. Теперь же, наблюдая их еще сдержанную злобу, он, заботясь о стаде Божиим, предпочитает скорее вступить с ними в спор, нежели, уступив, дать повод для большей ярости. Далее, это был третий приход Павла в Иерусалим. Ибо, выйдя из Дамаска, он в первый раз пришел в этот город, дабы увидеться с апостолами. Во второй раз его послали с Варнавой, чтобы разрешить спор об обрядах. Теперь же Лука не говорит о причине столь долгого и трудного пути, предпринятого Павлом с желанием скорого возвращения.

Остригши голову. Неясно, сказано ли это про Акилу или про Павла. Однако это не так уж и важно. Хотя я, скорее, отнесу сказанное к Павлу, поскольку, как мне кажется, он сделал это ради иудеев, к которым собирался идти. Действительно, не подлежит сомнению, что этот церемониальный обет он дал не по личной инициативе, не для того, чтобы таким образом почтить Бога. Павел знал, что заповеданное в законе древнему народу было временным. Мы же знаем, сколь усердно учит он, что царство Божие не заключается во внешних элементах, и сколь сильно настаивает на их отмене. Действительно, было бы глупым связывать совесть тем же почитанием, от которого хочешь избавить других. Итак, Павел остриг себя только с той це-

лю, чтобы приспособиться к еще невежественным, не достаточно наученным иудеям. И сам он говорит о том, что, с целью обрести находящихся под законом, добровольно подчинился закону, от которого был свободен. Если же кто возразит, что не позволительно симулировать обет и давать его не от сердца, ответ весьма прост: в отношении сущности очищения он не делал ничего притворно. Обряд же, который был еще по-зволителен, он употребляет не для оказания какого-то почтения к Богу, но для определенной уступки не-учам.

Посему достойны осмеяния паписты, видящие здесь пример принятия Павлом обета. Не религия подвигла Павла принести обет; паписты же помещают в обетах собственный измышленный ими божественный культ. Соблюдать законнические обряды Павла вынудили временные обстоятельства, паписты же стремятся лишь к тому, чтобы Христианскую Церковь, прежде уверенную в собственной свободе, снова вовлечь в разные суеверия. Одно дело – вводить в употребление уже упраздненные обряды, и совсем другое – до времени их терпеть, доколе они постепенно не выйдут из привычки. Не говорю уже о том, что паписты напрасно сравнивают свою клерикальную тонзуру с символом очищения, который Бог одобрял в законе. Однако, поскольку нет нужды в долгом опровержении, довольствуемся следующим: чтобы привести немощных ко Христу, или, по крайней мере, их не оскорбить, Павел и связал себя обетом, зная в то же время его безразличность для Бога.

19,20,21) *Вошел в синагогу.* Отряхнув свои одежды в Коринфе в знак отвержения, Павел, как учит настоящий отрывок, сделал это не с целью отвергнуть весь иудейский народ. Он отверг тех, чье гибельное упорство испытал на собственном опыте. Теперь же он, несмотря на опасность, приходит к эфесским иудеям, надеясь обнаружить в них большее послушание. Далее, удивительно следующее. По рассказу Луки в этой синагоге Павла выслушали благожелательнее, чем где-либо еще, и даже попросили у них остаться. Однако он не внял их просьбам. Отсюда можно сделать твердый вывод: как уже говорилось ранее, у Павла была веская причина быстро достичь Иерусалима. Да и сам он показывает, что торопится, говоря: приближающийся праздник надлежит мне провести в Иерусалиме. Нет сомнения, что Павел ушел, будучи в согласии и мире с тамошними иудеями, прежде тщательно обустроив их дела. Из слов Луки можно вывести, что извинение его было принято, и слушатели не оскорбились отказом. Кроме того, полезно отметить: там, где надежда на успех больше, чем обычно, рука Господня часто влечет нас на новые и новые дела. И делает это, дабы научить нас доверять Его водительству.

Приближающийся праздник. Сказанное прежде об обете относится и к праздничному дню. Не ради долга благочестия Павел хотел его отметить, но для посещения собрания, в котором мог бы преуспеть больше, чем в другие времена года. Ибо отношение его к различению дней можно ясно увидеть даже в одном Послании к Галатам. Но следует отметить, что Павел обещает вернуться, только сделав следующую оговорку: если то будет угодным Богу. Мы все признаем, что не можем без Его водительства даже шевельнуть пальцем. Но поскольку в людях содержится столько гордыни, что те дерзают планировать что-то помимо Бога не только на ближайшее будущее, но и на многие годы вперед, нам часто следует вспоминать о благочестии и здравомыслии Павла. Дабы научиться покорять собственные намерения суждению и провидению Бога. Дабы не думать как люди, считающие, что держат фортуна в своих руках, и не понести вместе с ними справедливое наказание за дерзость. Даже если слова и не имеют большого значения, и нам не запрещено говорить, что мы сделаем то или это, все же полезно привыкнуть к определенным словесным формулам, научающим, что все шаги наши управляются Богом.

22) *Побывав в Кесарии.* Хотя Лука одним словом упоминает о том, как Павел приветствовал церковь в Иерусалиме, не подлежит сомнению: он оставался там по какой-то великой необходимости. Однако из контекста можно заключить: пребывал он там не очень долго. Возможно, потому, что реальный успех дела не соответствовал его желаниям и надеждам. Далее, Лука говорит, что обратный путь Павла не был праздным и бесплодным. По дороге он утверждал многочисленных учеников. Без сомнения, он делал это с большим неудобством, поскольку был вынужден отклоняться и идти окольными путями. Ибо слово *καθεξής* означает непрерывную череду действий. По какой причине учениками зовутся люди, присоединившиеся ко Христу и исповедовавшие веру в Евангелие, сказано в другом месте. Ведь без должного обучения нет никакого благочестия. У них, несомненно, были свои пастыри, помогавшие им преуспевать в учении. Но поскольку Павел обладал большим авторитетом и более выдающимися духовными дарами, его приход немало способствовал укреплению в вере. Особенно поскольку он играл главную роль в основании всех тамошних церквей.

24. *Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес.* 25. *Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново.* 26. *Он начал смело говорить в синагоге. Услышав его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень.* 27. *А когда он вознамерился идти в Ахашу, то братья послали к [тамошним] ученикам, располагая их принять его; и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатью,* 28. *ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос.*

(24. *Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес.* 25. *Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, тщательно говорил и учил о*

Господе, зная только крещение Иоанново. 26. Он начал смело говорить в синагоге. Услышав его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень. 27. А когда он вознамерился идти в Ахаию, то братья послали к ученикам, располагая их принять его; и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатью, 28. ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос.)

24) *Некто Иудей.* Можно заслуженно приписать божественному провидению, что, покуда Павел был вынужден удалиться в Эфес, на его место встал Аполлос, восполнивший ущерб от ухода апостола. Важно знать, каким было начало этого человека, поскольку в Коринфе он по сути стал преемником Павла. И вел себя столь выдающимся образом, трудился столь добросовестно и отважно, что Павел с почетом восхваляет его как своего особого соратника. Я насадил, – говорит он (1Кор.3:6; 4:6), – Аполлос поливал. А затем: это я приспособил к себе и Аполлосу. Лука же хвалит Аполлоса за следующее: во-первых, он был красноречив и силен в Писаниях, а во-вторых, выказывал рвение, добросовестность и стойкость. Даже если Павел правильно отрицает, что Царство Божие заключается в словах, и сам был лишен дара красноречия, не следует презирать отмеченное Лукой искусство произносить речи. Особенно там, где в блеске слов нет помпы и показухи, но без притворства и самомнения, без прикрас и пытливых излишеств служитель довольствуется ясным и точным изложением дела.

Павел был лишен красноречия. По воле Господа у главного апостола отсутствовала эта добродетель, дабы в его неотесанной и безыскусной речи ярче воссияла духовная сила. Однако же он был наделен таким даром изъяснения, какой был достаточен для прославления имени Христова и утверждения спасительного учения. Кроме того, поскольку распределение даров Святого Духа различно и многообразно, бессловесность Павла, если так ее можно назвать, не мешала Богу избирать Себе в других случаях красноречивых служителей. Далее, чтобы кто не подумал, будто красноречие Аполлоса было мирским или пустым, Лука говорит, что оно соединялось с еще большей добродетелью: Аполлос был весьма сведущ в Писаниях. Эти слова я толкую так, что он не только основательно их знал, но и изъяснял их действенную силу, дабы с помощью сего оружия побеждать во всех спорах. И это, на мой взгляд, больше прославляет само Писание, нежели человека, показывая, что оно способно как утверждать истину, так и опровергать козни сатаны.

25) *Зная только.* Кажется, с приведенной похвалой слабо сочетаются слова Луки о том, что Аполлос знал только Иоанново крещение. Однако эта последняя фраза добавлена в качестве оговорки. Между тем, эти два обстоятельства хорошо согласуются друг с другом. Он держался евангельского учения, знал, что миру уже явлен Искушитель, хорошо понимал благодать примирения с Богом, и в то же время напился лишь начатками Евангелия, научившись им у Иоанна. Ведь Иоанн был словно посредником между Христом и пророками. О его служении говорит и отец Захария в своей песне, и ангел из пророчества Малахии (Лк.1:16,76). Действительно, Иоанн предварил появление Христа, торжественно изъяснив Его великую силу. Посему ученики его заслуженно зовутся знающими и сведущими о Христе. К тому же полезно отметить фразу: знал крещение Иоанново. Отсюда мы заключаем, каково истинное употребление таинств. Они должны привести нас к какому-то твердому виду знаний, или же подтвердить уже принятую нами веру. Действительно, отрывать их от учения – нечестивая и богохульная профанация. Посему для правильного совершения таинств в них с необходимостью должен звучать голос небесного учения. Ведь что такое крещение Иоанново? Лука сводит все служение пророка к одному этому действию. И не только потому, что с крещением было связано учение, но и потому, что оно – его фундамент и крыша, без которой обряд стал бы мертвым и бесцельным.

Горя духом. Здесь Аполлос удостаивается и другой похвалы. В учении и проповеди он пылал воистину святым рвением. Учение без рвения – либо меч в руках безумца, либо прохладно и бесцельно, либо служит внешней показухе. Мы видим, что среди ученых людей одни ленивы, другие – что еще хуже – весьма мнительны, третьи же – что хуже всего – смущают Церковь спорами и распрями. Итак, глупо то учение, в котором не видно рвения. Кроме того, будем помнить: на первом месте Лука ставит знание Писаний, управляющее рвением служителя. Мы знаем многих, чье рвение неразумно. Так иудеи бесчинствовали против Евангелия из-за дурного усердия к закону. И сегодня мы видим, какой яростью пылают паписты, подталкиваемые своими необдуманными мнениями. Итак, да будет над нашим рвением царить управляющее им знание. Здесь же говорится, что рвение было причиной усердия, заставлявшего Аполлоса прилежно заниматься учительством. Если же этот муж, еще не будучи до конца обучен Евангелию, столь усердно и охотно проповедовал Христа, на какое оправдание рассчитывают те, кто, полнее и отчетливее зная вещи, сокрытые от Аполлоса, не стараются при этом по мере сил продвигать Царство Христово? Лука же потому приписал рвение Святому Духу, что оно – его редкий и особенный дар. Я толкую не так, что Аполлосом двигал порыв собственного разума, но так, что действовал он по внушению Божественного Духа.

26) *Услышав его.* То, что Акила и Прискилла не думали о себе, не завидовали чужим способностям, явствует из их готовности частным образом разъяснить плодовитому мужу, что именно он в будущем должен вещать народу. Они не обладали такой же благодатью, что и он, а также, возможно, пользовались в народе презрением. Но, видя человека, наставленного в красноречии и знании Писаний, ревностно ему помогают, соглашаясь молчать самим, лишь бы слушали его. Аполлос же, в свою очередь, проявил немалую скромность, позволив учить себя не только ремесленнику, но даже женщине. Он был сведущ в Писаниях и в этом много

их превосходил. Однако для восполнения Христова учения руку ему протягивают те, которые могли бы показаться не самыми пригодными учителями. Мы также видим: тогда женщины были не настолько отчуждены от Слова Божия, как то желают изобразить паписты. Ведь один из первых учителей Церкви был научен именно женщиной. Однако всегда следует помнить сказанное мной раньше: Прискилла учительствовала частным образом в стенах своего дома, дабы не нарушать предписанного Богом и природой порядка.

27) *Вознамерился идти в Ахаию.* С какой целью Аполлос хотел идти в Ахаию, Лука прямо не говорит. Но из контекста можно заключить, что побудили его не частные интересы, а возможность пожать еще больший плод в распространении Евангелия. Ведь братья ободрением своим еще больше воодушевили его на это дело, снабдив соответствующим письмом. Они, без сомнения, не стали бы так поступать, если бы речь не шла об общем благе Церкви. Весьма глупо без надежды на должное возмещение посылать к другим человека, уже принесшего им пользу своими делами и в будущем весьма для них нужного. Думаю, что ефесяне написали ахайским братьям, чтобы те не только гостеприимно с ним обошлись, но и допустили до учительского служения. Вот пример святой и правильной рекомендации. Когда мы стараемся поддержать своим свидетельством воистину лучшего и достойного. Дабы дары Святого Духа, данные отдельным людям для назидания Церкви, не оставались неиспользованными и забытыми.

Прибыв туда. Братья, уже испытавшие это на себе, предвидели такой оборот дела. Для того они и ободряли Аполлоса предпринять задуманное им путешествие. Сказанное же о его помощи верным можно понять двояким образом. Или, что он помог людям не столь хорошо обученным, или же, что он помог им в преодолении упорства врагов. Ибо не всякий имеет достаточное оружие, чтобы идти в трудный бой против застарелых врагов, уступающих только против воли. Или же помощь Аполлоса заключалась в поддержке их веры, дабы та не ослабела от противления врагов, что обычно случается с немощными и новичками. Думаю, что Аполлос помог братьям обоими способами. Так что они, имея опытного и испытанного вожда, одержали победу в борьбе с врагами. Кроме того, их вера получила новую поддержку, уже не подвергаясь опасности быть поколебленной. Помимо всего прочего, Лука, упомянув о публичных спорах с иудеями, кажется, хотел сказать, что братьям помогли мужество и стойкость Аполлоса. Ведь не избегать огласки – знак ревности и упования. Сказанное же в заключение – «благодатью», или относится к предыдущему слову: уверовавшим, – или же к доставленной братьям помощи. Первое толкование не представляет затруднений. Смысл таков: верующих, дабы они уверовали, просветила благодать Божия. Лука как бы говорит: братья, уже призванные к вере по благодетельству Божию, преуспели в ней еще больше. Но кажется, что больше подходит другой контекст: Аполлос помог братьям, разделив с ними благодать, которой сам был наделен. В таком случае, «благодатью» значит то же, что и «по мере принятой благодати».

28) *Опровергал Иудеев.* Отсюда явствует, на что было направлено качество Аполлоса быть сведущим в Писаниях. А именно: оно давало ему действенное и сильное доказательство для опровержения врагов. Кратко излагается сущность вопроса: является ли Иисус Христом? Иудеи без споров принимали положение, что Христос есть обещанный Искупитель. Но нелегко было убедить их, что Иисус, Сын Марии, является Тем Самым Христом, через Которого предложено спасение. Аполлосу же надлежало так говорить о служении Христовом, чтобы суметь доказать свидетельством Писания: в Сыне Марии исполнились все обетования, а, значит, Он и есть настоящий Христос.

Кроме того, данный отрывок говорит о том, что Писание полезно не только для научения, но и для преодоления упорства людей, не желающих добровольно ему следовать. Ибо вера наша не была бы достаточно твердой, если бы в Писании не имелось ясного доказательства положений, необходимых для спасительного знания. Действительно, если закон и пророки говорили настолько ясно, что Аполлос доказывал из них мессианство Христа, словно показывая на Него пальцем, чтение Евангелия, по крайней мере, должно заставить нас познавать Христа, исходя из всего Священного Писания.

Посему подлежит отвержению богохульство папистов, утверждающих, что Писание неясно и двусмысленно. Для чего еще Господь обратил к нам речь, если не с той целью, чтобы в словах Его выявилась ясная и непобедимая истина? Выводимое же ими отсюда положение – будто надо основываться на авторитете Церкви, и не спорить с еретиками, исходя из Писания, – яснейшим образом опровергается Лукою. А поскольку иудеи были упорнее всех остальных, не стоит бояться, что нам неостанет оружия, сломившего даже их противление. Ведь именно оно дает нам победу над дьяволом, автором всех заблуждений.

Глава 19

1. Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя [там] некоторых учеников, 2. сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже не слышали, есть ли Дух Святой. 3. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. 4. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. 5. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, 6. и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. 7. Всех их было человек около двенадцати.

(1. Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, 2. сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже не слышали, есть ли Дух Святой. 3. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. 4. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. 5. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, 6. и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить языками и пророчествовать. 7. Всех их было человек около двенадцати.)

1) Лука сообщает здесь, что по возвращении Павла Церковь в Эфесе не только укрепилась и возросла, но и украсилась неким чудом. Даже некоторым неучам и новичкам были даны видимые дары Духа. Неизвестно, были ли это коренные жители или пришельцы. Но это не должно особо нас волновать. Нет сомнения, что речь здесь идет об иудеях, поскольку только они могли ранее принять Иоанново крещение. Вероятно, они жили в Эфесе, когда их нашел там Павел.

2) *Приняли ли вы Святаго Духа.* Данный отрывок показывает, что речь идет не о духе возрождения, но о тех особых дарах, которые Бог распределял по Собственному усмотрению в начальные времена Евангелия для общего назидания Церкви. Но из вопроса Павла в свою очередь рождается вопрос: был ли тогда Дух общим для всех? Ведь если Дух давался лишь немногим, почему Павел соединяет Его с верой, словно эта связь совершенно необходима? Действительно, это были не обычные люди. Или же, поскольку их было мало, Павел и спросил: приняли ли все они дары Духа? Но я думаю так: перед взором язычников не случайно, но по Божью совету одновременно предстало столько иудеев. Причем учеников, то есть – из стада верных, которые, тем не менее, признаются, что не знают высшую славу Евангелия, видимую в духовных дарованиях. И все это для того, чтобы в них ярче проявилось служение Павла. Ибо не похоже, чтобы Аполлос оставил в Эфесе столь немногочисленных последователей. Причем он должен был научить их тщательнее, ранее обучившись пути Господню от Акилы и Прискиллы. Не сомневаюсь, что эти братья отличались от тех, которых ранее упомянул Лука. В итоге: Павел, видя, что эти люди исповедуют имя Иисуса Христа, дабы лучше исследовать их веру, спрашивает: приняли ли они Святаго Духа? То, что это было знамение благодати Божией для удостоверения учения, явствует из слов Павла в 3-й главе Послания к Галатам (ст.2): хотел бы знать от вас, приняли ли вы Духа Святаго от дел, или от слышания веры?

3) *И не слышали, есть ли Дух Святой.* Как могло быть, чтобы иудеи ничего не слышали о Святом Духе, о Котором везде проповедуют пророки, и хвалой Которому полно все Писание? Действительно, отсюда ясно, что Павел говорит не о Духе в общеизвестном смысле. И спрошенные им люди отрицали лишь, что им известны видимые дары, коими Бог украшал Царство Своего Сына. Итак, они признаются, что не знают, изливает ли Бог подобные дарования. Посему в слове «Дух» содержится метонимия. И это подтверждает предположенный нами смысл. Если бы они вовсе отрицали, что знают что-либо о Духе Божием, Павел не умолчал бы о подобном более чем грубом заблуждении. Спрашивая же, с какой целью, или каким образом они крестились, он хочет сказать: везде, где ясно проповедуют Христа, также проявляются видимые дары Духа, и это явление обще для всех церквей. Посему не без причины Павел удивляется тому, что верующие не знают о славе Христовой, которую Бог везде восхотел проявлять. И тут же добавленные им слова учат: не следует оставаться в усвоенных ими начатках веры. Поскольку служение Иоанна состояло в наставлении блудущих Христовых учеников.

4) *Иоанн крестил.* Удивление Павла направлено на то, чтобы эти люди, обличенные в невежестве, устремились к более возвышенным целям. Он говорит, что Иоанн проповедовал о грядущем Христе. Итак, Павел выпускает учеников из темницы, в которой те, подвизаясь, искали еще не явившегося Христа. Посему, дабы они не льстили себе и не отказались из-за гордости преуспевать в дальнейшем, Павел показывает, сколь далеки они от назначенной цели. Ибо осознание своих пороков заставляет людей стремиться к тому, чего им недостает. Итак, Павел как бы говорит следующее: Прежде прославления Христа сила Его не была проявлена в этом мире. Своим же восшествием на небеса Он соделал так, чтобы Царство Его процветало везде. Итак, даже во время служения Иоанна не были излиты дары благодати, свидетельствующие, что Христос сидит одесную Отца. Ведь тогда Он еще не явил Себя Икупителем мира. Поэтому, знайте, что вам надлежит идти дальше. Ибо вы еще далеки от цели. Таким образом, Павел ясно учит: вере наученных Иоанном благочестивых надлежало взирать на грядущего Христа, дабы те не оставались в начатках учения.

Кроме того, отсюда мы научаемся, что крещение Иоанна было символом покаяния и прощения грехов, и сегодня наше крещение отличается от него лишь в том, что Христос явлен открыто, что в смерти Его и воскресении исполнено все необходимое для нашего спасения. Посему крещение достигло своей цели, а именно: из упомянутого мною источника смерти и воскресения проистекает наше покаяние. И с ним же соотносится вера, получая от него незаслуженную праведность. В итоге, Павел ясно показывает: крещение Иоанна так же, как и наше, было крещением возрождения и обновления. Поскольку же и очищение, и обновление жизни исходят от одного лишь Христа, Павел говорит, что все утверждено на вере в Него. Эти слова учат нас: вся сила крещения зависит от того, что верую мы принимаем во Христе все означаемое этим таинством. Да не будет, чтобы внешний символ в чем-либо отказывал благодати Христовой.

5) *Услышав это, они крестились.* Поскольку у древних преобладало мнение, будто крещения Иоанна и Христа различны, для них было вполне резонным заново крестить тех, кто ранее лишь подготовился крещением пророка. Но то, что это различие ложно и превратно, явствует из следующего: крещение Иоанна было залогом того же усыновления, того же обновления жизни, которое ныне мы получаем в нашем крещении. Посему мы не читаем о том, что пришедшие ко Христу от Иоанна были заново Им крещены. Добавь к этому, что Христос принял крещение по плоти, дабы этим видимым знаком соединить нас с Собой. Но если допустить это ложное различие, мы полностью лишимся особого благодеяния иметь одно крещение с Сыном Божиим. Здесь нет нужды в длинном опровержении. Ведь, чтобы доказать существование различных крещений, сперва надо показать, в чем одно отличалось от другого. Однако обоим соответствует одно и то же подобие, симметрия и сообразность всех частей, заставляющая признать крещение единым.

Теперь спрашивается: подобало ли повторять такое крещение? Безумцы нашего времени, опираясь на это свидетельство, пытаются ввести повторное крещение. Некоторые думают, что термин «крещение» означает какое-то новое установление. С ними я не соглашусь, поскольку толкование их, будучи натянутым, больше похоже на уловку. Другие отрицают повторение крещения, думая, что ранее учеников крестил некий глупый подражатель Иоанна. Но предположение их вовсе не вероятно. Больше того, слова Павла скорее говорят о том, что это были подлинные ученики Иоанна. И Лука почетно зовет их учениками Христовыми. Поэтому я не согласен и с этим мнением. Однако я отрицаю, что Павел повторил крещение. Ведь Лука говорит лишь о том, что они были крещены Духом. Во-первых, вовсе не ново переносить имя крещения на дары Святого Духа, как видно из 1-й и 11-й главы, где по утверждению Луки Христос называет крещением видимое ниспослание Духа апостолам. Да и, когда Дух снизошел на Корнилия, Петр вспомнил слова Господни: будете крещены Святым Духом. Затем, мы видим, что здесь идет речь именно о видимых дарах, подаваемых с крещением. Сказанное же после, что Дух пришел при возложении на учеников апостольских рук, я считаю добавленным с целью истолкования. Ибо в Писании часто употребляется способ выражения, кратко излагающий суть дела, а затем изъясняющий его подробнее. Значит, то, что вследствие краткости звучало не столь ясно, Лука изъяснил понятнее, говоря, что Дух нисшел на них через возложение рук. Если же кто возразит, что слово «крещение», означая дары Духа, всегда употребляется с каким-то пояснением, отвечаю: мысль Луки вполне явствует из контекста. Кроме того, Лука намекает на уже упомянутое им крещение. Действительно, если относить сказанное к внешнему символу, глупо было бы давать им его без преподания лучшего учения. Если же понимать метафорически в отношении установления, фраза стала бы слишком грубой. И непонятны стали бы слова о том, что ученики получили Святого Духа, уже будучи наученными.

Далее, признавая, что данное возложение рук представляло собой таинство, я все же утверждаю, что видящие в нем пример для вечного подражания обманулись из-за неведения. Ведь все соглашались с тем, что благодать, изображаемая этим символом, была временной. Значит, превратно и смешно удерживать символ по устранении самой истины. Совсем иным является установление крещения и вечери, коими Господь свидетельствует о даровании тех благ, пользование которыми продлится до скончания Церкви. Посему надлежит тщательно и разумно различать между временными и постоянными таинствами, дабы их место не заняла пустая и смехотворная видимость. Не отрицаю, что древние пользовались возложением рук, удостоверяя для взрослых исповедание их веры. Лишь бы кто не подумал, будто с этим обрядом связана благодать Духа, как думал Иероним, выступая против Люциферия. Паписты же и вовсе неизвинительны. Ведь они, не довольствуясь древним обрядом, посмели добавить к нему свое зловонное помазание, которое не только должно быть подтверждением крещения, но и каким-то более почетным таинством. Последнее, по их вздорной болтовне, совершенствует верующих, до этого исполненных Духа лишь наполовину. Дабы те, кому прежде были только отпущены грехи, также смогли вооружиться для брани. Итак, нет оправдания папистам, посмевающим изречь подобное богохульство.

8. *Придя в синагогу, он не боязненно проповедывал три месяца, беседуя и удостоверяя о Царствии Божием.*
9. *Но как некоторые ожесточились и не верили, злословя путь Господень перед народом, то он, оставив их, отделил учеников, и ежедневно проповедывал в училище некоего Тианна.* 10. *Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины.* 11. *Бог же творил немало чудес руками Павла,* 12. *так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них.*

(8. *Придя в синагогу, он не боязненно проповедывал три месяца, беседуя и удостоверяя о Царствии Божием.*
9. *Но как некоторые ожесточились и не верили, злословя путь перед народом, то он, оставив их, отделил учеников, и ежедневно проповедывал в училище некоего Тианна.* 10. *Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали слово Господа Иисуса, как Иудеи, так и Еллины.* 11. *Бог же творил необычные силы руками Павла,* 12. *так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них.*)

8) *Придя в синагогу.* Отсюда мы выводим, что Павел начал с собрания благочестивых, уже присоединившихся ко Христу. Затем он пришел в синагогу, дабы собрать в единое тело Церкви и остальных иудеев, еще не знавших Христа или, по крайней мере, Его не принявших. Лука говорит о безбоязненном поведении Павла, дабы мы знали: три месяца он затратил не потому, что хитро скрывал евангельское учение или втирался

в доверие путем неясных и двусмысленных утверждений. Тут же Лука говорит и о смелости Павла, сообщая, что он спорил и убеждал о Царствии Божиим. Мы знаем, что этим именем часто означает обещанное отцам и совершенное пришествием Христовым восстановление твари. Поскольку вне Христа имеется лишь безобразное и беспорядочное рассеяние, пророки не напрасно приписывали будущему Мессии установление в мире Царствия Божия. Царство же это (поскольку Христос привел нас из отпадения в повиновение Богу, сделав из врагов Божиих Его друзьями), прежде всего, состоит в незаслуженном прощении грехов, коим Бог примиряет нас с Собою и усыновляет в Свой народ. Затем оно заключается в обновлении жизни, посредством которого Бог уподобляет нас Собственному образу. Лука говорит о спорах и убеждениях, имея в виду, что Павел доказывал на твердых основаниях все, произносимое им публично. Кроме того, он стимулировал слушателей путем благочестивых увещаний, дабы те отворили дверь для Царствия Божия. Ведь никакие утонченные рассуждения не делают нас покорными Богу, если прежде нас не склонят благочестивые увещания.

9) *Некоторые ожесточились.* Мы читаем о том, что Иудеи нигде не слушали Павла столь благосклонно и непредвзято, как во время его первого прихода в Эфес. В то время как в других местах Павла яростно изгоняли, в Эфесе его попросили остаться дольше. Теперь же, после того, как Павел три месяца пытался воздвигнуть у них Царствие Божие, ясно проявились нечестие и надменность большинства. Лука говорит, что эти люди ожесточились. Действительно, сила небесного учения такова, что, либо обращает отверженных в ярость, либо делает их еще ожесточеннее. Причем, не своей природе, но, как говорится, приводящим образом. Когда истина вынуждает их к согласию, на свет выходит ранее скрытая болезнь. Лука добавляет, что эти люди публично проклинали путь Господень. Ибо презрители Евангелия доходят до враждебных и публичных нападок на учение, которое не хотят принять сами. Причем именно потому, что желают, по мере сил, сделать всех соучастниками своего нечестия. Вполне известно, что словом «путь» означает любое установление. Здесь же это слово относится к Евангелию Христову.

Далее, Лука говорит, что Павел, оставив упорствующих, отделил себе некоторых учеников. И этот пример учит нас: там, где может возникнуть отчаянное и неисцелимое упорство, больше не следует продолжать дело. Посему Павел сам говорит в послании к Титу (3:10), чтобы тот отвращался еретика после первого или второго увещания. Ведь Слово Божие подвергается поношениям, если отдается на волю свиней и псов. Одновременно надлежит заботиться и о немощных, дабы клевета на здоровое учение не ослабила их благочестия. Итак, Павел отделил учеников, дабы козлы не заразили овец своей нечистотой, и чтобы подлинное исповедание процветало только среди истинных богопочитателей.

Ежедневно проповедывал. Это место показывает, сколь усердно трудился в учении Павел, а также, сколь сильно изнежены и ворчливы те, кому тут же надоедает учить. Мы видим, что даже немногие готовые слушать ежедневно зажигают все новых людей. Хотя Павел особо заботился о стаде Господнем, ранее собранном им словно в одну овчарню, он не лишал внимания и внешних. Продолжая беседовать, Павел шел на риск, желая найти людей, способных к научению. Называя же школу школой Тиранна, Лука не имеет в виду того, кому тогда принадлежала власть. Ведь римляне властвовали тогда во всей Азии. Но вероятно, что гимназия некогда была выстроена и подарена городу на пожертвования некоего Тиранна. Итак, верующие для проведения собраний пользовались публичным местом, названным по имени своего основателя.

10) *Все жители.* Лука не имеет в виду, что жители Азии приходили, чтобы слушать Павла. Он хочет сказать, что всю Асию наполнило благоухание Павловой проповеди, а семя Евангелия получило широкий и обильный посев. Часто случается так, что истина Божия, проповедуясь в одном месте, распространяется вширь и вдаль, звуча даже там, где нельзя слышать голос самого служителя. Его передают из рук в руки, и одни научают других. Ведь одного человека не было бы достаточно, если бы в распространении веры каждый не прилагал собственных усилий.

11,12) *Немало чудес.* «Силами» по известному обычаю Писания Лука зовет чудеса, бывшие удостоверением особого божественного могущества. Он имеет в виду следующее: апостольство Павла было украшено подобными знаками, дабы сделать очевиднее авторитет его учения. Весьма известна поговорка: чудеса творятся руками людей. Таким образом, слава за них приписывается Богу как Единственному Автору, человек же делается только служителем Божиим. И чтобы еще больше подчеркнуть величие чудес, Лука говорит, что к больным приносили опоясания и платки, прикасаясь к которым, они получали исцеления. Вполне ясно, зачем именно Павлу была дана эта способность. Чтобы доказать истинность апостольства Христова, внушить доверие к Евангелию и удостоверить свое служение. Всегда следует помнить о том, что прежде говорилось о законном употреблении чудес. То, что Бог исцелял больных платками Павла, преследовало определенную цель: заставить людей, никогда не видевших Павла, уважительно принимать его учение. Значит, тем более глупы паписты, пытаясь отнести данный отрывок к почитанию мощей. Словно Павел посылал людям платки, которые те почтительно целовали в его честь. Подобно тому, как в папстве почитают обувь и штаны Франциска, опоясание Розы, гребешок Святой Маргариты и другую чепуху. Скорее наоборот, Павел посылал дешевейшие вещи, дабы от их ценности и блеска не зародилось никакого суеверия. Цель же его была в том, чтобы отстоять за Христом славу за все соделанное.

13. Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует. 14. Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. 15. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? 16. И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома. 17. Это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса.

(13. Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали призывать над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует. 14. Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. 15. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? 16. И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома. 17. Это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса.)

13) Дабы лучше пояснить, как упомянутые чудеса подтвердили апостольство Павла, Лука рассказывает историю о некоторых людях, ложно претендовавших на имя Христово и понесших от этого тяжкое наказание. Отсюда мы узнаем: Павел творил чудеса только с той целью, чтобы засвидетельствовать перед всеми истинность своей проповеди о Христе, силе и славе Божией. Ведь Господь не только не позволил отделять их от чистого евангельского учения, но и сурово наказал людей, неуместно употребивших их для собственных заклинаний. Отсюда снова выводим: любые чудеса, затмевающие славу Христову, являются кознями дьявола, и обманщики – люди, использующие Божии чудеса с какой-либо иной целью, кроме подтверждения истиной религии.

Некоторые из ... заклинателей. Не сомневаюсь, что это служение произошло от глупого подражания. Ранее Бог разными способами являл Свою силу среди иудеев. Некогда Он использовал пророков как слугителей, изгонявших демонов. Под этим предлогом иудеи придумали свои экзорцизмы. Отсюда по дерзости людей и без заповеди Божией возникло это необычное служение. Возможно, оно приносило какую-то пользу по попущению Божию. Не потому, что Бог потворствовал заблуждению, но для того, чтобы иудеи охотнее исповедовали отеческую религию, ожидая пришествие Христово. Во время же Христова Царствия дурное самознание подтолкнуло христиан состязаться в этом с иудеями. Ибо экзорцистов произвела на свет именно человеческая выдумка. Поскольку же суеверие со временем всегда становится все хуже, папа захотел делать экзорцистами всех своих клириков, добивающихся высших степеней священства. Сначала кандидатов поставляют в привратников, а затем поручают работу заклинания бесов. Но сам опыт показал смехотворность их деятельности. Они вынуждены признать, что получили пустой и бесполезный титул. Ибо, где же их способность изгонять дьявола? Да и сами экзорцисты с откровенной насмешкой принимают служение, которое на деле никогда не исполняют. Все же это произошло вполне справедливо. Ведь нет конца заблуждению там, где отходят от Слова Божия. Что же касается наших экзорцистов, то из текста можно понять: они были странствующими обманщиками и авантюристами, какие и сегодня во множестве имеются в папстве. Лука говорит, что они скитались, то есть: их путь отклонялся в разные стороны, по мере того, как представлялась возможность обмана.

Заклинаем вас Иисусом. Похоже, что эти мошенники прибегли к имени Христову, чтобы обрести новую власть, на которую раньше лживо претендовали. Или же потому, что прекратилась ранее данная им способность затуманивать Евангелие. Призывая же имя Христово, они совершили двойной грех. Будучи чужды учения Павла, не имея никакой веры, они употребляют его действия для магических заклинаний. Затем, они без всякого призывания Бога присваивают себе то, что не находится во власти человека. Законное же призывание имен Бога и Христа направляется верой и не выходит за границы нашего призвания. Посему эта история учит нас: чтобы не заслужить наказания за святотатство, все, что мы пытаемся сделать, должно быть основано на Слове Божиим. И здесь Сам Господь приглашает нас к молитве. Все же, не наделенные чудотворными способностями, пусть удерживают себя в этих пределах. Ибо апостолы, изгоняя нечистых духов, начальником над собою имели Бога, умея добросовестно исполнить вверенное Им служение.

16) *И бросился на них человек.* Человеку приписывается то, что совершил через него дьявол. Ибо сам он не мог быть настолько сильным, чтобы вышвырнуть семерых крепких юношей голыми и избитыми. Каким же образом дьявол живет в людях, нельзя сказать точно. Кроме того, что обитание сатаны противопоставляется Святому Духу. Ведь Павел учит, что мы – храмы Божии, поскольку в нас обитает Дух Божий. И так же, в свою очередь, говорит, что сатана действительно трудится во всех неверующих. Однако следует знать: Лука имеет в виду особый вид обитания, когда на дьяволе ослабляется узда, и он занимает всего человека. Далее, Бог явил нам этот пример, дабы показать: Его сила заключена не в звуке голоса. И не подобает привязывать к суевериям имя Его Сына. Позволяя же сатане нас обманывать, Он, к нашему сведению, карает нас суровее, чем если бы только ранил нашу плоть. Ибо видимость ложных чудес – ужасное средство для оглупления неверующих. Так за отвержение света Божия они заслуженно погружаются в более густой мрак.

17) *И напал страх.* Плод мщения, которым Бог наказал нечестивое злоупотребление именем Своего Сына. На всех напал религиозный страх, дабы люди не презирали учения, в защиту которого Бог сотворил столь яркое знамение, и пришли к почитанию Господа Иисуса Христа. Кроме того, что Бог Своими зримыми су-

дами внушает нам страх перед грехом, в данной истории особым образом прославляется величие Христова и удостоверяется авторитет Евангелия. Тем большая кара ожидает мошенников, сознательно профанирующих заклинаниями имя Христово. И они не должны надеяться на безнаказанность, совершая подобное святотатство. Говоря же, что история стала известна всем, Лука имеет в виду следующее: молва о ней распространилась всюду и повсеместно. Он хочет сказать, что народ сам проповедовал случившееся, и имя Христово воссияло для большего числа людей.

18. Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои. 19. А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч [драхм]. 20. С такою силою возрастало и возмогало слово Господне. 21. Когда же это совершилось, Павел положил в духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим, сказав: побывав там, я должен видеть и Рим. 22. И, послав в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста, сам остался на время в Асии.

(18. Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои. 19. А из занимавшихся пылкими искусствами довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и, сложив цены их, обнаружили денег на пятьдесят тысяч. 20. С такою силою возрастало и возмогало слово Господне. 21. Когда же это совершилось, Павел положил в духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим, сказав: побывав там, я должен видеть и Рим. 22. И, послав в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста, сам остался на время в Асии.)

18) Многие же из уверовавших. Страх, о котором идет речь, Лука доказывает следующим обстоятельством. Люди, добровольно исповедуя грехи своей жизни, на деле засвидетельствовали, что серьезно затронуты страхом Божиим и не намерены притворством навлекать на себя Его гнев. Мы знаем, сколь тяжело дается согрешившим истинное и искреннее исповедание. Поскольку больше всего люди ценят отношение к самим себе, то более боятся стыда, чем истины. Больше того, они изо всех сил стремятся скрыть свои гнусности. Значит, их добровольное исповедание свидетельствует о покаянии и страхе Божиим. Ибо никто, кроме истинно затронутого судом Божиим, не пойдет на поношение и презрение со стороны людей, не согласится осудить себя здесь, на земле, дабы избежать кары на небесах. Говоря же «многие», Лука показывает, что сказанное относится не ко всем. Возможно, совесть этих людей давно уже была израненной. Ведь многие страдают в основном от тайных и внутренних пороков. Посему Лука не предписывает здесь общий закон для всех, но предлагает пример, которому должны следовать люди, имеющие нужду в таком же врачевстве. Зачем еще они исповедывали свои дела, если не с целью засвидетельствовать покаяние, а также попросить у Павла утешение и совет? У тех же, кто также исповедывал свои грехи, приходя за крещением к Иоанну, причина была иной. Таким образом, они показывали, что непритворно вступают на путь покаяния. Здесь же, ссылаясь на конкретный случай, Лука сообщает нам, каким почтением к Богу прониклись верующие, когда Бог явил пример Собственной суровости.

Тем больше бесстыдство наших папистов, прикрывающих этим отрывком свою тиранию. Что общего имеет их тайная исповедь с рассказанной историей? Во-первых, верующие, путем совершения определенных публичных поступков, исповедывали, сколь горестно до обращения обманывались сатаной. По закону же папы требуется перечисление всех дел, слов и помышлений. Эти, как мы читаем, исповедовались один раз. Закон же папы велит повторять исповедь, как минимум, раз в год. Эти люди пришли сами, папа же связывает всех жесткой необходимостью. Лука говорит, что пришли многие, но не все. В законе же папы нет никаких исключений. Эти смирили себя перед собранием верующих, заповедь же папы совершенно иная: грешник должен втайне нашептывать на ухо своему священнику. Вот, сколь дурно притягивают паписты Писание для доказательства собственной лжи.

19) Занимавшихся чародейством. Лука говорит не только о магических ритуалах, но и о глупых пустых занятиях, к которым жадно стремится большая часть людей. **Περίεργα** – вот употребленное Лукой слово. А греки означают им все, не приносящее явной пользы. Когда умы и усилия людей преданы разным бесполезным блужданиям. Таковы судебная астрология и все гадания глупых людей о будущем. Они сжигают свои книги, дабы впредь ни у них, ни у других не было повода для заблуждений. То же, что великая цена книг не изменила их намерения, тем больше доказывает их усердие к благочестию. Значит, как ранее Лука привел их словесное исповедание, так и теперь, как говорится, привел реальные дела. Кроме того, поскольку греки понимают слово **ἀργύριον** как произвольного вида монету, не ясно: говорит ли Лука о сестерциях или динариях. Но вполне очевидно: он имеет в виду стоимость книг, давая понять, что верующие с полным мужеством презрели личную выгоду. Посему не сомневаюсь, что речь идет о динариях или каких-нибудь более дорогих монетах. Пятьдесят тысяч динариев составляет приблизительно девять тысяч ливров французскими деньгами.

С такою силою возрастало. Фраза **κατὰ κράτος** означает необычный успех Слова Божия. Лука как бы говорит: в этом росте проявилась редкая эффективность проповеди, много превышающая обычную. Глагол «возрастать» я отношу к числу обращенных людей. Лука хочет сказать, что церковь ежедневно прирастала новыми учениками из-за широкой распространенности учения. Фразу же о том, что Слово утвердилось в

отдельных людях, я толкую так, что последние все больше преуспевали в евангельском послушании и благочестии. И вера их пускала глубокие корни.

21) *Положил в духе.* Лука хочет сказать: намерение достичь такого успеха Павлу внушил Святой Дух. Дабы мы знали: вся жизнь апостола направлялась божественным водительством. Дух же был начальником всех его предприятий потому, что Павел и себя отдал в управление Богу, полностью завися от Его водительства. Этому не противоречит следующая фраза о том, что надежды апостола не оправдались исходом дела. Ведь Бог часто руководит верующими так, что скрывает от них конечный результат. Он хочет от них такой степени преданности, чтобы они следовали внушениям Его Духа, как бы закрыв глаза, и вопреки любым трудностям. Далее, мы делаем вывод, что Павел, забыв и презрев собственное удобство, полностью посвятил себя церквям. Он предпочел скорее лишиться присутствия Тимофея – лучшего, вернейшего, любимейшего и полезнейшего спутника, чем не помочь македонцам.

23. *В то время произошел немалый мятеж против пути Господня, 24. ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, 25. собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; 26. между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Азии этот Павел своими убеждениями, совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. 27. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и ниспровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная. 28. Выслушав это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская!*

(23. В то время произошел немалый мятеж против пути, 24. ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Дианы и доставлявший художникам немалую прибыль, 25. собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! Вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; 26. между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Азии этот Павел убедил и отвратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. 27. А это грозит опасностью отвержения не только нашему ремеслу, но и тем, что храм великой богини Дианы ничего не будет значить, и ниспровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная. 28. Выслушав это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Диана Ефесская!)

23,24) *Мятеж против пути Господня.* По поводу слова «путь» читателей следует уведомить, что здесь оно значит то же, что латиняне зовут сектой, а греческие философы – ересью. Но поскольку в Церкви Божией, где должна царствовать одна вера, больше всего ненавистен и проклинаем обычай, когда каждый избирает, чему следовать, по собственному усмотрению, Лука, я думаю, избегает слова, заслуженно пользовавшегося бесславием у набожных, и по еврейскому обыкновению «путем» означает «установление».

Что же касается сути дела, мы видим, как чудесно Господь упражняет Своего раба. Павел, готовясь отправиться в путь, надеялся, что в его отсутствие в церкви сохранится спокойствие. И вот, мятеж неожиданно возникает там, где он меньше всего его боялся. Кроме того, в лице Димитрия видно, сколь вредной заразой является алчность. Ведь этот человек ради личной выгоды не усомнился поднять мятеж в весьма большом городе. Ремесленники же, которые словно вожженные факелы, повсюду сеют пожар, свидетельствуют о том, сколь легко подтолкнуть к любому преступлению порочных и преданных собственному чреву людей. Особенно, если они живут за счет небольшой ежедневной прибыли, и их лишают на нее надежды.

Далее, в этой истории мы видим живой образчик нашего времени. Димитрий со своим цехом бунтовали от того, что думали: если исчезнет суеверие, доставлявшее им доход, разрушится само их ремесло. Значит, они сражаются именно за свою жизнь. Димитрий за хороший заработок, другие – за ежедневное пропитание. Да и сегодня, какое рвение подстегивает папу, рогатых епископов, монахов и всю ораву папского клира? Какая ярость толкает их столь остро противостоять Евангелию? Они утверждают, что борются за католическую веру. Но и Димитрий имел справедливый предлог, защищая культ Дианы. Однако дела говорили о том, что он сражается не столько за идею, сколько за личный интерес. Дабы кухня его всегда ломилась от яств. Мятежники спокойно закрывают глаза на богохульства, лишь бы они не уменьшали их прибыль. Только в защите суеверий, дающих пропитание, они выказывают особый пыл. Посему, научившись подобными примерами, мы должны избрать род занятий, согласный с учением Христовым. Дабы желание прибыли не толкало нас к нечестивой и богохульной войне. Те же, кто по незнанию или заблуждению втянулись в какое-то порочное искусство или связаны с нечистым образом жизни, пусть, по крайней мере, остерегаются богохульной дерзости.

Что касается благочестивых учителей, то пусть эта история научит их: противники будут у них до тех пор, пока весь мир, отрекшись от себя, не предложит им примирение. А этого, как мы знаем, не произойдет никогда. Поскольку учение Павла мешало прибыли Димитрия и ремесленников, они яростно бросаются на его уничтожение. Разве не то же сегодня собираются делать те, кому противится Евангелие? Но нет никого, у кого отсутствовал бы повод для войны. Ведь все пожелания плоти враждебны Богу. Посему необходимо, чтобы все царящие в мире плотские вожеления играли роль воюющих со Христом вооруженных врагов.

Часто Господь набрасывает узду, дабы отверженные не бунтовали и не свирепствовали открыто. Но всякий, не покорившийся ярму Христову, всегда будет ненавидеть Евангелие. Таким образом, следует утверждать: благочестивые и верные учителя постоянно имеют дело с многочисленными врагами. Похоть Димитрия была видна явно. Между тем, следует знать: похоть – орудие сатаны, который, стараясь всеми способами ослабить учение Павла, нашел для этого удобный инструмент. И поскольку мы знаем, что сатана – неумолимый враг Христа и истины, подумаем ли мы, что ему когда-нибудь не хватит служителей, по внушению его или открыто безумствующих, или тайными кознями готовящих Евангелию погибель, или сеющих заразу ненависти, или зубовным скрежетом выдающих свою враждебность.

25,26) *От этого ремесла.* Здесь выдает себя гнусная злоба Димитрия. Позволительно как-то заботиться о собственной выгоде. Однако смущать из-за нее общественное спокойствие, нарушать право и порядок, идти на насилие и убийства, сознательно пытаться уничтожить правду и истину, – весьма великое преступление. По признанию Димитрия дело обстоит так: Павел отрицает истинность богов, сделанных человеческими руками. Он не исследует, правильно ли это утверждение, но, ослепленный жаждою наживы, стремглав несет подавлять правильное учение. Та же самая слепота толкает его к насильственным мерам. Не меньше буйствуют и ремесленники, боясь нищеты и голода. Ведь чрево глухо и слепо, отвергая любую справедливость. Тем более каждый из нас должен следить за собой. Дабы, когда речь идет о частной выгоде и пользе, та же самая похоть, толкнувшая на безумство ремесленников, не затмила для нас различие доброго и злого, постыдного и честного.

27) *Не только ремесло наше.* Во-первых, плохо уже то, что Димитрий заботился о религии во вторую очередь. Ведь нет ничего глупее, чем предпочесть богине собственное чрево. Но суетны также его слова о том, что культ Дианы подвергается опасности. Если бы учение Павла не причиняло ему вреда, он спокойно оставался бы дома, не думал о культе Дианы и не беспокоил остальных. Значит, откуда у него такое усердие, такое рвение, если не от угрозы для собственного очага? Видя же, что причина его бунта несправедлива и нечестна, он пытается украсить ее придуманными поводами. Значит, Димитрий ссылается на религиозный – почтенный для многих – довод, с целью скрыть собственные злодеяния. Так и нечестивые, как бы упорно ни восставали на Бога, бесстыдно хватаются за любые благовидные предлоги. Но Бог не позволяет им этого. Скорее, пользуясь их уловками, выводит на свет их дела. И для обличения лицемерия Димитрия не нужно было иного свидетеля. Он сам осудил себя собственными словами, выказав сожаление по поводу личных убытков.

Похожую позицию занимают сегодня паписты. Они во весь голос орут о католической вере, делая из себя защитников Святой Матери Церкви. Они всюду выказывают рвение, но дела их отдают ароматом кухонных яств. Мы же, если хотим искренне и правильно отстаивать дело благочестия, должны забыть о собственной выгоде, отдавая первое место славе Божией. Ибо перспектива наживы так поработочает все чувства, что мы, заблуждаясь как угодно, все же льстим себе, думая о собственной выгоде.

Которую почитает вся Азия и вселенная. Димитрию кажется недостойным унижение величия почитаемой всем миром Дианы. Общая уловка всех суеверий состоит в том, чтобы ссылаться на согласие большинства. Но истинная религия требует более прочного основания, чем людское суждение. Сегодня простых и неопытных людей больше всего удерживает страх отвергнуть повсеместно принятые заблуждения. То, что нравится многим, каким бы глупым и дерзким ни было, они считают законным и правильным. Отсюда люди безбоязненно выставляют против Бога обычай и привычку. Нам же Господь предписывает совсем другое правило. Дабы, довольствуясь лишь Его авторитетом, мы не заботились ни о людском мнении, ни о своих привычках, ни об обычаях многочисленных народов.

29. *И весь город наполнился смятением. Схватив Македонян Гаия и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились на зрелище.* 30. *Когда же Павел хотел войти в народ, ученики не допустили его.* 31. *Также и некоторые из Асийских начальников, будучи друзьями его, послав к нему, просили не показываться на зрелище.* 32. *Между тем одни кричали одно, а другие другое, ибо собрание было беспорядочное, и большая часть [собравшихся] не знали, зачем собрались.* 33. *По предложению Иудеев, из народа вызван был Александр. Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу.* 34. *Когда же узнали, что он Иудей, то закричали все в один голос, и около двух часов кричали: велика Артемида Ефесская!*

(29. *И весь город наполнился смятением. Схватив Македонян Гаия и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились в театр.* 30. *Когда же Павел хотел войти в народ, ученики не допустили его.* 31. *Также и некоторые из Асийских начальников, будучи друзьями его, послав к нему, просили не показываться в театре.* 32. *Между тем одни кричали одно, а другие другое, ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались.* 33. *Из толпы вытащили Александра, которого толкали вперед Иудеи. Дав знак рукою, Александр хотел объяснить народу.* 34. *Когда же узнали, что он Иудей, то закричали все в один голос, и около двух часов кричали: велика Диана Ефесская!)*

29) Здесь Лука, как на картине, наглядно рисует для нас природу толпы. Как пожар сразу переходит на тысячи домов, так и смута в один миг охватила весь город. Если однажды возникло такое смятение, его нелегко утихомирить. Поскольку же рабы Христовы не могут избежать такого зла, им надлежит вооружиться не-

сгибаемой стойкостью и бестрепетно выдерживать народные волнения. И, видя мятущуюся толпу, не страшиться ее, словно чего-то нового и необычного. Так и Павел в другом месте (2Кор.6:5) хвалится тем, что мужественно перенес многочисленные волнения. Между тем, лучшее утешение служителей Слова – это поддержка их Господом во время бурь и невзгод, а лучшее упование – свидетельство Господа о том, что Он держит в руках бразды правления Церковью. И не только это, но Господь – управитель всех бурь и невзгод, умиряющий их, когда Ему будет угодно. Значит, будем знать: наше плавание проходит как бы в бурном и беспокойном море. Больше того, нам надлежит подвергнуться бесславию: будто мы сами возбуждаем смуту. И пусть ничто не уведет нас от правильного хода служения. Таким образом, путешествуя, мы подвергаемся тяжким мучениям, но Господь, по крайней мере, не позволяет нам совсем потонуть. Кроме того, мы видим: хотя волнение совершенно беспорядочно, народ всегда уклоняется к худшему. Так и теперь эфесяне хватают Гаия и Аристарха, изгоняют Александра безумными криками. Откуда это, если не от того, что власть над ними держит сатана, заставляя потворствовать злему делу? Есть и другая причина: умы людей занимает лживое предубеждение, лишаящее их терпения исследовать дело.

30) *Когда же Павел хотел.* Можно отметить, что стойкость Павла соединяется здесь со скромностью. Имея возможность спокойно отсидеться, он по собственной воле идет на риск. Однако Павел не отвергает совет тех, кому лучше известно состояние дела. Если бы его не удержали, то и тогда планируемый им поступок нельзя было приписывать дерзости. Волнение возникло не по его вине. Почему же ему не рискнуть собственной жизнью? Особенно, когда имеется надежда на успех предприятия. Но когда от этого отговаривают братья и опытные друзья, весьма достохвальна скромность апостола, не упорствующего в собственном намерении.

33) *Вызван был Александр.* Вероятно, иудеи вытолкнули Александра не для того, чтобы тот защищал язычников, но, желая принести его в жертву народу. Между тем, он сделал имя иудеев столь ненавистным, что последние в ярости отвергали все его возможные оправдания. Больше того, среди такого волнения ему грозила прямая опасность для жизни. Далее, неизвестно: тот ли это Александр, о котором в другом месте (1Тим.1:20; 2Тим.4:14) упоминает Павел. Лично мне это кажется вполне правдоподобным. Если же поверить, что это именно он: пусть сей устрашающий пример научит нас осмотрительности, дабы сатана не подвиг нас к такому же отпадению. Ведь человека, почти достигшего мученичества, мы вскоре увидим вероломным и преступным отступником.

34) *Велика Артемиды Ефесская.* Крикливым, но нетвердым было исповедание, не исходившее от сердечной веры. Отчего еще они возглашают божественность великой Дианы, если не от того, что яростно защищают однажды впитанное заблуждение? У истинного же благочестия совсем иное основание. Мы должны твердо веровать к праведности, а уже после следует исповедание уст. В этом и отличается буйство неумеренных и безумное упорство фанатиков от стойкости и ревности мучеников. Хотя и следует стыдиться нашей вялости, если мы проявляем меньшее мужество в исповедании веры, чем они в защите своего гнилого заблуждения. Известно, ведь, что через Давида приписывает нам Божественный Дух: уверовал, потому и возгласил (Пс.115:1).

35. *Блюститель же порядка, утишив народ, сказал: мужи Ефесские! какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Дионета? 36. Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво. 37. А вы привели этих мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали, ни богини вашей не хулили. 38. Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга. 39. А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании. 40. Ибо мы находимся в опасности – за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которой мы могли бы оправдать такое сборище. Сказав это, он распустил собрание.*

(35. Книжник же, утишив народ, сказал: мужи Ефесские! Какой человек не знает, что город Ефес есть почитатель великой богини Дианы и ниспавшего от Юпитера идола? 36. Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво. 37. А вы привели этих мужей, ни святотатцев, ни хулителей богини вашей. 38. Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга. 39. А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании. 40. Ибо мы находимся в опасности – за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которой мы могли бы оправдать такое сборище. Сказав это, он распустил собрание.)

35) Здесь Лука рассказывает о том, как волнение улеглось. И, однако же, в народе возобладало суеверие, а истина Божия осталась не услышанной. Ибо книжник, как обычно поступают общественные деятели, счел достаточным любым способом утихомирить взволновавшуюся толпу. Между тем, пренебрегается существом дела. Без сомнения, книжник видел преступление Димитрия, знал, что он, злоупотребив религией, возмутил город в корыстных целях. Но он не говорит об этом, скрытом от неопытных, проступке. Кроме того, ради умирения волнения, он превозносит вымышленное божество Дианы, утверждая ее суеверный культ. Если бы Павел был тогда в театре, он скорее сотню раз подверг бы себя смерти, чем согласился избежать опасности такой ценой. Хотя книжник и не говорил по поручению Павла, все же слова его повергли небес-

ное учение вероломной клевете. Он сказал, что идол, почитаемый эфесянами, ниспал с неба, и что Павел со своими соратниками не произнес в его адрес никакой хулы. Но разве молчание, в таком случае, не подтверждало бы это ложное оправдание? Промолчать тогда значило бы протянуть руку идолопоклонству. Итак, не без причины Лука сообщает о том, что братья удержали Павла от похода в театр.

37,38) *Ни храма ... не обокрали.* Книжник правильно отрицает святотатство учеников. Но тут же ложно определяет само понятие святотатства: оно, по его словам, означает хулу в адрес Дианы. Поскольку всякое суеверие обмирщено и скверно, отсюда следует, что святотатцы – люди, переносящие честь единого Бога на свои идолы. Но здесь восхваляется плотское благоразумие книжника, а не его благочестие. Оно было нацелено лишь на то, чтобы угасить пожар волнения. Посему он заключает: если Димитрий имеет какую-то личную жалобу, то есть судьи и гражданские власти. Общественные же дела следует рассматривать на законных, а не мятежных собраниях, созданных указом властей, а не прихотью и наущением какого-то человека. Проконсулов он называет во множественном числе не потому, что в Азии имелось больше одного проконсула, а потому, что собрания вместо проконсулов проводили порою их легаты. Книжник также умиряет собравшихся, внушая им страх. Ибо проконсул мог бы возыметь повод для наказания города.

Глава 20

1. По прекращении мятежа Павел, призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними, вышел и пошел в Македонию. 2. Пройдя же те места и преподав [верующим] обильные наставления, пришел в Елладу. 3. Там пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями, он хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться через Македонию. 4. Его сопровождали до Азии Сосипатр Пирров, Вериянин, и из Фессалоникийцев Аристарх и Секунд, и Гайй Дервянин и Тимофей, и Асийцы Тихик и Трофим. 5. Они, пойдя вперед, ожидали нас в Троаде. 6. А мы, после дней опресночных, отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Троаду, где пробыли семь дней.

(1. По прекращении мятежа Павел, призвав учеников и простившись с ними, вышел и пошел в Македонию. 2. Пройдя же те места и преподав им обильные наставления, пришел в Елладу. 3. Там пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями, он хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться через Македонию. 4. Его сопровождали до Азии Сосипатр, Вериянин, и из Фессалоникийцев Аристарх и Секунд, и Гайй Дервянин и Тимофей, и Асийцы Тихик и Трофим. 5. Они, пойдя вперед, ожидали нас в Троаде. 6. А мы, после дней опресночных, отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Троаду, где пробыли семь дней.)

1) В этой главе Лука рассказывает о том, как Павел, отправившись из Азии в Иерусалим, пересек море в обратном направлении. Хотя все описываемое в этом рассказе достойно тщательного рассмотрения, он все же не нуждается в длинном истолковании. Чудесная сила Божия сохранила Церковь среди смут и волнений. Община в Эфесе была еще младенческой и немошной; верующие, однажды испытав внезапное гонение, могли справедливо опасаться, что в будущем возникнут подобные же смуты. Нет сомнения: уход Павла был для них весьма болезненным. Но поскольку влекла его настоящая нужда, он вынужден покинуть в бурном море своих недавно родившихся, едва избежавших кораблекрушения детей. Сами же они, хотя и грустят об уходе Павла, не пытаются удержать его, не желая причинить ущерба другим церквям. Таким образом, мы видим: они думали не о себе, но с заботой и усердием относились к Царству Христову, сообщая помощь как себе, так и братьям. И историю эту надо тщательно отметить, дабы среди настоящего злополучного рассеяния мы стремились всегда помогать друг другу. Если же когда-то нам придется отказаться от собственной пользы, не будем колебаться, зная, что штурвал нашего корабля в руках Божиих. Также отметим, что Павел не ушел прежде, чем попрощался с братьями. Он утверждает их перед своим уходом. И о Македониях Лука вскоре скажет: Павел увещевал их весьма долго. То есть – не формально, словно ему было достаточно просто их наставить, но, как и сам он велит в другом месте (2Тим.4:2), увещевая к месту, и не к месту, действительно внушая необходимые для знания вещи, дабы те никогда не были преданы забвению.

3,4) *По случаю возмущения.* Таким образом, разными способами и упорными сражениями Бог упражнял Своего раба, являя в его лице пример неутомимой стойкости. Недостаточно было подвергнуть его трудному и длинному пути, трудам и тяготам. Он добавил к этому угрозу для жизни со стороны врагов. Пусть же история эта будет на виду у всех Христовых слуг, дабы они никогда не ослабевали под гнетом трудностей. Но Павел, отклонившись от прямого пути, и одновременно уклонившись от строящихся ему козней, одновременно дает понять: мы должны заботиться о собственной жизни и не бросаться необдуманно в пучину опасностей. Те же, которые были его спутниками, показывают редкий пример благочестия. Мы видим, сколь дорога была его жизнь для верующих. Ведь многие любимые им соратники из разных народов ради него предпринимали весьма затратное и тяжелое путешествие. Лука говорит, что Павел оставался в Филиппах в день опресноков, поскольку тогда ему представлялась хорошая возможность поучения. И раз тогда еще не была известной отмена закона, надо было остерегаться, как бы, презрев праздник, не оказаться также зрителем Божиим в глазах простаков. Хотя мне кажется, что Павел, прежде всего, использовал возможность для научения. Ведь во время праздника иудеи были более внимательны ко всему услышанному.

7. В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи. 8. В горнице, где мы собрались, было довольно светильников. 9. Во время продолжительной беседы Павловой, один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись, сонный упал вниз с третьего жилья, и поднят мертвым. 10. Павел, сойдя, пал на него и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем. 11. Взойдя же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел. 12. Между тем отрока привели живого, и немало утешились. 13. Мы пошли вперед на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла; ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком.

(7. В один же день из суббот, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи. 8. В горнице, где они собрались, было довольно светильников. 9. Во время продолжительной беседы Павловой, один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись ото сна, упал вниз с третьего жилья, и поднят мертвым. 10. Павел, сойдя, пал на него и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем. 11. Взойдя же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел. 12. Между тем отрока привели живого, и немало утешились. 13. Мы пошли вперед на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла; ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком.)

7) В первый же день. (В один же день из суббот). Или Лука имеет в виду первый день недели, или же одну из суббот. Последнее мне кажется более вероятным. По той причине, что этот день был самым подходящим для проведения собрания. Но поскольку для евангелистов не ново по обычаю еврейского языка вместо «первый» говорить «один», подходит и смысл, что собрание состоялось в следующий после субботы день. Далее, относить сказанное к какому-то произвольному дню будет весьма поверхностным. Зачем еще упоминается суббота, если не для того, чтобы обозначить подходящий и правильный выбор времени? Также вероятно, что Павел ждал субботы специально, дабы было легче собрать учеников вместе перед его уходом. Достоин быть отмеченным и общий пыл собрания. Ведь Павел не поленился учить до середины ночи, хотя и готовился к путешествию, а слушатели не поленились учиться у него. Так что единственная причина столь долгой и продолжительной речи – внимание и усердие наставляемых.

Для преломления хлеба. Хотя евреи порою обозначают преломлением хлеба домашнее пиршество, в этом месте я отношу эту фразу к Священной Вечери. Причем, по двум причинам. Ведь из последующего легко вывести, что там собралось немалое количество людей. А устраивать пиршество в частном доме весьма нелепо. Далее, Лука впоследствии скажет, что Павел вкусил хлеб не в обеденное время, а после полуночи. Сюда же добавляется и то, что апостол, по словам Луки, принял пищу не ради насыщения, а только для вкушения. Итак, я делаю вывод: совершение Священной Вечери Господней было приурочено к торжественному дню, для всех являвшемуся самым удобным. И Павел, дабы как-то исправить ущерб от предстоявшей им долгой разлуки, продлил дольше обычного свою речь. Из сказанного же о большом количестве людей можно вывести: в горнице зажгли много светильников, что определенно было сделано не для помпы и прикрас, а ради необходимости. Там же, где нет никакой пользы, быть расточительными людей заставляют самомнение и суета. Далее, надлежало осветить светильниками все место священного собрания, дабы на него не пало подозрения в какой-то непристойности или постыдных делах. Добавь к этому и другой довод: если бы горница была пуста, присутствующие не позволили бы Евтиху сидеть на окне. Ведь, имеясь в горнице какое-то более подходящее место, сидение на оконной раме говорило бы о презрении и отвержении небесного учения.

9) Погрузился к глубокий сон. Не вижу никакой причины, по которой некоторые толкователи столь остро порицают сонливость этого юноши, говоря, что смерть была карой за его бесчувственность. Что удивительного, если юноша, сражаясь со сном, все же уступил ему в середине ночи? То же, что сон охватил его против воли и неожиданно, можно вывести из следующего. Он никак не приготовился к предстоящему покою. Занятие удобного для сна места свидетельствовало бы о его лени. Что же значит – заснуть, сидя на окне, как не безвинно уступить природной немощи? Как, например, если от недоедания или чрезмерной усталости у кого-то произойдет обморок. Те, кто, погрузившись в мирские заботы, приходят на проповедь с презрением, те, кто насытившись пищей и вином, распространяют в собрании соответствующие ароматы, те, кто, думая о других делах, слушают Слово урывками, заслуженно осуждаются собственной сонливостью. Евтиха же Лука определенно оправдывает, говоря, что сон смог победить его только после полуночи. Далее, Господь восхотел пробудить веру Своих людей не только сном, но и смертью этого юноши, дабы те еще вожденней приняли учение Павла и полностью утвердили его в собственных душах. Вначале последовало нелегкое искушение, способное поколебать любого, даже самого стойкого верующего. Кто подумал бы, что Христос председательствует на собрании, где несчастный человек, упав, подвергает себя неожиданной смерти? Кто не счел бы происшедшее скорее символом божественного проклятия? Но Господь, тут же употребив врачевство, избавляет умы Своих от всякого смущения.

10) Пал на него. Мы знаем, что апостолы, совершая чудеса, иногда употребляли внешние обряды, коими воссылали Богу славу за их авторство. Теперешний же поступок Павла, павшего на юношу, думаю, был вызван лишь желанием полнее сосредоточиться на молитве. Этим действием он как бы сам сливается с умер-

шим. Возможно, это было сделано в подражание Елисею, о котором Писание рассказывает аналогичную историю. Однако Павлом больше руководила пылкость чувств, чем страсть походить на пророка. Соединение с мертвым пробуждало в апостоле желание всей душою молиться Господу о его жизни. И, обнимая труп, Павел означает этим, что приносит его Богу для оживления. Из текста можно заключить, что Павел разжал объятия не раньше, чем понял, что мертвому возвращена жизнь.

Не тревожьтесь. Следует отметить, что Павел прежде всего беспокоился о том, как бы сей плачевный случай не поколебал веры благочестивых, не смутил их души. Между тем Господь как бы Собственной печатью удостоверил нам последнюю проповедь Павла, произнесенную им в Троаде. Говоря «душа его в нем», апостол не отрицает, что юноша действительно умер. Ведь в противном случае Павел преуменьшил бы славу чуда. Смысл его слов таков: жизнь возвращена мертвому по благодати Божией. Последующую же фразу о всеобщем утешении я не ограничиваю радостью от воскресения юноши, но отношу ее и к подтверждению веры. Ведь Господь явил собравшимся прекрасный пример незаслуженной любви.

13) *Пошли вперед на корабль.* Почему Павел предпочел путешествовать по земле, не вполне ясно. Может быть, ему было тягостным мореплавание, а может, он хотел посетить по дороге братьев. Думаю, что Павел отказался от морского пути по причине здоровья. Однако он пожалел своих спутников, заслужив похвалу за свое человеколюбие. Почему еще он отпускает их от себя, если не с целью избавить от тягот путешествия по суше? Таким образом, мы видим: между спутниками и Павлом как бы шла борьба: с одной стороны боролось дружелюбие, а с другой – долг. Они были полностью готовы к служению, Павел же, будучи нестрогим начальником, добровольно отклонил предложенную ими услугу и ласково от себя отпустил. Больше того, пренебрегая собственным удобством, даже приказал им идти для успокоения их же совести. Вполне известно, что географы приписывают Асс Троаде. Этот же город, по свидетельству Плиния, называется Аполлония. Говорят, что он был колонией этолов.

14. Когда же он сошелся с нами в Ассе, то, взяв его, мы приплыли в Митилину. 15. И, отплыв оттуда, в следующий день мы остановились против Хиоса, а на другой пристали к Самосу и, побывав в Трогиллии, в следующий [день] прибыли в Милет, 16. ибо Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Азии; потому что он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме. 17. Из Милита же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви, 18. и, когда они пришли к нему, он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, 19. работая Господу со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев; 20. как я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедовал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам, 21. возвекая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа.

(14. Когда же он сошелся с нами в Ассе, то, взяв его, мы приплыли в Митилину. 15. И, отплыв оттуда, в следующий день мы остановились против Хиоса, а на другой пристали к Самосу и, побывав в Трогиллии, в следующий день прибыли в Милет, 16. ибо Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Азии; потому что он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме. 17. Из Милета же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви, 18. и, когда они пришли к нему, он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, 19. служба Господу со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев; 20. как я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедовал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам, 21. возвекая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа.)

16,17) *Павлу рассудилось.* Нет сомнения, что у Павла был важный повод для спешки. Не потому, что он настолько почитал соблюдение религиозных дней, а потому, что на праздники в Иерусалим отовсюду стекались паломники. И, надеясь на определенный успех при таком людском сборище, Павел не хотел упускать этот шанс. Итак, будем знать: причиной спешки Павла был не законнический культ, а созидание церкви. Отчасти он желал сообщить верным о распространении Царства Христова, отчасти – обрести тех, кто еще был чужд Христа, а отчасти – опровергнуть клевету негодных людей. Однако следует отметить: одновременно апостол заботится и об остальных церквях. Ибо, призвав пресвитеров Эфеса в Милет, он показывает, что отнюдь не небрежет Асией. То же, что призванные быстро к нему приходят, знак не только их согласия, но и скромности. Хотя пресвитеров и было много, все они с готовностью поспешили к одному апостолу, зная, что тот наделен особыми духовными дарами. Далее, старейшинами названы не люди престарелого возраста, а предстоятели Церкви, что ясно выводится из контекста. Почти во всех языках привычно называть старейшинами и отцами тех, кто поставлен правителями над другими. Даже если они и не отличаются престарелым возрастом.

18) *Вы знаете.* В своей проповеди Павел особо настойчиво, ссылаясь на собственный пример, призывает тех, кого поставил пастырями в Эфесе, верно исполнять свое служение. Ибо добрые нравы и авторитет учения правильно утверждаются лишь тогда, когда учитель предписывает то, что раньше сам показал на собственном примере. И не было ничего глупого в том, что Павел говорил тогда о собственных добродетелях. Нет ничего более нетерпимого в рабах Христовых, чем самомнение и суетность. Но, когда все хорошо узнали скромность и смирение святого мужа, ему не стоит бояться вызвать к себе подозрение в тщеславии. Особо, если, понуждаемый необходимостью, он ставит другим в пример свою добросовестность и старание.

Павел величественно говорит о своих трудах, терпении, мужестве и прочих добродетелях. Но для чего все это? Конечно не для того, чтобы вызвать аплодисменты слушателей, но для того, чтобы сделать свое увещание острее, полностью утвердить его в их душах. У Павла был и другой мотив: он хотел, чтобы его целомудрие впоследствии подтверждало авторитет его же учения. Апостол ссылается на очевидцев, дабы не казалось, что разговор идет о неизвестных вещах. Очевидцами же я называю тех, которые не только все видели, но и правильно и беспристрастно обо всем судили.

19) *Работая Господу*. Павел упоминает не только о многочисленных трудностях, которые ему пришлось претерпеть. Он особо проповедует о своем смирении, соединенном с презрением к миру, поношением и прочими скорбями. Он как бы говорит: его приняли не с почетом и благоволением, он жил среди них с презренной отметиной креста. Немалое свидетельство состоит и в том, что мы не слабеем, видя, как нас надменно попирает ногами мир. Однако следует отдельно отметить детали Павловой речи. Служение Господу понимается здесь не как почитание Бога в святости и праведности, что обще всем благочестивым, а как исполнение общественного служения. Итак, Павел говорит не как любое частное лицо, а как законный данный Церкви служитель. Он свидетельствует, что исполнил вверенное ему апостольство со смирением и скромностью. Ибо, сознавая свою немощь, не уповал на себя, понимая превосходство своего служения, считал себя его недостойным, и добровольно нес поношение креста Христова. Ведь смирение противопоставляется здесь как ветреной уверенности, так и горделивой надменности. Павел говорит и о своих слезах, вызванных сражениями, разными кознями сатаны, яростью нечестивых, внутренними болезнями и искушениями Церкви. Наконец, он говорит, что с опаской жил среди злоумышлений иудеев, признаваясь, что, не будучи железным, искушался этим обстоятельством, хотя и не пал духом. Ибо Павлу не стыдно признаваться в собственной немощи. Цель же его в том, чтобы другие, к которым он обращается, не покорились подобным скорбям, чтобы, лишенные всякого сомнения, они почтительно и тщательно исполняли свое дело. И не только терпеливо выносили людское презрение, но и презрели сами себя. Ведь тот, кто думает о себе высоко, никогда не будет готов слушаться Христа. Поскольку же нельзя долго притворяться в добродетельности, Павел, ссылаясь на трехгодичную стойкость, на ровный постоянный стиль поведения, доказывает тем самым свою искренность. Вы знаете, – говорит он, – каким я был все это время, начиная с самого первого дня. Такова истинная проверка для рабов Христовых – не меняться под влиянием различных обстоятельств, но оставаться самими собой, следуя правильному курсу.

20) *Не пропустил ничего полезного*. Свою добросовестность и прилежание в учении Павел похвалит с трех сторон. Первое: он тщательно и основательно наставлял учеников, не пропуская ничего способствующего их спасению. Второе: не довольствуясь общей проповедью, он пытался быть полезным каждому в отдельности. И третье: Павел приводит краткий итог своего учения, увещая слушателей к покаянию и вере во Христа. Поскольку же Павел рисует перед нами образ испытанного и верного учителя, всем, желающим одобрения Богом своих трудов, надлежит в качестве цели иметь назидание Церкви. Как и Тимофею апостол велит помышлять о полезном, настойчиво преподавая это ученикам (1Тим.4:7). Действительно, Писание, по правилу которого должно организовываться всякое учение, дающее единственный правильный для него метод, содержит не утонченные умствования, праздно веселящие душу, но, по свидетельству того же Павла (2Тим.3:16): все оно полезно, делая совершенным человека Божия. Павел же предписывает такое усердие в назидании, чтобы пастырь, по мере сил, не упускал ничего из полезного для знания. Ибо дурны учителя, постоянно держащие учеников в первых начатках, не позволяя им прийти к полному познанию истины. Действительно, Господь наставляет нас в Своем Слове не половинчато, но дает совершенную и полностью завершенную премудрость. Отсюда явствует, сколь бесстыдно превозносятся служители Слова, не только покрывающие и терпящие невежество народа, но и потакающие грубым заблуждениям и нечестивым суевериям.

Так и сегодня многие в папстве выказывают искорки здравого учения, но не дерзают при этом рассеять мрак народного невежества. На самом деле им мешает превратный плотский страх. Но они притворно заявляют, будто народ не способен принять более солидного учения. Признаю, что не всему можно учить сразу, что следует подражать благоразумию Павла, приспособлявшегося к восприятию невежд. Однако какая может быть умеренность в учении, если слепым позволяют падать в яму, если несчастные души оставляют под тиранической властью антихриста. Если, видя, как усиливается идолопоклонство, искажается божественный культ, нарушается закон, профанируются все святое, эти пастыри либо молчат, либо делают лишь неясные и смутные намеки? Итак, надо отметить сказанные Павлом слова. Он отрицает, что прибегал к каким-либо уловкам. Наоборот, ясно возвещал все, что было полезным для народа. Отсюда мы выводим: от рабов Христовых требуется чистое подлинное изложение здравого учения, в котором не должно быть двусмысленностей. Меньше всего им приличны косвенные намеки, хитрое притворство и скрытность.

Всенародно и по домам. Вторая мысль Павла: он не только учил всех на общем собрании, но и, по мере нужды каждого, приходил в отдельные семьи. Ибо Христос поставил пастырей не только для того, чтобы они лишь в целом учили Церковь посредством публичной проповеди. Но и для того, чтобы они заботились об отдельных овцах, приводили заблудших овец в овчарню, укрепляли сломленных и малодушных, лечили больных, поддерживали немощных и слабых. Ведь общее поучение часто звучит холодно, если ему не помогают частные наставления. Посему неизвинительно небрежение тех, кто, сказав одну проповедь, и как бы

отработав свое, в оставшееся время спокойно отдыхает. Словно голос их наглухо заперт в храме, и, выйдя из него, они тут же немеют. Учеников же Павел учит следующему. Если хочешь числиться в стаде Христовом, надо слушать пастырей всегда, когда они к тебе приходят. И не избегать частных увещаний. Скорее подобны медведям, чем овцам, те, кто удостоивается слушать голос пастыря лишь в многолюдном театре. В своих же домах они не терпят увещаний и обличений, больше того, жестко отвергают столь необходимое для них служение.

21) *Возвещая Иудеям*. Теперь, переходя к третьей части, Павел коротко излагает суть своего учения, увещывая всех к вере и покаянию. Как было сказано прежде: Евангелие состоит только из этих двух частей. Отсюда мы выводим, в чем именно состоит должное назидание Церкви, о котором следует заботиться пастырям, и к чему надо прилагать наши усилия, если желаем преуспевать в божественной школе. Мы уже говорили: Слово Божие профанируется там, где его читатели заняты глупыми отвлеченными вопросами. Однако, дабы чтение его не было пустым и тщетным, надо всегда стремиться к двойной цели, предписанной нам апостолом. И всякий уклоняющийся к чему-то другому, даже усердно стараясь, будет лишь блуждать по кругу. Словом «свидетельствовал» Павел подчеркивает свою пылкость. Он как бы говорит, что проповедовал конкретно и четко, дабы лишить слушателей извинений в собственном невежестве. Он ссылается на обычай суда, где свидетельство используют для устранения всех сомнений. Ибо людей следует не только учить, но и понуждать, дабы те приняли спасение во Христе и обратились к Богу, обновляя собственную жизнь. Но Павел, говоря, что служил всем, все же на первое место ставит иудеев. Ведь Бог дал им больше почета, чем язычникам, и Христа с Его благодатью надлежало проповедовать им до тех пор, пока они полностью от Него не отошли.

Покаяние перед Богом. Во-первых, следует отметить различие между верой и покаянием, которое некоторые превратно смешивают по собственному незнанию, говоря, что покаяние – часть веры. Признаю, что их нельзя отделить друг от друга. Ведь Бог просвещает Духом веры лишь того, кого одновременно возрождает к новой жизни. И все же надо их различать, как делает в этом месте сам Павел. Покаяние – это обращение к Богу, когда мы всю нашу жизнь сообразуем с послушанием Ему. А вера – принятие явленной нам во Христе благодати. Ибо вся религия направлена на то, чтобы, почитая святость и праведность, мы непорочно служили Богу. Затем, мы не должны испрашивать ни у кого, кроме Него, какой-либо части нашего спасения. И не искать спасение где-либо, кроме Христа. Значит, учение о покаянии содержит правило благочестивой жизни, требует отречения от себя, умерщвления плоти и размышления о небесной жизни. Но поскольку по природе мы все испорчены, чужды праведности и отвращены от Бога, поскольку мы избегаем Бога, зная о Его гневе к нам, нам необходимо предложить способ примирения и обретения новой жизни. Значит, если не будет веры, напрасно говорить что-либо о покаянии.

Более того, учителя покаяния, которые, презрев веру, настаивают лишь на обновлении жизни и добрых делах, ничем, или лишь в малом, отличаются от мирских философов. Они говорят, как нам следует жить. Но оставляют людей с их собственной природой. А с нею нельзя надеяться на лучшее, доколе они не призвуют погибших к надежде спасения, не оживят мертвых обещанием прощения грехов, не покажут им, что Бог по незаслуженному усыновлению принимает в дети тех, кого прежде держал в рабстве сатана, не научат, что Дух возрождения следует просить у Небесного Отца, а благочестие, праведность и правоту – черпать из Самого Источника всех благ. Отсюда происходит призывание Бога, занимающее первое место в законном божественном культе.

Теперь мы видим, что вера и покаяние связаны друг с другом неразрывным образом. Вера примиряет людей с Богом, не только делая Его милостивым к нам, избавляющим от повинности смерти, не вменяющим нам грехи, но и очищающим Своим Духом скверны нашей плоти, преображающим нас в Собственный образ. Покаяние же апостол ставит на первое место не потому, что оно предшествует вере (ведь оно частично от нее происходит и является ее результатом), а потому, что начало покаяния – это подготовка к вере. Началом я называю здесь разочарование в себе, толкающее нас, затронутых страхом Божиим, на поиски подходящего исцеления.

Веру в ... Христа. Не без причины Писание повсюду называет Христа целью и объектом веры. Ибо величие Божие само по себе настолько высоко, что люди не могут до него добраться. Значит, если Христос не заступит в качестве Посредника, наши силы истощатся в поисках Бога. Поскольку же Бог – Судья мира, Его вид без лицемерия Христа непременно ввергнет нас в отчаяние. Бог не только представляет Себя во Христе в Собственном образе. Отецеским благоволением Он обновляет нас, всецело восстанавливая в нас жизнь. Ибо нет такой части спасения, которую нельзя найти во Христе. Жертвою и смертью Своею Он изгладил наши грехи, претерпел наказание, дабы нас от него избавить, очистил нас Своею Кровью, угасил Отчий гнев послушанием, а воскресением обрел для нас праведность. Итак, не удивительно то, что уже говорилось: вера должна полностью сосредоточиться на лицемерии Христа.

22. *И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; 23. только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. 24. Но я ни на что не взираю и не дорожу жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедовать Евангелие благодати Божией. 25. И ныне, вот, я знаю, что уже не уви-*

дите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. 26. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, 27. ибо я не упустил возвестить вам всю волю Божию.

(22. И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там мне встретится; 23. разве что Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. 24. Но я ни на что не взираю и не дорожу жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, засвидетельствовать Евангелие благодати Божией. 25. И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. 26. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, 27. ибо я не изворачивался, возвещая вам всю волю Божию.)

22) И вот, ныне я. Здесь Павел яснее говорит о цели, с которой стал рассуждать о своем целомудрии. А именно: слушатели никогда больше его не увидят. Он торжественно увещевает: пример, предложенный им от Бога для подражания, должен всегда находиться перед их глазами. Если же он исчезнет, память о Павле станет совершенно напрасной. Ведь мы знаем, сколь легко отходят люди от правильных установлений. Далее, Павел отрицает осведомленность в том, что случится с ним в Иерусалиме. Но многие пророчества сообщали ему о готовящихся для него узах. Посему, словно приготовившись к смерти, Павел немного спустя исключает всякую надежду на возвращение. Однако, говоря таким образом, Павел вовсе не противоречит самому себе. Он сознательно говорит в сомневающемся тоне, смягчая то, что в будущем окажется чрезмерно жестким. И все же верно утверждает, что ему неизвестен исход дела. Ведь обо всем предприятию у Павла не имелось четкого и особого откровения.

По влечению Духа. Некоторые толкуют это так, что Павел был связан с церквями, обязавшими его к передаче милостыни. Мне же кажется, что здесь говорится о силе и внутреннем внушении Святого Духа. Не потому, что Павел был обхвачен *ἐνθουσιασμῶ*, выйдя из собственного разума, но потому, что, убедившись в воле Божией, охотно и спокойно следовал тайному внушению и водительству Духа. Итак, его утверждение означает следующее: не могу поступить иначе, если не хочу оказаться непослушным Богу, влекущему меня туда, словно связанного, силою Своего Духа. Значит, Павел делает Духа вождем и автором путешествия с целью снять с себя обвинение в дерзости. О, если бы большинство энтузиастов, претендующих на то, что Дух Святой диктует им все их фантазии, знали Духа столь же хорошо, как Павел, который, однако, не утверждает, что все его помышления происходят от Духа, но относит влияние Его лишь к отдельным делам. Ибо люди часто глупо и необдуманно решаются на многие поступки, которые затем упорно отстаивают, стыдясь собственной легковесности. Павел же не только говорит, что предпринял путешествие по справедливому поводу, внушенному Духом Божиим, но и то, что путешествие это для него совершенно неизбежно. Ведь Духу Божию не подобает сопротивляться. Пусть же пример этого святого мужа научит нас не противиться Божественному Духу, но послушно отдавать себя под Его управление, дабы Он, словно связанных, влек нас, куда Ему угодно. И, однако, мы влечемся вовсе не насильственно. Ведь если отверженные, будучи рабами сатаны, не только добровольно, но и жадно несутся по его внушению, сколь больше подобная *ἐθελοδουλεία* подобает детям Божиим.

23) Только Дух Святой. Я отношу сказанное не к тайным провещеваниям, но к предсказаниям, которые Павел повсеместно слышал от пророков. И слова его больше способствуют восхвалению пророчеств, чем, если бы он призвал в свидетели самих этих пророков. Ведь авторитет Слова Божия возвышается тогда, когда мы признаем его автором Духа. Хотя служителями и являются обыкновенные люди. Поскольку же Дух, уведомивший Павла об узах и скорбях, одновременно связывает его, не позволяя отказаться от подчинения, мы научаемся следующему. Если мы избавляемся от каких-либо трудностей, это не должно противоречить нашему призванию и послушанию заповедям Божиим. Итак, напрасно убажуют себя люди, действующие правильно лишь тогда, когда это можно сделать без тягот. Напрасно в качестве оправдания приводят они неудобства, будущий ущерб и опасность смерти.

24) Я ни на что не взираю. Всем благочестивым, и особенно служителям Слова, надлежит так подготовить свои души, чтобы, отложив все прочие дела, прямо спешить к исполнению заповедей Божиих. Жизнь — не столь дешевый божественный дар, чтобы ее можно было презирать. Жизнь, в которой мы созданы по образу Божию, дабы размышлять о блаженном бессмертии, уготованном нам на небесах, в которой Бог различным образом свидетельствует об отеческих к нам чувствах. Но поскольку жизнь дана нам в качестве ристалища, всегда надлежит поспешать к предложенной нам цели, преодолевая препятствия, дабы ничто не задерживало нас в пути. Стыдно, если слепая любовь к жизни удерживает нас так, что ради жизни мы жертвуем причиной, ради которой живем. Именно об этом и говорит Павел. Он не считает собственную жизнь за ничто, но забывает о ней, дабы исполнить свое поприще, дабы совершить служение, принятое от Христа. Он как бы говорит, что желание жить удерживает его постольку, поскольку можно исполнять божественное призвание. Посему отказаться от жизни для него не тяжело — лишь бы смертью он достиг цели, предписанной ему Богом.

Следует отметить выражение: «с радостью». Он хочет сказать, что никакая печаль или грусть не мешает верным радостно жить и умирать для Господа. Ведь радость доброй совести сокрыта столь глубоко, что ее не мучают внешние скорби и плотские страдания. Она окрылена настолько, что низвергнуться не может. Отметим также его определение ристалища: это — служение, воспринятое от Господа. Павел говорит здесь о

себе, но его пример свидетельствует о том, что заблуждаются все, не имеющие Господа вождем своего рис- талища. Отсюда следует: призвание Павла – истинное правило жизни для всех нас. Установить, что Бог одобряет нами совершаемое, можно лишь тогда, когда наша жизнь сообразуется с Его суждением. Эта ре- шимость особо требуется от служителей Слова: не делать ничего без Христова предводительства и началь- ства. Нет сомнения, что Павел, как и во многих других местах, отмечает этим признаком свое апостольство, дабы внушить к нему доверие. Евангелие он зовет благовестием благодати Божией, ссылаясь на его дейст- вие и цель. Похвала подобает Евангелию уже потому, что оно приносит нам благодать и спасение Божии. Ибо нам весьма важно знать, что в нем Бог являет Себя милостивым и благоволящим.

25) *Вот, я знаю.* Павел открыто излагает то, на что ранее лишь осторожно намекал. Мы сказали, что апостол для того лишил слушателей надежды на свое возвращение, чтобы увещевания его прочнее закрепились в их душах. Мы знаем, сколь действительны последние слова умирающих и уходящих. И этими словам Павел пре- достерегает слушателей, дабы они не зависели от его присутствия, а вера их не ослабела от утомления. Евангельское учение он снова называет Царством Божиим, поскольку оно начинает это царство в мире сем, обновляя людей по образу Божию, доколе не завершится в день последнего воскресения.

26,27) *Посему свидетельствую вам.* Павел как бы говорит: призываю вас в свидетели, или: свидетельствую перед ангелами и Богом. И делает это не столько ради себя, сколько с целью повысить авторитет учитель- ского служения. Это место содержит краткое описание правильного способа научения. Павел настойчиво и строго призывает учителей усердно работать на своем поприще. Итак, какой именно способ научения долж- ны практиковать пастыри? Во-первых, они не должны по собственному мнению оценивать полезность того, что они должны говорить слушателям. Пусть они оставят судить об этом одному Богу. Таким образом, в Церковь Божию закроется доступ человеческим измышлениям. Затем, пусть смертный человек не дерзает разрывать и калечить Писание, выбирая в нем то, что ему угодно, а остальное – затуманивая, и многое – опуская. Ибо все, что явлено нам в Писании, пусть разумно и своевременно, но все же надо излагать для назидания народа, причем без прикрас и изысков, как подобает верному и добросовестному толкователю Божию.

О благоразумии же я упомянул потому, что всегда надо иметь в виду пользу. Лишь бы отсутствовала изво- ротливость, в которой многие себе потакают, притягивая Слово Божие к своей методе и подавая нам не зна- мо какую философию, намешанную из Евангелия и собственных измышлений. Ведь такая смесь кажется более приятной. Отсюда происходит учение о свободной воле, отсюда – понятие о заслугах, отсюда – отри- цание провидения и незаслуженного избрания Божия.

Достоинно внимание то, о чем уже говорилось: упоминаемый Павлом совет Божий заключен в Его Слове, его не следует искать где-либо еще. Ибо многое, сокрытое от нас в этой жизни, обнаружится в тот день, когда мы увидим Бога, как Он есть, лицом к лицу. Итак, волю Божию возвещают те, кто верно излагает Писание, наставляя народ в вере, страхе Господнем, и всех упражнениях благочестия. Как и осуждаются все те, кто, умствуя по-философски, дабы не возвещать чуждое и ненавистное человеческому разуму, искажает Писание собственной закваской. Таким образом, Павел сурово обрушивается на людей, говорящих загадками из-за страха перед преследованиями и крестом Господним.

Чист я от крови. Не сомневаюсь, что это место созвучно с отрывком из Иезекииля (3:18), где Бог объявляет пророка Своего виновным в крови, ежели тот добросовестно не призывает нечестивых к покаянию. Ведь Господь для того поставил пастырей в Своей Церкви, дабы привлечь их ответу, если небрежение их послу- жит причиной чьей-либо смерти. Больше того, Он вменит им погибель заблуждающихся, если пастыри не будут без прикрас и двусмысленностей указывать грешникам на путь спасения. Воистину глупы все те, кто не встрепет от подобной угрозы. Тем больше выдает себя эпикурейское нечестие папистов, которые, присваивая себе возвышенные титулы, столь легковесно думают об отчете за гибель вверенных им душ, как если бы на небесах вовсе не было судьи. Не менее постыдно нечестие их в глазах мира. Ибо, стремясь лишь к пожиранию несчастных овец, они незаконно присваивают себе имя пастырей. Далее, насылая на пастырей суровые наказания за гибель человеческих душ, Господь показывает, сколь сильно Он ценит последние. Од- нако мы видим, что многие небрегут своим спасением, хотя Бог ради него не стыдится идти и на сотрудни- чество с людьми.

28. *Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Цер- ковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею.* 29. *Ибо я знаю, что по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада;* 30. *и из вас самих восстанут люди, которые будут гово- рить превратно, дабы увлечь учеников за собою.* 31. *Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас.* 32. *И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать [вас] более и дать вам наследие со всеми освященными.*

(28. *Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас епископами, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Кровию Своею.* 29. *Ибо я знаю, что по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада;* 30. *и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить пре- вратно, дабы увлечь учеников за собою.* 31. *Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь не-*

престанно со слезами учил каждого из вас. И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными.)

28) *Итак, внимайте.* Теперь Павел обращает свою речь к пастырям, обильным образом показывая, как им надлежит бодрствовать. Причем, сам он беспокоится об этом только потому, что этого требует необходимость. Первая мысль состоит в том, что пастыри должны хранить верность стаду, над которым они поставлены. Вторая: к этой службе их призвал не смертный человек, а сам Святой Дух. Третья: довольно редкая честь – управлять Церковью Божией. Четвертая: Господь ясно засвидетельствовал, сколь сильно Он ценит Церковь, искупив ее Собственной кровью. Что касается первого, то Павел велит пастырям внимать не столько стаду, сколько самим себе. Ибо тот, кто небрежет своим спасением, не будет заботиться и о спасении других. Напрасно призывает других к благочестивой жизни тот, кто сам не выказывает усердия к благочестию. Больше того, никак не заботится о стаде пастырь, забывший о том, что и сам он – часть стада. Значит, чтобы пастыри заботились о вверенном себе стаде, Павел увещевает их каждого с отдельности блюсти себя в страхе Божиим. Таким образом они и сумеют выказать верность стаду.

Мы сказали, что Павел рассуждает, исходя из призвания пастырей. Из того, что дела их должны посвящаться Церкви, над которой они председательствуют. Он как бы говорит: с того момента, как вас поставили пастырями, вы уже не принадлежите самим себе, всенародно дав обет верности своему стаду.

Дух Святой поставил вас блюстителями. Слова Павла учат нас следующему: епископы словно поставлены наверху сторожевой башни, откуда безустанно наблюдают за всеобщим спасением. Но Павел особо настаивает на том, что их поставили не люди. Сам Бог вручил им заботу о Собственной Церкви. Тем большее требуется от них благочестие. Ведь на будущем суде придется давать весьма подробный отчет. Чем большая честь подобает Господу, Которому мы служим, тем большее почтение мы обязаны Ему воздавать. И это почтение еще более обостряет наше усердие.

Далее, хотя Господь от начала хотел, чтобы служители Слова избирались людским голосованием, Он, тем не менее, всегда отстаивал за Собой управление Церковью. Не только чтобы признавали Его единственным Правителем, но и чтобы знали: бесценное сокровище спасения исходит только от Него. Ибо мы лишим Господа Его славы, если будем думать, будто Евангелие пришло к нам случайно, по людскому изволению или усердию. Павел особо приписывает это дело Духу, через Которого Бог управляет Своей Церковью, и Который тайно свидетельствует совести каждого о его призвании.

О термине «епископ» надо коротко отметить, что Павел называет так всех эфесских пресвитеров. Отсюда мы выводим: согласно Писанию епископы ничем не отличаются от пресвитеров. Но из-за порока и порчи людей вышло так, что пастыри, председательствующие в отдельных городах, стали называться епископами. Я говорю о пороке не потому, что плохо, когда в коллегии выделяется кто-то один, но потому, что нетерпима дерзость людей, искажающих на свой лад библейские термины, без зазрения совести коверкая язык Святого Духа.

Пасти Церковь. Греческий глагол *ποιμαίνειν* означает «пасти». Хотя, согласно уподоблению, он относится также к любому виду правления. Мы уже говорили, что третий довод Павла основан на превосходстве пастырского служения. И в другом отрывке он увещевает Тимофея наблюдать за тем, как он ведет себя в доме Божиим, Церкви Бога живого, столпе и утверждении истины. Павел как бы говорит: в столь важном предприятии нет места лени. Так что неизвинительны люди, поставленные Богом домостроителями в Его доме, ежели не будут соответствовать оказанной им чести, то есть, не станут усердно заниматься вверенным им служением. Тем более неизвинительны, чем большая оказана им честь. И если Бог и Дух Святой поставляет епископов лишь для управления Церковью, весьма смешной предстает папская иерархия, в которой епископы, гордясь пустым титулом, даже для виду не исполняют пастырское служение.

Которую Он приобрел. Четвертая причина, по которой Павел призывает пастырей усердно исполнять служение. Господь, пролив за Церковь кровь, тем самым выдал ей необычный залог Собственной любви. Отсюда явствует, сколь дорога для Него Церковь. Действительно, мысль о том, что им вверена плата за кровь Христову, должна больше всего побуждать пастырей усердствовать в своем служении. Отсюда следует: если они не будут блюсти Церковь, им вменяется не только погибшие души, но и явное богохульство. Ведь они профанировали кровь Сына Божия и по мере сил сделали напрасным совершенное Им искупление. Великое и нечестивое преступление, когда наша лень не только обесценивает смерть Христову, но и полностью губит рожденный ею плод. Фраза же о том, что Бог обрел для Себя Церковь, ясно дает понять: Он хочет сохранения ее целостности. Ведь Богу справедливо владеть теми, кого Он искупил. Одновременно надо помнить о том, что весь человеческий род отдан в рабство сатане, доколе Христос не избавит нас от его тирании, передав в наследие Отцу.

Кроме того, на первый взгляд, выражение, употребленное Павлом, весьма грубо. Поэтому надо понять, в каком смысле сказано, что Бог обрел Церковь посредством крови. Ведь нет ничего глупее, чем воображать себе плотского и смертного Бога. Однако единство Лица Христова оправдывает такой способ выражения. Поскольку во Христе имеются две различные природы, Писание порою отдельно говорит о том, что свойственно каждой из них. Предлагая нам Бога, явившегося во плоти, оно не отделяет от божества человеческую

природу. Поскольку же природы во Христе, в свою очередь, соединены так, что составляют одно Лицо, свойства, подобающие одной, иногда в несобственном смысле переносятся на другую. И в этом месте Павел приписывает Богу кровь потому, что человек Иисус Христос, проливший за нас Свою кровь, также был и истинным Богом. Подобный способ выражения древние называли обменом присущими признаками: когда свойство одной природы приписывают другой. Я сказал, что это – ясное указание на единство Лица Христова, дабы мы не воображали Его двойственным, как некогда пытался сделать Несторий. Не следует также измышлять и смешение природ, введенное Евтихием, или же то, которое в свое время выдумал испанская собака Сервет. Для него божество Христово не что иное, как сияние человеческой природы, всегда, по его бредням, озаряемой божественным светом.

29) *Ибо я знаю.* Теперь Павел увещевает ефесян усердно бодрствовать, в качестве главного довода выставляя необходимость. Он говорит, что им предстоит жестокие набеги волков. Подвергаться набегам волков – неизменная судьба Церкви. Посему нет времени для спокойного и безмятежного сна. Однако, чем больше и опаснее волки нападают на Церковь, тем внимательнее и бдительнее надлежит быть пастырям. Ведь иногда Бог утишает наши скорби, дабы стадо Христово обрело мирную пажить. Подобно тому, как овцы спокойнее пасутся в светлую и тихую погоду, а при облачности и темноте подвергаются опасности, так и Церкви Божией иногда дается спокойствие, а затем наступает время смуты и нападения волков. Итак, смысл следующий: пастырям надлежит проявлять большую бдительность, чем раньше, ибо предстоит столкнуться с большими опасностями. Но спрашивается: откуда у Павла такие сведения? Во-первых, нет сомнения, что его присутствие сильно способствовало сдерживанию или изгнанию волков. Не удивительно, если сила Духа, блистающая в служителях Христовых, сдерживает нечестивых, дабы те не смели вредить Церкви. Больше того, это небесное сияние рассеивает даже многочисленные сатанинские тучи. Значит, Павел, зная, что его действия лишь на время подавили сатанинскую злобу, легко заключает, что именно произойдет после его ухода. Хотя вероятно, что Дух пророчества удостоверил апостола еще больше, дабы через него сообщить про это и другим. Как бы то ни было, всякий раз, когда уходят верные испытанные пастыри, надо бояться нападения волков, которых им трудно было удержать даже при усерднейшей и величайшей бдительности.

30) *Из вас самих восстанут.* Павел усиливает угрозу предстоящей беды, говоря, что часть волков находится внутри и, скрываясь под видом пастырей, ждет возможности причинить Церкви вред. Одновременно он объясняет, что именно может последовать от атаки волков. А именно: рассеяние стада. Когда Церковь, отойдя от единства веры, разделяется на различные секты. Не все пастыри, не соответствующие своему призванию, являются волками. Многие из них просто святокупцы – менее вредный и опасный сорт людей. Однако искажение учения означает полное истребление овец. На третьем месте говорится об источнике и происхождении этого зла: волки захотят увлечь за собою учеников. Итак, самомнение – подлинная мать всех ересей. Истинное же Слово Божие процветает лишь тогда, когда пастыри общими усилиями собирают учеников для Иисуса Христа. Ведь единственно законный статус Церкви достигается в том случае, если Христа слушают как единственного Учителя. Посему спасительное учение с необходимостью искажается, а спасение стада Христова ставится под угрозу, если повсюду царит страсть к учительству. Как сообщается в данном отрывке, всякая порча учения происходит от гордыни людей, когда каждый желает выделяться больше, чем положено. И, наоборот, мы выводим отсюда: едва ли возможно, чтобы мнящие о себе люди не отошли от чистоты истины и не исказили Слово Божие. Ведь истинное толкование Писания направлено на то, чтобы выделялся один Христос. И если люди что-либо приписывают себе, то умаляют Его славу. Отсюда следует: искажают здоровое учение те, кто предан себе и ревнует о собственной славе, затмевающей вседостаточного Христа. Это подтверждает и Сам Господь, Ин.7:18.

Далее, слово «восстанут», использованное апостолом, показывает, что волки еще до предоставления им возможности тайно замысливают погубить Церковь. Кроме того, этот отрывок самым лучшим образом устраняет соблазн, которым сатана все века смущал неокрепшую совесть. Атака Евангелия со стороны внешних открытых врагов меньше смущает благочестивую душу, нежели враги, вышедшие из церковной среды, вероломно наущающие народ к отпадению. Однако же Бог с самого начала упражнял и сегодня упражняет Свою Церковь этим искушением. Посему данный отрывок укрепляет нашу веру, дабы та не ослабела, если некогда увидит пастырей, свирепствующих подобно волкам. Волков же Павел зовет лютыми для того, чтобы внушить еще больший страх слушателям. Затем он зовет волков авторами ложных догматов, сочиняющими их с целью обретения учеников. Ведь едва ли возможно, чтобы самомнение не осквернило чистоту Евангелия.

Отсюда явствует, сколь глупо превозношение папистов о своем непрерывном преемстве. Можно быстро показать, что эти «рогатые» твари меньше всего являются теми, за кого себя выдают. Изобличенные же всеми способами, они, наконец, прибегают к последнему аргументу: непрерывной череде преемства от апостолов. Словно не преемствовали апостолам и те, кого призывает остерегаться Павел. Итак, поскольку Бог либо для испытания постоянства Своих, либо по Собственному праведному суду часто позволяет волкам ходить в обличии пастырей, авторитет не может заключаться лишь в имени или месте. И вовсе не важно преемство, не сопровождаемое верой и целомудрием. Если же паписты возразят, что им не подходит прозвище волков, для проверки этого достаточно одной фразы Павла, выступающей подобно лидийскому камню: *дабы увлечь*

учеников за собою. Ибо на что направлена вся религия папистов, если не на то, чтобы похоть человека господствовала над Словом Божиим? Христос не имеет учеников там, где Его не считают единственным Учителем.

31) *Посему бодрствуйте.* Павел снова собственным примером увещевает их к прилежанию, но одновременно внушает и страх перед опасностью. Он как бы говорит: остерегаться надо с особым тщанием. Неприлично поддаваться слабости тем, кто три года видел его несгибаемое терпение. Он упоминает также о слезах, немало усиливая действенность своих призывов. Слова же о том, что Павел увещевал каждого, можно отнести как к народу, так и к пресвитерам. Поскольку речь Павла была задумана как относящаяся ко всей Церкви, он говорит так, словно вся эта Церковь присутствует. Если же кто захочет ограничить сказанное чином пастырей, смысл будет следующий: усердие их должна пробуждать не только настоящая речь. Им также подобает помнить об увещеваниях, которые Павел в течение трех лет внушал и со слезами. Мне же кажется более уместным отнести слова Павла ко всем верующим.

32) *И ныне предаю вас Богу.* Апостол вставляет молитву, которую не следует считать излишней в столь патетической речи. Павел не желал по обычаю риториков разделить речь на части. Пылкость чувств, коими он пылал, не могли выразить никакие слова. Прежде он говорил о великих и сложных вещах, превосходящих человеческие способности. Посему, обратившись к молитве, Павел таким способом понемногу заканчивает речь, хотя сказанное им больше представляет пожелание, чем прямую молитву. Апостол как бы говорит: слушатели не готовы к таковой ноше. Но он желает им новую помощь с неба, подкрепившись которой они превазмогут все искушения. Нет сомнения, что Павел, хотя и обращается только к пастырям, своей молитвой охватывает всю Церковь. Во-первых, он вверяет их Богу, затем – Слову Его благодати. Это представляет собой один акт поручительства. Но Павел хочет указать на способ, коим Господь обычно блюдет спасение Своих. Петр учит, что спасение это сохраняется через веру (1Пет.1:5). И основа сего сохранения заключается в Слове Божиим, дабы веру не колебали столь многочисленные трудности. Весьма важно знать, каким способом Бог желает нас уберечь. Ибо величие Его сокрыто от нас, и, доколе Он не приходит к нам в Своем Слове, мы остаемся в сомнениях. Значит, Господь, принимая нас под защиту, сразу же предлагает Свое Слово в качестве орудия сохранения нашего спасения. В этом же смысле Павел говорит о благодати (родительный падеж по еврейскому обычаю означает следствие), дабы верующие увереннее положились на Слово, явившее им благоволение Божие. Такое толкование является простым и уместным. Отнесение же сказанного ко Христу – весьма натянуто.

Могущему назидать вас более. Причастие **δυνάμενος**, используемое Павлом, относится к Богу, а не Его Слову. Утешение это добавлено для того, чтобы души не пришли в отчаяние от осознания своей немощи. Ведь мы, покуда облечены в пороки плоти, остаемся как бы незаконченной постройкой. Всем благочестивым надлежит основываться на Христе, но вере их еще многого недостает до совершенства. Более того, хотя основание пребывает незыблемым, отдельные части строения порой колеблются и падают. Посему им необходима постоянная надстройка, а иногда и новые опоры. Между тем, Павел говорит, что не стоит отчаиваться. Ведь Господь не оставит незавершенным Собственное дело. Как и в первой главе Послания к Филиппийцам (ст.6) Павел говорит: начавший в вас доброе дело, будет совершать его до дня Господа Иисуса. Этому соответствует место из Псалма 137 (ст.8): Дело рук Твоих Ты не покинешь. Следующие затем слова о наследии жизни относятся к самому общению с Богом. Как только Христос освещает нас в первый раз, мы переходим от смерти в жизнь и верою входим на небеса. И не напрасно дан нам Дух усыновления. Таким образом, Павел обещает верующим получение все новой благодати, доколе они не войдут в обладание наследием, к которому призваны, и которое хранится для них на небесах. О силе же Божией он говорит не так, как мы обычно мыслим ее. Не как о чем-то, лишенном результата, но как о чем-то, выражаясь общепринятым языком, полностью актуальном. Так и подобает верующим воспринимать эту силу, дабы она была в их руках подобно щиту, отражающему все нападки сатаны. Да и Писание учит: в силе Божией у нас имеется достаточная защита. Так что будем помнить: в Господе сильны люди, отрекшиеся от упования на собственную свободную волю и опирающиеся лишь на Того, Кого Павел заслуженно зовет единственным способным назидать.

33. *Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: 34. сами знаете, что нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии. 35. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать». 35. Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолился. 37. Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, 38. скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля.*

(33. *Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: 34. сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки сии. 35. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать». 35. Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолился. 37. Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, 38. скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля.)*

33) *Ни серебра, ни золота.* Недавно Павел рассуждал о том, сколь вредной болезнью является самомнение. Теперь же он учит, что надо остерегаться алчности, предлагая в пример самого себя. Он не желал никаких благ, но зарабатывал на жизнь собственными руками. Не потому, что это было достаточным для прокормления без всякого подаяния, но потому, что, трудясь своими руками, Павел щадил церкви, стараясь по мере сил не отягощать их поборами. Следует отметить: Павел не только отрицает, что что-либо вытягивал у братьев, подобно голодным людям, все время выпрашивающим средств, но также объявляет себя чистым от всякого алчного желания. Отсюда мы выводим: никто не станет пригодным служителем Слова, не став одновременно презрителем денег. Действительно, мы видим, что искажение Слова Божия в угоду людям присуще всем позорно преданным жажде наживы. И этот порок Павел сурово осуждает в епископах (1Тим.3:3).

34,35) *Сами знаете.* Этими словами Павел не устанавливает точного закона, который необходимо должен соблюдаться всеми служителями Слова. Он не ведет себя столь властно, чтобы отменить привилегию, дарованную Господом Своим слугам. Скорее, наоборот, во многих местах он утверждает за служителями право кормиться от общественного подаяния. К тому же Павел позволял многим церквям служить себе пропитанием и одеждой. Причем, он брал мзду не только за совершенную работу, но даже говорит, что, оказавшись в нужде в городе Коринфе, причинял издержки другим церквям для восполнения собственной бедности. Итак, Павел не просто приказывает пастырям питаться трудом своих рук, но сразу же говорит, с какой именно целью призывает их подражать собственному примеру. А именно: чтобы они могли поддерживать слабых. Коринфяне не отказывали ему в должном вознаграждении. Однако, поскольку лжеапостолы прикидывались трудящимися бесплатно, обращая таким образом к себе внимание, Павел не хотел уступать им в этой части или давать повод для клеветы. Как и сам говорит в 1Кор.9 и 2Кор.11. Итак, он учит: надо опасаться создавать преткновения для немощных, дабы не ослабла их вера. Ведь поддерживать слабых и означает по снисхождению уступать в чем-то их невежеству (Рим.14:1).

И памятовать слова Господа Иисуса. Эти слова нигде не приводятся в Писании дословно. Однако Евангелисты сообщают о других похожих изречениях, из которых Павел мог извлечь подобный смысл. Кроме того, мы знаем: не все слова Христа приведены в Священном Писании. Павел повторяет общее учение о презрении к деньгам. А истинный пример этого – когда кто-то более склонен давать, нежели брать. И Христос говорит здесь не только в общественном смысле. Словно щедрые блаженны потому, что их благодеяния обязывают остальных, а любой долг представляет собой вид рабства. Нет, Христос смотрит выше, имея в виду, что подающий нищим дает взаймы Господу, что уделяющие из своего богатства братьям – верные и испытанные домоправители Господни, что люди ближе всего подступают к Богу путем милостыни. Мирские авторы расхваливают щедрость, большая часть людей также ценит ее, но ослы (как сказано в пословице) продолжают кивать ушами. Сама наша жизнь показывает, сколь мало людей убеждено в том, что желаннее всего помогать братьям от собственного имущества. С тем большим усердием должны ученики Христова думать об этом блаженстве и, воздерживаясь по мере сил от чужого, привыкать к подаянию милостыни. Причем не с горделивой душой, словно большая беда быть кому-то обязанным, не с превратным самомнением, стремясь сделать должниками других, но только для того, чтобы охотно упражняться в служении любви, подтверждая, таким образом, благодать усыновления.

36) *Преклонил колени.* Главную роль в молитвах играет внутреннее чувство. Внешние же знаки – преклонение колен, обнажение головы, поднятие рук – преследуют двойную цель. Первая в том, чтобы мы использовали все наши члены для славы Божией и Его почитания. Вторая – чтобы с помощью этого средства стряхивать с себе лень. Но в случае торжественной общественной молитвы имеется и третья цель: дети Божии исповедуют таким образом свое благочестие, воспламеняя друг друга ко все большему почитанию Бога. Как поднятие рук есть символ упования и горячего желания, так и преклонение колен свидетельствует о смирении. Кроме того, в молитве Павел как бы запечатлел прежде произнесенную речь. Ибо на успех учения можно надеяться только по благословению Божию. Так что, желая сделать нечто полезное в научении, увещевании и ободрении, будем вспоминать сей отрывок и предаваться необходимой молитве.

37,38) *Немалый плач.* Неудивительно, что все благочестивые с особым чувством провожали этого святого мужа. Ведь пренебрегать тем, кого Господь украсил таким обилием дарований, означало бы весьма грубую неблагодарность. Как отмечает Лука, главная причина плача состояла в том, что Павла они видели в последний раз. Эти люди не напрасно горевали за себя и за все Асийские церкви, видя, что лишаются бесценного сокровища. Кроме того, Святой Дух, хваля устами Луки их слезы, свидетельствующие об истинном благочестии, одновременно осуждает дерзость тех, кто требует от верующих каменной бесчувственности. Ложно их утверждение, что чувство рождается только от пороков. Напротив, чувства по природе вложены в нас от Бога. Посему совершенство верующих состоит не в том, чтобы избавиться от чувств, но в том, чтобы управлять ими и испытывать их только по праведному поведению.

Глава 21

1. Когда же мы, расставшись с ними, отплыли, то прямо пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару, 2. и, найдя корабль, идущий в Финикию, вошли на него и отплыли. 3. Быв в виду Кипра и оставив его слева, мы плыли в Сирию, и пристали в Тире, ибо тут надлежало сложить груз с корабля. 4. И, найдя учеников, пробыли там семь дней. Они, по [внушению] Духа, говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иеруса-

лим. 5. Проведя эти дни, мы вышли и пошли, и нас провожали все с женами и детьми даже за город; а на берегу, преклонив колени, помолились. 6. И, простившись друг с другом, мы вошли в корабль, а они возвратились домой.

(1. Когда же мы, расставшись с ними, отплыли, то прямо пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару, 2. и, найдя корабль, идущий в Финикию, взойшли на него и отплыли. 3. Быв в виду Кипра и оставив его слева, мы плыли в Сирию, и пристали в Тире, ибо туда вез корабль груз. 4. И, найдя учеников, пробыли там семь дней. Они через Дух говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим. 5. Проведя эти дни, мы вышли и пошли, и нас провожали все с женами и детьми даже за город; а на берегу, преклонив колени, помолились. 6. И, простившись друг с другом, мы вошли в корабль, а они возвратились к себе.)

1) Лука кратко приводит ход корабельного путешествия. И не только ради удостоверения своей истории, дабы мы знали, что произошло в том или ином месте, но и для того, чтобы читатели подумали о героическом мужестве Павла, пожелавшего скорее подвергнуться столь долгому утомительному путешествию ради служения Христу, нежели содействовать собственному покою. Слова же расставания относятся не только к физической дистанции, но и к тому, что братьям, стоявшим на берегу, можно было следить за кораблем, провозившим Павла и его спутников. Гавани, к которым приставал корабль, Лука упоминает для того, чтобы мы знали: путешествие не было комфортным и спокойным. Что же касается положения упоминаемых им городов, то здесь надо обратиться к географам. Мне же достаточно указать на цель, преследуемую Лукою.

4) *Найдя учеников.* Хотя число верующих было тогда невелико, по свидетельству пророков евангельское семя достигло и этого места, дабы Тир не лишился полностью благословения Божия. Лука, как и во многих других местах, называет христиан учениками, давая понять, что в стаде Христовом числятся лишь те, кто верою воспринял Его учение. Насмешливо и лживо исповедание, когда люди зовут себя христианами, не придерживаясь учения Христова. Пусть же читатели отметят: Павел оставался в Тире семь дней только для того, чтобы утвердить тамошних учеников. Значит, мы видим, что Павел, куда бы ни пришел, не упускал возможности принести пользу.

По внушению Духа говорили. То есть, с подтверждением сказанного, дабы Павел знал, что слова исходят от пророческого Духа. Действительно, нелегкое решение – предпринять путешествие, от которого как бы отговаривает Сам Святой Дух. Хороший предлог для уклонения от креста, если бы Павел стремился только к собственному спасению. Ведь его останавливала как бы сама десница Божия. Однако же Павел не прекращал путешествия, зная, что к нему призвал его Сам Господь. Но здесь возникает вопрос: как же братья по внушению Духа разубеждали апостола в том, что Павел, по собственным словам, совершал под Его же водительством? Разве Дух противоречит Сам Себе, связывая Павла изнутри и освобождая снаружи? Отвечаю: у Духа имеются различные дары. Посему не удивительно, что люди, выделяющиеся даром пророчества, иногда лишены дара мужества и здравого суждения. Бог открыл упомянутым Лукою братьям, что произойдет с Павлом. Между тем, они не знали, чего требует Павлово призвание, не имея у себя соответствующих даров. Господь же намеренно хотел уведомить Своего раба. Отчасти для того, чтобы после долгого раздумья он стал опытнее в перенесении невзгод, а отчасти – чтобы стойкость его воссияла еще ярче. Ибо, узнав из пророчества о будущем грустном исходе, Павел охотно и намеренно спешит навстречу любому испытанию.

5) *С женами и детьми.* Редкое свидетельство любви к человеку состояло в том, что верующие провожали Павла за город с женами и детьми. Лука сообщает об этом отчасти для того, чтобы похвалить их благочестие, а отчасти – чтобы показать: Павлу, действительно, воздавали положенную ему честь. Отсюда мы выводим: меньше всего апостол стремился к собственной выгоде. Ведь даже такое благоволение людей, способное стать поводом для более долгого пребывания, не смогло сбить его с курса. Также отметим обычай торжественно молиться, предпринимая важные дела. И то, что люди, наученные Богом о предстоящей опасности, еще пламеннее заступают на эту молитву.

7. Мы же, совершив плавание, прибыли из Тира в Птолемаиду, где, приветствовав братьев, пробыли у них один день. 8. А на другой день Павел и мы, бывшие с ним, выйдя, пришли в Кесарию и, войдя в дом Филиппа благовестника, одного из семи [диаконов], остались у него. 9. У него были четыре дочери девицы, пророчествующие. 10. Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, 11. и, войдя к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников. 12. Когда же мы услышали это, то и мы и тамошние просили, чтобы он не ходил в Иерусалим. 13. Но Павел в ответ сказал: что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса. 14. Когда же мы не могли уговорить его, то успокоились, сказав: да будет воля Господня!

(7. Мы же, совершив плавание, прибыли из Тира в Птолемаиду, где, приветствовав братьев, пробыли у них один день. 8. А на другой день мы, бывшие с Павлом, выйдя, пришли в Кесарию и, войдя в дом Филиппа благовестника, одного из семи, остались у него. 9. У него были четыре дочери девицы, пророчествующие. 10. Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, 11. и, войдя к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс,

так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников. 12. Когда же мы услышали это, то и мы и тамошние просили, чтобы он не ходил в Иерусалим. 13. Но Павел в ответ сказал: что вы делаете? Что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса. 14. Когда же мы не могли уговорить его, то успокоились, сказав: да будет воля Господня!)

7,8) Лука кратко сообщает, что братья приняли Павла и в Птолемаиде. Это – финикийский прибрежный город, недалеко от границ Иудеи, от которого Павлу и его спутникам предстоял близкий путь в Кесарию. Но про области и города пусть читатели узнают больше у географов, если того пожелают. В Кесарии они воспользовались гостеприимством Филиппа, которого Лука называет благовестником. Хотя, как видно из шестой главы, он был из числа семи диаконов. Отсюда можно заключить, что это диаконство было временным служением. Ведь иначе Филипп не имел бы права, покинув Иерусалим, прийти в Кесарию. Здесь же он выставляется не самовольно покинувшим служение, а человеком, получившим более высокую должность. Благовестники, на мой взгляд, занимали промежуточную позицию между апостолами и учителями. Их служение было сродни апостольскому. Они повсеместно проповедовали Евангелие, не председательствуя в каком-то определенном месте, и уступали апостолам лишь в отношении чести. Ибо Павел, описывая церковное устройство, соединяет их с апостолами (Еф.4:11), показывая тем самым: сфера их учительства была шире, чем у пастырей, труд которых привязывался к определенному месту. Значит, Филипп лишь временно исполнял в Иерусалиме диаконское служение. И Церковь, сочтя его пригодным, впоследствии вручила ему сокровище благовестия.

9) *Четыре дочери.* Это добавлено в качестве похвалы Филиппу. Дабы мы знали не только о благоустройстве его дома, но и о том, как прославило его божественное благословение. Весьма редкий дар – иметь четырех дочерей, причем всех, наделенных пророческим Духом. Таким способом, Бог восхотел облагородить начатки благовестия, поставляя прорицающих будущее мужей и жен. Уже многие годы среди Иудеев прекратились пророчества. Тем более внимательными и жадными были души людей к слышанию нового евангельского гласа. Итак, неожиданное внезапное возвращение пророчества было знаком начала более совершенного устройства. Возможно, по той же причине пророчество исчезло некоторое время спустя. Ведь Бог удерживал древний народ путем разнообразной проповеди, покуда Христос Своим пришествием не положил конец всем пророчествам. Значит, новое Царство Христово надлежало украсить таким образом, чтобы все признали: пришло обещанное время посещения Божия. Однако пророчество процветало лишь короткое время, дабы верующие не пребывали в постоянной от него зависимости, и любопытным не давался повод все время что-то выискивать и придумывать. Ведь известно: когда этот дар исчез, возникло множество фанатиков, выдававших себя за пророков. Возможно, также, что Церковь лишилась такого служения из-за порочности людей. Однако достаточно уже и той причины, что Бог, устранив пророчества, тем самым засвидетельствовал: во Иисусе Христе настали конец и полнота откровения. Кроме того, неизвестно, как исполняли эти дочери пророческое служение. Разве что Дух Божий управлял ими так, чтобы одновременно не нарушить установленный Им же порядок. Поскольку он не разрешает женщине исполнять в Церкви служение, вероятно, они пророчествовали дома и частным образом, но не в общем собрании.

10,11) *Некто пророк.* Хотя Лука не говорит об этом ясно, предполагаю, что это – Агав, упомянутый в одиннадцатой главе и предсказавший будущий голод при Клавдии Кесаре. Лука же, хваля его как порока, подобно упомянутым выше четверем дочерям Филиппа, намекает тем самым, что дар этот был не повсеместный, а довольно редкий. Теперь посмотрим, зачем предстоявшее гонение возведено Богом также через Агава? Что касается Павла, то его научили уже достаточно. Итак, не сомневаюсь: подтверждение дано ради других людей. Значит, Господь всюду прославлял будущие узы Своего раба. Отчасти, чтобы все знали: на бой он пошел совершенно добровольно. А отчасти, чтобы признали его поставленным от Бога воителем, сражающимся за Евангелие. Действительно, весьма полезный пример стойкости: Павел осознанно и добровольно пошел на риск подвергнуться вражескому насилию. Да и сегодня нам важно, что апостольство его подтверждено сознательным и стойким жизненным посвящением.

Мужа, чей этот пояс. Для пророков весьма обычно изображать возвещаемое в символах. Не по собственному почину, а по заповеди Духа они подтверждали пророчества внешними знаками. Например, когда Исаии (20:2)¹ приказали ходить нагим, Иеремии (27:2; 32:7) – надеть на шею ярмо, продать и купить поле, а Иезекиилю (12:5) – тайно сделать подкоп под стеной своего дома, чтобы ночью вынести пожитки, – все это могло бы показаться игрою, но тот же Дух, приспособляющий символы к словам, изнутри затрагивал сердце благочестивых, как бы представляя им дело свершившимся. Таким образом, спутников Павла зрелище сие затронуло так, словно они собственными глазами увидели Павла связанным. Этой уловкой впоследствии лжепророки пытались обмануть простаков. Ибо сатана часто обезьянничает, подражая Богу, и служители его прикидываются рабами Всевышнего. Седекия сделал себе рога, коими обещал повергнуть Сирию. Аналия, сорвав с Иеремии ярмо, дал народу ложную надежду на избавление. Такими знаками Бог позволяет обманывать отверженных, дабы впоследствии наказать их за неверие. Поскольку в знаках этих не содержится никакой духовной действенности, суетность их не может повредить верующим. Также следует отметить,

¹ В главном издании все это приписано Иеремии.

что Агав показал не немое представление. Он соединил с ним слово, обучающее верных смыслу и цели совершенного действия.

12,13) *Мы и тамошние просили.* Поскольку откровение посылалось отнюдь не всем, не удивительно, что мнения оказались тогда различны. Эти святые люди, зная, как многое зависит от жизни или смерти одного человека, не хотели, чтобы он необдуманно подвергся опасности. Их усердие похвально в том, что, удерживая Павла, они стремились способствовать общему благу Церкви. Однако тем большую похвалу заслуживает стойкость Павла, оставшегося непреклонным в своем божественном призвании. Он прекрасно знал, какую смуту могут вызвать его узы. Однако Павел, зная волю Божию – единственное правило в составлении будущих планов, – имел все основания пунктуально ей следовать. Действительно, нам подобает так полагаться на волю Божию, чтобы никакая польза, никакие благовидные доводы не отвлекли нас от ее исполнения. Кроме того, Павел, жалуясь братьям, что их слезы терзают его сердце, показывает этим, что оно не каменное и, движимое любовью, способно к *σπλαγχνέσθαι*. Итак, слезы благочестивых ранят сердце апостола. Но это умиление не может изменить намерения Павла, и он с прежней настойчивостью следует божественному призыву. Значит и мы должны проявлять сострадание к братьям. Но так, чтобы всегда преобладало подчинение Богу. В своем ответе Павел снова говорит: только презрев смерть, рабы Христовы готовы исполнять свое служение, и воодушевиться к жизни для Господа лишь тот, кто добровольно положит свою жизнь ради подтверждения истины.

14) *Успокоились, сказав.* Если бы они решили, что Павел необдуманно стремится к смерти, то никогда бы не успокоились. Итак, они уступают, дабы не противиться Духу Святому, понимая, что именно Он руководит Павлом. Ранее услышав из уст Павла, что он влеком узами Духа, спутники пришли в великое волнение. Однако, узнав, что так угодно Богу, не считают приличным дольше протестовать. Такой вот уздой и следует сдерживать все наши чувства, дабы воля Божия могла смягчать всякую горечь, грусть и печаль. И каждый раз, когда возникает какая-то трудность, мы выкажем Богу слишком малое почтение, если не решим, что только Ему и следует повиноваться.

15. После сих дней, приготовившись, пошли мы в Иерусалим. 16. С нами шли и некоторые ученики из Кесарии, провожая [нас] к некоему давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у которого можно было бы нам жить. 17. По прибытии нашем в Иерусалим братия радушно приняли нас. 18. На другой день Павел пришел с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры. 19. Приветствовав их, [Павел] рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его. 20. Они же, выслушав, прославили Бога и сказали ему: видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона. 21. А о тебе слышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям. 22. Итак что же? Верно соберется народ; ибо услышат, что ты пришел. 23. Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. 24. Взяв их, очистишь с ними, и возьми на себя издержки на [жертву] за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон. 25. А об уверовавших язычниках мы писали, положив, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя от идоложертвенного, от крови, от удавленины и от блуда.

(15. После сих дней, приготовившись, пошли мы в Иерусалим. 16. С нами шли и некоторые ученики из Кесарии, провожая нас к некоему давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у которого можно было бы нам жить. 17. По прибытии нашем в Иерусалим братия радушно приняли нас. 18. На другой день Павел пришел с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры. 19. Приветствовав их, Павел рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его. 20. Они же, выслушав, прославили Бога и сказали ему: видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона. 21. А о тебе слышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по установлениям. 22. Итак что же? Верно соберется народ; ибо услышат, что ты пришел. 23. Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. 24. Взяв их, очистишь с ними, и возьми на себя издержки на жертву за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты живешь, соблюдая закон. 25. А об уверовавших язычниках мы писали, положив, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя от идоложертвенного, от крови, от удавленины и от блуда.)

15) *Приготовившись.* Спутники Павла, пытаясь отговорить его от опасного предприятия, все же показывают, что общее благополучие Церкви дороже для них собственной жизни. И, получив отказ, не отказываются разделить с ним общую участь. Однако у них имелось хорошее оправдание. Ведь никакой закон не заставлял их идти на смерть ради упорства одного человека. Но это и значит воистину подчинять Богу свои чувства: когда каждый из нас, ничего не боясь, стремится исполнить то, что, как он знает, угодно Господу. Из сказанного также видно, сколь пылким было благочестие и в других учениках. Они добровольно приходят к Павлу, оказывая ему гостеприимство, хотя справедливо могли бы оградиться от возможных неприятностей.

17) *Радушно приняли его.* Лука говорит об этом для того, чтобы похвалить объективность братьев, не поверивших ложным слухам и клевете. Многие злодеи и нечестивые ежедневно винили Павла во все новых грехах. Но Иаков и его соратники, будучи уверенными в невинности апостола, смело вошли с ним в обще-

ние. Итак, по-братски и радушно принимая раба Христова, они показывают, сколь приятен им его приход. Следует хорошенько отметить основательность апостолов, чтобы и мы не были слишком доверчивыми к ложным слухам. Особенно, когда в неизвестных или сомнительных преступлениях обвиняют людей, достойно себя проявивших, о служении которым Господу мы хорошо знаем. Поскольку сатана знает, что нет ничего более разрушительного для Царства Христова, чем разногласия и распри верующих, он не перестает сеять кривотолки, вызывающие взаимные подозрения. Итак, надобно стать глухим для слухов, и о служителях Христовых верить только тому, что мы сами хорошо знаем.

18) *Пришли и все пресвитеры.* Из этого отрывка можно вывести то, что уже говорилось в пятнадцатой главе: всякий раз при серьезном рассмотрении какого-либо дела происходит собрание старейшин, дабы совещание проводилось организованно и без влияния толпы. Немного далее мы увидим: народу также отводили определенное место. Но только после того, как старейшины составляли друг с другом отдельный совет.

19,20) Павел уже показал свою скромность, не приписывая себе авторство содеянного. Воздав всю славу Богу, он называет себя лишь служителем, трудами которого воспользовался Господь. Следует признать: все великое и достойное похвалы происходит не без наших усилий. Однако лишь постольку, поскольку в нас действует Бог. Особенно когда речь идет о созидании Церкви. Также видно, как далеки от зависти были старейшины, прославляя Бога за достигнутые успехи. Кроме того, поскольку из апостолов упоминается лишь Иаков, можно предположить, что другие, повинувшись собственному долгу, разошлись по разным странам для распространения Евангелия. Ибо Господь отвел им Иерусалим не в качестве постоянного места пребывания, но, велел, начиная с него, просвещать Иудею, а затем и другие части света. Далее, выше, в главе пятнадцатой, было опровергнуто заблуждение тех, кто считает этого Иакова одним из учеников Христовых, которых Павел упоминает в числе трех столпов Церкви. Хотя поручение у него было общим с остальными, не сомневаюсь, что апостолы распределили между собой обязанности, повелев Иакову оставаться в Иерусалиме, куда ежедневно стекалось множество людей. Значит, труд его был равносителен труду проповедника, распространяющего Евангелие в отдаленных и обширных областях.

Видишь брат, сколько тысяч. Речь содержит две части. Во-первых, старейшины говорят: поскольку все обращенные из иудеев ко Христу – приверженцы закона, они оскорблены поведением Павла, думая, что тот прилагает все усилия для упразднения последнего. Затем, они увещевают его, приняв торжественный обет, очиститься от всяких подозрений. Они указывают Павлу на множество уверовавших, дабы тот уступил им с большей готовностью. Ведь если бы упорные люди составляли меньшинство, это не сильно впечатлило бы апостола. Теперь же ему не подобало пренебрегать большим количеством людей и всем телом Церкви.

Нет сомнения, что эта ревность по закону была порочной. И пресвитеры достаточно показывают, что сами ее не одобряют. Они открыто не осуждают эту ревность, не жалуются на нее с горечью, но все же отгораживаются от чувств подобных людей и, тем самым, молчаливо признают их заблуждение. Если бы ревность была согласной с разумением, начинать бы следовало с самих себя. Однако старейшины не сражаются за сам закон, не выказывают ему заслуженного почтения, не подписываются под мнением ревнителей, как они их называют. Значит, старейшины дают понять, что думают иначе, и не одобряют суеверия народа. Но против этого выступают их слова о том, что Павел подвергся бесславию. Затем, требуя от него удовлетворения, они также кажутся потворствующими законнической ревности. Отвечаю: даже если слух, оскорбивший иудеев, был в какой-то мере истинен, он все же неизбежно сопрягался с клеветой. Павел учил отмене закона так, что авторитет его оставался не только нетронутым, но даже становился еще священнее. Ведь, как было сказано в главе 7-й, обряды были бы пустыми, если бы действительность их не явилась во Христе Иисусе. Значит, люди, учившие упразднению обрядов с пришествием Христа, не только не оскорбляли закон, но еще больше утверждали его истину. В обрядах следует различать две вещи: истину, с которой связана их действительность, и внешнее исполнение. Далее, отмена внешнего исполнения, наступившая с приходом Христа, связана с тем, что Сам Он – подлинное их содержание. И все, что некогда подавалось в виде тени, осуществлялось именно в Его лице. Так что, одно дело – отпасть от закона, а другое – показать его правильную цель, дабы по исчезновении образов всегда процветала их духовная истина. Значит, мы видим: порочными и дурными были толкователи закона, обвинявшие Павла в отпадении, хотя тот отговаривал верующих от внешнего его культа. Приказ же старейшин, велевший Павлу принять обет, был направлен только на то, чтобы апостол засвидетельствовал: он не чурается закона подобно нечестивому отступнику, самовольно сбросившему ярмо Господне и побуждающему к этому других.

21) *Не обрезывали.* Так и было на самом деле. Ибо Павел повсеместно учил свободе, обретенной для иудеев и язычников. Общими являются такие его утверждения: обрезание – ничто (1Кор.7:19), мы обрезаны крещением Христовым, а не рукотворным обрезанием. Никто да не судит вас в пище и питии, или по поводу праздников. Последние – тень будущих благ, тело же во Христе (Кол.2:8,11,16). Все, что поступает на рынок и продается, ешьте, ни о чем не вопрошая ради совести (1Кор.10:25). Не покоряйтесь опять ярму рабства (Гал.5:1). И поскольку Павел говорил так повсеместно, без всяких исключений, он тем самым избавлял иудеев от необходимости соблюдать закон. Чтобы не быть многословным, приведу лишь одно место, где апостол сравнивает закон с детоводителем, под опекой которого находилась древняя церковь, как бы не оставившая еще детский возраст. Теперь же, познав благодать Христову, она повзрослела, став свободной от

обрядов. Здесь Павел имеет в виду иудеев вместе с язычниками. И когда апостол говорит: (Кол.2:14) рукописание закона, помещенное в его заповедях, упразднено Христом, пригвождено ко кресту, – он не меньше, чем язычников, избавляет от обрядов, называемых заповедями, и иудеев. Однако поскольку Павел не отвергал обряды буквально, уча, что с пришествием Христа положен конец их соблюдению, не было и отпадения, вымышленного нечестивыми людьми. Действительно, старейшинам была известна свобода Павла. Значит, будучи хорошо осведомленными, они хотят лишь показать неучам и невеждам, что Павел меньше всего стремился к презрению закона. Посему их цель – не обет как таковой; они хотели исправить мнение, которое злые слухи внушили о Павле народу. Хотя не знаю: возможно, они просили об этом Павла настойчивее, чем было нужно. Отсюда явствует, сколь порочны и жестоки люди, веря клевете, сколь упорно привержены они однажды принятому дурному мнению. Нет сомнения, что Иаков и его соратники заботились о доброй славе Павла, пытаясь рассеять вредивший его репутации обман. Однако они не могли помешать дурной молве об апостоле. Возможно, с самого начала, желая угодить собственному народу, они проявили чрезмерную уступчивость, лишившую их впоследствии свободы.

22) *Верно соберется народ.* Залог глагола здесь нейтрален. Старейшины как бы говорят: у народа есть необходимость собраться. Ведь было бы глупо, если бы столь славный апостол не выступил перед всем собранием верных. Если бы он избегал света и народного взора, подозрение по его поводу только бы усилилось. Между тем, мы видим, сколь скромно поступали старейшины для сохранения согласия, своевременно упреждая недовольство народа. Хотя, возможно, они слишком сильно потакают его немощи, требуя от Павла обет. Кроме того, в Церкви должно соблюдать умеренность, дабы пастыри выделялись авторитетом, но не господствовали и не презирали остальных верующих. И различие служений, являясь узами мира, не должно становиться причиной раздоров.

23) *Сделай же, что мы скажем тебе.* Кажется, что старейшины из-за чрезмерной любви к своему народу впали в глупое к нему снисхождение. Однако правильное суждение об этом деле зависит от знания многих неизвестных нам сегодня обстоятельств. Старейшинам же эти обстоятельства были известны. Вся церковь в Иерусалиме состояла из иудеев, а, значит, не стоило опасаться соблазна язычников. Ведь в других случаях приверженность каждого своим обычаям и желание навязать другим свой закон привела бы к раздорам. Затем, в Иерусалиме имелись многочисленные побудительные мотивы для соблюдения обрядов закона. Так что иудеев можно извинить за то, что они не могли оставить их слишком быстро. Даже если их рвение и сопрягалось с пороком, исправление, будучи трудным, не могло произойти внезапно. Мы видим: даже спустя столь длительное время апостолы едва могли бороться с этим суевением. И поскольку ежедневно к вере приходили все новые ученики, общая немощь верующих от этого только усиливалась. Не стоит отрицать, что с упорством соединялось и незнание, которое пресвитеры терпели, не желая навредить употреблением слишком сильного врачевства. Но я не буду решать вопроса, перешли ли они в этом положенные пределы.

Имеющие на себе обет. Хотя эти четыре человека считаются верующими, обет их был явно суеверен. Отсюда явствует: сколь много трудов предстояло апостолам в этом народе. Ведь он не только утвердился в законническом культе из-за долгого его употребления, но и по природе был весьма упорен, почти не поддаваясь обучению. Хотя, возможно, что эти люди были еще новичками. Посему вера их оставалась еще нежной, недостаточно оформленной. По этой причине пресвитеры позволили им исполнить принятый по незнанию обет. Положение же Павла, принявшего данный обет не по собственной совести, но ради тех, к заблуждению которых он проявил снисхождение, сильно отличалось. Однако следует обсудить вопрос: был ли этот обряд одним из тех безразличных, которые верующие могли свободно соблюдать или игнорировать. Кажется, что с ним было связано нечто, мало согласующееся с исповеданием веры. Но поскольку целью его было благодарение (как говорилось выше в 18-й главе), и само священнодействие никак не противоречило Христовой вере, Павел не усомнился ради доказательства собственного благочестия снизить до подобной уступки. Итак, Павел исполняет то, что говорит о себе в другом месте. Он соединяется с последователями закона так, словно сам находится под законом (1Кор.9:20). Для всех он сделался всем, дабы приобрести всех. Будучи готов дойти до самого алтаря, и, однако, не оскверняясь богохульством под предлогом любви к ближнему. Ему не подобало приносить торжественную умиловительную жертву. Ту же часть божественного культа, которую составлял обет, было позволительно исполнить. Лишь бы это совершалось не ради благочестия, а ради помощи немощным. Однако в намерение Павла не входило почитать таким образом Бога, и совесть его, свободно покоряясь немощи братьев, оставалась полностью свободной.

24) *Что слышанное ими о тебе несправедливо.* Кажется, что старейшины побуждают Павла к притворству. Ведь слух о том, что он отваживал иудеев от обрядов и сам не соблюдал закон, родился не на пустом месте. Но следует помнить сказанное ранее. Павлу и старейшинам достаточно было рассеять несправедливую клевету, винившую апостола в отпадении от закона. И вскоре Павлу мог представиться удобный случай, очистившись самому, действительно избавить от заблуждения и других. Долго слыть почитающим закон, каковыми слыли в народе ученики, для Павла не было полезным. Ведь, таким образом, на очи прочих было бы брошено еще более тучное покрывало, застилающее свет Христов. Посему будем знать: Павел не притворяется, но искренне исповедует отсутствие любой ненависти к закону. Скорее, наоборот, он испытывает к нему благоговение. Старейшины велят ему принять на себя издержки, поскольку иудеи имели обычай складываться для принесения общей жертвы.

25) *А об уверовавших.* Старейшины добавляют это для того, чтобы не возникло никакого подозрения, будто они отменяют ранее данную язычникам свободу или требуют отягощать их каким-либо предубеждением. Но, между тем, кажется, будто старейшины удерживают иудеев под ярмом рабства, от которого прямо освобождают только язычников. Отвечаю: поскольку положение обоих было одинаковым, и тем, и другим было позволено одно и то же. Иудеи же не упоминаются здесь потому, что последние еще настолько были привержены своим установлениям, что не желали позволять себе в действительности вполне позволительное. О язычниках же апостолы беспокоились отдельно, дабы иудеи по своему обыкновению не отвергли словно мирских и нечистых тех, кто не имел обрезания и не был воспитан в почитании закона. Далее, чтобы не удлинять сочинение излишними повторами, по вопросам толкования апостольского постановления я отсылаю читателей к 15-й главе.

26. Тогда Павел, взяв тех мужей и очистившись с ними, в следующий день вошел в храм и объявил окончание дней очищения, когда должно быть принесено за каждого из них приношение. 27. Когда же семь дней оканчивались, тогда Асийские Иудеи, увидев его в храме, возмутили народ и наложили на него руки, 28. крича: мужи Израильские, помогите! Этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллина ввел в храм и осквернил святое место сие. 29. Ибо перед тем они видели с ним в городе Трофима Ефесянина и думали, что Павел его ввел в храм. 30. Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери.

(26. Тогда Павел, взяв тех мужей и очистившись с ними, в следующий день вошел в храм и объявил окончание дней очищения, доколе не будет принесено за каждого из них приношение. 27. Когда же семь дней оканчивались, тогда Асийские Иудеи, увидев его в храме, возмутили народ и наложили на него руки, 28. крича: мужи Израильские, помогите! Этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллина ввел в храм и осквернил святое место сие. 29. Ибо перед тем они видели с ним в городе Трофима Ефесянина и думали, что Павел его ввел в храм. 30. Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери.)

26) Обвинение Павла в хитрости со стороны некоторых людей, будто он выдавал себя не за того, кем на деле являлся, я отверг выше. Не отрицаю, что апостол вынужденно уступил просьбе братьев. Посему можно спорить о том, не слишком ли легко согласился Павел на это предприятие. Однако я не принимаю того, что утверждают некоторые: будто Павел ошибся, совершив уступку, и, облекшись в непривычную для себя личину, менее настойчиво, чем обычно, защищал купленную Христом свободу. Признаю, что Бог часто наказывает глупый замысел неудачным исходом, но не вижу, почему все это надо относить к Павлу, пытавшемуся своим добровольным подчинением вызвать доверие у неучей и невежд для собственной же их пользы. Само дело не было с его стороны добровольным, но Павел предпочел уступить братьям, нежели стоять на своем мнении. Будучи однажды принятым, он с большим удобством мог бы попытаться ослабить их ревность по закону. Действительно, его снисхождение заслуживает великой похвалы. Ведь он не только согласился угодить неученому народу, но и вытерпел глупость тех, кто недостойно и необоснованно возводил на него подозрения. Он по праву мог бы винить их в том, что они проявили слишком большую доверчивость к ложным слухам. И то, что Павел от этого воздерживается, говорит о великой терпимости. А то, что усиленно пытается завоевать их сердца – об особой скромности. Добавь к этому, что апостол мог бы суровее отнестись к Иакову и его соратникам за то, что последние не проявили прилежания в том, чтобы исправить заблуждение народа. Хотя они, несомненно, верно учили народ, возможно, что вид храма и положение Иерусалима как седалища закона мешали им настойчиво отстаивать евангельскую свободу. И все же Павел – добровольно ли уступив свое право, или думая, что пресвитерам сподручнее судить о полезном – успокоился в их совете.

Попытка же некоторых лженикодимов, ссылаясь на этот пример Павла, оправдать собственное вероломное притворство и осквернение всеми мерзостями папистов, не нуждается в долгом опровержении. Они заявляют, будто уступают немощным братьям. Словно Павел уступал им во всем без всякого разбора. Если бы эти люди были иудеями, живущими среди других иудеев и по предписанию закона возложившими на себя обет перед Богом, не зараженный никаким идолопоклонством, тогда они, действительно, были бы похожи на Павла. Но, о каком сходстве они болтают, если вовлекаются в грубые и нечестивые суеверия, причем ради избежания креста Господня?

27) *Асийские Иудеи.* Несомненно, что этим людям было оскорбительно имя христиан. Так Павел, пытаясь угодить верующим, вызвал к себе гнев чужаков. Возбудителями толпы были тогда асийские иудеи, но весь народ настолько проникся ненавистью к Павлу, что безумие первых легко охватило всех. Это место учит нас, что не следует столь сильно потакать нечестивым, даже если не оправдываются наши надежды, и правильные благочестиво составленные замыслы не удастся претворить действиями в жизнь. На любое дело следует решаться только с правой совестью и руководствуясь Духом Божиим. Если же и тогда планы наши не исполняются, пусть нас поддерживает мысль о том, что Бог одобрит наше усердие, хоть и подверженное поношениям и насмешкам людей. Пусть не раскисаем мы в собственной скромности, если порою нечестивые воздают нам злом за добро.

28) *Мужжи Израильские, помогите.* Они вопят так, словно находятся в страшной опасности. И всех зовут на помощь так, словно на кон поставлена сама религия. Отсюда мы видим, сколь сильно ненавидели тогда Павла. Причем лишь за то, что он, проповедуя полную и твердую истину во Христе Иисусе, учил также, что тень закона положен конец. Легковесность же, с которой, видя Трофима, они впадают в ложное мнение, еще больше выдает их безумие и зловерность. Они винят Павла в святотатстве. И на каком основании? На том, что он ввел в храм необрезанного человека. Однако они сами выдумали это преступление, приписав его невинному человеку. Такая порочная дерзость характерна для людей, руководимых собственным предубеждением. Мы же научимся из этого отрывка остерегаться неумеренности чувств, не давать волю своим предубеждениям и не обрушиваться на невинных в слепом и необузданном порыве.

30) *Весь город пришел в движение.* Здесь мы видим легковесность народа, осудившего Павла еще до всякого слушания дела. Не удивительно то, что город приходит в волнение из-за религиозного вопроса. Но восстание на Павла без исследования его дела свидетельствует о порочном рвении и безумной дерзости. Ведь при такой природной испорченности к людской глупости добавляется еще и порочность. Так что добровольно и без труда несутся на защиту зла люди, которых трудно привлечь к добру даже тысячами увещаний. Горестно видеть такое положение, когда по наущению немногих на нас внезапно ополчается весь мир. Но, если это угодно Господу, пусть каждый из нас готовится противостоять любым превратностям жизни.

31. *Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился.* 32. *Он, тотчас взяв воинов и сотников, устремился на них; они же, увидев тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла.* 33. *Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями, и спрашивал: кто он, и что сделал.* 34. *В народе одни кричали одно, а другие другое. Он же, не могши по причине смятения узнать ничего верного, повелел вести его в крепость.* 35. *Когда же он был на лестнице, то воинам пришлось нести его по причине стеснения от народа,* 36. *ибо множество народа следовало и кричало: смерть ему!* 37. *При входе в крепость Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто? А тот сказал: ты знаешь по-гречески?* 38. *Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?* 39. *Павел же сказал: я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу.* 40. *Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу; и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на еврейском языке так:*

(31. *Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился.* 32. *Он, тотчас взяв воинов и сотников, устремился на них; они же, увидев тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла.* 33. *Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями, и спрашивал: кто он, и что сделал.* 34. *В народе одни кричали одно, а другие другое. Он же, не могши по причине смятения узнать ничего верного, повелел вести его в крепость.* 35. *Когда же он подошел к лестнице, то воинам пришлось нести его по причине стеснения от народа,* 36. *ибо множество народа следовало и кричало: убей его!* 37. *При входе в крепость Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто? А тот сказал: ты знаешь по-гречески?* 38. *Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?* 39. *Павел же сказал: я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу.* 40. *Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу; и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на еврейском языке так:)*

31) *Когда же они хотели убить его.* Сила сатаны ясно видна в той ярости, которую он внушил народу. Заперев ворота храма, люди, не довольствуясь умеренным наказанием, единодушно желали убить Павла. И нам также подобает размыслить о том, как сатана науськивает врагов благочестия. Дабы буйство их, каким бы ни было яростным и жестоким, не могло нас смутить. Напротив, чудесная благодать Божия видна в том, что Он неожиданно побудил трибуна спасти жизнь апостолу. Сам трибун вовсе не имел такой цели. Он лишь спешил подавить народное восстание. Существует ли более ясное свидетельство божественного провидения? Ведь жизнь Павла была избавлена от столь неминуемой опасности без всякого человеческого намерения. Так Господь позволяет Своим верующим не только страдать, но и почти изничтожиться, дабы с великим чудом избавить их из пасти самой смерти. Трибуна же Лука в несобственном смысле называет начальником когорты. Ведь отдельные трибуны начальствовали над тысячьо воинов, что явствует из рассказа о том, как трибун взял с собою сотников.

32) *Увидев тысяченачальника.* Тех, кого ранее не могли обуздать ни величие Божие, ни почтение к храму, теперь смиряет уважение к мирскому человеку. Отсюда явствует: этими людьми руководила не ревность, а варварская жестокость. То же, что трибун сковывает Павла цепями, достаточно показывает: он пришел не ради помощи апостолу. Неверующие приписали бы это судьбе, но Дух Святой словно на картине изображает здесь провидение Божие, царствующее среди смут и людских волнений. Хотя весьма жестоко подвергать святого служителя Божия такому позорному обращению, по сравнению с иудеями справедливость трибуна надо все же похвалить. Он сковал Павла словно злодея и преступника, и все же соизволил выслушать скованного, которого иудеи ранее пытались забить насмерть. Он не хочет судить его сурово, не исследовав,

прежде, самого дела. Это был лучший способ обуздать народную жестокость. Ведь иудеи надеялись как раз на то, что Павла постигнет скорая казнь.

34) *Одни кричали одно, а другие другое.* Безумие мятущегося народа выдает себя всеми возможными способами. Разноглася друг с другом, люди сотрясают воздух криками. Между тем, все единодушно требуют смерти Павла, не обличенного ни в каком преступлении. Нет сомнения, что людей ослепила видимость священного рвения. Но истинными ревнителями Бога, подобными мученикам, людей делает осознанная справедливость собственного дела. Всякий же порыв выдает собою дьявольское безумие.

Здесь упоминается о крепости. В этой связи надо знать, что воины, поставленные для охраны города, жили в огороженном и укрепленном месте, которое, если бы возникла смута, могли защищать подобно крепости, отражая из него все выпады врага. Ибо при сомнительной верности народа и в неспокойном городе было небезопасно расходиться по постоянным дворам. То же, что место сие находилось на возвышенности, следует из сказанного Лукой: когда дошли до ступеней, воинам пришлось нести Павла. Понесли ли воины Павла вверх, чтобы затем невредимого поставить на ноги, или были вынуждены к этому насилуем теснящей толпы – в любом случае, речь шла не об оказании почестей. Но чем больше разпалась жестокость врагов, тем яснее демонстрировал Бог милость к Своему рабу. Он щадил его жизнь, не позволяя быть убитым во время восстания, дабы смерть его не лишилась должного плода.

37-40) *Можно ли мне сказать.* Павел делает то, что следует делать всем рабам Божиим. Он сам принимает на себя свою защиту. Ибо следует прилагать усилия, чтобы всем стала известной наша невинность, и наш позор не обесславил божественное имя. Однако трибун спрашивает Павла: не является ли он тем разбойником египтянином, который незадолго до этого поднял на мятеж народную толпу. Отсюда мы познаем следующее: сколь бы смиренно и спокойно ни вели себя служители Христовы, сколь бы ни были они свободны от всякой вины, им все равно не избежать поношений от мира сего. А это следует отметить для того, чтобы мы привыкли к оскорблениям и, творя добро, были готовы услышать о себе зло.

Спрашивая по поводу египтянина, трибун не имеет в виду, как ложно считают многие, волхва Февду. О нем выше, в 5-й главе, упоминает Гамалиил, и много говорит Иосиф в 20-й книге Древностей. Ведь ранее говорилось, что Февда увел с собою четыреста человек. Здесь же трибун упоминает о тысяче, причем всех называет разбойниками. Сюда же относится и то, что Февда поднял небольшое восстание, о котором остался лишь смутный слух. Его отряд был сразу же рассеян нагрянувшими конниками. Но, на мой взгляд, Иосиф заблуждается, когда говорит, что Куспий Фад был прежде послан от императора Клавдия, а затем он же победил Февду. Ведь я уже показал, что это волнение поднялось тогда, когда Клавдий еще был частным гражданином. Хотя Иосиф также сильно разногласит с Лукою касательно числа восставших, говоря, что их было приблизительно тридцать тысяч человек. Разве что можно истолковать так: испытав поражение от Феликса, Февда с четырьмя тысячами убежал с пустыню. Ибо было бы весьма глупым в десять раз увеличивать число повстанцев, а также бесславить невоинственную толпу именем разбойников. Ведь по свидетельству Иосифа, мошенник Февда ложными обещаниями обманул простой и доверчивый народ, выдавая себя за пророка Божия, собирающегося провести народ через реку Иордан. Кроме того, тот же Иосиф устраняет всякое сомнение, рассказывая, что при начальстве Феликса египетский пророк сколотил отряд и увел его на гору Елеон. Из которого были убиты четыреста, взяты в плен двести, а остальные рассеялись восвояси. История же эта была тогда свежа. Затем, поскольку зачинщик восстания сбежал, а область была наводнена разбойниками, трибун, обнаружив великую ненависть к Павлу, обоснованно выведывает у него: не он ли тот самый египтянин?

Лука не приводит продолжение разговора между Павлом и трибуном. Но вероятно, поскольку оба они говорили по-гречески, диалог вышел весьма длительным. Поэтому Павел, сумев очистить себя от обвинений, и получил дозволение обратиться к народу. Ведь трибун никогда не позволил бы преступнику публично проповедовать в столь ненадежном и неспокойном городе, как Иерусалим.

Глава 22

1. Мужи братия и отцы! выслушайте теперь мое оправдание перед вами. 2. Услышав же, что он заговорил с ними на еврейском языке, они еще больше утихли. Он сказал: 3. я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне. 4. Я даже до смерти знал [последователей] сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин, 5. как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины, от которых и письма взял к братиям, живущим в Дамаске, я шел, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание.

(1. Мужи братия и отцы! Выслушайте теперь мое оправдание перед вами. 2. Услышав же, что он заговорил с ними на еврейском языке, они еще больше утихли. Он говорит: 3. я Иудеянин, родившийся в Тарсе, городе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне. 4. Который даже до смерти знал сей путь, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин, 5. как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины, от

которых и письма взяв к братьям, живущим в Дамаске, я шел, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание.)

1) Хотя из первых слов и можно заключить, куда именно клонил Павел, поскольку речь его оказалась оборванной, неизвестно точно, что именно он собирался сказать. Итог приведенной здесь первой части таков: Павел, будучи правильно и верно наставленным в учении закона, являл собой всему миру пример благочестивого и набожного почитателя Бога. Затем, оскорбившись евангелием Христовым, он стал известен священникам, считавшим его одним из главных защитников закона. В-третьих, Павел не по дерзости перешел в новую секту. Он присоединился ко Христу, будучи сломлен и побежден небесным откровением. В-четвертых, Павел не ввязался в неизвестное ему дело. Напротив, Бог дал ему добросовестного наставника, от которого он разузнал все. Наконец, вернувшись в Иерусалим, и желая принести пользу соплеменникам, он не получил дозволения от Бога. Значит, не по дерзости, не из-за ненависти к своему народу, но по заповеди Божией Павел возвещает спасительное учение внешним.

Мужи братья и отцы! Удивительно, как Павел воздает такую честь отчаянным врагам Евангелия. Ведь они уже разорвали все братские узы, и, подавляя славу Божию, лишили себя всякого достоинства. Но поскольку Павел говорит как один из представителей этого народа, он, без притворства его любя, столь почтительно и приветствует его вождей. Действительно, отречение их еще не было явным, и хотя сами они лишились всякого достоинства, достойной оставалась благодать божественного усыновления, с почтением признаваемая в них Павлом. Итак, называя их отцами и братьями, Павел смотрит на столько на их заслуги, сколько на данное им от Бога возвышенное положение. И вся речь его построена так, чтобы ласково, но без лести, суметь принести им должное удовлетворение. Значит, научимся и мы так воздавать честь людям, чтобы при этом оставались незыблемыми права Бога. Тем более презренна гордыня папы, который, сделав себя первосвященником без всякого повеления Божия и голосования Церкви, не только присвоил себе всевозможные титулы, но и тираническую власть повелевать Самим Христом. Как будто Бог, возвышая людей, отдает им Свои права и Сам опускается до их уровня.

2) *Что он заговорил с ними на еврейском языке.* Вполне понятно, что в том месте, где царит разнообразие языков, мы охотнее слушаем людей, говорящих на нашем наречии. Но у иудеев была еще одна особая причина. Они считали Павла враждебным своему племени, ненавидящим даже его язык, или же неучем, не выучившим язык того народа, на происхождение от которого ссылается. Теперь же, услышав отеческую речь, они начинают думать о нем немного лучше. Далее, не ясно, говорил ли Павел на еврейском или на сирийском языке. Ведь мы знаем: язык иудеев после изгнания испортился и выролдился, восприняв много слов из халдейского и сирийского. Я предполагаю, что Павел, обращая речь и к народу, и к старейшинам, воспользовался повсеместно принятым тогда наречием.

3) *Я Иудеянин.* Поскольку у иудеев царила в то время полная сумятица, многие мошенники и пришлые люди, прикрывая свои злодеяния, ложно выдавали себя за иудеев. Посему Павел, очищая себя от подобных подозрений, начинает с обстоятельств собственного рождения. Затем, он говорит, что достаточно известен и в Иерусалиме, обучаясь здесь с младенческих лет. Хотя последняя фраза сказана не только с целью удостоверения факта. Ведь было весьма важно, чтобы иудеи знали, сколь тщательно обучался Павел установлениям закона. Неученые люди больше других склонны поднимать смуту. Но тогда бы уничтожился церковный порядок. Так что религия не только распалась бы на разные секты, но и пришла бы в полное расстройство. Павел же указывает на то, кто именно был его учителем, дабы никто не подумал, будто он, будучи неучем, по этой причине и отошел от культа отцов. Ведь многие люди, чей разум не просвещен учением, забывают о своем происхождении и становятся отбросами общества. Однако Павел особо указывает на то, что правильно наставлен в учении закона, давая иудеям понять: в отличие от других он возбуждает споры не по незнанию и не измышляет ничего абсурдного. Неизвестно, имел ли он в виду того самого Гамалиила, о котором упоминалось раньше. Об учениках же говорят, что они сидят у ног учителя, поскольку, не обладая еще твердым знанием, должны проявлять обучаемость и скромность, подчиняя разум наставникам и завися от их указаний. Так о Марии говорится, что они сидела у ног Иисуса, внимая Его поучениям. Если же подобное уважение надо выказывать земным учителям, сколь больше подобает нам сидеть у ног Христовых, выказывая покорность Тому, Кто вещает с небесного престола. Эта фраза говорит нам об обязанности юношей и подростков, дабы те проявляли покорность, не возносились над учителями в глупом самоуповании, но, напротив, позволяли себя учить в тихом и скромном расположении духа.

Наставленный в отеческом законе Древний переводчик перевел дословно: наставленный по истине отеческого закона. Хотя *ἀκρίβεια* – скорее точность, нежели истина. Но спрашивается: зачем делать это тонкое дополнение, когда для всех имелся одинаковый по смыслу закон. Мне кажется, что Павел отличает здесь впитанное им более чистое знание закона от народного его понимания, сильно отличавшегося от подлинного смысла установлений. Хотя закон Господень, даже в среде лучших учителей, был осквернен многочисленными дополнениями, поскольку тогда у многих религия была еще более испорчена, Павел заслуженно хвалится тем, что правильно и тщательно наставлен в отеческом законе. Или же, что то же самое: наставлен точно. Дабы кто не подумал, что он лишь отчасти вкусил закон, подобно любому простолюдину. Но поскольку многие правильно наученные все же исполнены эпикурейского презрения к Богу, Павел свидетель-

ствуует, что был истинным ревнителем закона. Он как бы говорит: с учением у него соединялось искренне усердие к благочестию. Так что он ни в коем случае не играл со священными предметами подобно мирским людям, намеренно смешивающим все подряд. Кроме того, поскольку ревность его в то время была необдуманной, он уподобляет себя в этом прочим иудеям. Но сказанное можно понять и в положительном смысле: ранее апостол не меньше их искренне почитал Бога.

4,5) *Гнал последователей сего учения.* Другими словами: в высшей степени был враждебен учению Христову и яростнее прочих стремился к его уничтожению, доколе меня не обуздала божественная десница. В свидетели сказанного Павел приводит первосвященника и старейшин. Посему не могло быть никакого подозрения по поводу его внезапной перемены. Говоря же, что получил письма к братьям, Павел имеет в виду иудеев. По смыслу он зовет их соплеменниками, но, желая смягчить, употребляет более почетный титул. Таким образом, апостол больше всего старается уверить в подлинном и законном происхождении своем от этого народа, а также в усердном с ним единении.

6. *Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. 7. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? 8. Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь. 9. Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слышали. 10. Тогда я сказал: Господи! что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет все, что назначено тебе делать. 11. А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск.*

(6. *Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. 7. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? 8 Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь. 9. Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слышали. 10. Тогда я сказал: Господи! Что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет все, что назначено тебе делать. 11. А как я от славы света того не мог видеть, то пришел в Дамаск, приведенный за руку бывшими со мною.)*

6,7) *Когда же.* Поскольку эта история полнее изложена в 9-й главе, здесь я довольствуюсь лишь кратким повторением сказанного. У нашего отрывка есть особенность и отличие, состоящие в том, что Павел упоминает здесь обстоятельства, доказывающие божественность его обращения. И это – третья часть его речи. Иначе поступок его можно было обвинить в непостоянстве, дерзости или в чем-нибудь столь же позорном. Ибо отходить от начатого поприща благочестия – самый нетерпимый на свете грех. Не говоря уже о неисполнении своего поручения. Итак, Павел, дабы обращение его не казалось кому-то подозрительным, упомянув о множестве чудес, учит, что автором перемены был Сам Бог. Ночью часто блистают молнии, рождаются от теплых земных испарений. Однако весьма необычно, что свет не только воссиял в полуденное время, но и объял Павла подобно молнии, заставив его от страха пасть с лошади и приникнуть к земле. Другое чудо состояло в том, что с неба раздался голос. Еще одно – в том, что спутники не слышали сказанных ему слов. Затем говорится о прочих чудесах: после прихода в Дамаск сбылось предсказание о том, что именно Анания выйдет ему навстречу. Кроме того, зрение Павла восстановилось как бы в один миг.

Упал на землю. Поскольку Павлом обуревала фарисейская гордыня, ему, чтобы услышать глас Христов, надлежало смириться и как бы изничтожиться. Он не презрел бы Бога открыто и не посмел бы отвергнуть небесное откровение. Однако душа Павла никогда бы не послушалась зова веры, если бы он остался в прежнем состоянии. Значит, яростный порыв бросает его на землю именно для того, чтобы научить добровольному смирению. Далее, в словах Христовых присутствует только короткий упрек, но даже он сумел обуздать свирепость Савла. Так что мы можем почерпнуть из происшедшего особое утешение. Христос, выступая от лица всех благочестивых, говорит, что Сам испытывает все выпадающие им скорби. Ведь нельзя придумать что-либо более сладкое для смягчения тяжести гонений, чем слова о том, что Сын Божий не только пребывает с нами, но и страдает в нас. И, наоборот, кровавые враги Евангелия, ныне глумо радующиеся злополучиям Церкви, будут знать, кого именно они преследуют.

9) *Бывшие же со мною.* Расхождение, кажется, присутствующее в словах Луки, как показано в другом месте, лишь мнимое. Ранее Лука говорил, что пораженные спутники Павла слышали голос, но никого не видели. Здесь же он отрицает, что они слышали глас Говорившего с Павлом, хотя и видели воссиявший свет. Но вовсе не глупо предположить, что спутники слышали какой-то неясный голос. И все же не различали слов, как их различал Павел. Ведь именно его Христос хотел усмирить и укротить. Итак, они слышали голос, поскольку звук вибрировал в их ушах, и понимали, что тот доносится с неба. Но не слышали Говорившего с Павлом, поскольку не разумели, что именно говорил Христос. Они также видели сияние, окружавшее Павла, но не видели Того, Кто обращался к нему с неба.

10) *Что мне делать?* Вот – слова смирившегося человека. Вот – истинное обращение к Богу, когда, отложив ярость, мы охотно подставляем выю под Его ярмо и готовы исполнить любые Его приказы. К тому же, начало правильного поведения в том, чтобы вопрошать уста Господни. Ибо напрасно стараются те, кто думает покаяться без Его Слова. Далее, Христос, поставив Ананию учителем Павла, сделал это не ради презрения, как бы отказываясь учить его Сам, но желал, таким образом, прославить внешнее церковное служение. И на

примере одного человека всем нам преподавал научение, дабы мы не тяготились слушать Его, говорящего людскими устами. Сюда же относится и следующая фраза: глаза Павла были застланы, доколе он, выказав себя учеником, не доказал собственное смирение. Конечно же, Бог не ослепляет всех, кого хочет научить. Но здесь предписывается общее для всех правило: желающие быть мудрыми для Бога, пусть поглупеют в самих себе.

12. Некто Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске, 13. пришел ко мне и, подойдя, сказал мне: брат Савл! прозри. И я тотчас увидел его. 14. Он же сказал мне: Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, 15. потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал. 16. Итак, что ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса.

(12. Некто Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми живущими там Иудеями, 13. пришел ко мне и, подойдя, сказал мне: брат Савл! Прозри. И я тотчас увидел его. 14. Он же сказал мне: Бог отцов наших приготовил тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, 15. потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал. 16. Итак, что ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса.)

12) *Некто Анания.* Павел переходит к четвертой части своей речи. А именно: он присоединился ко Христу не только пораженный чудесами, но и будучи твердо наставленным в евангельском учении. Я уже говорил, что Анания вышел навстречу Павлу не случайно, но под водительством Христовым. Павел же, хваля его за законническое благочестие и говоря о добром свидетельстве со стороны всего народа, упреждает тем самым превратное понимание своих слов. Ранее сторонясь язычников, он никогда бы не был принят ими как учитель. Кроме того, отступник от закона сам заслуживал бы полного отвержения. Итак, Павел свидетельствует: Анания почитал Бога по закону, его благочестие было известно и восхваляемо всеми иудеями. Поэтому он не должен казаться подозрительным. Выражение «по закону» некоторые несведущие люди относят к следующим словам: то есть, Анания одобрялся всеми по закону. Но скорее это слово отделяет религию Анании от языческих суеверий. Хотя следует отметить: закон упоминается не для того, чтобы утвердить заслуги дел, противоположные благодати Божией, но для того, что снять все подозрения касательно благочестия Анании со стороны иудеев. Из того же, что он восстановил зрение Павлу одним словом, явствует: Анания, как говорилось выше, послан от Самого Бога.

14) *Бог отцов наших.* Поскольку больше всего побуждает нас окрыленно стремиться к Богу признание незаслуженной благодати, которой Он предваряет нас, призывая от гибели в жизнь, Анания начинает именно с этого учения. Бог, – говорит он, – предназначил тебя познать Свою волю. Павлу сообщается о том, что Господь призрел его еще блуждающим и далеким от собственного спасения. Таким образом, предопределение Божие упраздняет все приготовления, о которых бредят софисты, словно человек по свободной воле предваряет благодать Божию. Называя же Бога – Богом отцов, Анания имеет в виду обетования Божии, дабы иудеи знали: последние включают и новое для них призвание Павла. Значит, люди, переходящие ко Христу, никак не отходят от закона.

Итак, этими словами Павел подтверждает то, что ранее доказал на собственном примере: он – не перебежчик от Бога Авраама, уже давно почитавшегося иудеями, но остается в отеческом и древнем культе, которому научился от закона. Посему там, где речь заходит о религии, пусть пример Павла научит нас не воображать какого-то нового Бога (как то сделали паписты, магометане, и обычно делают все еретики), но сохранять Того, Кто некогда явил Себя и в законе, и в разных пророчествах. Такова та древность, в которой нам постоянно следует пребывать. А не та, которой напрасно гордятся паписты, вообразившее себе нового бога, которому научились от святых отцов. То же самое надо сказать и об иудеях, религия которых, будучи чуждой закона и пророков, с необходимостью воображает вымышленного и ничтожного бога. Ибо Тот, Кто некогда восхотел называться Богом Авраама и отцов, явился нам в лице Сына и ныне в собственном смысле именуется Отцом Христа. Посему всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца, не способного отделиться от Единородного.

Анания также говорит о том, что истина Евангелия воссияла ныне Павлу по незаслуженному избранию Божию. Отсюда следует, что достигнуто это не его усердием, о чем также свидетельствуют обстоятельства дела. Ибо Павел был непослушнее всех, доколе его не покорил Христос. Если же спросить о причине происшедшего, то Анания отсылает нас к запечатленному завету Божию. Действительно, познание воли Божией настолько ценно, что люди не могут достичь его собственными усилиями. То же, что Анания говорит о Павле, не следует относить ко всем. Сокровище веры не предложено всем без разбора. Оно особо предлагается избранным Божиим. Далее, в чем именно заключается эта воля Божия, ясно видно из следующего предложения. Ибо Бог, многообразно и разнообразно говоривший через пророков, в последние дни явил Себя и Свою волю в Собственном Сыне.

Увидел Праведника. Поскольку почти все греческие кодексы приводят мужской род, удивительно, как Эразму захотелось перевести в среднем роде: праведное. Читатели видят, сколь натянут и холоден этот смысл. Посему не сомневаюсь: слово «праведник» означает здесь Самого Иисуса Христа. Таким образом, контекст

вполне согласуется. Ведь сразу же после следует: услышишь голос из уст Его. Но очевидно, что самое большое желание святых – наслаждаться лицезрением Христовым. Отсюда происходит исповедание Соломона: ныне отпускаешь, Господи, в мире раба Твоего. Ибо видели очи мои спасение Твое (Лк.2:29). Итак, данное лицезрение, о котором вождели по словам Самого Христа (Лк.10:24) цари и пророки, обоснованно превозносится как особый дар Божий. Кроме того, поскольку мало полезно только глазами видеть Человека, находящегося, как мы знаем, на краю гибели, сюда же добавляется и слышание слова. Анания говорит и о цели, с которой Бог удостоивает Павла такой чести: дабы тот стал публичным свидетелем Его Сына. Он готовит Павла так, чтобы тот не только обучился частным образом, но и отличался большим усердием, собираясь стать учителем всей Церкви.

16) *Итак, что ты медлишь.* Нет сомнения, что Анания верно наплат Павла начатками благочестия. Он не крестил бы человека, лишённого истинной веры. Но Лука, опуская многое, даёт только краткий итог речи. И поскольку Павел говорит, что искупление, обещанное во Христе, ныне исполнено, Анания заслуженно считает, что можно не откладывать крещение. Кроме того, говоря: что медлишь? – он не укоряет Павла, не обвиняет его в неусердии, но имеет в виду, что крещение, добавленное к обрезанию, много усиливает Божию благодать. Похожую мысль можно найти и в главе 10-й. Кто может запретить креститься водою людям, так же как и мы наделенным Святым Духом? Когда же добавляет: омой грехи твои, – то сими словами выражает силу и плод крещения. Он как бы говорит: омой грехи твои святым крещением. Поскольку же внешнему и тленному элементу здесь, кажется, приписывается больше, чем следует, спрашивается: разве крещение является причиной нашей чистоты? Действительно, кровь Христова – единственное умилоствление за грехи, и как она однажды излилась с этой целью, так же Дух Святой постоянно очищает нас ее окроплением. Поэтому эту честь нельзя переносить на символ воды без оскорбления Христа и Святого Духа. И опыт показывает, сколь склонны люди к подобному суеверию. По этой причине, многие благочестивые люди, дабы не связывать веру с внешним символом, чрезмерно преуменьшают силу крещения. Но следует придерживаться меры и ставить таинства на надлежащее им место. Дабы те не затемняли славу Христову, и одновременно не лишались своей действенности и пользы. Посему в первую очередь следует верить, что только Бог очищает нас от грехов кровью Своего Сына. И дабы очищение это было в нас действенным, Сам работает в нас тайной силою Духа. Значит, когда идет речь об отпущении грехов, не следует искать иного автора кроме Небесного Отца, и какой-либо другой материальной причины кроме крови Христовой. Если же говорить о причине формальной, первое место займет Святой Дух, но добавляется и внешнее средство: проповедь Евангелия и само крещение. Кроме того, хотя один лишь Бог действует в нас силой Своего Духа, ничто не мешает Ему употреблять соответствующие орудия по Собственному усмотрению. Внешним элементом Он никак не умаляет Свой Дух и кровь Христову, но хочет через него помочь немощи нашей плоти. Итак, поскольку крещение помогает нашей вере воспринимать отпущение грехов только от Христовой крови, оно называется омовением души. Таким образом, омовение, о котором упоминает Лука, относится здесь не к причине, а к смыслу, подразумеваемому Павлом. Ведь из принятого символа он лучше познал, что ему отпущены грехи. Хотя одновременно следует отметить вот что: в крещении нам предлагается не голый образ, но добавляется и сама вещь. Поскольку Бог ничего не обещает лживо, но воистину совершает означаемое в символе. С другой стороны, следует остерегаться привязывать силу Божию к таинствам. Ибо внешнее совершение крещения помогает лишь тогда, когда это будет угодно Богу. Таким образом, разрешается другой способный вызвать недоумение вопрос. Ведь Павлу, получившему свидетельство благодати Божией, уже были отпущены грехи. Значит, Павел не был омыт крещением, но просто обрел новое подтверждение уже полученной благодати.

Призвав имя. Нет сомнения, что здесь имеется в виду Христос. Не потому, что во время крещения призывается имя одного Христа, но потому, что Отец велит нам просить у Него все означаемое крещением. И воздействие Духа направлено лишь на то, чтобы сделать нас причастниками Его смерти и воскресения. Итак, Христос делается главным автором крещения, но постольку, поскольку Его дал нам Отец, и поскольку Он изливает в нас Его благодать через Святого Духа. Таким образом, призывание имени Христова содержит в себе упоминание Отца и Сына. Так что Анания не имеет в виду, будто надо произносить только имя Христа, но говорит о молитве, которой верующие свидетельствуют: действенность внешнего символа находится лишь во власти Христовой. Ибо таинства сами по себе не содержат никакой силы спасения и ничего не значат. Посему эта часть словно уточняет предыдущую фразу: Анания четко отсылает Павла ко Христу, отвращая его от упования на внешний элемент. Известно, сколь сильно отходят от данного правила паписты, приписывая причину благодати своим экзорцизмам. Они не только не стремятся направить ко Христу свой несчастный народ, но и заменяют Христа крещением, оскверняя экзорцизмами Его священное имя.

17. *Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление, 18. и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что [здесь] не примут твоего свидетельства о Мне. 19. Я сказал: Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, 20. и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобряя убийство его и стерег одежды побивавших его. 21. И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам. 22. До этого слова слушали его; а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! ибо ему не должно жить.*

(17. Случилось же, когда я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление, 18. и увидел Его, говорящего мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что не примут твоего свидетельства о Мне. 19. Тогда я сказал: Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и убивал в синагогах, 20. и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобряя убийство его и стегая одежды побивавших его. 21. И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам. 22. До этого слова слушали его; а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! Ибо ему не должно жить.)

17) *Когда же.* Эта часть не была бы заключительной, если бы речь Павла не прервали безумные крики. Однако из приведенного выше контекста замысел апостола вполне очевиден. Он начал говорить о своем служении, показывая, что ушел от иудеев не добровольно, и не по злобе лишил их собственной заботы. Эта заповедь Божия против всех чаяний и намерений отослала его к язычникам. Ибо он пришел в Иерусалим, чтобы рассказать своему народу о вверенной себе благодати. Однако Господь прогнал его из этого места, лишив всякой надежды на успех. Здесь Павел хотел исправить два присущих иудеям порока: они думали, будто завет Божий профанируется, если язычников без разбора допускают с ними в Церковь; кроме того, горделивый народ хуже всего относился к тому, что другие предпочитают ему и уравниваются с ним в правах. Итак, защита Павла состояла в том, что он по мере своих сил готов был посвятить себя иудеям. Но затем был вынужден по заповеди Божией отправиться к язычникам, поскольку Господь не велел ему оставаться напрасно в Иерусалиме. Эразм перевел: так что я вышел из себя. По-гречески же дословно будет: так что я пришел в исступление. Этой фразой Павел хотел внушить доверие к собственному видению. То же самое подтверждают обстоятельства времени и места: Господь явился ему молящемуся в храме. И подобная молитва была лучшей подготовкой к выслушиванию Слова Божия. О способе же видения, смотри сказанное нами в конце 7-й главы.

18) *Твоего свидетельства.* Для повиновения нам должно быть достаточно одного лишь приказания Божия. Но чтобы Павел с большей охотой следовал сказанному, Христос приводит причину, по которой желает его ухода из Иерусалима. А именно: здесь он не сделает ничего стоящего. Однако Павел был избран не для того, чтобы оставаться праздным; не для того, чтобы, поучая, ничего не достичь. Хотя сказанное представляло собой великое искушение, и можно представить, сколь сильно ранило оно сердце святого мужа. Ранее Павлу было поручено проповедовать Евангелие, дабы голос его звучал по всему миру. Теперь же ему запрещают говорить чуть ли не с самого порога. Больше того, кажется, что труд его обрекается на особый позор. Ведь свидетельство Павла отвергается как бы по личной ненависти. Но этому святому мужу Божию надлежало смириться так, чтобы пример его научил всех евангельских учителей полностью посвятить себя Христу, и после изгнания с одного места быть готовыми идти в другое. Пусть не отчаиваются они из-за людского презрения и не перестают трудиться.

19) *Господи! им известно.* Этими словами Павел свидетельствует: его разум не помутился и не запутался. Он твердо верит в истинность откровения Божия. Он без сомнения признавал в Говорившем Христа, Которого величает именем Господа. Но, — думает он, — едва ли лицемерие происходящего не взволнует иудеев, видящих столь внезапную его перемену. Отсюда он выводит, что не останется бесплодным. Так думал он сам, но Христос отвечает, что направил его на иную стезю и лишает напрасной надежды в отношении иудеев. Спрашивается: подобало ли Павлу спорить со Христом, выдвигая такие доводы? Дело обстоит так, словно Павел считает вероятным будущее, возможность которого отрицает Сам Христос. Отвечаю: Бог позволяет святым по-семейному доверять Ему свои чувства, особенно, если они просят лишь подтверждения веры. Если же кто мудрствует по-своему или надменно отказывается исполнять заповеданное Богом, то превозношение его заслуженно осуждается. Однако Бог удостаивает верующих особой привилегией скромно указывать на обстоятельства, способные удержать их или помешать им в исполнении долга. Дабы затем они, охотнее и лучше настроившись, полностью отдались Его воле. Подобно тому, как Павел, узнав, что именно угодно Господу, не спорит и не медлит более, но, отбросив единственное возражение, готовится к предпрятию, от которого ранее, казалось, хотел уклониться. Между тем, то, что иудеев не затронули столькие чудеса, ясно показывает их неукротимость. Упрек же в этом, без сомнения, вызвал у них великую ярость.

22) *Истреби от земли такого.* Лука говорит о том, сколь бурно прервали речь Павла. Слушатели не только заглушают его криками, но и требуют смерти апостола. И в этом ясно проявляется безумство их гордыни. Иудеи льстили себе настолько, что не только презирали по сравнению с собой весь мир. Свое достоинство они защищали даже яростнее учения закона. Словно вся религия зависела от того, что род Авраама превосходит всех остальных смертных. Так что теперь они обрушиваются на Павла, назвавшего себя апостолом язычников. Как будто щедрость Бога обязывает Его выносить презрение преступников и неблагодарных, которых ранее Он больше других наделял дарами благодати. Не удивительно, если тогда иудеи выказали такую ярость. Ведь и сегодня они, сокрушенные многими способами и привыкнув к крайним оскорблениям, не перестают надмеваться в своей рабской гордыне.

23. *Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух, 24. тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него. 25. Но когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать Римского гражданина, да и без суда? 26. Услышав это, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря:*

смотри, что ты хочешь делать? Этот человек – Римский гражданин? 27. Тогда тысяченачальник, подойдя к нему, сказал: скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал: да. 28. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем. 29. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его. 30. На другой день, желая достоверно узнать, в чем обвиняют его Иудеи, освободил его от оков и повелел собраться первосвященникам и всему синедриону и, выведя Павла, поставил его перед ними.

(23. Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух, 24. тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него. 25. Но когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать Римлянина, причем неосужденного? 26. Услышав это, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря: смотри, что ты хочешь делать? Этот человек – Римлянин? 27. Тогда тысяченачальник, подойдя к нему, сказал: скажи мне, ты Римлянин? Он сказал: да. 28. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем. 29. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он Римлянин, испугался, что связал его. 30. На другой день, желая достоверно узнать, в чем обвиняют его Иудеи, освободил его от оков и повелел собраться первосвященникам и всему синедриону и, выведя Павла, поставил его перед ними.)

24) Тысяченачальник повелел. Трибун поступил правильно и благоразумно, приказав увести Павла с глаз народа. Ведь его присутствие еще больше бередило уже и так достаточно взволнованные души. Таким образом, он заботится о жизни святого мужа и частично успокаивает народную смуту. Но, приказывая бичевать того, в ком не видит никакого преступления, трибун, кажется, поступает несправедливо. Однако же его поступок не лишен определенного оправдания. Ведь народ, вероятно, не без причины настроился против одного человека. Итак, повод к столь жестокой проверке дало сильное предубеждение. Но следует отметить, что у политиков имеется обычай: судить справедливо, доколе им это выгодно. Если же польза диктует другое, они тут же готовы отклониться от правды. Между тем, им вполне достаточно прикрывать этот порок предлогом благоразумия. Ведь они придерживаются принципа: нельзя управлять миром без видимой справедливости. Однако же в отдельных их делах преобладает выше названная хитрость. Так что они скорее думают о полезном, нежели о справедливом и добром.

25) *Разве вам позволено.* Павел, во-первых, указывает на права гражданства, а затем защищает себя с помощью общего права. Хотя во втором его доводе больше веса (ибо недопустимо бичевать человека без исследования дела), он не достиг бы цели, если бы сотника не испугало достоинство римского гражданина. Ибо тогда более всего преступным было нарушать свободу римского народа. Законы Валерия, Порция, Семпрония и других запрещали прикасаться к телу римского гражданина без повеления народа. Привилегия эта была столь священной, что бичевать римлянина считалось заслуживающим смерти и неизгладимым преступлением. Таким образом, Павел спасся скорее благодаря этой привилегии, чем в силу справедливости. Однако он не усомнился, имея добрую совесть, отразить щитом гражданства готовившееся против него беззаконие. Кроме того, Павел так утверждает права гражданства, что внушает трибуну доверие к себе. Ведь он не поверил бы словам апостола без должного доказательства. Далее, известному человеку нетрудным было представить нужных свидетелей. Почему же бичевание, которое ныне предотвращает, Павел молчаливо попустил в Филиппах? Причину мы указывали в 16-й главе. Во время народной смуты его просто никто бы не услышал. Теперь же, имея дело с римскими солдатами, ведшими себе солиднее и скромнее, Павел использует представившуюся возможность.

26) *Этот человек – Римский гражданин.* Кто-то может удивиться тому, что начальствующий над пыткой оказался столь доверчивым, передав эту новость как несомненную истину. Ведь если словам Павла надо тут же верить, любой злодей мог бы таким же способом избежать заслуженного наказания. Однако дело обстоит так: утверждающий, что он римский гражданин, подвергался наказанию, если не представлял свидетеля или другого законного доказательства. Ибо лживо претендовать на права гражданства было караемым смертью преступлением. Посему сотник сообщает трибуну это дело как нечто сомнительное. Он же, как было сказано, сразу же начинает его расследовать. Хотя Лука не говорит ясно, какими именно свидетельствами Павел доказал римское гражданство, нет сомнения: трибун прежде, чем освободить апостола, твердо удостоверился в истинности его слов.

28) *Я за большие деньги.* Трибун приводит этот довод в качестве возражения. Он как бы говорит: право гражданства не столь уж обычное и повсеместное дело. Как же возможно, чтобы ты, человек из темного народа киликийцев, достиг чести, стоившей мне огромной суммы? Павел же отвечает, что родился в этом гражданстве. Хотя он никогда не видел Рима, и отец его, возможно, никогда не посещал этого города, ответ апостола вполне правдоподобен. Ибо опытные в римской истории знают: в провинциях империи римского гражданства удостаивали отдельных людей, получавших подобную награду от проконсулов за заслуги перед государством на войне или в других важных делах. Посему вполне возможно родиться римским гражданином тому, кто, происходя из дальней провинции, никогда не ступал на землю Италии. Но спрашивается: как же трибун, боясь держать в оковах римского гражданина, мог отпустить его только на следующий день? Возможно он поступил таким образом, чтобы не показать своего страха. Но думаю: трибун опасался того, что

он приказал связать Павла для бичевания. Ведь это означало посягательство на тело римского гражданина и его свободу. Сторожить же гражданина в темнице было допустимым.

Глава 23

1. Павел, устремив взор на синагог, сказал: мужи братия! я всю добрую совесть жил пред Богом до сего дня. 2. Первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал бить его по устам. 3. Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня. 4. Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь? 5. Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь.

(1. Павел, устремив взор на синагог, сказал: мужи братия! Я всю добрую совесть жил пред Богом до сего дня. 2. Первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал бить его по устам. 3. Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! Ты сидишь, творя суд по закону, и, преступая закон, велишь бить меня. 4. Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь? 5. Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь.)

1) *Устремив взор.* Павел начинает со свидетельства доброй совести, дабы все собрание осознало: его неправомерно винят в столь жутком преступлении, словно человека, пытавшегося ниспровергнуть Божий культ. Любой человек, не будучи презрителем Бога или религии, конечно, может согрешить по неведению. Но Павел с самого начала хочет смягчить ожесточенных судей, дабы внушить к себе доверие. Ибо он вовсе не смог бы защитить себя, если бы в душе священников засело мнение о том, что Павел – нечестивый отступник. Итак, прежде, чем приступить к изложению дела, он очищает себя от подобного преступления. Не только с целью вызвать благоволение, сославшись на усердие к благочестию, но и для того, чтобы упредить клевету и опровергнуть несправедливую предубежденность против себя. Ибо он видел, что все собрание было привержено и доверяло именно этой клевете. Что же он собирался сказать потом, нам не известно. Кроме того, это вступление учит: никто не может правильно понимать учение благочестия, если в нем не царит страх Божий. Хотя теперь он менее почтительно называет священников, чем делал это ранее, но все же удостоивает их имени братьев. Не потому, что те были его достойны, но чтобы засвидетельствовать: причина отчуждения лежит вовсе не в нем.

2) *Первосвященник же.* Рассказ Луки, кажется, не согласуется с общепринятой историей. Ведь Иосиф так повествует о первосвященниках тех времен: когда Квадрат, проконсул Сирии, отстранив от управления Иудеей Кумана, приказал ему явиться перед Кесарем, одновременно к нему же был послан в оковах первосвященник Анания. Иосиф не упоминает о том, кто именно заступил на его место. Хотя, вероятно, его честь перешла Ионафану, впоследствии убитому из-за лжи и вероломства Феликса, начальника Иудеи и преемника Кумана. Ведь этот Феликс, получая от него частые упреки, не стерпел стойкости этого человека. Он заключил сговор с неким Дорой, тайно подослав к первосвященнику убийц. Тогда же по свидетельству того же Иосифа царь Агриппа передал священство Измаилу, сыну Фабея. Однако, поскольку и он был послан народом в Рим, и по причине чьей-то просьбы удержан там Пoppеей, женою Нерона, Агриппа поставил на это место Иосифа, по прозвищу Хаби, сына Симона. Вскоре же, став и к нему испытывать отвращение, царь сделал первосвященником Анана, сына Анана. Далее, Иосиф говорит, что последнее событие произошло в то время, как после смерти Феликса был назначен Альбин, заступивший на его место. Не вижу, почему надо, как делают некоторые, называть этого Анана Ананией. Слухи же о том, что он был саддукеем, в целом обоснованны. Кроме того, он был жестоким и дерзким, приказав без всякой законной власти побить камнями Иакова, брата Господня. Однако, если верить Иосифу, он не мог быть тем Ананией, о котором упоминает Лука. Ведь первосвященником он стал лишь по прошествии многих лет после ухода из провинции Феликса. Поэтому мне приходит на ум иное предположение. Все то время процветал некий священник Анания, державший, за исключением титула, первое место в своем сословии. И поскольку между первым Ананией и Измаилом Иосиф оставляет некий промежуток времени, возможно, именно тогда этот человек и достиг первосвященства. Однако, как бы то ни было, из Иосифа ясно: Анания, убитый при захвате города во время правления Клавдия Кесаря и Нерона, равнялся по чести тогдашним высшим священникам. Больше того, его авторитет был велик настолько, словно именно он осуществлял верховное правление, хотя титулы носили тогда другие люди. Отметим: *ἀρχιερεὺς* – имя, употребляемое ко всем как бы носящим верховное священство. Теперь пусть читатели размышлят: не может ли в этом отрывке имя *ἀρχιερέος*, как и во многих других местах, обозначать не верховенство, а первенство? Ведь евангелисты повсеместно называют *ἀρχιερεὺς* священников из рода Аарона, отличая их тем самым от левитов, носивших низшую степень священства. Добавь к этому, что наш Анания, считавшийся сильным и способным человеком, вполне мог исполнять обязанности отсутствующего первосвященника. Кроме того, почерпнутое нами из Иосифа частично содержится в книге 20-й Древностей, с 3-й по 8-ю главу, а частично во 2-й книге Иудейских Войн.

Приказал бить его по устам. Мы видим, что в данном собрании царила удивительная несдержанность. Ибо первосвященник, обураваясь порывом ярости и приказав бить Павла без какой-либо причины, без сомнения сделал это по общему согласию. Больше того, он хотел таким образом заслужить благоволение этих безумцев. Так Господь позволяет нечестивым подпадать под власть дьявола и полностью лишаться всякой видности справедливости и умеренности. Ведь лицемеры желают выказывать нечто похожее на рассудитель-

ность. Нет сомнения, что и этот первосвященник пытался вести себя почтенно, достойно собственного сана. Но Господь сорвал с него эту личину, так что он не выказал даже скромности плебея и простолюдина, подобно зверю предавшись неистовому насилию. Между тем, мы видим, сколь гнусным и ужасным было тогда состояние Церкви. Анания, председательствуя на совете, должен был своей рассудительностью обуздать остальных. Но, забыв о всякой чести, наоборот, толкает их к насилию. Значит, тогда вовсе не осталось никакой законности, но повсюду царило беспорядочное варварство. И не удивительно. Ведь иудеи ранее отошли от Бога, отвергли Христа с великим поношением. И вся религия среди них пришла в упадок. Значит, им надлежало впасть в безумие, ужасное даже для мирских, дабы позор их стал наказанием за предыдущее нечестие.

3) *Бог будет бить тебя.* Павел не смог не ответить на эту несправедливость. По крайней мере, он жестко порицает первосвященника, возвещая ему мщение Божие. Как явствует из греческого текста, это была не молитва Богу, но скорее порицание, соединенное с угрозой кары. Если же кто возразит, что Павел не соблюл скромности, заповеданной Христом, приказавшим подставлять левую щеку тем, кого ударили по правой – ответ весьма прост. Этими словами Христос не требует от нас молчания, укрепляющего нечестие и жестокость злых, но лишь, чтобы мы сдерживали себя, терпеливо снося нанесенное оскорбление. Христос хочет, чтобы Его люди, получив одно оскорбление, были готовы вынести и другое. Таким образом, Он полностью подавляет в нас страсть к мщению. Вот истинное и краткое определение терпимости, подобающей всем верующим: не поддаваться ярости, не творить зла, но пытаться победить злобу доброю.

Однако Христос вовсе не запрещает им жаловаться на нанесенные обиды, обличать нечестивых, призывать их на суд Божий. Лишь бы они делали это спокойно и уравновешенно, без злобы и ненависти. Подобно тому, как Павел взывает здесь к суду Божию, чтобы первосвященник не льстил себе в собственной тирании. Он обвиняет его в нарушении закона, благодеянием которого первосвященник и получил свою власть. Отсюда Павел выводит: такой поступок не останется безнаказанным. Тот, кто возропщет, побежденный нетерпением, будет виноват. Открытое же жесткое обличение, исходящее из уравновешенной души, не преступает положенные Христом пределы. Если же кто возразит, что с обличением смешано здесь и ругательство, отвечаю: всегда надо смотреть, с каким намерением говорятся слова. Христос называет подлежащим синедриону человека, сказавшего только «рака» своему брату. Сказавшему же «безумный» грозит более тяжким осуждением. Однако, если дело доходит до упреков, часто надо выражаться еще жестче. Отсюда вывод: Христос намеревался, во-первых, удержать Своих от гнева, а, во-вторых, от ругательств. Значит, пусть не будет в нас страсти к ругани. Тогда позволительно не только порицать в братьях глупость, но и называть своими именами их преступления, если до этого дойдет дело. Значит, Павел говорит не от себя, не мстит ругательством за обиду, нанесенную первосвященником. Но, будучи служителем Слова Божия, не хочет умолчать о тяжком проступке, достойном сурового обличения. Особенно, поскольку было полезным извлечь на свет и посрамить лицемерие Анании.

Итак, всякий раз имея дело с нечестивыми, мы, если желаем вести себя правильно, должны стараться не допускать в себе гнева, не позволять жажде мщения толкнуть нас на ругань. Если же в нас царствует дух кротости, позволительно обходиться с нечестивыми по их заслугам, как бы говоря им из уст Божиих. Но так, чтобы было ясно: мы скорее являемся пророками, чем в неумной страсти произносим дерзкие слова.

4) *Предстоящие же сказали.* Отсюда видно, что та же неумеренность обуревала и остальных. Ведь почему им скорее не обвинить Ананию, видя, как он, забыв о всякой кротости, варварски стремится к насилию и побоям? Это также говорит об общем позоре присутствующих. Но лицемеры имеют привычку, будучи строгими цензорами других, льстиво потакать собственным грехам. Затем, их гордыня сопровождалась тиранией. Начальствующие, ничего не разрешая своим подчиненным, себе позволяли совершенно все. Так и сегодня в папстве: чем больше потакает себе и спокойнее распутствует нечистый клир, оскверняющий весь мир своими преступлениями, тем суровее обуздывает и связывает он глас народа. Посему, если кто посмеет хоть пикнуть, эта крохотная свобода, словно ужасное богохульство, исторгает из них безумные вопли.

5) *Я не знал, братия.* Тем, кому кажется, что это оправдание Павла лишено иносказания, не вполне обращают внимание на доводы, опровергающие их заблуждение. Они говорят, что Павлу был неизвестен первосвященник, поскольку апостол долго отсутствовал. Словно Павел не мог понять, что председательствующий в собрании наделен священнической честью. Да и сам Анания не был настолько неизвестен, чтобы Павел не знал его сана. Однако слова апостола пресекают возможные споры. Он упрекает первосвященника в том, что, под предлогом закона занимая место судьи, он безудержно нарушает этот закон. Итак, Павел знал, какое место занимал тот, кого назвал злоупотребившим своей властью. Другие придумывают более тонкое толкование: здесь апостол говорил не о человеке, но о должности и общественном служении. Однако первый вариант натянут. Ведь если Павел почитал священство, он должен был воздать наделенному им человеку подобающую честь. Так вот, учитывая, что после прихода Христа священство было упразднено, и царила столь гнусная его профанация, невероятно, чтобы Павел по обычаю воздал честь тому, кто без всяких оснований царствовал тогда под именем первосвященника. Словно священство еще не утратило законную силу. Поэтому я, подписываясь под мнением Августина, не сомневаюсь, что извинение апостола было ироничным. Этому не мешает то, что служителям истины подобает бесхитростная речь. Ведь ирония бывает двух

видов. Один представляет собой прикрытый искусством обман. Другой образно излагает текущее дело с целью более острого обличения. Причем второй вид вполне подобает рабам Христовым. Итак, смысл следующий: я, братья, не вижу в этом человеке никакого священства. Апостол добавляет свидетельство из двадцать второй главы книги Исход (ст.28). Хотя там в собственном смысле Моисей говорит о судьях, это мнение можно отнести и к любому законному порядку. Итак, всякую власть, установленную ради сохранения порядка, надо благочестиво почитать и беречь. Ибо всякий оскорбляющий начальство и тех, кто наделен властью и честью, тем самым вожделеет анархии. Но такое желание направлено на подрыв общественного порядка. Более того, потрясает сами основы человечества. Значит, Павел очищает себя от этого подозрения, одновременно отрицая, что Ананию, извращающего весь церковный порядок, надо считать священником Божиим.

Но здесь возникает вопрос: разве не следует повиноваться начальнику, пусть даже и тирану? Ведь если тот, кто плохо исполняет служение, не должен лишаться чести, Павел согрешил, отрицая достоинство первосвященника. Отвечаю: между гражданской властью и церковными предстоятелями имеется некоторое различие. Хотя правление земного или гражданского царства бывает беспорядочным и порочным, Господь желает, что покорность подданных оставалась незыблемой. Однако там, где вырождается власть духовная, совесть благочестивых освобождается, дабы они не терпели несправедливого господства. Особенно, если нечестивые и обмирщенные враги святости пользуются ложным священническим титулом для извращения спасительного учения и присваивают себе власть указывать Самому Богу. Так и сегодня верующим не только позволительно стряхнуть иго папы, но и совершенно необходимо. Ведь они не могут слушаться его законов, если при этом не отойдут от Бога.

6. Узнав же Павел, что [тут] одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил в синагогине: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят. 7. Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось. 8. Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то, и другое. 9. Сделался большой крик; и, встав, книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу.

(6. Павел же, зная, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил в синагогине: мужи братия! Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят. 7. Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось. 8. Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то, и другое. 9. Сделался большой крик; и, встав, книжники фарисейской стороны возражали, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу.)

6) *Узнав же.* Стратегия Павла, о которой говорит Лука, кажется вовсе не подходит рабу Христову. Ибо хитрость, которой он воспользовался, сопряжена с притворством, недалеко отстоящим от обмана. Павел говорит, что главный вопрос касается воскресения мертвых. Однако мы знаем, что спор шел о других вещах. О том, что он отменял обряды, что допускал язычников в завет спасения. Отвечаю: хотя все сказанное истинно, Павел все равно ни в чем не солгал. Он не отрицает, что обвиняется и в других прегрешениях и не сводит весь спор к этому одному вопросу. Но правильно отмечает: саддукеи против него настроены потому, что он утверждает воскресение мертвых. Павел знал, что сговорившиеся против него страдали от внутренних разногласий. Совесть Павла была чиста, и перед праведными судьями он легко бы защитил свое дело. Но, видя неистовые на себя нападки, и понимая, что защиту его слушать не будут, он сталкивает друг с другом своих врагов. Отсюда явствует, что присутствующими овладело неведение и слепое рвение. Итак, следует отметить: сначала Павел хотел искренне и подлинно изложить все свое дело и не избегать с помощью хитрости исповедания, полагающегося рабам Христовым. Но, поскольку доступ ему был закрыт, и слушать его не хотели, он воспользовался крайним средством, показав всем, что противники его ведомы слепой ненавистью. Исход дела показывает: не разум руководил теми, кого раздирали на части взаимные распри. Но если кто-то, затемняющий свет здравого учения, станет извинять свое притворство примером Павла, опровергнуть его несложно. Ибо одно дело – заботиться о личных интересах, ставя под угрозу истину, и совсем другое – уводить заклятых врагов Христовых от нападков на истину, заставляя их сражаться друг с другом.

Далее, мы видим, что нечестивые, хотя и остро разногласят друг с другом, если речь заходит о войне против Евангелия, забывают о взаимных распрях. Ведь сатана, отец всех распрей, заботится, чтоб люди его соглашались лишь в одном: единодушно стремились к уничтожению всякого благочестия. Так и сегодня мы видим, как раздоры, царящие ныне в папстве, тут же утихают, когда общими усилиями надо задавить Евангелие. Тем более надлежит воодушевиться ученикам Христовым в защите истины, дабы, соединившись вместе, лучше противиться нечестивым. Отсюда мы выводим, какой именно вид мира рекомендует нам Писание. Христос называет миротворцев сынами Божиими. И это истинно. Насколько возможно, они должны стремиться к тому, чтобы все по-братски соединились под властью единого Господа. Однако это не мешает нам под водительством Того же Господа, словно гласом трубы, пробуждать нечестивых, дабы те, подобно мадианитянам, воевали между собой. Лишь бы в этом нами правили чистая ревность и духовное благоразумие.

Одна часть саддукеев. Здесь опять, как в зеркале, мы подмечаем, сколь безобразным и расстроеным было такое состояние Церкви. Вера – душа Церкви. А вере нет ничего ближе согласия, и нет ничего противнее разделений. Но с необходимостью должно было выйти так, что, отойдя от Слова Божия, каждый стал вербовать сторонников для собственных домослов. Ибо нет других священных уз единства, кроме простой и подлинной божественной истины. Но как только люди от нее отходят, не удивительно, что они, подобно растерзанным членам, расходятся по разным сектам. Значит, возникновению сект среди иудеев послужило извращение закона. И такой же карой Господь наказал папство за профанацию Собственного Слова, когда последнее было испорчено разными людскими домословами. Тем более следует опасаться, чтобы с нами, хвалящимися Евангелием, не приключилось рассеяния более жуткого и более плачевного, чем то, которое имеется в папстве. А некоторые признаки этого рассеяния уже налицо. И это не удивительно, учитывая, сколькими способами мы провоцируем Бога своей неблагодарностью. Впрочем, какими бы пятнами и морщинами ни обезображено лицо Церкви, какое бы уродство ни выпало ей впоследствии, пусть нам поможет следующее утешение. Как Бог тогда позаботился о том, чтобы чудесно избавить Церковь от гибели, так и теперь по Его благодати всегда сохранится какое-нибудь семя. Действительно, при столь расстроеном положении дел благочестивые умы обязательно будут порою впадать в отчаяние. Так научимся же, подобно щиту выставлять против него Господа, Который в столь непроглядном мраке заблуждений, в столь непроходимой куче суеверий, в обстановке полной разнузданности сект, сохранив Свою Церковь среди иудеев, никогда не позволит ей полностью погибнуть в этом мире.

То же самое происходит ныне и в папстве. Когда там, после извращения культа Божия, подавления спасительного учения, отвержения царства Христова, открыто воцарилось нечестие, Бог сохранил для Себя тайный остаток. И всегда в сорняках остается немного пшеницы. Весьма полезно собрать эти примеры воедино. Когда сегодня мы восстаем на папство, его наемные защитники вопиют: нет ничего глупее, чем думать, будто Церкви Божией не существовало множество веков. Словно мы думаем, будто у Бога не осталось вовсе никакого народа тогда, когда люди, обязанные утверждать чистый культ Божий, от него отпали. Вовсе нет: мы жалуемся, что эти тираны извратили Церковь, что профанировался храм Божий, мало отличающийся теперь от свинарника, что стадо Христов пришло в рассеяние, что овчарня Его разрушена, наконец, что Церковь сокрылась от человеческих глаз. Однако сокрылась так, что Господь знает Своих, хоть и рассеянных, избранных, лелея их и покрывая Собственными крыльями. Сколь же глупо паписты надмеваются почетными титулами, явствует из того, что некогда иудейскую церковь разодрали гибельными распрями не толпа, не какие-то отдельные люди, но сами ее священники. Посему у нас нет причин сомневаться и перестать сопротивляться гордыне папы и всех его приспешников, с которыми у нас тот же спор, что и у пророков и апостолов с тогдашними священниками. Подобно тому, как этим святым мужам почтение к Церкви не мешало отвергать нечестивую тиранию злых священников, так и нам не подобает пугаться пустой личности, в которой себя лживо подают паписты, отбрасывая при этом учение благочестия.

Народ, без сомнений, разделился тогда на три секты; но, пропуская Ессеев, Лука, преследуя собственную цель, говорит лишь о фарисеях и саддукеях. Относительно имен имеется общепринятое мнение. Первые названы так из-за отделения. Они отделились от прочего стада ради собственной вымышленной святости. Вторые же названы от слова «праведность», *zedukim*. Но я, как говорил и в другом месте, скорее соглашусь с мнением людей, выводящих слово «фарисей» от глагола «толковать». Ведь *phrusch* означает истолкование, отсюда толкователи у евреев зовутся *phruschim*. Мы же знаем, что фарисеи, не довольствуясь подлинным учением закона и пророков, примешали к ним многие домословы, претендуя на то, что они переданы им из рук отцов.

8) *Саддукеи говорят.* Хотя Лука указывает на три пункта, в которых различались эти секты, немного ниже он сводит все дело только к двум. Ведь понятия «дух» и «ангел» схожи. Итак, он говорит, что фарисеи исповедовали и то, и другое. А именно: что мертвых ожидает воскресение, и что человеческие души бессмертны так же, как и ангелы. Здесь Лука поясняет, в каком смысле Павел назвал себя фарисеем. Не потому, что он подписывался под всеми их домословами. Напротив, он соглашался только с воскресением мертвых. Мы знаем, сколь сильно обличал Христос их вопиющие заблуждения. Посему нужна была оговорка, дабы кто не подумал, будто Павел во всем с ними соглашается. Из того же, что саддукеи отрицали воскресение, не следует выводить, будто они во всем походили на эпикурейцев. Они признавали, что мир управляется божественным провидением, и каждому воздается награда по заслугам. В этой части саддукеи были много здравомысленнее эпикурейцев. Однако весьма грубым было их безумие, будто награда за праведность и кара за преступления воздаются еще в этой жизни. Ведь, не говоря уже о Писании, сам опыт ясно учит нас, что повсеместно добрые и злые либо страдают от многих невзгод, либо получают милостивое и доброе обхождение. Так что нечестивые часто распутствуют, в то время как почитатели Бога терпят злополучие и скорби, как сказано в Псалме 72 (ст.4). Посему всякий, оценивающий суд Божий исходя из настоящей судьбы, удач или неудач человека, с необходимостью отпадает от веры, приходя к эпикурейскому презрению Бога. Воистину животная глупость – утешаться этой преходящей и тленной жизнью, и думать только о земном. Тем более, следует избегать данного заблуждения, как чудовищного и достойного отвержения безумия. Даже если и имеются земные обетования, вознаграждающие благочестие, мы станем совершенно несчастными,

если упование наше будет заключаться в этом мире. Поэтому сынам Божиим надлежит обучиться навыку возносить очи к небу, усердно думая о славе последнего воскресения.

Ни Ангела, ни духа. Это место толкуется тремя разными способами. Многие относят его к Святому Духу, что кажется совершенно неправдоподобным. Ведь, если саддукеи и были извинительны в других заблуждениях – поскольку Писание многократно повторяет имя Духа Божия, – едва ли можно поверить, что они отрицали то, во что, туманно и легковесно, но все же верили фарисеи. Ибо они не верили ясно в Духа Святого, не признавали собственную ипостась Духа в божественной сущности. Некоторые думают, будто ангел и дух являются синонимами, словно одно и то же сказано здесь дважды. Но зачем было повторять и так довольно очевидную вещь? Этих толкователей обмануло сразу же следующее предложение, где Лука, кажется, не различает эти две вещи. Однако объяснение приводилось мною и раньше. Поскольку души и ангелы – одинаковой природы и сущности, они помещаются здесь рядом друг с другом. Посему, не сомневаюсь, что истинный смысл Луки в следующем: саддукеи отрицали ангелов, а затем и всяких духов вообще. И поскольку Павел объявляет себя в этой части фарисеем, он ясно осуждает всех фанатиков, и сегодня страдающих тем же заблуждением. Ибо существуют определенные мирские и неученые люди, бредящие, будто дьявол и ангелы есть не что иное, как добрые и злые помышления. И дабы иметь предлог для своего заблуждения, заявляют, что все сказанное Писанием о добрых и злых ангелах произошло от язычников. Хотя скорее общепринятое на этот счет мнение происходит от небесного учения. Язычники же осквернили своими домыслами принятую от отцов доктрину. Что же касается человеческих душ, то поскольку сегодня некоторые озверевшие люди думают, что души уничтожаются со смертью вплоть до дня воскресения, свидетельство Луки опровергает также и их.

9) *Сделался большой крик.* Здесь яснее изображается тот бунт, о котором Лука рассказывал немного ранее. Участники не только разошлись во мнениях, но и сражались друг с другом путем воплей и криков. Посему **στίσις** означает здесь нечто большее, чем просто разногласие. Далее, это место учит нас, какое именно зло оно несет. Поскольку распри происходят от самомнения, они легко подталкивают людей к спорам. За спорами же следует упорство. Там же, где оно воцарилось, не остается больше ни суда, ни умеренности. Поэтому, нет больше и различия между причинами. Те, кто проклинал тогда Павла, неожиданно начинают быть его заступниками. Причем вполне обоснованно, если бы делали это по суду. Но поскольку в данном случае эти люди обрушиваются на саддукеев под влиянием гнева, они временно слепнут в отношении дела Павла. Тем более следует нам остерегаться споров, ведущих к всеобщей смуте.

Если же дух. Эту фразу следует, без сомнения, относить ко Святому Духу. Кроме того, нельзя было сказать что-либо более благочестивое и скромное. Ведь как только установлено, что учение происходит с неба, нечестиво восстанут на Бога все, отказывающиеся его принимать. Но почему Павел столь неожиданно стал для книжников пророком Божиим? Ведь раньше они были готовы убить его своими руками и уже осудили, будучи предубежденными до тех пор, пока с саддукеями не разгорелась распря. Далее, этими словами они словно мечом казнили самих себя. Поэтому Бог хотел поставить их нам в пример, дабы мы не презирали сошедшее с неба откровение. Мы видим, как колеблются те, кто серьезно не внимает божественной речи, и колеблются всякий раз, как нечто выставляется на всеобщее обозрение, будучи неспособны воспринять несомненную истину. Посему, если мы хотим, дабы усердие наше управлялось духом различения, проявим же в наущении подобающее прилежание.

10. Но как раздор увеличился, то тысяченачальник, опасаясь, чтобы они не растерзали Павла, повелел воинам сойти взять его из среды их и отвести в крепость. 11. В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме. 12. С наступлением дня некоторые Иудеи сделали умысел, и заклились не есть и не пить, доколе не убьют Павла. 13. Было же более сорока сделавших такое заклание. 14. Они, придя к первосвященникам и старейшинам, сказали: мы клятвою заклились не есть ничего, пока не убьем Павла. 15. Итак ныне же вы с синедрионом дайте знать тысяченачальнику, чтобы он завтра вывел его к вам, как будто вы хотите точнее рассмотреть дело о нем; мы же, прежде нежели он приблизится, готовы убить его. 16. Услышав о сем умысле, сын сестры Павловой пришел и, войдя в крепость, уведомил Павла.

(10. Но как возник великий раздор, тысяченачальник, опасаясь, чтобы они не растерзали Павла, повелел воинам сойти взять его из среды их и отвести в крепость. 11. В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме. 12. С наступлением дня некоторые Иудеи сделали умысел, и заклились не есть и не пить, доколе не убьют Павла. 13. Было же более сорока сделавших такое заклание. 14. Они, придя к первосвященникам и старейшинам, сказали: мы клятвою заклились не есть ничего, пока не убьем Павла. 15. Итак ныне же вы с синедрионом дайте знать тысяченачальнику, чтобы он завтра вывел его к вам, как будто собираясь точнее рассмотреть дело о нем; мы же, прежде нежели он приблизится, готовы убить его. 16. Услышав о сем умысле, сын сестры Павловой пришел и, войдя в крепость, уведомил Павла.)

10) Мы снова видим, сколь великое зло представляет собою спор. Там, где он однажды разгорелся, волнения столь бурны, что даже разумнейшие не могут владеть собой. Посему, как только видны малейшие его начатки, будем стараться изменить способ действий, дабы после не было слишком поздно менять прежней

курс. Ведь никакой другой пожар не разгорается столь быстро. Трибун же, поставленный провидением Божиим служителем, хранящим жизнь Павла, снова избавляет его из пасти смерти посредством своих воинов. Даже если трибун проявил такое прилежание лишь с целью упредить дальнейшие волнения и убийства, Господь, с небес подавая помощь Своему рабу, направлял тем самым слепые потуги трибуна.

11) *В следующую ночь.* Лука рассказывает о том, как Павла укрепило видение Божие. Дабы тот выстоял несломленным против столь ужасных нападков и посреди столь бурных невзгод. Действительно, иначе многочисленные страхи непременно поразили бы его душу, а последующее принесло бы еще большую тягость. Посему видение стало для него отнюдь не излишним. Все предыдущее, научая Павла, сколь сильно заботится о нем Бог, должно было быть достаточным для сохранения надежды и укрепления его духа. Однако поскольку во время больших опасностей дьявол внушает все новые и новые страхи, коими если и не может уничтожить обетования Божии в сердцах благочестивых, все же заволакивает их как бы мраком и туманом, надо было обновить память об этих обещаниях, дабы вера стояла тверже, опираясь на новую подпору. Итог таков: Павел должен был вести себя более уверенно. Ведь свидетельствовать о Христе ему предстояло и в Риме. Однако утешение это кажется прохладным и пустым. Как бы говорится: не бойся, поскольку тебя ожидает нечто еще более тяжкое. Ведь согласно плоти было бы лучше однажды погибнуть, умерев скоропостижной смертью, нежели длительное время гнить в оковах и неволе. Господь не обещает ему избавления и даже благополучного исхода. Он лишь дольше продлевает скорби, уже достаточно мучившие святого апостола. Отсюда мы лучше понимаем, сколь важное упование – видеть себя служителями Божиими, хотя Господь и не сразу подает нам руку помощи.

Итак, научимся даже в крайних обстоятельствах полагаться на одно лишь Слово Божие. И никуда не уклоняться, доколе Бог оживляет нас свидетельством Своего отеческого благоволения. Поскольку сегодня с неба не посылаются пророчества, и Господь не являет Себя в видениях, надо размышлять о тех бесчисленных обетованиях, коими Он свидетельствуют Собственную к нам близость. Если же будет полезным послать к нам ангела, Господь не откажет нам и в этом роде поддержки. Между тем, Слову Его надо воздавать великую честь, и, довольствуясь им одним, терпеливо ожидать обещанную нам помощь. Добавь к этому, что некоторым людям не полезно слышать посланных с неба ангелов. Господь же не напрасно Собственным Духом запечатлевает в сердцах верующих данные Им обетования. И подобно тому, как Он вполне оправданно на них настаивает, наша вера должна усердно упражняться в постоянном о них памятовании. И если даже веру Павла нужно было подкрепить новым видом помощи, каждый из нас нуждается в еще более обильных вспомоществованиях. Одновременно наши души должны вооружиться терпением, преодолевая долгие и многотрудные, враждебные нам обстоятельства.

12) *С наступлением дня.* Лука приводит это факт, чтобы показать: сколь необходимым было для Павла новое укрепление в вере, дабы тот не устранился в неожиданном и грозном испытании. Ведь, узнав о столь отчаянной ярости своих врагов, он мог заключить лишь то, что с жизнью его полностью покончено. Обет, о котором упоминает Лука, по виду напоминал анафему. Цель же обета в том, чтобы не менять своего намерения и не отменять ранее согласованный план. В обете всегда присутствует молчаливая клятва: если кто обманет или преступит. Однако порой люди, дабы еще более себя обязать, указывают конкретные формы проклятия, насылая на свои головы разные ужасы, внушающие особый страх. Кроме того, эта история учит нас: в лицемерах царит столь жаждущая крови ревность, что они даже не думают о том, что им позволено делать. И, куда бы их ни повлекла собственная похоть, спокойно и радостно туда несутся. Допустим, что Павел был преступным человеком, достойным смерти.

Но кто позволил частным лицам его наказывать? Если же кто спросит, почему они столь сильно ненавидели Павла, ответ вполне очевиден. Потому что он был отступником и раскольником. Однако ранее их душами овладело глупое, почерпнутое из ненадежного слуха мнение. Сегодня та же самая слепота и глупость подталкивает папистов, в деле нашего уничтожения считающих для себя дозволенным все. Лицемерие ослепляет их настолько, что они, словно освободившись от Божиих и человеческих законов, подвигаются своим рвением то к вероломству, то к разным обманам, то к жуткой свирепости, готовые пойти на все. К тому же в данной истории мы видим, какая дерзость отличает нечестивых. Употребив клятву, они обещают не есть и не пить, доколе не убьют Павла. Словно жизнь его была только в их руках. Итак, то, что Господь столько раз отстаивает за Собой в Писании – право владеть жизнью и смертью сотворенных Им людей, – эти безумцы присваивают самим себе. Добавь к этому, что такими безумцами являются не два или три, но более сорока человек. Отсюда мы видим, сколь сильно склонны люди к порочным поступкам, сходясь в стихийную толпу. И если сатана внушает им такое усердие к собственной гибели, то сколь постыдна наша собственная лень. Ведь мы ради славы Божией порою не готовы шевельнуть и пальцем. Впрочем, надо придерживаться правила: решаться на что-либо только по заповеди Божией. Но там, где Господь призывает нас конкретно, промедление не имеет оправданий.

14) *Придя к первосвященникам.* То, что священники соглашались со столь гнусным и преступным сговором, свидетельствует: им чужд и божественный страх, и какая-либо человечность. Они не только одобряют замысел злодейского убийства человека, но и готовы принять участие в этом разбое, соглашаясь передать в руки убийц того, кого последние столь страстно желают умертвить. Ибо что такое вырывать человека из рук

правосудия, предавая его убийцам, как не вести суд по правилам самих разбойников? Действительно, священники никогда не одобрили бы столь гнусный замысел, если бы в них сохранялась хотя бы капля благочестия или человечности. Добавь к этому, что тем самым они подвергали себя и свой народ великой угрозе. Но именно так Господь открыл их гибельное нечестие, скрывавшееся под маской почтенности.

16) *Сын сестры Павла.* Здесь мы видим, как Бог со Своей стороны упреждает замыслы нечестивых. Он позволяет им строить многочисленные козни, предпринимать нечестивые потуги. Но самым исходом дела показывает, что смеется с небес над всем замышляемым на земле людьми. Нет благоразумия, – говорит Соломон (Прит.21:30), – нет совета против Господа. Этому соответствуют слова Исаии: составьте совет, и он разрушится, скажите слово, и оно не устоит (Ис.8:10). И настоящая история, словно в зеркале, представляет все это нам для размышления. Дело было решено. И Павлу, словно закланной жертве, на следующий день предстояло пойти на заклание. Но Господь показывает, сколь надежно хранит его жизнь, обращая в ничто все людские замыслы. Мы же не должны сомневаться, что провидение, пример которого мы здесь видим, Бог направляет также и к нашей защите. Ведь незыблемым остается обетование: волос не упадет с главы вашей. К тому же полезно отметить: сохраняя Своих, Бог часто действует необычным способом, дабы еще больше упражнять нашу веру. Кто подумал бы, что заговор откроет обыкновенный мальчик, хотя заговорщики считали, что знают о нем они одни? Итак, научимся, даже не видя никаких обычных способов сохранить свою жизнь, все равно полагаться на Господа, пролагающего путь даже при полном бездорожье.

17. Павел же, призвав одного из сотников, сказал: отведи этого юношу к тысяченачальнику, ибо он имеет нечто сказать ему. 18. Тот, взяв его, привел к тысяченачальнику и сказал: узник Павел, призвав меня, просил отвести к тебе этого юношу, который имеет нечто сказать тебе. 19. Тысяченачальник, взяв его за руку и отойдя с ним в сторону, спрашивал: что такое имеешь ты сказать мне? Он отвечал, что Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла пред синедрион, как будто они хотят точнее исследовать дело о нем. 21. Но ты не слушай их; ибо его подстерегают более сорока человек из них, которые заклались не есть и не пить, доколе не убьют его; и они теперь готовы, ожидая твоего распоряжения. 22. Тогда тысяченачальник отпустил юношу, сказав: никому не говори, что ты объявил мне это. 23. И, призвав двух сотников, сказал: приготовьте мне воинов [пеших] двести, конных семьдесят и стрелков двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию. 24. Приготовьте также ослов, чтобы, посадив Павла, препроводить его к правителю Феликсу.

(17. Павел же, призвав одного из сотников, сказал: отведи этого юношу к тысяченачальнику, ибо он имеет нечто сказать ему. 18. Тот, взяв его, привел к тысяченачальнику и сказал: узник Павел, призвав меня, просил отвести к тебе этого юношу, который имеет нечто сказать тебе. 19. Тысяченачальник, взяв его за руку и отойдя с ним в сторону, спрашивал: что такое имеешь ты сказать мне? Он отвечал, что Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла пред синедрион, как будто они собираются точнее исследовать дело о нем. 21. Но ты не слушайся их; ибо его подстерегают более сорока человек из них, которые заклались не есть и не пить, доколе не убьют его; и они теперь готовы, ожидая твоего обещания. 22. Тогда тысяченачальник отпустил юношу, сказав: никому не проболтайся, что ты объявил мне это. 23. И, призвав двух сотников, сказал: приготовьте мне воинов пеших двести, конных семьдесят и копыеносцев двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию. 24. Приготовьте также вычный скот, чтобы, посадив Павла, безопасно препроводить его к правителю Феликсу.)

17) *Призвав одного.* Павел не настолько страстно жаждал жизни и был готов охотно пойти на смерть, если бы так было угодно Господу. Но, зная, что служит Христу, а, значит, живет и умирает только для Него, апостол учитывает грозящую ему опасность. Он был твердо убежден в том, что жизнь его хранится Самим Богом, но не ждет, пока Бог протянет с неба руку для совершения чуда. Напротив, Павел пользуется предложенным средством, не сомневаясь в божественном его установлении. Так следует поступать и всем служителям Христовым. Дабы они, наделенные непобедимой стойкостью, не боялись опасностей, доколе это позволяет их призвание, и все же не бросались на смерть с необдуманной смелостью. Пусть они спокойно призывают Господа в своих скорбях, но при этом не небрегут приходящей в их распоряжение помощью. Иначе они оскорбят Бога, будучи не только глухими к Его обетованиям, но и презрителями установленного Им пути избавления.

19) *Взяв его за руку.* То, что трибун явил себя столь доступным и человечным по отношению к юноше, отвел его за руку в тайное место, благосклонно и спокойно выслушал, – все это надо приписать благодати Бога, обещавшего дать народу Своему благоволение в глазах Египтян, смягчающего каменные сердца, укрощающего непокорные души и внушающего человечность тем, кем постановил воспользоваться в помощь Своему народу. Ведь этот военачальник мог бы прогнать неизвестного ему юношу, а также презреть просьбу самого Павла. Итак, Господь, держащий в Своей руке людские сердца, склонил мирского человека выслушать пришедшего. Трибуну было полезно знать, сколь безумно свирепствовали против апостола враги, дабы охотнее прийти на помощь жалкому и покинутому человеку. Кроме того, этот пример учит наделенных властью, как добродетельна человечность. Если бы доступ к трибуну был затруднен, ему пришлось бы по незнанию выдать Павла убийцам иудеям. Ведь часто начальствующие по своей гордыне, не удостоиваясь выслушать советчиков, впадают во многие тяжкие преступления.

23) *Призвав двух сотников.* Здесь еще яснее видно божественное провидение. Хотя замысел трибуна состоял в предотвращении общественной смуты (поскольку начальник должен давать отчет за вверенных ему людей), в избавлении Павла исполняется не его, а Божий замысел. Ибо отправка воинов лишала город защиты, да и само путешествие требовало определенных затрат. Итак, мы должны так смотреть на благоразумие трибуна, чтобы вера наша взирала на небеса и понимала: Бог тайным внушением управляет сердцем мирского человека, и именно Бог был вождем в пути для Павла и воинов, позволив апостолу невредимым добраться до Кесарии. Третий же час ночи был концом первой стражи. Значит, дело обстоит так, будто трибун приказал воинам явиться к началу второй стражи. Копьеносцами же Лука называет стрелков. Они, будучи вооруженными легче других, шли по бокам колонны, в то время как легионеры были более пригодны для статичного сражения.

25. *Написал и письмо следующего содержания:* 26. «Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу – радоваться. 27. Сего человека Иудеи схватили и готовы были убить; я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он Римский гражданин. 28. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрион их 29. и нашел, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков. 30. А как до меня дошло, что Иудеи злоумышляли на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него перед тобою. Будь здоров.» 31. Итак воины, по [данному] им приказанию, взяв Павла, повели ночью в Антипатриду. 32. А на другой день, предоставив конным идти с ним, возвратились в крепость. 33. А те, придя в Кесарию и отдав письмо правителю, представили ему и Павла. 34. Правитель, прочитав письмо, спросил, из какой он области, и, узнав, что из Киликии, сказал: 35. я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители. И повелел ему быть под стражею в Иродовой претории.

(25. Написал и письмо следующего содержания: 26. «Клавдий Лисий могущественнейшему правителю Феликсу – радоваться. 27. Сего человека Иудеи схватили и готовы были убить; я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он Римский гражданин. 28. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрион их 29. и нашел, что его обвиняют в мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков. 30. А как до меня дошло, что Иудеи злоумышляли на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него перед тобою. Будь здоров.» 31. Итак воины, по данному им приказанию, взяв Павла, повели ночью в Антипатриду. 32. А на другой день, предоставив конным идти с ним, возвратились в крепость. 33. А те, придя в Кесарию и отдав письмо правителю, представили ему и Павла. 34. Правитель, прочитав письмо, спросил, из какой он области, и, узнав, что из Киликии, сказал: 35. я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители. И повелел ему быть под стражею в Иродовой претории.)

25) *Написал письмо.* Во-первых, читателей, не знакомых с историей тех времен, надо кратко уведомить, что этот Феликс был братом Палласа, вольноотпущенника Кесаря, равного прочей городской знати богатством и властью. Сенат даже постановил дать ему титул претора не без позорных и лстивых похвал в его адрес. Итак, поскольку вольноотпущенники, особенно Нарцисс и Паллас, злоупотребляя глупостью Кесаря, управляли римской империей по собственному усмотрению, не удивительно, что Паллас поставил над Иудеей собственного брата. Итог письма в следующем: трибун высказывает о Павле благоприятное мнение, предупреждает Феликса о кознях враждебной стороны и убеждает не оказывать им доверия, дабы те не смогли причинить никакого вреда.

27) *Сего человека Иудеи схватили.* Сказанное направлено против иудеев и в пользу апостола. Иудеи повинны в том, что применили насилие к римскому гражданину, едва не лишив его жизни. Затем, трибун рекомендует Павла, ссылаясь на его гражданство, дабы с ним обходились мягче. Далее, его рекомендация не была вызвана просьбою или лестью, не была куплена за деньги. Почему же вышло так, что трибун даром оказал милость неизвестному и ненавистному для всех человеку? Конечно потому, что Господь поставил его защитником Своего слуги. Итак, мы видим, как Он управляет действиями и словами неверующих ради пользы Своих людей.

29) *И нашел.* Здесь трибун оправдывает Павла со своей судейской точки зрения. Однако отметим: это – слова мирского человека. Ведь исказить в народе Божиим порочными и нечестивыми учениями доктрину благочестия – преступление, достойное не менее сурового наказания, чем попрание людских прав путем злодейства или беззакония. Римляне не позволили бы поносить собственные суеверия и культ своих вымышленных богов. Но, поскольку они вовсе не ценили закон Божий, больше того, желали его уничтожить, у них совершенно не считалось преступным отказывать в доверии Моисею и пророкам, смущать Церковь ложными учениями. Посему закон запрещал начальникам расследовать подобные дела. Да, жители провинций могли соблюдать свою религию. Но так, что если против нее кто-нибудь выступит, римским властям не следовало вмешиваться в это дело. Такова причина, по которой трибун не считает преступлением и злодейством подвергать сомнению закон Моисея. Невежды же под этим предлогом превратно желают присвоить себе и другим дозволение сеять смуту. Но Господь говорит совершенно иначе. Он суровее отмщает за нарушение Собственного культа, чем за любую причинную людям несправедливость. Действительно, нет ничего глупее, чем давать вседозволенность святотатцам, но при этом наказывать воров. Кроме того, трибун,

выказывая презрение к иудейской религии, одновременно разоблачает клевету, возводимую иудеями на Павла.

30) *А как до меня дошло.* Вторая часть письма, где трибун обращает гнев на самих обвинителей за то, что они посредством козней пытались убить Павла. Отсюда можно заключить, что они несправедливо винили и напрасно ненавидели апостола. Ведь если бы они преследовали его по закону, то, уповая на правоту собственного дела, позволили бы провести беспристрастный суд. Теперь же, прибегая к убийству, они показывают, что не имеют никаких доводов.

32) *А на другой день.* Хотя Лука не говорил раньше о том, что воинам было приказано вернуться с середины пути, несомненно: охрана была придана Павлу лишь до того места, где, как надеялся трибун, уже минует всякая опасность. Ибо Павла вывели тайно и, притом, ночью. Трибун знал, что, пройдя какое-то расстояние, Павлу можно будет больше не опасаться за собственную жизнь. Ведь враги уже не смогут его догнать. И не было разумным дольше держать при нем сопровождение.

Глава 24

1. Через пять дней пришел первосвященник Анания со старейшинами и с некоторым ритором Тертуллом, которые жаловались правителю на Павла. 2. Когда же он был призван, то Тертулл начал обвинять его, говоря: 3. всегда и везде со всякою благодарностью признаем мы, что тебе, достопочтенный Феликс, обязаны мы многим миром, и твоему попечению благоустроением сего народа. 4. Но, чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением. 5. Найдя сего человека [язвою] общества, возбудителем мятежа между Иудеями, живущими по вселенной, и представителем Назорейской ереси, 6. который отважился даже осквернить храм, мы взяли его и хотели судить его по нашему закону. 7. Но тысяченачальник Лисий, придя, с великим насилием взял его из рук наших и послал к тебе, 8. повелев и нам, обвинителям его, идти к тебе. Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем том, в чем мы обвиняем его. 9. И Иудеи подтвердили, сказав, что это так.

(1. Через пять дней пришел первосвященник Анания со старейшинами и с некоторым ритором Тертуллом, которые жаловались правителю на Павла. 2. Когда же он был призван, то Тертулл начал обвинять его, говоря: 3. всегда и везде со всякою благодарностью признаем мы, что тебе, достопочтенный Феликс, обязаны мы многим миром, и твоему попечению исправлением дел в этом народе. 4. Но, чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением. 5. Найдя сего человека язвою общества, возбудителем мятежа между Иудеями, живущими по вселенной, и основателем Назорейской секты, 6. который отважился даже осквернить храм, мы взяли его и хотели судить его по нашему закону. 7. Но тысяченачальник Лисий, придя, с великим насилием взял его из рук наших и послал к тебе, 8. повелев и нам, обвинителям его, идти к тебе. Ты можешь сам, разобрав, узнать обо всем том, в чем мы обвиняем его. 9. И Иудеи добавили, сказав, что это так.)

1) То, что Анания пришел в Кесарию ради обвинения Павла, делает более вероятным ранее высказанное предположение о его священстве. Ведь данный поход унизил бы честь первосвященника. Значит, тогда первосвященником был кто-то другой. Анания же, будучи священником первенствующим, держа в своих руках бразды правления, и будучи сильным мужем, и должен был возглавить подобное посольство. Он приводит с собой толпу людей, составленную из почтенных старейшин, дабы ее видом подвигнуть правителя осудить Павла. Но, поскольку Павел не владел искусством красноречия, не было нужды приводить ратора, дабы тот сражался с ним изяществом слога. Добавь к этому, что пришедшие выделялись и достоинством, и многочисленностью. Так что им было достаточно легко погубить несчастного, лишенного всякой защиты. Итак, знаком их недоброй совести служило то обстоятельство, что, обладая таким преимуществом, будучи опытными в судопроизводстве и в общественных делах, они все же приводят с собою ратора. Признаю, что красноречие – дар Божий. Но в этом случае стремились лишь к помпезности с целью обмана судьи. Лука же рассказывает об этом для того, чтобы мы знали: иудеи не упустили ничего в деле погубления Павла. Они не только опорочили его невиновность, но и вынуждали защищаться в смятении и страхе. Значит, будем думать, что именно чудесная благодать Божия позволила Павлу бестрепетно выдержать столь грубые нападки. Так что, если когда-то благочестивому человеку случится подвергнуться нападению большого числа врагов, пусть ему на память придет эта история, укрепляя в напастьях его душу. Как и Давид своим примером увещевает: если ополчится против меня полк, не убоюсь зла, ибо Ты со мною (Пс.26:3).

2) *Многим миром.* Тертулл начинает со вступления, восхваляя благоразумие и добродетели Феликса, дабы вызвать к себе его благосклонность. Грязное и весьма лживое начало. Я не согласен в мнении тех, кто ругает Тертулла за то, что он похвалою смягчает и привлекает к себе судью. Ведь хвалить судью не всегда противно законной форме судопроизводства. Похвалу, как говорится, можно повернуть в обе стороны. Я порицаю лишь то, что представляется очевидно порочным. Этот ритор путем лживых похвал косвенно вползает к судье в доверие с целью затуманить дело. Ибо зачем он говорит о мире и благоустроении, если не затем, чтобы Феликс, думая, будто благо иудеев заключается в осуждении Павла, не потрудился исследовать его дело? К тому же из Иосифа явствует, сколь алчно, жестоко и похотливо вел себя Феликс в подвластной ему области. Он уже успел организовать позорное и трагическое убийство первосвященника Ионафа-

на, посмеявшегося противостать его распушенной тирании. Наконец, почти в то же самое время постоянные жалобы всего народа заставили Клавдия Кесаря призвать Феликса к ответу, поставив на его место Феста. Значит, мы видим, сколь позорно и бесстыдно жлет этот ритор. И поскольку ему вторят все противники Павла, мы заключаем из этого, что их ослепила ненависть и злоба. Они готовы даже предать благополучие своей страны и лишиться последнего, лишь бы уничтожить апостола. Там, где Эразм переводит: многое совершается правильно, – древний переводчик, кажется, стоит ближе ко смыслу Луки, говорящему: *κἀ τὸρβώματα*. А это слово означает преобразования и исправления. Итак, Тертулл расхваливает усердие Феликса, якобы очистившего Иудею от большой порчи, и многое восстановившего к лучшему из того, что иначе творилось бы плохо. Дабы Феликс охотнее пошел на убийство одного человека с целью обрести благоволение настроенного против себя народа.

5) *Найдя сего человека*. Тертулл преследует здесь две цели. Во-первых, он хочет, чтобы Павла выдали иудеям, ссылаясь на то, что суд их справедлив в вопросах, касающихся божественного культа и закона Моисея. Если же в этом ему откажут, он винит апостола в караемом смертью преступлении, говоря, что тот возбуждал в народе мятеж. Иудеи знали, что для римлян нет более ненавистного преступления. Поэтому они из всех сил стремятся повесить его на Павла. Причем Тертулл еще увеличивает тяжесть обвинения, говоря, что Павел подстрекал иудеев во всем мире. Но удивительно, почему он делает его начальником назорейской секты, которая, как мы знаем, пользовалась у иудеев скорее почетом, нежели порицанием.² Думаю: он имел в виду не людей, посвящавших себя Богу по древнему обряду закона, а убийц-смутьянов, также называвших себя почтенным именем «ревнители». Это сообщество возникло примерно в то же самое время. Больше того, из истории Иосифа мы заключаем, что назореи действовали уже тогда. Другие толкователи считают, что назореи означают здесь христиан. И это я вполне могу допустить. Кроме того, если принять первое толкование, можно сказать, что Тертулл по хитрости приписывает Павлу ненавистную для римлян секту. Поскольку эти ревнители хотели считаться самими ревностными почитателями закона, они использовали религиозный пыл в качестве знамени, пробуждавшего людские души. Между тем, эти добрые ревнители собственной свободы³ не щадили даже главных ее защитников⁴, лишь бы ненависть к последним перекинулась на Павла. Ведь в других случаях они одобряли⁵ назореев, как пламенных защитников закона. Теперь же, словно последние оскверняли весь мир, позорят Павла, приписывая ему общность с их сектой. Добавь к этому, что клевета на Павла воистину бесстыдна. Ведь ранее никто не подозревал его в этом деле. Итак, они столь же злонамеренно, сколь необоснованно, приписывают Павлу взятое с потолка и полностью вымышленное преступление. Однако, как уже говорилось, лицемеры отличаются подобной самоуверенностью, думая, что под предлогом ревния им позволено все.

6,7) *Даже осквернить храм*. Легковесное и почти глупое обвинение в глазах римского правителя, который сам хотел полностью этот храм уничтожить. Но, поскольку осквернение храма было наилучшим предлогом для возбуждения смуты, Тертулл с большой хитростью вешает его на Павла. Он как бы говорит: он приложил все усилия для возмущения города, пытаясь возжечь наихудший пожар, что и сделал бы, не воспрепятствуй ему остальные. Одновременно ритор указывает и на другое: поскольку Павел оскорбил религию, суд над ним относится непосредственно к ведению иудеев. Он также жалуется на трибуна Лисия за то, что тот лишил иудеев их законного права. Итак, Тертулл уговаривает правителя вернуть иудеям то, чего трибун несправедливо их лишил. Не лишена хитрости и уловка, когда Тертулл отказывает в доверии трибуну, поступившему с Павлом милосерднее, чем хотели священники. И, не дерзая обвинить его открыто, косвенно делает подозрительным в глазах правителя. Но спрашивается: могли ли иудеи надеяться, что правитель отдаст им это дело? Ведь рассмотрение караемых смертью преступлений относилось к ведению только римских властей. Отвечаю: здесь иудеи притворяются борцами за справедливость, делая вид, что собираются милосерднее поступить с Павлом, чем он того заслуживает. Хотя они и не могли выносить смертные приговоры, им было позволено осудить преступника на умеренное побитие розгами. Между тем, перед правителем Тертулл продолжает требовать для Павла наказания смертью.

8) *Разобрав*. Справедливая просьба, дабы правитель не судил раньше, чем тщательно исследует все дело. И осудил Павла, лишь полностью убедившись в его виновности. Но как иудеи посмели выдвинуть такое условие, сами сознавая за собой зло? Отвечаю: у них под рукою были свидетели, готовые показать лишь то, что им было угодно. Хотя имелась еще одна цель. Подобной лестью они надеялись склонить Феликса отдать виновного на их произвол, словно тот уже осужден. В итоге: чем более страстно они притязали, чем большую самонадеянность выказывали, тем больше были уверены в своей победе. Ведь обвиняемому были открыты все пути для защиты. Так и клеветники, дабы затмить взор судящего, обычно притворяются, что отстаивают справедливое дело.

10. *Павел же, когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело.* 11. *Ты можешь узнать, что не более двенадцати*

² Кажется, это сделано потому, что назореи, когда

³ Закона

⁴ Сторонников

⁵ Поощряли

ти дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения. 12. И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-то спорящим или производящим народное возмущение, 13. и не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня. 14. Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов [моих], веруя всему, написанному в законе и пророках, 15. имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают. 16. Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. 17. После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу и приношения. 18. При сем нашли меня, очистившегося в храме не с народом и не с шумом. 19. [Это были] некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня. 20. Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом, 21. разве только то одно слово, которое громко произнес я, стоя между ними, что за [учение о] воскресении мертвых я ныне судим вами.

(10. Павел же, когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: зная, что ты многие годы судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело. 11. Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения. 12. И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-то спорящим или производящим народное возмущение, 13. и не могут доказать того, в чем обвиняют меня. 14. Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему, написанному в законе и пророках, 15. имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают. 16. Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. 17. После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу и приношения. 18. При сем нашли меня, очистившегося в храме не с толпою и не с возмущением. 19. 20. Некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня. 21. Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом, 22. разве только то одно слово, которое громко произнес я, стоя между ними, что за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами.)

10) *Отвечал.* Защита Павла основана не на разъяснении дела, но на простом отвержении предъявленного обвинения. Не потому, что Павел устыдился Евангелия или избегал креста Христова, но потому что более подробное исповедание веры было тогда неуместным. Значит, умолчав о Евангелии, о котором умолчал и обвинитель, Павел просто отвечает на выдвинутую против него клевету. Но прежде, чем к этому перейти, он признается в том, что охотно защищает свое дело перед Феликсом, приводя в качестве причины его долгое правление Иудеей. Ведь какого-нибудь нового правителя, может, и смутила бы эта клевета из-за незнания обстановки. Павел не хвалит добродетели правителя, но говорит, что радуется его долгому правлению, позволяющему судить рассудительнее. Вот искренний и правильный способ защиты – словам противопоставить сами дела. Однако, кажется, что Павел неправильно выводит, будто Феликс, будучи судьей уже многие годы, может разуздать время его прихода в Иерусалим. Отвечаю: Павел сказал это потому, что правителю подобало благоразумное поведение. Он как бы намекает: поскольку ты еще раньше узнал об их нравах, я не боюсь, что они тебя проведут. Ибо неопытность делает судей весьма доверчивыми, толкая их к порочной поспешности.

11) *Для поклонения.* Во-первых, несомненно, что Павел пришел по другой причине. Затем он сам признается, что главным образом он намеревался принести милостыню нищим братьям. Но извинить апостола легко. Павел не был обязан говорить о причине своего прихода. Он лишь хотел попутно очиститься от обвинения в осквернении религии. Посему, хотя цель путешествия его и была другою, несомненно, что пришел он с настрем явить себя почитателем Бога и подтвердить святость храма собственным поклонением. Другой вопрос более сложен: почему Павел говорит, что пришел ради поклонения? Ведь почитание храма уже упразднилось, и у него не осталось никаких привилегий. Отвечаю и на это: хотя Павел не объясняет своего намерения, он ни в чем не выказывает и притворства. Ибо верным Христовым не было запрещено поклоняться в храме. Лишь бы они не приписывали месту особой святости, но свободно, без какого-либо местоприятия, везде воздымали к небу чистые руки. Павлу было позволительно, придя в Иерусалим, ради свидетельствования собственного благочестия войти в храм и совершить торжественный обряд божественного поклонения. Ведь сам он был уже свободен от суеверий. Не допускалось только приносить противные Евангелию умиловительные жертвы. Итак, не религия подтолкнула Павла придти в Иерусалим, как бы по предписанию закона, словно тот еще оставался святилищем Божиим. Но, одновременно, апостол не гнушался и внешнего почитания, свидетельствовавшего о его благочестии перед людьми.

12,13) *С кем-либо спорящим.* Даже если бы Павел и сделал нечто подобное, у него не было необходимости это отрицать. Ведь он мог бы, таким образом, защищать и правое дело. Он был одним из книжников, все время проводивших в спорах. Ни закон, ни обычай не запрещали собирать вокруг себя толпу ради ее научения. Больше того, для этой цели в разных местах города были построены синагоги, предназначенные для собрания иудеев. Добавь к этому, что Павел определенно знал: именно так поступали апостолы, да и Сам Иисус Христос. Таким образом, Павел мог бы обратить это обвинение на своих противников, имевших ту же привычку ежедневных собраний. Но поскольку тогда надо было лишь опровергнуть клевету врагов, разоблачить неуместные нападки со стороны назойливых людей, Павел рассуждает не о праве, а, как говорится, о факте. Особенно настойчиво он рассеивает клевету, называвшую его возбудителем волнения. Наконец,

апостол заключает: обвинение против него ложно и несправедливо. Ведь противники никогда не докажут истинность собственных слов. Для оправдания же вполне достаточно обвинить лжецов в обмане, не имеющем в себе ни тени правдоподобия.

14) *Признаюсь*. Поскольку Павлу ранее вменялось нечестие и осквернение храма, он очищает себя от обоих этих обвинений. Он делает это, дабы Феликс понял: обвинителей подталкивала только злая воля. Даже если обвинение ложно и порочно, оно всегда находит определенное благоволение у мало внимательных людей. Поэтому надо было опасаться, что Феликс, оставаясь на Павле хоть какое-то подозрение, может не только простить рвение священников, но и уступить им в их просьбе. Посему Павел устраняет и эту часть обвинения, причем, так, что не затрагивает евангельскую веру. Ибо тогда, как уже говорилось, исповедание веры не представлялось своевременным.

Но почему апостол признается, что почитает Бога способом, называемым ересью? Некоторые считают, что это добавлено в качестве уступки. Ибо враги в качестве вины выставили то, что надо было приписать правильному выбору. Он как бы говорит: да, исповедуемая мною форма религия зовется ересью. Но зовется несправедливо. Однако, поскольку имя это не было тогда позорным ни у иудеев, ни у язычников, неправдоподобна защита перед мирским судьей в том, что тогда считали достохвальным, а не порочным. Когда речь заходит о христианах, Дух Божий велит отвергать еретиков. Учит остерегаться ересей, приносящих Церкви язву разделения. Значит, в народе Божиим, спасение которого заключено в единстве веры, ересь никак не следует терпеть. Но, поскольку иудеи открыто хвалились тогда собственными сектами, извинение Павла, как говорилось, было излишним. Итак, остается, что Павел либо подразумевает свое фарисейство, либо называет ересью иудейскую религию, либо же (без всякого порочащего смысла) имеет в виду евангельское исповедание. Поскольку все перечисленное отличалось от обычаев и установлений язычников. И поскольку прежде Павел уже признавал свое фарисейство, нет ничего глупого в том, что теперь он повторяет то же самое. Особенно, если учесть, что немного спустя апостол скажет о воскресении мертвых.

Кроме того, поскольку первая часть содержит лишь исповедание отеческого культа, мне кажется, что здесь подразумевается вся иудейская религия, или же проистекающая из нее христианская вера. Павел был римским гражданином, однако, исходя от иудеев, признается, что привержен религии, полученной от отцов. Сюда же относится наречие уподобления. Ведь апостол доказывает вполне известную вещь. А именно: ту разновидность культа, которой были привержены иудеи. Он специально называет его отеческим, поскольку римскому гражданину, не происходившему от иудеев, не подобало принимать учение закона. Павел обличает здесь и жестоко наседавших на него противников. Ведь они так же, как и он, соглашались с культом единого Бога. Я, — говорит апостол, — так же, как и они, почитаю Бога по обычаю, преданному от отцов. И этому не мешает, что Павел отошел от законнических обрядов и довольствовался духовным божественным культом. Ведь Павлу было достаточно очиститься от ложно предъявленного ему обвинения в нечестии. Посему весьма смешны паписты, пытающиеся свидетельством Павла одобрить любую форму древности. Мы, — говорят они, — вместе с Павлом почитаем отеческого Бога согласно дошедшему до нас через отцов обычаю. Словно сами они не знают, что тот же щит против веры Христовой могут выставить и турки, и иудеи.

Меньше всего в намерения апостола входило основывать религию просто на авторитете старших и защищать свое благочестие доводом, общим для всех будущих языческих суеверий. Он хотел лишь замкнуть уста своим противникам. Между тем, Павел считал само собой разумеющимся: отцы, от которых произошла иудейская религия, были подлинными и истинными почитателями Бога. Так что неспорченные иудеи могли справедливо гордиться: отеческий Бог, Которого они почитают, — единственный Творец неба и земли. Народы же остальной части мира в качестве богов чтут свои пустые домыслы.

Верую всему. Короткое объяснение предыдущего положения. Ведь раньше Павел не просто заявил, что почитает Бога, но добавил наречие *οὕτως*. Теперь же он определяет⁶ точно, каким образом почитает Бога. Отсюда явствует: Павел усердно остерегался вовлечь себя в суеверия, царящие среди иудеев. Подобно тому, как если кто-нибудь ответит сегодня папистам, что почитает Бога согласно сказанному в законе и Евангелии. Отсюда мы узнаем: почитать Бога угодным Ему образом можно только верою, единственным основанием благочестия. Ибо Павел, доказывая, что является рабом Божиим, не выставляет напоказ голые обряды, но ясно говорит о своей вере. Кроме того, это место содержит полезное научение: покоряться Писанию и почтительно принимать его учение — единственная основа правильной ортодоксальной веры. Далее, Павел разделяет здесь Писание на закон и пророков, дабы яснее доказать свою полную солидарность со вселенским согласием Церкви.

15) *Имея надежду на Бога*. Следует отметить порядок изложения. Ибо, исповедав, что верует в Писание, Павел добавляет сюда надежду на будущее воскресение. Этим он показывает: его вера происходит не от людских пожеланий, но от Слова Божия. Таким образом, всему предшествует почтение к Писанию, будучи началом веры, дабы всеми нами управлял его авторитет. Затем следует познание того, что Бог объявил в Писании, соединенное с твердой надеждой. И, делая иудеев своими сообщниками в этом, Павел имеет в виду их лучшую часть. Хотя, нет сомнения, что таким способом апостол хочет изблечь их тайные помыслы

⁶ Ибо

перед Феликсом, как явствует из заключения его защитительной речи. Кроме того, общее воскресение утверждается здесь против фанатиков, ограничивающих его членами тела Христова. И как Павел ясно говорит о будущем воскресении всех, так и Сам Христос призывает одних к суду, а других к вечной жизни (Ин.5:29).

16) *Посему и сам подвизаюсь*. Как явствует из многих мест Писания: нет большего стимула к святому образу жизни, чем надежда на будущее воскресение. Поэтому Павел повсеместно, желая действительно ободрить верующих, напоминает им об этом событии. И апостол обоснованно заявляет: покорившись вере, он усердно стремится к тому, чтобы жить в чистоте перед Богом и праведно среди людей. Действительно, злая совесть заменяет тысячу свидетелей, обличая человеческую вялость. Из нее люди могут вывести, что несерьезно веруют в вечную жизнь, к которой не стремятся. Совесть свою Павел зовет *ἁρσκόπον*, как бы непреत्याкающей там, где рабы Божии стремятся устранить препятствия, мешающие их продвижению. Апостол указывает на две части совести. Есть внутренняя совесть, взирающая на одного Бога. Из нее рождаются вера и целомудрие, соблюдаемое в отношении людей. Наконец, Павел, говоря, что стойко придерживается благочестия в почитании Бога и праведности среди людей, хочет сказать, что лишь те истинно надеются на будущее воскресение, кто не перестает делать добро.

17,18) *После многих лет*. Смысл таков: он уже долгое время не был в Иерусалиме, проживая в отдаленных странах, и после длительного перерыва пришел принести милостыни и предназначенную Богу жертву благодарения. Отсюда явствует бесчеловечность и неблагодарность иудеев. Хотя Павел всеми способами заслужил благоволение народа, они воздают ему за это столь несправедливо. Это место объясняет предыдущее, где упоминается о поклонении апостола. Ведь не подлежит сомнению: Павел пришел не с целью принести жертву в храме. Это намерение возникло у него уже после прихода. Он лишь указывает на то, что порицали в нем иудеи. На то, что, прежде всего, относилось к настоящему делу. Наконец, говоря, что, совершая эти действия, он был схвачен в храме, причем уже после торжественного очищения, при отсутствии какой-либо смуты, Павел снова снимает с себя всяческое обвинение. Ведь очищение свидетельствует о том, что он никак не осквернил храм. Затем, поскольку Павел не собирал вокруг себя народ, его нельзя было подозревать в возбуждении смуты.

19,20,21) *Некоторые Асийские*. Речь Павла здесь неполна, но не содержит и двусмысленности. Без причины возмутились асийские иудеи, на отсутствие которых он жалуется. Он как бы говорит: вы, возводящие на меня столько преступлений, не можете утверждать, как обстояло дело, но дерзко доводите непроверенный слух до сведения правителя. Неясно, кто нес ответственность за все зло, и кто провоцировал этот пожар. И Павел, ранее переложив вину на других, теперь, словно собравшись с духом, призывает своих противников свободно изложить все, что они против него имеют. Хотя я не согласен с Эразмом и древним переводчиком касательно перевода причастия *σῳντος*. Они приводят его в настоящем времени. А *συμβριῶν* истолковывают в отношении суда властителя, что мне кажется чуждым Павлова смысла. На мой взгляд, он имеет в виду, что на их *συμβριῶν* готов дать ответ за все содеянное. Но иудеи тогда не знали ничего, что можно было бы вменить в вину Павлу. Они разъярились от одного лишь слова. Как Павел говорит, что судят его за воскресение мертвых. То есть, всем тяготам он подвергся по той лишь причине, что надеялся на воскресение. Отсюда явствует: всякое новое обвинение теперь полностью исключается. Ведь если бы имела какая-то вина, иудеи про нее непременно бы поведали. Вероятно, затем были сказаны и другие слова, более конкретные и определенные. Позднее мы увидим, что спор шел тогда о Христе. Лука же хотел лишь показать, что Павел достаточно очистил себя от ложных обвинений.

22. *Выслушав это, Феликс отсрочил [дело] их, сказав: рассмотрю ваше дело, когда придет тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении.* 23. *А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему.* 24. *Через несколько дней Феликс, придя с Друзиллою, женою своею, Иудеянкою, призвал Павла, и слушал его о вере во Христа Иисуса.* 25. *И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя.* 26. *Притом же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним.* 27. *Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест. Желая доставить удовольствие Иудеям, Феликс оставил Павла в узах.*

(23. *Выслушав это, Феликс отсрочил дело их, твердо зная все, относящееся к данному пути, сказав: рассмотрю дело ваше, когда придет тысяченачальник Лисий.* 24. *А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему.* 25. *Через несколько дней Феликс, придя с Друзиллою, женою своею, Иудеянкою, призвал Павла, и слушал его о вере во Христа Иисуса.* 26. *И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя.* 27. *Притом же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним.* 28. *Но по прошествии двух лет на место Феликса вступил Порций Фест. Желая доставить удовольствие Иудеям, Феликс оставил Павла в узах.)*

23) *Выслушав это*. Ясно, что Феликс, не высказав это прямо, все же понимал: Павла тяготило не собственное преступление, а злоба священников. Ведь Лука, говоря, что дело было отложено до прихода Лисия, одновременно, как бы поясняя, добавляет: правитель точно знал все, относящееся к делу. Этими словами, ду-

маю, он хочет сказать, что Феликс уже имел достаточно опыта, чтобы знать нрав священников и их повадки. Или же из всего сказанного он понял, сколь глупым было обвинение. Это подтверждает более мягкое и человечное обращение его с Павлом. Стражу его он доверяет сотнику, заключая Павла как бы в свободное заточение. Другие предпочитают читать в одном контексте от лица Феликса: когда придет Лисий, лучше знающий про это дело, тогда и я буду судить. Но этот смысл основан на весьма шатком доводе. Эти толкователи говорят, что слово «путь» без добавления никогда не означает учения закона. Однако я отношу это место не к закону, а к сектам, о которых знали также и все пришлые. Действительно, никто не сомневался, что фарисеи утверждали бессмертие души. Итак, поскольку дело было общеизвестным, не удивительно, что Феликс снял с Павла вину. Далее, толковать слово «путь» как «расследование дела» – весьма натянуто. Не вижу также, почему правитель должен был приписывать Лисию большую осведомленность в законе. Невинность же Павла ярче явствует из того, что к нужному суждению тут же пришел даже мирской человек. И, словно перестав считать его узником, позволил близким Павла навещать его и служить его нуждам. Из этого места мы также выводим, что спутники и Церковь не покинули Павла. Ибо зачем было давать доступ его близким, если бы они не стояли наготове, являя свою озабоченность и желание послужить? Итак, научимся из этой истории: доколе у нас есть возможность, и представляется случай, не следует лишать мучеников Христовых всяческого утешения как людей, страдающих за Евангелие.

25) *Придя с Друзиллою.* Выше уже говорилось о порочности и алчности Феликса. Что же касается его жены Друзиллы, то читателей стоит предупредить: она была старшей дочерью Агриппы (о позорной смерти которого Лука говорил в 12-й главе). Выдана она была за Елифания, сына царя Антиоха. Но когда юноша отказался принять иудейскую веру, ранее обещав это сделать, его брат, младший Агриппа (о котором упоминается в следующей главе) после смерти отца выдал ее за Азиза, царя Эмесского. От сожительств же с последним Друзиллу совратила лесь Феликса. Пораженный ее особой красотой, Феликс снарядил некоего Симона, иудея, родом из Кипра, склонившего ее к новому браку своим сватовством. И вышло так, что похотливая женщина, нарушив супружескую верность, вопреки закону стала женой необрезанного человека. Кроме того, хотя она и осквернила себя мирским супружеством, из этого места можно заключить, что в душе ее не полностью изничтожилась взращенное с младенчества благочестие. Ибо Феликс столь сильно желал слушать Павла и удостоил его беседы только ради угождения жене. Лука не говорит об этом прямо, но, назвав Друзиллу, дает понять, что Павла призывали рассуждать о Евангелии лишь из-за ее благоволения. Хотя такого рода отступников скорее возбуждает любопытство, чем искреннее желание научения.

И слушал его о вере. Исповедание Павла свидетельствует: прежде он молчал о вере не из-за боязни за себя, не потому, что избегал креста Христова. Но потому, что еще не настало подходящее время. Будучи призван на суд в качестве обвиняемого, он должен был отвечать на вмененные ему преступления, дабы затем, получив оправдание, свободно говорить о вере Христовой. Итак, теперь Павел видит, что ему открыта дверь для проповеди. И он не боится оскорбить правителя, не пугается опасности, не скрывает своего христианства. Отсюда мы узнаем, что Павел наделен как непобедимой стойкостью, так и благоразумием. Он никогда не угашал намеренно евангельский свет, но лишь выбирал для него удобное время. Полезно отметить здесь чудесный совет Бога, желающего порою возвещать Евангелие даже отверженным. Не для того, чтобы они в чем-либо от него преуспели, но чтобы сделать их более неизвинительными. Для Феликса и Друзиллы было бы выгоднее никогда не слышать вести о Христе. Ведь отвержение предложенной спасительной благодати или небрежение последней для них не осталось безнаказанным. Кроме того, следует отметить: некоторые желают слушать Евангелие по врожденному в них семени благочестия, но, услышав, тут же небрегут о нем или не сохраняют его. Но какой бы успех ни имела евангельская проповедь, она всегда – доброе и приятное благоухание для Бога. Независимо от того, животворит ли она людей или убивает.

26) *И как он говорил.* Феликс надеялся на то, что речь Павла доставит ему удовольствие. Так люди, жаждущие новизны, охотно услаждают свой слух утонченными рассуждениями. Одновременно он хотел исполнить желание жены, дабы та ему не досаждала. Теперь же Феликс вынужден ощутить, сколь болезненно воздействует Слово Божие, лишаящее его всех обычных удовольствий. Будучи в узах, Павел говорит о Божеим суде. Человек же, обладающий властью над его жизнью и смертью, приходит в трепет, словно стоит перед собственным судьей. И не находит иного утешения, кроме того, чтобы удалить от себя Павла. Отсюда научимся, во-первых, тому, какая сила Духа Божия проявлялась в сердце и словах апостола. Он видит, что должен говорить от имени Христова, и прилагает всяческое усердие. Но осуществляет вверенное ему служение, словно с высоты небес, и, забыв о своих узах, возвещает небесный суд от лица Господня. И в том, что речь узника укоряет сердце правителя, проявляется величие Духа, превозносимое Христом: Дух, придя, будет судить мир, и т.д. Проявляется также сила пророчества, воспеваемая Павлом в 1Кор.14:24. Исполняются и слова, сказанные Павлом в другом месте: Слово Божие не было у него скованным. Он не только свободно и бестрепетно его возвещал. Слово проникало в сердца даже тех, кто надмевался своим величием, поражая их, будто молния с неба.

Снова отметим, что отверженные, хотя их и поражает суд Божий, не обновляются к покаянию только из-за страха перед ним. Феликс затронут тем, что слышит, как Бог будет судить мир, но тут же бежит от этого страшного для него судилища. Так что грусть его, никак не приводящая к спасению, надуманна и ложна. Значит, покаяние требует страха, рождающего добровольную ненависть ко греху. Оно так поставляет чело-

века перед Богом, что тот охотно соглашается судиться по Его Слову. Признак истинного преуспевания – когда грешник ищет врачевство там, где прежде получил рану. Кроме того, данный отрывок учит: люди тогда животворно проверяются Словом Божиим, когда, исповедав тяготящие их пороки, обращают свою совесть к будущему суду. И Павел, рассуждая о праведности и умеренности, болезненно потревожил раны Феликса. Ведь тот был похотливым человеком, преданным беззаконию и отличавшимся полной распущенностью.

27) *Надеялся он, что Павел даст ему денег.* Хотя Феликсу была ясна невиновность Павла, хотя он постеснялся осудить его за деньги в угоду иудеям, – все же, правитель, будучи алчным и развращенным человеком, не захотел даром освобождать апостола. По этой причине он часто призывал Павла, своей лаской внушая ему надежду на возможность купить освобождение. Ибо алчные судьи часто вползают так в доверие людей, желая дать волю своим порокам. Отсюда мы заключаем: страх, охвативший Феликса от беседы с Павлом, был преходящим. Ведь надежда на прибыль побуждает его призывать того, кого раньше из-за страха он был вынужден отослать. Как же Феликс надеялся на плату от бедного и покинутого человека? Ведь его бездонное чрево не довольствовалось бы умеренным приношением. У меня нет сомнений (поскольку люди, связанные с деньгами, обычно умны и прозорливы), что Феликс, видя, как упорно настаивают иудеи на гибели Павла, успел кое-что о нем выведать. А именно: что он был необычным человеком, водившим дружбу со многими. Так что правитель не сомневался: друзья Павла охотно заплатят за его выкуп.

28) *По прошествии двух лет.* Павел знал, что сребролюбивый судья отпустит его только после выкупа. Он также имел достаточно времени для сбора денег. Поэтому, вероятно, он не только пощадил бедность братьев, но и сознательно воздержался от сделки, сквернящей святость гражданского устройства. И, несмотря на то, что начальники, покидая свою область, обычно отпускают узников, вину которых не установили, у Феликса была причина поступить совсем наоборот. Иудеи ранее часто жаловались на его постыдную алчность, на хищения, жестокости, распущенное правление. Утомленный этими жалобами, Кесарь Клавдий удалил Феликса из Иудеи. И Феликс, дабы не ожесточать иудеев более, оставляет Павла в узах. Таким образом, невинного слугу Божия он делает как бы откупом за свои злодеяния для умиловливания священников.

Глава 25

1. Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим. 2. Тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему [с] [жалобой] на Павла и убеждали его, 3. прося, чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге. 4. Но Фест отвечал, что Павел содержится в Кесарии под стражею и что он сам скоро отправится туда. 5. Итак, сказал он, которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его. 6. Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию, и на другой день, сев на судейское место, повелел привести Павла. 7. Когда он явился, стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи, принося на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать. 8. Он же в оправдание свое сказал: я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря.

(1. Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим. 2. Тогда первосвященники и знатнейшие из Иудеев явились к нему с жалобой на Павла и убеждали его, 3. прося, чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге. 4. Но Фест отвечал, что Павел содержится в Кесарии под стражею и что он сам скоро отправится туда. 5. Итак, сказал он, которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его. 6. Пробыв же у них больше десяти дней, возвратился в Кесарию, и на другой день, сев на судейское место, повелел привести Павла. 7. Когда он явился, стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи, принося на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать. 8. Он же в оправдание свое сказал: я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря.)

1,2,3,4) *Фест.* Здесь излагается о втором процессе против апостола, когда Павлу пришлось выдержать не менее трудный бой и подвергнуться столь же суровой опасности. Поскольку Павла оставили в узах, Фест мог подумать, что дело его весьма сложно, и возымет от этого некоторое предубеждение. Но опасность грозила Павлу и с другой стороны. Мы знаем, что новые начальники, дабы угодить своим подчиненным, обычно при вступлении в должность щедро их одаривают. Представлялось вероятным, что казнь Павла могла послужить для Феста хорошим способом обретения благоволения иудеев. Итак, вера святого мужа подвергается новому искушению. Обетование Божие, на которое он прежде надеялся, вскоре могло оказаться неисполненным. Но благодать Божия, избавившая Павла, еще ярче проявилась в том, что апостол паче чаяния снова был исхищен из пасти смерти. Иудеи сразу же идут к правителю с клеветой. Однако просят не о казни, но лишь о том, чтобы дело рассматривал их местный суд. На вид просьба была справедливой. Ее исполнение иудеи выставляли как великое благодеяние со стороны правителя. Почему же они не получили просимого? Только потому, что Бог удержал разум Феста, и он решительно отказывает им в том, в чем затем будет готов уступить. Подобно тому, как ранее тайной уздою Своего провидения Господь удерживал его душу, так и после, попустив согласие, Бог связывает его руки, дабы Фест не мог исполнить задуманного. Пусть же нас в опасностях поддерживает, подстегивает к призыванию Бога и утешает памятование о том,

как Господь, протянув руку и расстроив столь сильный сговор, явил вечное свидетельство Своей силы, защищающей верующих.

5,6) *Итак, ... которые из вас.* По-гречески дословно сказано: кто силен из вас или имеет возможность. Но подразумевается: те, кому это удобно. Можно предположить, что иудеи жаловались на тяготы и издержки будущего путешествия, упрашивая не изнурять излишним передвижением столько знатных людей, среди которых имелось немало старцев. Напротив, они просили о том, что не сопрягалось с большими трудностями: привести Павла под стражей немногочисленных воинов. Значит, дабы иудеи не жаловались, Фест избавляет их от обязательного присутствия, давая право послать от своего имени тех, кого пожелают. Между тем, он заявляет, что не верит в их обвинения, обещает беспристрастный суд и говорит, что сделает что-либо, только расследовав дело. Следующее предложение читается по-разному даже у самих греков. Некоторые кодексы соглашаются с древним переводчиком: не более восьми или десяти дней. Если принять это чтение, смысл таков: правитель пришел в Кесарию немного позже, дабы иудеи не досаждали ему, жалуясь на промедление. Другое чтение, более принятое у греков, несет в себе иной смысл. Хотя Фест пробыл в Иерусалиме для разбирательства достаточно долго, он не уступил просьбам иудеев, хотевших, чтобы Павла привели туда. Отсюда можно предположить, что Фест уже знал об их кознях.

7,8) *Многие и тяжкие обвинения.* Покуда Павел оставался законником, его целомудрие пользовалось известностью и почетом. И, обратившись ко Христу, он также являл собой особый пример чистоты. Однако мы видим, как его обвиняют во многих ужасных преступлениях. И это – почти неизменная участь рабов Христовых. Тем более надлежит им воодушевиться, проявляя стойкость и в славе, и в бесславии. И пусть будет не ново для них слышать о себе зло в награду за добрые поступки. Между тем, им надо стараться слыть добрыми не только перед Богом. Они должны, когда предоставляется возможность, уметь защищаться также перед людьми. Ибо Павел не опускает руки, но пламенно защищает собственную невинность вопреки ложным обвинениям. Кроме того, отметим: нечестивых невозможно удержать от того, чтобы они не проклинали добрых. В этом они напоминают сатану, духом которого руководствуются. Адресованное же нам повеление заграждать уста отверженных следует понимать не так, что каждый, правильно себя ведущий, будет свободен от всяких ложных обвинений, но так, что наша жизнь должна отвечать за нас, смывая с нас всяческое бесславие.

Мы видим, как противники Павла, имея благосклонного к себе судью, все же напрасно проклинали апостола. Ведь Павел доказывает свою невинность самими фактами. Вероятно, что имелись и ложные свидетели, что иудеи не пожалели сил для их подкупа. Но поскольку Господь внушил рабу Своему непобедимую крепость, и тот светом своей невинности рассеял все их облачные обвинения, противники постыжены, и, наконец, покидают суд с бесславием клеветников. Кроме того, защита Павла показывает, какую клевету, в первую очередь, возводили на него иудеи. Прежнее обвинение состояло в нечестии по отношению к Богу, в извращении закона, в осквернении храма. Настоящее еще и в том, что Павел восставал на Кесаря и Римскую Империю, везде возбуждая народную толпу. И для опровержения обоих Павлу помогает благодать Бога, заставляющего невинность Своих людей блистать подобно утренней заре.

9. *Фест, желая сделать угождение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?* 10. *Павел сказал: я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму.* *Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь.* 11. *Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева.* 12. *Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься.*

(9. *Фест, желая сделать угождение Иудеям, отвечая Павлу, сказал: хочешь ли идти в Иерусалим и там судиться передо мною в этом?* 10. *Павел сказал: я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму.* *Иудеев я ничем не обидел, как и ты лучше знаешь.* 11. *Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Взываю к Кесарю.* 12. *Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты воззвал к Кесарю? К Кесарю и отправишься.)*

9) *Фест, желая.* Понял ли Фест, в чем состояли иудейские козни (что вполне можно предположить), или действовал полностью неосознанно, – в любом случае он несправедливо поступил с Павлом. Мы видим, сколь склонны к пороку люди, не водимые Духом Божиим. Фест не презирает Павла открыто, но в нем преобладает мнительность, а может и жажда наживы, готовая подвергнуть апостола смертельной опасности ради угождения противной стороне. Вероятно, Феста также привлекала возможность получить от иудеев деньги. Отчего он и проявляет к священникам такую милость. Однако удивительно: почему Фест оставляет решение за Павлом, а не велит отвести его в Иерусалим, пользуясь властью судьи? Действительно, мы видим, как Феста сдерживает страх нарушить права римского гражданина, совершив тем самым весьма тяжкое преступление. Итак, Фест старается хитростью склонить Павла к тому, чтобы тот не отказался судиться в Иерусалиме. Ведь правителю было хорошо известно: у римского гражданина есть право требовать суда кесаря, после чего другой судья уже не может продолжать дело. Между тем, сам Фест готов был выдать Павла на закланье этим преступным разбойникам.

10) *Я стою перед судом кесаревым.* Поскольку Павел видел, что мнительность судьи готова выдать его иудеям, он противопоставляет ей права римского гражданина. Ранее он скромно покорялся, пытаясь выпросить то, что было справедливым и правильным. Теперь же, поскольку судья добровольно уклонился от своих обязанностей, нужда подвигла святого мужа защититься силой римских законов. Так Господь снова извещает Павла в тот момент, когда того уже почти приговорили к выдаче врагам. Требуя же перенести вопрос на суд кесаря, Павел не покоряет тем самым евангельское учение суждению нечестивого человека, но, будучи готов везде дать отчет о своей вере, отклоняет суд, от которого нельзя ожидать справедливости. Далее, хотя привилегия римских граждан и оставалась незабываемой, способ ее осуществления тогда изменился. Кесари присвоили себе суд римского народа, будто были лучшими защитниками общественных свобод.

Иудеев я ничем не обидел. Поскольку люди, сознающее свою неправоту, как правило прибегают к увиливанию и уловкам, Павел старается отвлечь от себя подобное подозрение. Действительно, служители Христовы должны заботиться о свидетельствовании своей невинности не меньше, чем о защите собственной жизни. Если бы Павел прямо отказался от разбирательства дела, его враги восторжествовали бы, обвинив апостола к позору всего Евангелия в осознании за собою зла. Теперь же, призывая правителя засвидетельствовать его невинность, Павел не отказывается понести кару, если за ним обнаружится грех. Так он устраняет всяческий повод для клеветы. Итак, Павел показывает, что ищет выхода не в увиливании, но в справедливой защите. Там он сможет свободно опровергнуть навет, в то время как противники до сих пор действовали исключительно напором, и ныне, избегая суда, пытаются способствовать убийству обвиняемого. Павел не скрывает, что правитель поступает несправедливо, заигрывая с обвинителями. Одновременно, как бы накинув узду, он сдерживает его алчность, дабы тот не смел бесчинствовать дальше.

11) *Требую суда кесарева.* Пообещав, что не будет уклоняться от кары, если его обличат в преступлении, Павел свободно прибегает теперь к человеческой помощи. Посему и мы, если когда-нибудь возникнет подобная необходимость, не должны быть суеверными, не должны воздерживаться от того, чтобы просить защиты от законов и гражданских властей. Ведь не напрасно написано, что Бог создал власти ради славы добрых людей. И Павел не страшится того, что будет судим неверующим судьей. Ведь тот, кто апеллирует, хочет нового слушания. Будем же знать, что Бог, установивший суд, позволяет Своим людям его законное использование. Посему превратны толкователи, думающие, будто Павел осудил коринфян только за то, что они прибегали к помощи властей ради защиты своих прав. Напротив, в послании к ним он осуждает другое. Ведь коринфяне, не желая терпеть никакого ущерба и судясь между собой с большой алчностью, тем самым и подвергали Евангелие многочисленным поношениям.

12) *Фест, поговорив.* У правителей есть обычай иметь при себе знатных граждан, заседающих с ними в судах. И все решать только с согласия этого совета. Далее, кажется, что Фест не без досады произнес эту фразу. Она звучит вопросительно: ты воззвал к кесарю? Значит, он болезненно перенес то, что власть уплывает из его рук. Хотя не буду на этом настаивать, как на неважном и лишь предположительном мнении.

13. *Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста.* 14. *И как они провели там много дней, то Фест предложил царю дело Павлово, говоря: [здесь] есть человек, оставленный Феликсом в узах,* 15. *на которого, в бытность мою в Иерусалиме, [с жалобой] явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его.* 16. *Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения.* 17. *Когда же они пришли сюда, то, без всякого отлагательства, на другой же день сел я на судейское место и повелел привести того человека.* 18. *Обступив его, обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал;* 19. *но они имели некоторые споры с ним об их Богопочитании и о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив.* 20. *Затрудняясь в решении этого вопроса, я сказал: хочет ли он идти в Иерусалим и там быть судимым в этом?* 21. *Но как Павел потребовал, чтобы он оставлен был на рассмотрение Августово, то я велел содержать его под стражею до тех пор, как пошлю его к кесарю.*

(13. *Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста.* 14. *И как они провели там много дней, то Фест сообщил царю дело Павлово, говоря: здесь есть человек, оставленный Феликсом в узах,* 15. *на которого, в бытность мою в Иерусалиме, с жалобой явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его.* 16. *Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения ради угождения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения.* 17. *Когда же они пришли сюда, то, без всякого отлагательства, на другой же день сел я на судейское место и повелел привести того человека.* 18. *Обступив его, обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал;* 19. *но они имели некоторые споры с ним об их суеверии и о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив.* 20. *Затрудняясь в решении этого вопроса, я сказал: хочет ли он идти в Иерусалим и там быть судимым в этом?* 21. *Но как Павел потребовал, чтобы он оставлен был на рассмотрение Августово, то я велел содержать его под стражею до тех пор, как пошлю его к кесарю.)*

13) *Через несколько дней.* Этот длинный рассказ помещен здесь для того, чтобы мы знали: хотя расследование дело и было прервано, узы Павла сопровождала большая слава. Время от времени его выводили из тем-

ницы, дабы он исповедал свою веру пред почтенной аудиторией и рассуждал о Евангелии. Затем, хотя положение Павла было презренным, с ним не обращались как с преступником, дабы бесславие его не порчило в чем-то Христову славу. Больше того, в темнице он мог свободнее проповедовать, распространяя Евангелие, чем, если бы жил свободным в своем доме.

Агриппа и Вереника. Известно, что этот Агриппа был сыном того старшего Агриппы, позорная смерть которого описана в 12-й главе. По смерти отца он вместо дяди сделался царем Халкиды, обретя затем более обширную тетрархию. Упоминаемая же Вереника была его родной сестрой, сначала вышедшей за Ирода своего дядю, царя Халкиды. По его смерти она определенное время сохраняла вдовство, правда, не с честью и целомудрием. Ее чрезмерная близость с братом Агриппой вызывала сильные подозрения. И дабы избежать гнусного инцеста, Вереника вышла за Полемона, царя Киликии. Но, снова больше потакавая похоти, чем стыду, развелась и с ним. То, что она была женою своего брата, не говорил никто из историков. Иосиф же в своем жизнеописании называет приданным ее часть Галилеи. Итак, вероятно, что эти люди, ожесточившись до крайности и презрев дурную молву, занимались открытым сожителем. Между тем, они воздерживались от брака, дабы кровосмесительная свадьба еще больше не усилила их преступление. И не удивительно, что царь с почтением пришел к префекту для поздравлений. Ведь правил он лишь по чужой милости, зависимый от благоволения римского императора, которое и надлежало сохранять с помощью префекта.

14,15,16) *Провели там много дней.* Значит, когда по завершении формальностей уже не оставалось темы для бесед, по обычаю праздных людей находить повод для сплетен речь зашла и о деле Павла. Ведь это и хотел подчеркнуть Лука, говоря, что после долгих дней, проведенных праздным образом, Фест рассказал царю о некоем узнике. Хотя здесь правитель, обличая злобу священников, изображает себя удивительно справедливым: немного ниже оправдывая обвиняемого, он неосмотрительно осуждает сам себя, говоря, что намерение отправить Павла в Иерусалим послужило причиной его апелляции к кесарю. Кроме того, Фест, восхваляя римский обычай, предписывает судьям, как им надлежит поступать. И если природа даже мирским людям запрещает лицепрятие, наносящее вред невинным, то насколько от него должны воздерживаться судьи, которым воссияло Слово Божие.

18,19) *Ни одного из обвинений.* Удивительно, почему Фест утверждает, что Павлу не было выдвинуто ожидаемое им обвинение. Ведь ему приписывали ответственность за разжигание мятежа. Однако отсюда можно догадаться, больше того – уверенно предположить, что клевета была слишком пустой и не заслуживала судебного рассмотрения. Как если бы кто-то вместо доказательств представил суду собственные домыслы. Поэтому по утверждению Феста дело заключалось в толковании Моисеева закона. Итак, мы видим: как различает Фест между злодейством, караемым человеческими законами, и спором, происходившим между Павлом и иудеями. Не потому, что религию позволительно безнаказанно нарушать. Не потому, что надо терпеть бесчинство людей, извращающих божественный культ своими домыслами. Но потому, что римлянину не было дела до Моисеева закона. Этим и вызвана презрительная фраза Феста о том, что стороны спорили о собственном суеверии. Хотя слово *δεισιδαιμονίας* у греков понимается и в положительном, и в отрицательном смысле. Ведь тогда повсюду царил культ ложных богов. Но Фест хочет сказать здесь, что его не волнует религия иудеев. И не удивительно, что язычник, не научившийся выпрашивать из уст Божиих правило благочестия, не умеет различать между чистым божественным культом и суевеериями. Тем более надлежит нам не блуждать в потемках, придерживаясь следующего принципа: всякое благочестие основывается только на знании веры. Добавь к этому, что многочисленные успехи опьянили римлян. Так что они думали, будто угодны Богу более прочих народов. Как и сегодня турки, надмеваясь своими победами, нападают на учение Христово. Но было весьма плачевным то обстоятельство, что неверующий и идолопоклонник судил между иудеями и, несмотря на свое невежество, выносил вердикт о святых божественных глаголах. И вина за это полностью лежала на противниках Павла, которые, стремясь удовлетворить свою ярость, никак не заботились о божественном величии. Павлу же ничего не оставалось, как опровергнуть несправедливо вмененные ему преступления. Так и сегодня, хотя внутренние споры, кипящие между христианами, бесславят священное имя Христово и Его Евангелие в глазах турок и иудеев, вину за это несправедливо возлагать на защитников святого учения, вынужденно и против воли вступивших в данную схватку.

О каком-то Иисусе. Нет сомнения, что Павел основательно и с надлежащим пылом говорил о воскресении Христовом. Но Фест из-за своей гордыни счел эту вещь недостойной своего внимания. Он не смеется над Павлом открыто, но ясно показывает, сколь презрительно слушал его речь о Христе. Отсюда мы видим, как мало или почти ничего не делает проповедь, если Дух Господень не затрагивает изнутри человеческие сердца. Что бы ни говорилось, нечестивые смеются, словно им рассказывают басни. Посему и сегодня у нас нет основания смущаться из-за беспечности многих. Ведь и Павел ничего не добился, проповедуя Фесту. Кроме того, это место свидетельствует о следующем: во время тяжбы произносилось множество речей, вовсе не упомянутых Лукою. Прежде он ничего не говорил о проповеди Христа. Однако же последний рассказ показывает: Павел основательно спорил с иудеями о Его смерти и воскресении. И здесь он не мог не затронуть главные положения Евангелия. Итак, я полагаю, что Павел действовал следующим образом: опровергая клевету иудеев, которой те пытались очернить его в глазах правителя, он использовал ее в качестве повода, дабы впоследствии говорить о Христе свободнее и основательнее.

22. Агриппа же сказал Фесту: хотел бы и я послушать этого человека. Завтра же, отвечал тот, услышишь его. 23. На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел. 24. И сказал Фест: царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! вы видите того, против которого все множество Иудеев приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить. 25. Но я нашел, что он не сделал ничего, достойного смерти; и как он сам потребовал суда у Августа, то я решился послать его [к нему]. 26. Я не имею ничего верного написать о нем государю; посему привел его пред вас, и особенно пред тебя, царь Агриппа, дабы, по рассмотрении, было мне что написать. 27. Ибо, мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него.

(22. Агриппа же сказал Фесту: хотел бы и я послушать этого человека. Завтра же, отвечал тот, услышишь его. 23. На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел. 24. И сказал Фест: царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! Вы видите того, против которого все множество Иудеев приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить. 25. Но я нашел, что он не сделал ничего, достойного смерти; и как он сам потребовал суда у Августа, то я решился послать его к нему. 26. Я не имею ничего верного написать о нем государю; посему привел его пред вас, и особенно пред тебя, царь Агриппа, дабы, по рассмотрении, было мне что написать. 27. Ибо мне кажется глупым послать узника и не показать обвинений на него.)

22) Хотел бы и я. Отсюда можно заключить, что Агриппа, хотя и желал слушать Павла, все же хотел скрыть свое стремление, дабы Фест не подумал, будто он пришел не для приветствия, а по иной причине. Причем, возможно, что послушать Павла его толкало не одно лишь любопытство, но и надежда получить пользу от его речи. Из того же, что просит он столь холодно, можно заключить: царь провел много дней, никак не давая знать о своем желании. Ведь он больше ценил земные наслаждения, которыми и был все это время увлечен. Так что Агриппа не смел подать голос или спросить, прежде чем Фест сам не подал ему к этому повод. И вот из святого служителя Христова делают зрелище, чтобы мирской человек сумел развеселить своего гостя. Разве что Фест желал сообщить свой замысел Агриппе и его спутникам, дабы доказать усердие к кесарю. Однако по тайному провидению Божию дело обернулось иначе. Нет сомнения, что слух о проповеди Павла получил широкое распространение к немалому утверждению благочестивых. Также возможно, что слова его затронули и некоторых слушателей, и они восприняли семя веры, в свое время принесшее в них плод. Далее, хотя никто из них не принял Христа искренне и от души, немалый успех состоял и в том, что, узнав про козни врагов апостола, неопытные несколько успокоились и перестали ожесточенно ненавидеть благовестие. Так что нечестие было посрамлено, а верующие, почерпнув новые силы, все больше и больше утверждались в Евангелии Христовом.

23) На другой день. Агриппа и его сестра пришли не как смиренные ученики Христовы, сопровождая свое появление ослепительной и оглушительной помпой. Вероятно, с этой пышностью соединялась и равная ей внутренняя гордыня. Посему не удивительно, что они так и не смогли покориться Христу. Но, кажется, что Лука, упоминая о внешнем блеске, также дает нам понять: при большом стечении народа, в присутствии знатных обладающих властью свидетелей Павлу дали возможность не только защищать свое дело как обвиняемому, но и проповедовать Евангелие Христово. Ведь апостол выходит не иначе как в качестве учителя, возвещающего всем Христовы прерогативы. Таким образом, из Павловых уз воссияла истина Божия, вскоре свободно и беспрепятственно разлившаяся повсюду и даже достигшая нас с вами. Под словом же *φαντασίας* Лука подразумевает то, что в народе называют помпой. Однако для духовной свадьбы со Христом надобен иной ритуал.

26) По рассмотрении. Неизвестно, хотел ли правитель публично, оправдав Павла, склонить его к отказу от апелляции к кесарю. Ведь представлялось вероятным, что апостол легко на это согласится и, отложив страх, полностью доверится решению справедливого судьи, особенно при добавлении сюда благосклонного отзыва Агриппы. Но с каким бы намерением ни делал это Фест, он сам собственными устами осуждает себя в неправде. Ранее он не отпустил невинного. Теперь же ему стыдно посылать его к кесарю без предъявления обвинений. Но и это произошло по чудесному провидению Божию, дабы сами иудеи выказали предубеждение против Павла. Возможно, правитель хитро желал выведать, что думает царь и знатные граждане Кесарии. Дабы, если Павла придется отпустить, именно они подверглись народному гневу. Ибо Фест не хотел напрасно раздражать против себя священников, управлявших большей частью Иерусалима. Так что мысль написать кесарю, ссылаясь на авторитет Агриппы, была наилучшим выходом из ситуации. Однако Господь преследовал иную цель. И Ему принадлежит власть давать делу исход вопреки людским чаяниям, дабы здоровое учение утверждалось еще свободнее по рассеянию клеветнического тумана.

Глава 26

1. Агриппа сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя. Тогда Павел, простерши руку, стал говорить в свою защиту: 2. царь Агриппа! почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, 3. тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно. 4. Жизнь мою от юности [моей], которую сначала прово-

дил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи; 5. они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению. 6. И ныне я стою перед судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам, 7. которого исполнение надеются увидеть наши двенадцать колен, усердно служа [Богу] день и ночь. За сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи. 8. Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?

(1. Агриппа сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя. Тогда Павел, простерши руку, стал за себя говорить: 2. царь Агриппа! Почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, 3. тем более, что ты наилучшим образом знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня терпеливо. 4. Жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи; 5. они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению. 6. И ныне я стою перед судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам, 7. которого надеются достичь наши двенадцать колен, усердно служа Богу день и ночь. За сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи. 8. Почему же почитаете вы невероятным, что Бог воскрешает мертвых?)

1,2) Мы уже говорили, с какой целью Павла привели на это собрание. Чтобы Фест по совету Агриппы и других смог что-то написать кесарю. Поэтому Павел пользуется не простой и не обычной формой защиты, приспособляя свою речь к цели научения. Лука употребляет здесь глагол «защищаться». Но это вполне обоснованно, если речь идет о доказательстве учения. Далее, поскольку Павел знал на собственном опыте, что все, почерпнутое из закона и пророков, Фест спокойно пропустит мимо ушей, он, прежде всего, обращается к царю Агриппе, надеясь, что тот проявит больше внимания, будучи не чужд иудейской религии. И так как до этого апостол проповедовал глухим, теперь он радуется, что имеет пред собой опытного и праведного судию. Кроме того, расхваливая знание Агриппы, поскольку тот являлся законным дознавателем дела, Павел в свою очередь просит царя терпеливо его выслушать. Ибо иначе небрежение и невнимание были бы в нем весьма предосудительны. Вопросами он называет пункты учения, обычно подлежавшие рассмотрению книжниками, утонченно толковавшими религию. Под обычаями же Павел имеет в виду обряды, общие для всего иудейского народа. Итог сказанного таков: царь Агриппа знал и об учении, и об обрядах закона. Вывод же Павла: посему прошу тебя выслушать меня терпеливо, – как я уже говорил, означает, что каждый должен быть тем прилежнее в религиозных вопросах, чем больше осведомлен в учении Писаний. Ведь то, что мы понимаем, нам вовсе не тягостно исследовать. Причем, нам надлежит так заботиться о культе Божиим, чтобы не было в тягость выслушивать слова, относящиеся к его истолкованию. Особенно, когда мы уже знаем его принципы и способны сразу вынести суждение, если захотим вникнуть в суть дела.

4,5) *Жизнь мою.* Павел еще не приступает к изложению сущности вопроса. Но поскольку на апостола возведены многочисленные ложные обвинения, он, дабы у царя не было предвзятости из-за личной неприязни, прежде доказывает собственную невиновность. Ибо мы знаем: там, где в душу уже закралось подозрение, все чувства становятся глухими к оправдательным речам. Итак, Павел с самого начала рассеивает дурное, почерпнутое из ложных наговоров мнение, дабы очистить слух царя для непредвзятого слушания дела. Отсюда мы выводим: само делопроизводство побудило Павла расхваливать свою прежнюю жизнь. Кроме того, он недолго на этом задерживается, но тут же переходит к вопросу воскресения мертвых, упоминая о своем фарисейском исповедании. Слова же о строжайшем вероучении я толкую не в отношении святости жизни, но так, что исповедание его связано и с более достоверным учением, и с большей образованностью. Павел хвалится тем, что владеет тайным разумением Библии. Действительно, саддукеи, претендуя на образованность, заслоняли свет Писания и впадали в грубое невежество. Ессеи же, довольствуясь строгостью жизни, не сильно усердствовали в вопросах учения. И сказанному не противоречит то, что Христос обрушивался прежде всего на фарисеев, как на худших из всех тех, кто искажал Библию. Ведь, присваивая себе право толковать Писание в таинственном и скрытом смысле, фарисеи по этой причине возмели дерзкую страсть к порицаемым Господом изменениям и новизне. Но Павел говорит здесь не об этих необдуманно измышленных и навязываемых с тиранической жестокостью толкованиях. Его цель состояла лишь в проповеди воскресения мертвых. Хотя фарисеи во многих частях исказили закон Моисеев, в утверждении здоровой веры авторитет этой секты заслуженно считался большим авторитета других, еще больше уклонившихся от первоначальной чистоты. Добавь к этому, что Павел ведет речь только о народном мнении, обращавшем большее внимание на внешнюю ученость.

б) *За надежду на обетование.* Теперь Павел переходит к изложению сути дела, говоря, что страдает из-за главного пункта всего вероучения. Хотя кажется, что апостол ведет речь о воскресении вообще, из контекста можно вывести, что он начинает с более высокого принципа, упоминая обстоятельства, прямо относящиеся к евангельской вере. Павел жалуется, что иудеи винят его в защите данного отцам обетования. Значит, исходный принцип, краеугольный камень всей защиты состоял в следующем: завет, заключенный Богом с отцами, относится именно к вечному спасению. Содержание спора в том, что у иудеев не было бы вообще никакой религии, если бы они не взирали на небеса, то есть, не обращали свой взор на Христа, Автора новой жизни. Иудеи хвалились, что одни избраны Господом из всех народов земли. Однако в усыновлении их нет никакой пользы, если не уповать на обещанного Посредника и на наследие Царства Божия. Значит, в

речи Павла надо разумать больше того, что сообщается у священнописателя. Рассказ Луки только дает понятие, о чем говорил апостол. Что же именно он сказал, и в каких словах – об этом Лука умалчивает. Между тем, из приведенного краткого изложения вполне можно узнать относившиеся к данному делу вопросы. Павел же охотно и подробно исследовал их перед царем, когда представилась подходящая возможность.

7) *Двенадцать колен*. Здесь Павел доказывает Агриппе: Церковь опустилась до того, что ее священники восстали на общую надежду всех верующих. Он как бы говорит: чего хотят в нашем народе люди, непрестанно чтущие Бога, день и ночь занятые делами благочестия, если не достичь бессмертной жизни? Однако таков смысл и моего учения. Ведь там, где предлагается благодать искупления, тут же открывается дверь в Царство Небесное. И я, проповедуя воскресение из мертвых Начальника нашего спасения, в Его лице предлагаю всем начатки блаженного бессмертия. Таким образом, подтверждение учения было почерпнуто из Слова Божия в тот самый момент, когда Павел изложил данное отцам обетование. Теперь же, во вторую очередь, он присоединяет к нему согласие Церкви. И это – законный способ утверждения догматов веры. Дабы первым шел авторитет Божий, а затем добавлялся голос Церкви. Хотя прежде следует благоразумно определить, какая Церковь – истинная. Как и Павел учит нас здесь на собственном примере. Ибо, зная, что священники выставляли против него мнимую видимость Церкви, Павел все же бестрепетно заявляет: истинные почитатели Бога стоят на его стороне. И довольствуется их поддержкой. Ведь, упоминая о двенадцати коленах, он не примешивает к ним всех рожденных от Иакова по плоти, но разумеет лишь тех, кто сохранил истинное усердие к благочестию. И не согласуется с мыслью Павла без разбора хвалить весь народ за страх Божий, процветавший лишь в малом числе иудеев. Паписты же неправы в обеих вещах. Во-первых, Слово Божие они заслоняют мнением людей, а человеческую смесь, составленную из порочных и невежд, без стыда именуют титулом Католической Церкви. Однако, чтобы доказать наше согласие с истинной Церковью, следует начинать с апостолов и пророков, а затем присоединить к ним тех, благочестие которых засвидетельствовано и хорошо известно. Если же с нами разногласит папа и его клир, это не доставит нам большой тревоги. Ведь истинное религиозное чувство подтверждается пылкостью и постоянством, во время плачевного состояния иудеев представлявших собой довольно редкую добродетель.

8) *Неужели вы невероятным*. Не сомневаюсь: Павел и доводами, и свидетельствами Писания доказывал сказанное о воскресении и небесной жизни. Кроме того, он обоснованно отсылает слушателей к всемогуществу Божию, дабы те не судили об этих вещах по меркам собственного ума. Нет ничего более трудного, чем убедить в будущем восстановлении полностью изничтожившихся тел. Значит, поскольку эта тайна много превосходит человеческий разум, пусть верные помнят: здесь надо руководствоваться тем, что может божественная сила, а не тем, что сами они способны уразуметь. Как учил тот же Павел в 3-й главе Послания к Филиппийцам (ст.21). Сказав, что наше смиренное тело будет преобразовано в прославленную Христову плоть, апостол тут же добавляет: по действительности Того, Кто может все Себе покорить. Однако люди чаще всего злы и неблагодарны по отношению к Богу и не желают простирать десницу Его дальше способностей собственного разума. Посему, они, по мере своих сил, стремятся ограничить величие Божиих дел, превосходящее небо и землю. Напротив, Павел велит нам подумать о том, на что способен Бог, дабы, вознесшись над миром, мы обучились вере в воскресение не от восприятия немощного ума, а исходя из божественного всемогущества.

9. Правда, и я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея. 10. Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы, и, когда убивали их, я подавал на то голос; 11. и по всем синагогам я многократно мучил их и принуждал хулить [Иисуса] и, в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах. 12. Для сего, идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников, 13. среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. 14. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна. 15. Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь. 16. Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, 17. избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя 18. открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными».

(9. Правда, и я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея. 10. Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы, и, когда убивали их, я подавал на то голос; 11. и по всем синагогам я многократно мучил их и принуждал хулить и, в еще большей против них ярости, преследовал даже и в чужих городах. 12. С такими замыслами, идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников, 13. среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. 14. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна. 15. Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь. 16. Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, 17. избавляя тебя от народа и от язычников, к которым Я теперь посылаю

тебя 18. открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верую в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными».)

9) *Правда, и я.* Если бы Павел сказал только то, что приводит здесь Лука, его речь была бы отрывочной. Отсюда следует сказанное мною прежде: упомянув о завете Божиим, Павел, как надо, рассказал и о служении Христа, и о Его благодати. Поэтому он повторяет историю своего обращения не только для того, чтобы избавиться от подозрения в легковесности, но и чтобы подтвердить свое божественное призвание и данную от Бога заповедь. Ведь то, что Павел против собственного намерения неожиданно из волка превратился в овцу – вся эта внезапная, происшедшая с ним перемена, – немало способствует удостоверению его учения. Поэтому он подчеркивает свое прошлое пылкое желание вредить членам тела Христова, а также полностью овладевшее им упорство. Если бы Павел был научен вере Христовой с младенческих лет, или же наставлен в ней каким-нибудь человеком, он бы добровольно и без противления ее принял. Сам бы он знал тогда о собственном призвании, но для других оно представлялось бы не столь очевидным. Теперь же, когда, пылая жестокой и непреклонной яростью, Павел не случайно, не по убеждению от смертного человека, изменяет образ мышления, всем становится ясно: его покорила десница Божия. Итак, весьма важное противопоставление: Павел говорит, что надмевался в ложном самоуповании, думая, что сможет победить Иисуса Христа. Этим он хочет сказать, что стал учеником Христовым никак не по собственным помыслам и намерениям. Имя Иисуса Назорея здесь понимается как все евангельское учение, которое пытался уничтожить Павел, по незнанию ведя войну с Самим Богом.

10) *Это я и делал в Иерусалиме.* Этими фактами апостол доказывает, с каким рвением прежде нападал на Христа, доколе им не овладела более могучая сила, полностью изменившая его жизненный путь. В свидетели этой пылкости Павел приводит собственных противников, дабы твердо удостоверить внезапность произошедшей перемены. Да и сами священники не дали бы ему это поручение, если бы Павел не вел себя столь негибкимо сурово. Весьма пылким надлежало быть тому, кто насытил бы их собственную ярость. Следует отметить, что Павел не постыдился признаться в своем тягчайшем грехе против Бога, лишь бы это послужило Христовой славе. Действительно, постыдным было для него в слепом рвении принуждать к хуле людей, желавших угодить Богу, доставлять скорби добрым и простым, подавать голос за пролитие невинной крови, превозноситься до небес, пока, наконец, его не повергли ниц. Но Павел не щадит свою репутацию. Он охотно объявляет о своем позоре, лишь бы в нем ярче проявилась милосердие Божие. Посему его речь ни в чем не могла вызвать подозрения. Ведь Павел, не взирая на себя, добровольно вменяет себе в проступок то, что вызывало похвалу и одобрение всего народа. Отсюда явствует, сколь порочна шепетильность тех, кому стыдно признаться в грехах, совершенных по неведению и ошибке. Они не оправдывают себя полностью. Но все же пытаются смягчить и приукрасить то, за что им надобно со скорбью и слезами просить пощады. Однако Павел, имея возможность сохранить репутацию благочестивого, признается в собственном безумии. Ибо особенно настаивает на том, что, по словам Луки, многих вынуждал к хуле на Иисуса. Отсюда мы видим: среди начатков верующих имелось множество неутвержденных. Последние, объявив себя Христовыми учениками, но, будучи сломленными страхом и побоями, не только отвергли Спасителя, но и оскорбляли Его священное имя. Хотя и само по себе отречение содержит великое богохульство.

13) *Среди дня.* Рассказ нацелен на то, чтобы Агриппа понял: видение Павла было не пустым, а экстаз его не принадлежал к разновидности тех, что лишают людей рассудка. Хотя Павел, пораженный страхом, и пал на землю, он все же слышал отчетливый, обращавшийся к нему голос, спросил, кто именно говорит, и получил на это ответ. А это признаки здравого состояния ума. Отсюда следует: Павел изменил позицию не по собственной дерзости, но благочестиво и свято покорился небесному речению, дабы не стать добровольным противником Бога.

16) *Но встань и стань.* Христос поверг Павла ниц с целью смирения. Теперь же Он воздвигает его, приказывая воодушевиться. Также и нас ежедневно повергает ниц Его голос, дабы мы научились скромности. Но тех, кого ниспроверг, Христос вскоре поднимает. Весьма редкое утешение, когда Христос говорит, что явился ему не как Мститель, налагающий кару за безумие, за несправедливые и жестокие побои, за кровавые приговоры, за причинение скорби святым, за нечестивое гонение на Евангелие, но как милостивый Господь, восхотевший воспользоваться его трудами и удостоивший его почетного служения. Христос делает Павла свидетелем всего увиденного, а также того, что он увидит в будущем. Вот достопамятное видение, из которого Павел узнал о небесном правлении Христовом, дабы больше не презирать Его, но признать Сыном Божиим и обещанным Икупителем. После этого у Павла были и другие откровения, как и сам он говорит во 2Кор.12:1.

17) *Избавляя тебя от народа.* Здесь Христос вооружает Павла против всех остающихся в нем страхов, одновременно приготавливая к несению собственного креста. Однако, тут же добавляя, что Павел придет для просвещения слепых, для примирения с Богом ранее отчужденных, для принесения спасения погибшим, Христос, странным образом не объявляет, что Павла радостно и благосклонно воспримут те, кого затронут столь великие благодеяния. Но здесь говорится о неблагодарности мира. Ведь мир воздаст служителям вечной жизни прямо противоположно их заслугам. Подобно тому, как сумасшедшие враждебно нападают на собственных врачей. Христос увещевает Павла, что, куда бы он ни пришел, большая часть людей, которым

он захочет послужить, настроится против него, замышляя его погибель. Павел ясно говорит: он предназначен проповедовать как иудеям, так и язычникам, Дабы его не винили в том, что он делает Евангелие общим для всех. Ведь иудеи оттого горько возненавидели Павла, что болезненно переносили уравнивание с собой язычников. Хотя они и прикрывали это ревностью о том, чтобы завет Божий, заключенный с потомками Авраама, не переносили на внешних, ими все же владело неприкрытое самомнение. Они желали возвышаться одни, отодвинув в сторону всех остальных. Кроме того, здесь в лице апостола Павла все учителя воодушевляются к исполнению своего долга, дабы злоба людей не мешала им предлагать милость Божию хоть и недостойным, но все же несчастным людям.

18) *Открыть глаза им.* Кажется, что здесь Павел, присваивая себе принадлежащее Богу, чрезмерно себя возносит. Мы знаем, что очи ума просвещаются только Духом Святым. Мы знаем, что Христос – единственный Избавитель, искупающий нас от власти сатаны. Мы знаем, что один лишь Бог, упраздняя наши грехи, дает нам жребий со святыми. Но у Бога есть привычный прием: переносить на служителей не подобающую им честь. Не для того, чтобы в чем то умалить Себя, но для того, чтобы прославить в них действенность Своего Духа. Он посылает их на службу не как мертвые орудия или сочинителей басен, но чтобы мощно через них действовать. Кроме того, действенность их проповеди зависит от тайной силы Того⁷, Кто производит все во всем, всему давая прирост. Итак, учителей посылают не для того, чтобы те напрасно сотрясали воздух или улаждали слух пустыми словами, но чтобы они принесли слепым животворный свет, обновили к праведности Божией человеческие сердца, сделали действенной добытую Христом благодать спасения. Но они ничего из этого не сделают, если Бог не будет действовать в них, дабы труд их не оставался напрасным. Так что вся слава принадлежит только Богу, поскольку от Него полностью зависит результат. Посему следует отметить: всякий раз, когда Писание столь почетно говорит о внешнем служении, его не стоит отделять от Духа, животворящего его не иначе, как душа животворит тело. Ведь в других местах Писание учит, что усердие людей само по себе ничего не делает. Больше того, ничего не может от себя привнести. Людям принадлежит насаждение и орошение, давать же прирост – прерогатива одного Бога.

Кроме того, поскольку многим невежество и злоба мешают получить от Евангелия надлежащий плод, отметим приведенное здесь описание, ясно и красноречиво выставляющее перед нами это несравненное сокровище. Ибо цель Евангелия в том, чтобы, избавившись от слепоты ума, мы стали причастниками небесного света. Чтобы, избавленные от власти сатаны, обратились к Богу, чтобы, одаренные незаслуженным прощением грехов, приняли жребий вечного наследия со всеми освященными. Именно на это и должны взирать все те, кто хочет правильно преуспевать в евангельском учении. Ибо на что нам постоянная проповедь, если мы не знаем, как правильно ее употребить?

Одновременно здесь приводится полная и окончательная причина нашего спасения. Все говорят, что желают спастись. Но немногие обращают внимание на то, как именно Господь хочет это сделать. Итак, данный отрывок, говорящий об этом способе, подобен ключу, открывающему дверь неба. Кроме того, следует знать: благ, обретаемых нами по свидетельству Христа через веру в Его Евангелие, по природе лишен весь человеческий род. Отсюда следует, что все слепы, потому что просвещаются верой; все рабы сатаны, потому что избавляются верою от его тирании; все враги Богу и подлежат вечной смерти, потому что верою получают отпущение грехов. Таким образом, нет ничего несчастнее для нас, чем находиться вне Христа и Его веры. А значит, ничего не остается для свободной воли и человеческих заслуг. Что же касается отдельных положений, то просвещение относится здесь к познанию Бога, поскольку все наше остроумие – суета и мрак, покуда Бог не воссияет нам Своей истиной. Смысл же последующей фразы – обратиться от тьмы к свету – более широк. Это происходит, когда мы обновляемся в собственном разуме. Поэтому, на мой взгляд, эта и следующая фраза – обратиться от власти сатаны к Богу – связаны между собой. Ибо обновление, о котором Павел подробно говорит во 2-й главе Послания к Ефессянам (ст.10), можно описывать по-разному. Затем следует отпущение грехов, посредством которого Бог даром примиряет нас с Собою, дабы мы не сомневались в Его милости и прощении.

Наконец, приводится результат всего изложенного, а именно: наследие вечной жизни. Некоторые необоснованно читают в одном контексте: среди освященных через веру. Но данное слово относится здесь ко всему предложению. Поэтому смысл таков: верою приходим мы к обладанию всеми благами, предложенными в Евангелии. Вера же прямо направляет нас ко Христу. Ибо в Нем заключено все наше спасение, и Евангелие нигде больше не велит нам искать его.

19. Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению, 20. но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедывал, чтобы они покались и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния. 21. За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать. 22. Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, 23. [то есть] что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам.

⁷ Бога

(19. Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению, 20. но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедывал, чтобы они покаяться и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния. 21. За это схватили меня Иудеи в храме и покушались убить. 22. Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, 23. то есть что Христос имел пострадать и, став первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам.)

19,20) Теперь Павел кратко сообщает, с какой целью привел историю своего обращения. Чтобы засвидетельствовать Агриппе и другим: Бог – автор всего того, что Иудеи считают богохульством и отступничеством. Павел особо обращается к Агриппе, поскольку знает, что Фесту и римлянам неизвестен смысл небесного видения. В самом смысле его учения нет ничего противного закону и пророкам. Отсюда данное Павлу откровение получает еще большее удостоверение⁸. Ведь апостолу было приказано учить лишь тому, что согласно с Писанием. С покаянием здесь связывается обращение к Богу не так, словно последнее от него отлично. Но так, чтобы мы знали: что значит истинно покаяться. Как и, напротив, порочность и превратность людей – не что иное, как их отчуждение от Бога. Поскольку покаяние – внутреннее действие, заключенное в сердечном чувстве, во вторую очередь, Павел требует свидетельствующие о нем дела. Согласно восклицанию Иоанна Крестителя: принесите достойные плоды покаяния. И поскольку Евангелие призывает к покаянию всех, отсюда следует, что все по природе порочно и испорчено, нуждаясь в собственной перемене. Данное место также учит, что Евангелие невежественно извращают люди, отделяющие благодать Христову от покаяния.

21,22) *Покушались растерзать.* Здесь Павел жалуется на несправедность своих врагов, давая понять, что дело их – злое и совершается с недоброй совестью. Ведь если бы Павел согрешил, его по праву можно было бы преследовать. И здесь они скорее проявили бы себя, выделяясь пред другими авторитетом и милостью. Итак, ярость, в которую впадают иудеи, свидетельствует, что они лишены всякого разума. Слова же Павла о том, что его сохранила помощь Божия, направлены на подтверждение его учения. Ведь почему Господь соизволил протянуть ему⁹ руку помощи, если не потому, что признавал в Павле Своего служителя и желал защитить одобряемое Им дело? Добавь к этому, что Павла надлежало воодушевить помощью Божией, дабы он с тем большей настойчивостью продолжал исполнять свое служение. Ведь уходить от Того, Кто приносит помощь, свойство неблагодарного человека. Этот пример научает нас: всякий раз, как мы избавляемся от опасности, Господь продляет нам жизнь не для того, чтобы мы предавались лени, но чтобы, окреплено исполняя свой долг, были готовы в любой момент умереть во славу Того, Кто сохраняет нас для Себя. Однако Павел не забыл и про то, чем был обязан трибуну. И все же он прославляет помощь Божию, одновременно показывая: всю оставшуюся жизнь он непременно должен посвятить Тому, Кто дал ему избавление, хотя последнее и состоялось через дела определенного человека.

Свидетельствуя малому и великому. В другом месте говорилось, что свидетельствовать – это больше, чем учить. Как будто между людьми и Богом происходит торжественное разбирательство, удостоверяющее величие Его Евангелия. Павел говорит о свидетельстве малым и великим, дабы Агриппа понял, что это относится и к нему. И поскольку спасительное учение предлагается даже ничтожным, ему ничто не мешает вознестись и до царского достоинства. Ибо Христос одинаковым образом привлекает всех людей в свое лоно, дабы те, кто прежде лежал в грязи, обрели великую честь и хвалились Его незаслуженной благодатью, а те, кто уже пользуется почетом, добровольно смирили себя, не гнушаясь иметь братьев из презренной черни, дабы стать детьми Божиими. Так в первой главе Послания к Римлянам (ст.14) Павел говорит, что должен и глупым и мудрым, чтобы упование на собственную мудрость не мешало римлянам подчиниться его учению. Отсюда для нас урок: избирать себе слушателей – не во власти учителя. И не меньше оскорбляет Бога, чем нарушает людские права тот, кто ограничивает свою проповедь исключительно знатными, хотя Господь собирает их с ничтожными с одно сообщество. Относит же сказанное только к возрасту – весьма поверхностно. Посему не сомневаюсь: здесь устраняется различие между знатными и плебеями. Павел не убоился ни величия первых, ни презренности вторых, но без различия сделался учителем для тех и других.

Ничего не говоря, кроме того. Во-первых, следует отметить, что Павел, пытаясь привести¹⁰ подходящих свидетелей своего учения, ссылается не на людей, но цитирует Моисея и пророков, получивших от Бога несомненный авторитет. Действительно, единственный правильный принцип: говорить лишь то, что исходит из уст Господних. Затем полезно отметить главные пункты спора, перечисленные Лукой. Прямым служением Христа было изгладить Своей смертью грехи мира, а, воскреснув, обрести людям праведность и жизнь. Плод же смерти и воскресения принадлежит как язычникам, так и иудеям. Однако в законе нет ясного и буквального свидетельства на эту тему. Посему нет сомнения, что иудеи имели переданное от отцов учение, научившее их относить ко Христу все образы закона. И пророки, говорившие о Христе более ясно, черпая именно из этого источника, удостоверили своих современников в том, что не вещают чего-то нового или

⁸ Большее подтверждение

⁹ Господь протягивает

¹⁰ Возьмем

чуждого Моисею. Так что Павел либо не успел завершить свою апологию, либо привел все те свидетельства, авторство которых приписывал Моисею и пророкам.

Первый из мертвых. По времени Христу предшествовало воскресение некоторых. Вспомним, что святые, упомянутые евангелистами, вышли из могил прежде Христа, а также вознесение Еноха и Илии. Но Павел зовет здесь Христа первым, как и в другом месте именует Его начатком воскресших. Посему это имя скорее указывает на причину, чем на временной порядок. Ведь Христос, воскреснув из мертвых, стал победителем смерти и господином жизни, дабы, царствуя вечно, сделать Своих людей участниками блаженного бессмертия. Под словом «свет» разумеется все, относящееся к полному счастью, как и под тьмою Писание повсеместно означает смерть и всякий род беды. Не сомневаюсь в том, что Павел намекает здесь на пророческие высказывания: народ, ходивший во тьме, увидит свет великий, Ис.9:1. Также: вот тьма покроет землю, и мрак народы; над тобою же будет видим Господь, Ис.60:2. Вот людям, находящимся во тьме, взойдет свет, Ис.42:16. Я дал тебя во свет язычникам, там же ст. 6 и 49:6. То же, что свет жизни должен был распространиться от иудеев на язычников, явствует из множества пророчеств.

24. Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия. 25. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла. 26. Ибо знает об этом царь, перед которым я говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего сокрыто; ибо это не в углу происходило. 27. Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь. 28. Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином. 29. Павел сказал: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз. 30. Когда он сказал это, царь и правитель, Вереника и сидевшие с ними встали; 31. и, отойдя в сторону, говорили между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает. 32. И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решился правитель послать его к кесарю.

(24. Когда он так за себя говорил, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! Большая ученость доводит тебя до сумасшествия. 25. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла. 26. Ибо знает об этом царь, перед которым я говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего сокрыто; ибо это не в углу происходило. 27. Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь. 28. Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином. 29. Павел сказал: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз. 30. Когда он сказал это, царь и правитель, Вереника и сидевшие с ними встали; 31. и, отойдя в сторону, говорили между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает. 32. И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря.)

24) *Фест громким голосом.* Это восклицание Феста показывает, сколь неуспешна истина Божия среди отверженных. Как бы хорошо ни была она засвидетельствована и очевидна, они попирают ее своим презрением. И то, что Павел приводит из закона и пророков, сколь бы далеким от безумства и основательным ни было, Фест, тем не менее, приписывает безумию. Не потому, что ему кажется что-то абсурдным, а потому, что он отвергает все, чего не может понять. Нет ничего глупее суеверия язычников. И даже их верховные священники заслуженно стыдятся выдавать свои тайны, глупость которых более чем смешна. Фест признает в речи Павла добротную ученость. Между тем, поскольку Евангелие закрыто для неверующих, разум которых ослепил сатана, Фест думает, будто имеет дело с фанатиком, вдающимся в сложные и запутанные вопросы. Таким образом, хотя Фест не может открыто осмеять и презреть Павла, он все же до такой степени бесчувствен, что считает апостола экстатической, нездорово любопытствующей личностью. Поэтому и не решается обратить к нему свою душу, дабы им не овладело такое же безумие. Так и многие сегодня бегут от Слова Божия словно от непроходимого лабиринта, и думают, будто мы безумствуем, заводя спор о тайных вещах, которыми досаждаем себе и другим. Посему, научившись этой историей, будем просить у Господа, дабы, явив нам свет Своего учения, Он привил нам также и вкус к нему. Дабы оно неясностью своей не обратилось для нас в глупость и не вызвало в нас надменного презрения, переходящего в богохульство.

25) *Я не безумствую.* Павел не оскорбляется, не порицает Феста за богохульство. Напротив, весьма почтительно ему возражает. Ведь более жесткая отповедь не принесла бы успеха. Людей надо прощать за невежество, если те не восстают открыто на Бога. Павел также учитывал и личное достоинство Феста. Хотя он и не был достоин уважения, но все же имел законную власть. Однако при этом Павел не уступает его богохульству, продолжая отстаивать за Словом Божиим подобающую ему славу. Отсюда мы видим: отложив в сторону почтение к себе, Павел рассуждает об одном лишь учении. Он не кичится своим остроумием, не отстаивает свою мудрость, но довольствуется тем, что учит только истинному и здравому. Истина здесь противопоставляется мошенничеству и лжи, а здравость – глупым умствованиям и запутанным тонкостям, являющимся семенами споров. Павел отвечает на заблуждение Феста. И отсюда можно заключить, в чем состоит способ доброго научения. Оно не только свободно от любого рода лжи, но и не смущает разум пустыми вопросами, не потакает глупому любопытству, не способствует чрезмерной любознательности, но направлено на твердое назидание в истине.

26,27) *Ибо знает об этом царь.* Павел обращается к Агриппе, от которого он ожидал большего. Сначала он говорит, что все эти вещи ему известны. Но тут же отсылает его к закону и пророкам. Ибо мало полезного в знании истории, если не знать при этом, что предсказанное о Христе исполнилось в лице распятого Иисуса. Говоря же, что не сомневается в вере Агриппы, Павел делает это не столько ради его похвалы, сколько с целью подчеркнуть бесспорность Писания и не быть вынужденным доказывать его принципы. Смысл таков: Писание *αὐτόπιστον*, и не подобает иудею хотя бы в чем-то умалять его авторитет. Однако Павел вовсе не льстит Агриппе. Хотя последний и не почитал Писание так, как подобает благочестивым, он все же с детства был наставлен в его начатках, твердо зная: оно содержит только речения Божии. Подобно тому, как многие люди, хотя и не особо думают о Слове Божиим, в целом и смутно все же признают его подлинность, не дерзая отвергнуть или презреть его в силу религиозности.

28,29) *Агриппа сказал Павлу.* Апостол добился того, что царь, хоть и невольно, но все же с ним соглашается. Подобно тому, как обычно уступают или дают знак согласия люди, не способные больше противостоять истине. Агриппа имеет в виду, что станет христианином не по своей воле, больше того, он не хочет им становиться. Однако он также не может и возразить, влекомый как бы против желания. Отсюда явствует, сколь упорна человеческая природа, доколе Божественный Дух не склонит ее к послушанию. Фразу *ἐν ὀλίγῳ* переводчики толкуют по-разному. Валла переводил так: немногого недостает, чтобы я сделался христианином. Эразм: в небольшой степени. Симплиций, древний переводчик: немного – и, по крайней мере, переведя дословно, оставил читателям свободу суждения. Действительно, сказанное уместно отнести ко времени. Агриппа как бы говорит: ты скоро или в один миг сделаешь меня христианином. Если же кто возразит, что это не согласуется с ответом Павла, решение довольно просто.¹¹ Поскольку слова Агриппы двусмысленны, сказанное о времени Павел сознательно переносит на суть вопроса. Итак, Агриппа имел в виду, что он совсем скоро станет христианином. Павел же добавляет: я желаю, чтобы и ты, и все твои спутники, начав с малого, продолжали преуспевать и в дальнейшем. Однако вполне уместно фразу *ἐν ὀλίγῳ* переводить и как «почти». Ответ же Павла свидетельствует, какой ревностью по славе Христовой горело сердце святого мужа. Ведь он, терпеливо снося узы, наложенные правителем, желает исхитить последнего из гибельных ловушек дьявола, соединить с собой как его, так и других, в качестве причастников той же самой благодати, довольствуясь тем временем печальной и позорной участью. Следует отметить: Павел не просто желает, но и молит об этом Бога. Ведь именно Ему принадлежит способность привлекать нас ко Христу. И внешнее учение всегда останется холодным, если внутренне нас не научит Его Дух.

Кроме этих уз. Не подлежит сомнению, что для Павла его узы не были столь уж презренными и печальными. Ведь он часто хвалился этими узами, выставляя их как свидетельство чести, как знак своего послания от Бога. Но Павел думает о тех, для кого выпрашивает веру без креста и страданий. Ведь те, кто еще не уверовал во Христа, пока не имеют желания сражаться за Евангелие. Действительно, всем благочестивым надлежит быть смиренными и терпеливо нести свой крест. Другим же они должны желать большего благополучия, по мере сил стараться облегчить их тяготы, не завидовать их радости и покою. Подобная человечность и умеренность далека от жестокости тех, кто, вымаливая на голову других зло, думает найти в этом утешение.

31, 32) *Говорили между собою.* То, что с Павла снимается всякая вина, немало способствует прославлению Евангелия. И Фест, соглашаясь с другими, тем самым осуждает самого себя. Ведь он в своей неправедности подверг угрозе жизнь Павла и под предлогом перемены места хотел выдать его врагам. Кажется, что воззвание к кесарю сулило опасность святому мужу. Но поскольку это был единственный способ избежать смерти, апостол здесь спокоен и не пытается выпутаться из западни. И не потому, что дело оставалось неясным, а потому что видение сообщило Павлу о божественном посольстве в город Рим.

Глава 27

1. Когда решено было плыть нам в Италию, то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлию. 2. Мы взошли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест. С нами был Аристарх, Македонянин из Фессалоники. 3. На другой [день] пристали к Сидону. Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием. 4. Отправившись оттуда, мы приплыли в Кипр, по причине противных ветров. 5. и, переплыв море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские. 6. Там сотник нашел Александрийский корабль, плывущий в Италию, и посадил нас на него. 7. Медленно плавая многие дни и едва поровнявшись с Книдом, по причине неблагоприятного нам ветра, мы подплыли к Криту при Салмоне. 8. Пробравшись же с трудом мимо него, прибыли к одному месту, называемому Хорошие Пристани, близ которого был город Ласея.

(1. Когда решено было плыть нам в Италию, то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлию. 2. Мы взошли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест. С нами был Аристарх, Македонянин из Фессалоники. 3. На другой день пристали к Сидону. Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их забо-

¹¹ Ибо, вероятно, Агриппа говорил по-сирийски. Поскольку же

той. 4. Отправившись оттуда, мы приплыли в Кипр, по причине противных ветров, 5. и, переплыв море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские. 6. Там сотник нашел Александрийский корабль, плывущий в Италию, и посадил нас на него. 7. Медленно плавая многие дни и едва поровнявшись с Книдом, по причине неблагоприятного нам ветра, мы подплыли к Криту при Салмоне. 8. И едва проплыв мимо него, прибыли к одному месту, называемому Красивые Пристани, близ которого был город Ласея.)

1,2) Лука рассказывает нам про плавание Павла, прежде всего, для того, чтобы мы знали: он прибыл в Рим чудесным образом, будучи приведен туда десницей Божией. Во время пути в его словах и делах дивно проявилась слава Божия, все больше и больше освящавшая его апостольство. Павла передали для переправки с другими узниками, но Господь отделил его от преступников и злодеев, с которыми апостол разделял общие узы. Больше того, немного спустя мы увидим, как трибун избавляет его от оков, обращаясь с ним, как со свободным, в отличие от прочих узников. Полк, который Лука называет Августовым, мне неизвестен. Разве что так до империи кесарей звался преторианский полк. Лука особо подчеркивает, что узников погрузили на адрамитский корабль. Ведь плавание должно было происходить около берегов Азии. А Адрамит является городом Эолии. Из какого именно порта они отплыли – не могу сказать¹², поскольку до Сидона не было прямой навигации. Разве что здесь ошибаются топографические карты. Вероятно, что их туда привезли или потому, что в другом месте нельзя было найти корабль, или поскольку в этом городе надо было забрать упомянутых узников.

С нами был. Кажется, что Лука расхваливает стойкость сего человека с целью сделать упрек остальным. Ведь Павла сопровождали в Иерусалим многие спутники, из которых теперь мы видим оставшимися только двоих. Однако поскольку другим, возможно, помешали уважительные причины, или же Павел отказался от их услуг, я не буду утверждать ничего определенного. Хотя Аристарх и был одним из многих, вполне понятно, почему Лука хвалит его больше других. Вероятно, он был весьма богат, будучи способным нести трехгодичные издержки и оставить свой дом. Ранее мы видели, как многие фессалоникийцы из знатнейших семей приняли Христа. Аристарха же и Секунда Лука с почтением зовет пришедшими с Павлом в Асию, гл.20. Итак, достаточно держаться того, что несомненно и полезно для знания. А именно: здесь нам предлагается пример священного терпения. Ведь Аристарха ни усталость, ни тяготы не удерживают от того, чтобы добровольно разделить с Павлом его участь. Ранее он два года обслуживал его в темнице, а теперь пересекает море, дабы служить апостолу и в Риме. Причем не без общественного порицания, ставя под угрозы домашние дела и затратив огромные средства.

3,4) *Позволив ему сходить к друзьям.* В большом приморском городе Павел вполне мог найти укрытие. Но узника удерживало откровение Божие, не позволяя оставить собственное призвание. Поскольку же сотник обращался с ним столь человечно, что разрешил воспользоваться помощью друзей (хотя мог бы и оставить его в корабельной тюрьме), Павел не мог спасти свою жизнь, вероломно ставя под угрозу чужую. Не следует допускать, чтобы по нашей вине тем, кто обошелся с нами милостиво, повредила их человечность. Описываемое же Лукою морское путешествие пусть читатели исследуют по трудам географов. Укажу лишь на следующее: все сказанное здесь дает нам понять, что путь с момента отплытия из Сидонского порта и до самого Милита был труден и опасен. Моряки долгое время боролись с противными ветрами, покуда не попали в шторм, исходом которого, как мы увидим, стало кораблекрушение.

9. Но как прошло довольно времени, и плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошел, то Павел советовал, 10. говоря им: мужи! я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни. 11. Но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла. 12. А как пристань не была приспособлена к зимовке, то многие давали совет отправиться оттуда, чтобы, если можно, дойти до Финика, пристани Критской, лежащей против юго-западного и северо-западного ветра, и [там] перезимовать. 13. Подул южный ветер, и они, подумав, что уже получили желаемое, отправились, и поплыли поблизости Крита. 14. Но скоро поднялся против него ветер бурный, называемый эвроклидон. 15. Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились, отдавшись волнам. 16. И, набежав на один островок, называемый Клавдой, мы едва могли удерживать лодку. 17. Подняв ее, стали употреблять пособия и обвязывать корабль; боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус и таким образом носились. 18. На другой день, по причине сильного обуревания, начали выбрасывать [груз], 19. а на третий мы своими руками побросали с корабля вещи. 20. Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звезд и продолжалось немалая буря, то наконец исчезла всякая надежда к нашему спасению.

(9. Но как прошло довольно времени, и плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошел, то Павел советовал, 10. говоря им: мужи! Я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни. 11. Но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла. 12. А как пристань не была приспособлена к зимовке, то многие давали совет отправиться оттуда, чтобы, если можно, дойти до Финика и там перезимовать. Это пристань Крита, смотрящая на Африку и на Хорос. 13. Подул южный ветер, и они, подумав, что уже получили желаемое,

¹² Хотя вероятно предположить, что узники долго брели по суше до самого Сидона.

отправились, и поплыли поблизости Крита. 14. Но скоро поднялся против него ветер ураганный, называемый эвроклидон. 15. Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились, отдавая корабль волнам. 16. И, набежав на один островок, называемый Клавдой, мы едва могли удерживать лодку. 17. Подняв ее, стали употреблять пособия и обвязывать корабль; боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус и таким образом носились. 18. На другой день, по причине сильного бушеваия, стали производить выброс, 19. а на третий мы своими руками побросали корабельные вещи. 20. Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звезд и продолжалось немалая буря, то наконец исчезла всякая надежда к нашему спасению.)

9) *И плавание было уже опасно.* Лука хочет сказать: тогда не только дули противные ветры, но и наступил неблагоприятный сезон. И дабы указать на это яснее, говорит, что уже минул пост. Эта фраза, на мой взгляд, добавлена с целью уточнения, обозначая конец осени. И неважно, что сотник, прочие путешественники и моряки не знали о торжественном упомянутом Лукою посте. Ведь писатель, обозначая времена года, следует здесь иудейскому обычаю. Далее, нет сомнения, что пост происходил тогда осенью. Хотя я не согласен с теми, кто думает, будто это был один из четырех постов, установленных иудеями после вавилонского изгнания. Ибо третий из них, происходивший в седьмой месяц, не был важнее остальных, будучи установлен по причине смерти Годолии и поражения иудейского народа. Поэтому Лука, если бы имел в виду его, не просто указал бы на пост, но и добавил бы пояснительное слово. Затем, мне не ведомо, сохранил ли народ сей обычай после возвращения из плена. Более вероятно, что здесь имеется в виду праздник умилоствления, в который Господь приказывал сокрушаться в течение семи дней. Начало его приходилось на десятый день седьмого месяца, которому ныне частично соответствует сентябрь, и частично – октябрь. Итак, поскольку плавание происходило уже в октябре, оно не без причины называется опасным. Если же отнести сказанное к голоду (как думают некоторые), то не вижу, какой отсюда можно извлечь смысл. Ведь на корабле еще имелся запас пшеницы, так что мореплаватели не должны были непременно голодать. И как объяснить в таком случае слова о завершении добровольного поста? К тому же, позже из контекста прояснится: Павел советовал путникам переждать по причине наступления зимы, суровость которой препятствовала сухоходу. Значит, апостол, хоть и считал Бога управителем корабля, все же не хотел искушать Его необдуманной спешкой.

11) *Но сотник.* Сотник не упрекается здесь за то, что больше послушал кормчего и начальника, нежели Павла. Ибо что ему оставалось делать? В иных случаях он весьма ценил совет Павла. Однако, как он знал, апостол не владел искусством мореплавания. Значит, как подобает мудрому и скромному человеку, он полагается в этом деле на опытных и искусных. Сама необходимость вынуждала его к этому. Ибо пристань их не была пригодной для зимовки. Кормчий же советовал не вести корабль в пучину, но пристать к ближайшему порту, находившемуся почти в пределах видимости. Таким образом, короткий риск вполне стоил перспективы удобной зимовки. И Лука говорит об этом вовсе не напрасно. Он хочет, чтобы мы знали: с Павлом с самого начала присутствовал Святой Дух, так что он лучше разбирался в общей пользе, чем сами мореплаватели. Научило ли Павла откровение, или посоветовало тайное вдохновение, точно не известно. Несомненно лишь то, что сказанное им тогда впоследствии усилило его авторитет. Касательно же фразы, что корабль плыл мимо критского берега, доколе не был отброшен с другую сторону, наш Беза справедливо упрекает переводчиков за фантазии по поводу слова *ἄσπον*. Ведь последние необоснованно приняли наречие за название города.

15) *Корабль схватило так.* Здесь Лука говорит о том, что обычно делают в момент крайней опасности. А именно: мореплаватели отдаются на волю ветрам. Поскольку моряки, пройдя некоторое расстояние, думали, что уже исполнили свой план, они без сомнения смеялись тогда над предостережением Павла. Так обычно смеются все дерзкие люди, всякий раз как им улыбается судьба. Теперь же, осознав ошибку, они слишком поздно каются в собственной дерзости. Больше того, прибывшись к острову, они боялись кораблекрушения не меньше, чем раньше – потопления корабля. Лука тщательно описывает все произошедшее, дабы подвести нас к выводу: буря была настолько суровой и неистовой, настолько долгой и непрекращающейся, что спутникам каждый раз угрожал все новый и новый вид смерти. Одновременно он говорит: путешественники пользовались всеми средствами, способными предотвратить кораблекрушение, не пощадив ни груза, ни личных вещей. Отсюда мы видим, как острое ощущение опасности толкнуло их на крайние меры. Лука добавляет, что, наконец, испробовав все средства, они полностью отчаялись в собственном спасении. Действительно, покрывавший небо мрак напоминал им могильную плиту. И нет сомнения, что Господь хотел таким образом еще больше прославить последовавшую вскоре благодать избавления. Между тем, Он позволяет рабу своему страдать вместе с остальными, доколе Павел и сам не стал думать, что непременно умрет. Ибо Бог не явился ему через ангела раньше, чем возникло впечатление неотвратимой гибели. Посему не только тело апостола терзалось бурей, его душа также подвергалась тяжким и жестоким искушениям. Однако исход показывает, что, опираясь на веру, Павел не пал духом. Лука не сообщает нам о его молитвах. Но поскольку затем он говорит о явлении ангела Бога, Которому служил, вероятно предположение: когда остальные проклинали все на свете, апостол возносил молитву к небесам. Таким образом он и обрел спокойствие, умиротворенно ожидая того, что будет угодным Богу. Слова же об исчезновении надежды на спасение сле-

дует понимать не буквально, но относительно человеческих сил. Лука как бы говорит: дела обстояли настолько плохо, что с человеческой точки зрения спасение представлялось совершенно невозможным.

21. И как долго не ели, то Павел, став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда. 22. Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. 23. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь 24. и сказал: «не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою». 25. Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано. 26. Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров. 27. В четырнадцатую ночь, как мы носимы были в Адриатическом море, около полуночи корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-то земле, 28. и, вымерив глубину, нашли двадцать сажень; потом на небольшом расстоянии, вымерив опять, нашли пятнадцать сажень. 29. Опасаясь, чтобы не попасть на каменные места, бросили с кормы четыре якоря, и ожидали дня. 30. Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа, 31. Павел сказал сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись. 32. Тогда воины отсекли веревки у лодки, и она упала.

(21. И как долго не ели, то Павел, став посреди них, сказал: мужи! Надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, не навлекать на себя эти затруднения и вред. 22. Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. 23. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которого почитаю, явился мне в эту ночь 24. и сказал: «не бойся, Павел! Тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою». 25. Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано. 26. Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров. 27. В четырнадцатую ночь, как мы носимы были в Адриатике, около полуночи корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-то земле, 28. и, вымерив глубину, нашли двадцать сажень; потом немного отплыв, вымерив опять, нашли пятнадцать сажень. 29. Опасаясь, чтобы не попасть на каменные места, бросили с кормы четыре якоря, и ожидали дня. 30. Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа, 31. Павел сказал сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись. 32. Тогда воины отсекли веревки у лодки, позволив ей упасть.)

21,22) *И как долго не ели.* Хотя Лука не говорит прямо, как вели себя моряки и воины, он все же ясно отделяет от них Павла. По его словам, апостол встал посреди них, дабы ободрить их унывающие души. Ибо к ободрению пригоден лишь тот, кто сам подает пример мужества и стойкости. Павел откладывал этот момент, доколе все полностью не впали в общее отчаяние. Из обычного способа поведения неверующих можно заключить, что спутники апостола безудержно метались от борта к борту. Среди криков и общего шума нельзя было расслышать разумное увещание. И вот, когда они, устав от собственной истерики, уселись оцепенелые и бессильные, Павел обращает к ним свою речь. Значит, им надлежало стать как бы полумертвыми, когда, немного утихомирившись, они спокойно и молчаливо начинают слушать своего увещателя. Но кажется, что Павел поступает неуместно, порицая их глупость. Ведь они не послушали его совета еще до наступления беды, зная, что апостол, как и сам он сознавал, неопытен в мореходном деле. Однако, если мы подумаем о том, сколь тяжело склоняются люди к здравомыслию, то поймем, что порицание это было весьма полезным. И Павел не возымел бы авторитета, способного вызвать их уважение, если бы слушатели не убедились: беда приключилась с ними по причине того, что они презирали его раньше. Жестоко обличение, не несущее с собою утешения. Но если приправить его надлежащим врачевством, оно становится средством исцеления. Так и Павел, сделав слушателей внимательными и внушив доверие к себе самим исходом дела, затем ободряет их души, обещая общее спасение. Говоря же, что ему следует повиноваться, апостол показывает редкую уверенность в себе. Таким образом, он свидетельствует, что все говорит обдуманно, заповедует им то, что предписано от Бога. Ведь если бы тогда ему и не было дано никакого откровения, он все же создал тайное вождение со стороны Духа. И мог бестрепетно сыграть роль увещателя, ведомого Духом Божиим. Отсюда лучше понятно сказанное ранее: своим вступлением Павел пробуждает попутчиков, дабы они внимательнее слушали, что он собирается говорить. Иначе могло бы показаться смешным, что терпящий кораблекрушение человек обещает спасение своим соучастникам в беде.

23) *Явился мне.* Дабы его не обличили в дерзости за столь уверенное обещание, Павел приводит в свидетели и автором его Самого Бога. Нет сомнения: он был твердо уверен в подлинности видения, не боясь спутать его с иллюзиями сатаны. Поскольку этот отец лжи часто обманывает людей под видом откровения свыше, Бог никогда не является Своим рабам Сам или через ангела без того, чтобы ясными признаками устранить всякое подозрение. Кроме того, Он обучает их духу различения, чтобы не дать места какому-либо обману. Отметим также, что Павел ясно прославляет имя Божие перед мирскими людьми, чтобы те не только узнали о поклонении в Иудее истинному Богу, но и признали в самом Павле Его подлинного почитателя. Все знали, почему апостол находится в узах. Теперь же, когда к нему с неба спускаются ангелы, ясно видно, что Бог одобряет его дело. Итак, в этих словах имеется косвенное подтверждение Евангелия. Между тем, мы видим, как Павел торжествует в своих узах, будучи для стольких людей служителем спасения и толкователем Самого Бога.

24) *Не бойся*. Павел усердно старается приписать славу за избавление одному Богу. Дабы суеверные люди по недомыслию не перенесли ее на своих идолов. Таким образом, он приглашает слушателей к правой вере. Однако отсюда также явствует, сколь сильна испорченность людей, закрывающих уши для здравых и спасительных советов и тут же забывающих благодать Божию, сколь бы близко она к ним ни приблизилась. Больше того, что еще хуже, они не видят и не чувствуют благодать, даже присутствующую и находящуюся у них перед глазами. Но как бы ни было неблагоприятно большинство, данное откровение осталось не без плода. Польза состояла хотя бы в том, что потакавшие собственным заблуждениям люди оказались неизвinitельны. Сказанное же о том, что Павлу надлежало предстать пред кесарем, направлено на еще большее утверждение благочестивых. Это признание учило их, что Павел несомненно предназначен Богом для свидетельства евангельского учения и сохраняется Им именно для этой цели.

Даровал тебе всех. Кажется, что Лука намекает: Павел молился не только за себя, но и за других, дабы Бог избавил всех от кораблекрушения. Действительно, вероятно, что Павел, видя общую для всех угрозу, не настолько беспокоился за собственную жизнь, чтобы пренебрегать другими, зная, что и они подвергаются той же опасности. Но также возможно, что Господь Сам опередил его молитву. Для Него вовсе не ново простирать Свое благословение и на недостойных, как-то связанных с верующими общественными узами. Так Он пощадил бы Содом, если бы там обнаружили хотя бы десять благочестивых. Но спрашивается: насколько помогает нечестивым целомудрие святых? Во-первых, следует устранить суеверие папистов, которые, слыша, что ради набожных благодеяния даются и злым, воображают святых посредниками, своими заслугами вымаливающими для мира спасение. Они дважды глупы и порочны в том, что преимущество живых распространяют здесь на мертвых, думая, что Бог проявляет милость только из-за их лицемерия, и поэтому делают их своими заступниками. Не буду говорить о том, что паписты, превознося заслуги святых, тем самым затемняют незаслуженную благодать Божию.

Чтобы разрешить настоящий вопрос, достаточно краткого ответа: поскольку добрые смешаны здесь со злыми, тем и другим выпадают одинаковые злключения и успех. Однако порой случается так, что Господь, милуя Своих, на время щадит вместе с ними и нечестивых. Кроме того, есть много причин, по которым Бог ради Своих верующих оказывает благодеяния злым и порочным. Он благословил дом Потифара ради Иосифа, дабы склонить первого проявить к святому мужу человечность. Он засвидетельствовал Свое благоволение к Павлу, сохранив невредимыми множество людей, дабы подтвердить благочестие апостола и тем самым возвеличить Свое Евангелие. Кроме того, следует знать: всякий раз, когда Бог оказывает нечестивым благодеяния, они способствуют их гибели. Как и наоборот, для верующих общие со злыми наказания обращаются на пользу. Между тем, особый залог божественной к нам любви проявляется и в том, что некие капли благодетельности Божией по Его изволению перетекают от нас к прочим людям.

25,26) *Я верю Богу*. Павел снова говорит о том, откуда у него взялась такая уверенность, и почему он бесстрастно заявляет: среди бесчисленных волн и вихрей все его спутники сумеют доплыть до гавани. Он говорит так потому, что это обещал ему Сам Бог. Эти слова выражают природу веры, устанавливая связь между ней и Словом Божиим, дабы вера могла укреплять души против всех искушений. Кроме того, своим примером Павел не только увещевает к вере прочих путешественников, но и принимает на себя роль поручителя, подтверждающего веру посредством откровения. А следующие затем слова об острове – как бы удостоверяющий символ, дабы после исхода дела стало ясным, что мореплавание это не было подверженным случаем. Иначе путешественникам было бы неважно знать способ будущего избавления. Итак, мы видим: Бог запечатлевает обещанное Им спасение, чтобы последнее не показалось кому-то случайным. Одновременно следует отметить, что Бог держал мореплавателей в ожидании будущего. Отчасти чтобы упражнять веру Своего раба, а отчасти чтобы все признали Павла наученным от Святого Духа тому, что нельзя постичь человеческого разумом. Сам же контекст Луки показывает: даже тогда люди не поверили словам апостола. Ведь моряки, думая, что к ним приближается какой-то средиземноморский берег, тем самым не соглашались с перспективой быть выброшенными на остров. Итак, мы видим, что они, даже вынуждаемые опытом, едва смогли согласиться с истинностью сказанного.

30) *Когда же корабельщики*. Благодать Святого Духа, данная Павлу, обнаружилась также и в том, что он благоразумно посоветовал удержать корабельщиков от побега. Почему сотник или какой-нибудь другой член экипажа не заподозрил их обмана? Чтобы Павел до последнего являл себя служителем общего избавления. Но удивительно, что он отрицает спасение прочих путешественников в случае побега корабельщиков. Неужто последние могли свести на нет обетование Божие? Отвечаю: Павел не говорит о божественной силе так, чтобы отделять ее от воли Бога и употребляемых Им средств. Действительно, Бог не для того прославляет Свою силу перед верующими, чтобы они, презрев прочие средства, предавались вялости и лени или же необдуманно рисковали там, где стоило бы поостеречься. Бог обещал Езекии избавление осажденного города. Но если бы Езекия открыл ворота врагам, разве Исаия не воскликнул бы тут же: ты губишь и себя и город? Однако отсюда не следует, что десница Божия привязана к средствам или внешней помощи. И Бог, избирая тот или иной способ действия, тем самым сдерживает человеческий разум, не позволяя ему преступать предписанные пределы.

33. *Перед наступлением дня Павел уговаривал всех принять пищу, говоря: сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего.* 34. *Потому прошу вас принять пищу: это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадет волос с головы.* 35. *Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть.* 36. *Тогда все ободрились и также приняли пищу.* 37. *Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ.* 38. *Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море.* 39. *Когда настал день, земли не узнавали, а усмотрели только некоторый залив, имеющий [отлогий] берег, к которому и решились, если можно, пристать с кораблем.* 40. *И, подняв якоря, пошли по морю и, развязав рули и подняв малый парус по ветру, держали к берегу.* 41. *Попали на косу, и корабль сел на мель. Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн.* 42. *Воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал.* 43. *Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения, и велел умеющим плавать первым броситься и выйти на землю, 44. прочим же [спасаться] кому на досках, а кому на чем-нибудь от корабля; и таким образом все спаслись на землю.*

33. *Перед наступлением дня Павел уговаривал всех принять пищу, говоря: сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего.* 34. *Потому прошу вас принять пищу: это послужит к вашему спасению; ибо ни у кого из вас не упадет волос с головы.* 35. *Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть.* 36. *Тогда все ободрились и также приняли пищу.* 37. *Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ.* 38. *Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море.* 39. *Когда настал день, земли не узнавали, а усмотрели только некоторый залив, имеющий отлогий берег, к которому и решились, если можно, пристать с кораблем.* 40. *И, подняв якоря, пошли по морю и, развязав рули и подняв малый парус по ветру, держали к берегу.* 41. *Попали на косу, и корабль сел на мель. Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн.* 42. *Воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал.* 43. *Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения, и велел умеющим плавать первым броситься и выйти на землю, 44. прочим же спасаться кому на досках, а кому на чем-нибудь от корабля; и таким образом все невредимыми перебрались на землю.)*

33,34) *Перед наступлением дня.* Что бы ни замыслили моряки, вера Павла не поколебалась, он стойко продолжал полагаться на данное ему обетование. Ведь апостол советует принять пищу вовсе не так, как говорится о некоем человеке, впавшем в полное отчаяние: позавтракайте, воины, ибо обедать мы будем уже в преисподней. Напротив, Павел, настаивая на своем пророчестве, приказывает кушать в добром настроении. Сила веры выдает себя в том, что вооружает нас к терпению, бестрепетно отражая выпады, коими ее пытается сокрушить сатана. Но слова о том, что мореплаватели четырнадцать дней оставались без еды, могут показаться абсурдными. Кто-то мог бы выдержать и более длительный голод, но едва ли можно поверить в то, что множество людей голодало так долго. Ответ довольно прост: постом здесь в несобственном смысле зовется необычное воздержание от пищи. Путешественники все это время не подкреплялись должным вкушением еды. Ведь те, кто мучим тревогою, испытывает отвращение к пище. Поскольку же причина такого отвращения в отчаянии, Павел снова уверяет их в сохранении жизни, если они соберутся с духом. Ибо верному служителю Слова подобает не только обещать, но и советовать, чтобы люди следовали призванию Божию, а не сидели сложа руки. Значит, смысл апостольских слов следующий: Бог постановил вас спасти, и это упование должно воодушевлять и окрылять вас, дабы вы не плошали сами.

35) *Взяв хлеб.* Дабы еще больше воодушевить их собственным примером, Павел сам берет и вкушает хлеб. Лука говорит, что он также воздал благодарение Богу. Причем не только в силу ежедневного обычая, но и потому, что данное свидетельство немало способствовало укреплению упования. Нет сомнения, что апостол сам тщательно исполнил во вкушении пищи то, что заповедовал другим. Но здесь он говорит не только о своей благодарности, не только просит, чтобы Бог освятил приготовленную для вкушения еду. Павел бестрепетно призывает Бога как Начальника жизни, дабы несчастные, находившиеся в плену у скорби, получили хоть какую-то надежду. И это, по крайней мере, привело к тому, что путешественники, ранее оставившие из-за страха заботу о собственной жизни, воспряли духом и приступили к трапезе.

37) *Было же всех.* Число путешественников указано для того, чтобы стало ясным: никто из них в результате не погиб. Ибо Лука говорит не о том, сколько человек выплыло на берег, но о том, сколько находилось на корабле. Кроме того, данное указание еще больше прославляет совершившееся чудо. Едва ли человеческими силами можно было сделать так, чтобы из двухсот семидесяти шести путешественников не берег высадились все до одного. Ведь кроме моряков там, вероятно, было мало опытных пловцов. Хотя после приема пищи силы всех немного подкрепились, все же длительная скорбь и отчаяние так ослабили присутствующих, что способность их грести руками представлялась совершенно удивительной. К тому же надо учесть, какая царила тогда паника. Едва ли двадцать или тридцать человек могут плыть при кораблекрушении так, чтобы не толкаться и не топить друг друга. Значит, Бог ясно выказал Свою десницу в том, что число достигших берега равнялось числу бросившихся в море.

38) *Насытившись же пищею.* Это обстоятельство показывает: путешественники наконец-то вняли словам Павла. Еще не было ясно, имеется ли поблизости какой-нибудь порт. Однако моряки уже бросают в море

пшеницу ради облегчения корабля. Они не сделали бы этого, если бы авторитет Павла не возрос в их глазах по сравнению с прошлым. Однако, поскольку все неверующие непостоянны, подобная убежденность быстро улетучилась из их душ.

41) *Сел на мель.* Тогда могло показаться, что Бог посмеялся над Павлом. Что сам он, разглагольствуя, только внушал тщетную надежду соучастникам в беде. Но Бог вскоре рассеял всяческие подозрения еще более счастливым исходом дела. Таким образом, когда корабль сел на мель, души всех с необходимостью впали в уныние, чтобы отчаяние еще больше возвеличило славу грядущего чуда. Ведь Бог обычно устраивает Свои дела так, чтобы, полагая множество препятствий, явить перед нами как бы видимость затруднения. Таким образом, Он еще больше обостряет наш разум, дабы мы, наконец, научились: даже противление всего мира не мешает Ему выйти победителем. Вот причина, по которой Бог предпочел, чтобы Павел и другие спаслись, потерпев кораблекрушение, а не привел их корабль в безопасную гавань.

42) *Воины согласились.* Какая черная неблагодарность! Воины, будучи дважды или трижды обязанными Павлу своей жизнью, думают убить того, ради которого подобало пощадить также всех остальных. Через Павла как через ангела Божия им было даровано спасение. Они услышали из его уст спасительный совет. Затем в тот же день он помог им собраться с духом. Теперь же они не сомневаются жестоко убить того, от кого столько раз получали избавление. Посему, если нам случается получать зло в ответ на наши благодеяния, у нас нет причин смущаться из-за людской неблагодарности, представляющей собой не более чем весьма распространенную болезнь. Кроме того, они выказали не только неблагодарность Павлу, хранителю их жизни, но и гнусное забвение благодати Божией. Недавно они слышали откровение о том, что Павлу дарованы их души. Теперь же, желая спастись по убийству апостола, что еще они делают, как не противятся Богу, пытаясь избавиться от смерти вопреки божественной воле? Значит, их уже покинула благодать, ранее вынужденно принятая ими в обстановке крайнего отчаяния, и ничто уже не говорит им о скором обретении гавани.

Нам же надлежит поразмыслить над чудесным советом Божиим как в избавлении Павла, так и в исполнении Своего обещания. Ведь Бог привел тогда к спасению тех, кто по мере своих сил делал Его обетование тщетным. Таким-то вот образом благодать Божия обычно сражается с людской злобой. Но Бог милостив к нечестивым так, что, отложив наказание до удобного времени, никак не избавляет их от него. Больше того, Свое долготерпение Он возмещает потом тяжестью ниспосланной кары.

Глава 28

1. Спасишься же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит. 2. Иноплеменники оказали нам немалое человеколюбие, ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас. 3. Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, выйдя от жара, повисла на руке его. 4. Иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно этот человек – убийца, когда его, спасшегося от моря, суд [Божий] не оставляет жить. 5. Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда. 6. Они ожидали было, что у него будет воспаление, или он внезапно упадет мертвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменили мысли и говорили, что он Бог.

(1. Спасишься же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит. 2. Варвары оказали нам немалое человеколюбие, ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас. 3. Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, выйдя от жара, заползла на руку его. 4. Варвары, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно этот человек – убийца, когда его, спасшегося от моря, мщение не оставляет жить. 5. Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда. 6. Они ожидали было, что у него будет воспаление, или он внезапно упадет мертвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменили мысли и говорили, что он Бог.)

1,2) В начале главы описывается грустное зрелище: множество промокших людей, испачканных илом и пеною, окоченев от холода, жадно ползут к берегу. Складывалось впечатление, что море выбросило их ради иного способа умерщвления. Затем Лука рассказывает, как человечески приняли их варвары, как разожгли огонь, чтобы спасшиеся высушили одежды и согрели окоченевшие члены. Наконец, говорит о том, как путешественников защитили от сильного дождя. Значит, Павел, расхваливая услуги иноплеменников, показывает этим свою благодарность. Так что человечность к чужим вполне достойна похвалы, весьма редко встречающаяся в нашем мире. Хотя даже варварским народам общая всем природа внушает в подобных обстоятельствах милосердие, все же без сомнения именно Бог склонил души мелитинцев к милости, дабы сделать твердым и незыблемым Свое обетование. Ведь оно могло бы показаться ушербным, если бы кто-то погиб в результате кораблекрушения.

3) *Ехидна, выйдя от жара.* Исход дела уже доказал, что Павел – истинный и несомненный пророк Божий. Теперь же Бог, дабы прославить апостола не только на море, но и на земле, запечатлевает новым чудом ранее данное откровение. Таким образом Бог удостоверил его апостольство в глазах жителей Мелита. И хотя пользу от этого получили немногие, величие Евангелия смогло воссиять даже для неверующих. Да и для спутников Павла чудо послужило подтверждением ранее данных откровений, которые те не слишком ува-

жали. Ибо ехидна неслучайно выползла тогда из хвороста. Сам Господь, зная, что это послужит славе Его Евангелия, тайным советом направил ее укусить Павла.

4) *Когда увидели.* Данное мнение было общепринятым во все века: люди, на долю которых выпали более тяжкие скорби, раньше совершили какое-то жуткое преступление. И убеждение это взялось вовсе не из пустоты, проистекая скорее из подлинного благочестивого чувства. Ведь Бог, дабы сделать мир неизвинительным, укоренил во всех душах твердое понимание: скорби и несчастья, особенно значительные, являются знаками Его гнева и свидетельствами праведного мщения за грехи. Посему всякий раз, как происходит какое-нибудь достопамятное несчастье, людям приходит на ум, что Бог, творящий столь суровый суд, до этого был, видимо, тяжело оскорблен. Значит, нечестие никогда не усиливалось до такой степени, чтобы заставить людей забыть о важной истине: Бог, являя Себя Судией мира, Сам посылает преступникам великие кары. Однако также почти всегда процветало заблуждение, когда люди без изъятия осуждали всех, судьба которых была горька и несчастна. Бог же, хотя и всегда карает грехи людей скорбями и невзгодами, не посылает каждому в жизни ровно такую кару, какую тот заслужил. Так что страдания благочестивых порой являются не карами, а подтверждением веры и упражнением в терпении. Посему заблуждаются люди, установившие для себя всеобщее правило: оценивать каждого, смотря по его благополучию или невзгодам. Именно об этом и шел спор между Иовом и его друзьями. Они думали, что человек, поражаемый Богом, отвержен и ненавистен Создателю. Иов же возражал, что и набожным порой приходится нести крест.

Посему, дабы нам здесь не ошибиться, следует остерегаться двух вещей. Во-первых, не надо судить о неизвестных нам людях только по происшествию. Ведь Бог посылает скорби и добрым, и злым. Больше того, часто, давая пощадку злым, более тяжело бичует именно Своих людей. И здесь мы должны правильно рассудить, что начинать надо вовсе не с наказания за грехи, но с образа жизни и поступков страдающего. Если поражается какой-нибудь прелюбодей, или богохульник, или клятвопреступник, или разбойник, кто-то, предающийся похоти, обману, или жаждущий крови, то Бог тогда словно пальцем указывает нам на Свой суд. Если же мы не видим никакого преступления, то лучше всего воздержаться от разговоров о каре. Другое предостережение состоит в том, что мы должны ждать, чем закончится дело. Ибо не сразу, как только Бог начинает поражать человека, нам бывает ясен Его замысел. Скорее различный исход дела засвидетельствует: в глазах Бога сильно отстоят друг от друга те, кого соединила в людском мнении общность невзгод. Если же кто возразит, что не напрасно в законе столько раз повторяется, что все частные и общественные беды являются бичом Божиим, то я охотно с этим соглашусь. Однако я отрицаю, что это мешает Богу на время падать тех, кого он хочет, хотя бы они были и хуже остальных. Других же, менее виновных, Он может наказывать суровее. Но наша задача состоит в следующем: не делать общим правилом то, что происходит ἐπὶ τὸ πᾶν.

Теперь мы видим, в чем именно ошиблись мелитинцы. В том, что, не спросив о жизни Павла, считают его негодяем только из-за укуса ехидны. Кроме того, они ошиблись в том, что, не дождавшись окончания дела, выносят свой приговор. Между тем, следует отметить: жуткими чудовищами являются те, кто пытается вырвать из сердец по природе вложенное в них ощущение суда Божия, присущее даже варварам и невеждам. То же, что они сочли тогда Павла именно убийцей, связано с тем, что человекоубийство всегда рассматривалось как самое страшное преступление.

Суд Божий не оставляет жить. Варвары заключают, что Павел нечестив, поскольку мщение настигает его, даже спасшегося от морской пучины. Они воображали, будто богиня мщения, в народе называемая Δίκη, предстоит престолу Юпитера. Грубый домысел, присущий людям, не знающим истинной религии. Однако имеющий терпимый смысл: Бог как бы считался ими судьей мира. Кроме того, слово «мщение» отличает гнев провидения от слепой судьбы. Таким образом, суд Божий утверждается вопреки всем случайностям. Ибо мелитинцы сочли ясным признаком небесного мщения то обстоятельство, что Павел, уже будучи спасен, все же не мог остаться невредимым.

5) *Страхнув змею.* Страхивание змеи свидетельствует о спокойствии апостола. Ибо известно, сколь сильно страх порою овладевает человеком. Но не думай, будто Павел был лишен всяческой боязни. Ибо вера не делает нас бесчувственными, как то воображают фанатики. Однако, хотя вера и не лишает нас ощущения скорби, она все же сильно его смягчает, дабы мучение не владело благочестивыми дольше, чем положено, и всегда сопровождалось каким-то упованием. Так Павел, понимая, что ехидна – ядовита, тем не менее, полагаясь на данное себе обетование, не пришел в панику от смертоносного укуса. Ведь он был готов даже к смерти, если бы того потребовало дело.

6) *Переменили мысли.* Такой неожиданный и чудесный исход должен был серьезно затронуть мелитинцев, ставляя их так же воздать славу милосердию Божию, как прежде они хвалили Его правосудие. Однако, поскольку человеческий разум всегда кидается в крайности, они неожиданно делают Павла из преступного убийцы самым богом. Однако, если надо выбирать из двух вариантов, то лучше уж считать человека убийцей. Действительно, Павел предпочел бы не только оказаться повинным в одном преступлении, но и подвергнуться всяческому бесславию, нежели присвоить себе божественную славу. И это было хорошо известно всем, слушавшим его проповедь во время предшествовавших невзгод. Однако, возможно, что потом островитяне, научившись, признали Бога автором совершенного чуда.

Далее, эта история учит нас, успокоившись и утихомирив свои души, всегда ожидать благополучного исхода дел, которые, на первый взгляд, вредят божественной славе. Кто из нас не испугался бы этого зрелища, вооружавшего нечестивых на¹³ оскорбления и любые поношения евангельской славы? Но мы видим, как своевременно приходит на помощь Бог. Значит, не будем сомневаться: позволив вначале Своим людям подвергнуться соблазнам, Бог затем подает им своевременное врачевство, обращая мрак в сияющий свет. Между тем, будем остерегаться судить по плоти. И поскольку люди всегда ослабевают, будем просить у Господа дух рассудительности, удерживающий нас на правильном пути. Кроме того, из этого мы познаем, сколь склонен к суевериям наш мир. Больше того, нам почти врождена порочная привычка воздавать творению то, что принадлежит Богу. И нет ничего удивительного в том, что каждый век порождает какие-то новые заблуждения. Ведь каждый из нас с утробы матери является искусным ваятелем идолов. Однако, дабы мы не пытались этим оправдываться, данная история свидетельствует: источник суеверия в том, что люди, выказывая неблагодарность Богу, приписывают Его славу кому-то другому.

7. Около того места были поместья начальника острова, именем Публия; он принял нас и три дня дружески угощал. 8. Отец Публия лежал, страдая горячкою и болью в животе; Павел вошел к нему, помолился и, возложив на него руки свои, исцелил его. 9. После сего события и прочие на острове, имевшие болезни, приходили и были исцеляемы, 10. и оказывали нам много почести и при отъезде снабдили нужным. 11. Через три месяца мы отплыли на Александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове, 12. и, приплыв в Сиракузы, пробыли там три дня. 13. Оттуда отплыв, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, 14. где нашли братьев, и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим.

(7. В тех местах были поместья начальника острова, именем Публия; он принял нас и дружески угощал. 8. Отец Публия лежал, страдая горячкою и болью в животе; Павел вошел к нему, помолился и, возложив на него руки свои, исцелил его. 9. После сего события и прочие на острове, имевшие болезни, приходили и были исцеляемы, 10. и оказывали нам много почести и при отъезде снабдили нужным. 11. Через три месяца мы отплыли на Александрийском корабле, называемом Кастор и Поллукс, зимовавшем на том острове, 12. и, приплыв в Сиракузы, пробыли там три дня. 13. Оттуда отплыв, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, 14. где нашли братьев, и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим.)

7) *Около того места.* Поскольку имя Публий – римского происхождения, думаю, что этот человек был скорее римлянином, чем островитянином. Ибо греки и представители других народов, не происходившие из плебеев, не имели обыкновения заимствовать имена у латинян. Однако, возможно, что кто-то из римских начальников в то время посещал свои располагавшиеся на острове поместья. И назывался начальником острова не потому, что на нем жил, но потому что никто на острове не был равен ему богатством и многочисленностью владений.

Едва ли вероятно, что вся толпа прибывших греков три дня получала от Публия дружеское обхождение. Скорее я подозреваю, что за исключением сотника гостеприимство оказывалось только Павлу с его спутниками. Ведь, подивившись чуду, Публий поверил, что апостол воистину угоден Богу. Но как бы то ни было, его гостеприимство не осталось без вознаграждения. Немного спустя Господь руками Павла восстанавливает здоровье его тяжело больному отцу. Таким образом, Он свидетельствует, насколько угодна Ему человечность, оказываемая нищим и обездоленным. Хотя люди, которым подается помощь, часто оказываются неблагодарными, забывая о полученных благодеяниях, или же неспособными должным образом отблагодарить, Бог обильно возмещает все, что по Его заповеди было уделено людям. Порою Бог посылает Своих рабов к гостеприимным и щедрым людям, дабы те принесли с собой Его благословение. Велика была уже и та честь, что Публий в лице апостола Павла оказал гостеприимство Самому Христу. Но еще большая честь проявилась в том, что Павел пришел наделенным даром исцеления, дабы не только отблагодарить хозяина, он и дать ему много больше, чем принял сам. Но неизвестно, обрел ли Публий начатки веры, подобно тому как чудеса часто делают обучаемыми неверующих и невежд.

Лука указывает на разновидность болезни, дабы тем самым еще больше прославить божественную благодать. Ведь лечение боли в животе длительно и трудно, особенно если одновременно человек страдает горячкой. Так что не без явного чуда Божия возложение рук и молитва Павла неожиданно вернули старику здоровье и бодрость.

8,9,10) *Возложив на него руки свои.* Молитва Павла ясно говорит, что он являлся не автором чуда, а всего лишь служителем. Апостол прибегает к ней, дабы оставить за Богом принадлежащую Ему славу. То же самое он подтверждает и внешним символом. Ведь как видно из многих предыдущих мест, возложение рук было не чем иным, как обрядом торжественного приношения. Посему Павел, своими руками принося чело-
века Богу, тем самым смиренно испрашивает у Создателя жизнь для больного. Этот пример не только учит тех, кто выделяется особыми видами благодати, остерегаться превозношения и затемнения божественной славы, но и в целом наставляет: служители благодати обладают ею лишь настолько, что слава за нее при-

¹³ К

надлежит одному Богу. Сказано, что болящего исцелил Павел, но добавленные детали проясняют: его труд лишь сообщил исходящее от Бога благодеяние. Слова же Луки о том, что и другие больные, живущие на острове, получили исцеление, не надо относить ко всем. Лука лишь хочет сказать, что сила Божия, уже и так достаточно проявившаяся, была удостоверена многими доказательствами, подтверждающими апостольство Павла. Нет сомнения, что Павел занимался исцелением душ не меньше, чем врачеванием тел. Но какой из этого последовал плод, Лука точно не сообщает. Только то, что варвары снабдили отплывающего Павла и его спутников всем необходимым в путешествии. Между тем, следует отметить: хотя у апостола имелось множество возможностей для побега, воля Божия служила для него как бы добровольными оковами. Ведь небесное откровение поручило ему свидетельствовать перед судилищем самого Нерона. Кроме того, Павел знал: если он сбежит, в будущем проповедь Евангелия станет для него невозможной. И он будет вынужден всю жизнь скрываться без пользы в каком-нибудь захолустье.

11) *На Александрийском корабле.* Этими словами Лука хочет сказать: предыдущий корабль либо потонул, либо был настолько поломан, что стал для плавания непригодным. Отсюда лучше видна вся тяжесть происшедшего кораблекрушения. Лука ясно говорит, что название александрийского корабля, доставившего Павла в Рим, было – Кастор и Поллукс. И сообщает нам это, дабы мы знали: Павлу не дали возможности плыть с подобными ему верующими. Он был вынужден взойти на корабль, посвященный двум идолам. Кастора и Поллукса древние поэты вообразили рожденными от Юпитера и Лиды. Отсюда по-гречески они звались *διόσκουροι*, сыны Юпитера, каковым именем и воспользовался Лука. Затем о них баснословят как о некой двойне в кругу зодиака. Среди же моряков царило и другое суеверие: будто огненные вспышки, происходящие во время бури, были теми же самыми сыновьями Юпитера. Посему некогда Кастора и Поллукса призывали и почитали как морских богов, как сегодня почитают Николая, Климента и им подобных. Больше того, поскольку в папстве древние заблуждения сохранились под другими именами, вспышки молнии почитаются сегодня под именем святого Ерма. Если происходит одна вспышка – это не к добру, а если две, как говорит Плиний, – это знак благополучного и счастливого исхода. Поэтому александрийские моряки, желая умиловать Кастора и Поллукса, называли свой корабль именем обоих близнецов. Таким образом, они по мере своих сил осквернили корабль нечестивым святотатством. Однако, поскольку Павел взойшел на него не добровольно, это никак не могло осквернить его самого. Действительно, поскольку идол – ничто, он не может осквернять творения Божии, если верующие пользуются ими законно и с чистыми намерениями. Следует твердо придерживаться правила: одна лишь чистая совесть смывает всю ту скверну, которой сатана пытается запятнать творение; в то время, как нечистые и преступники оскверняют даже то, что само по себе чисто. Так что Павла сей корабль осквернил не больше, чем лицемерие афинских жертвенников. Апостол, будучи свободным от всяких суеверий, знал, что все святилища язычников – полная иллюзия. Затем, никакое людское подозрение не могло заставить Павла согласиться с подобным заблуждением. Ведь если бы он был должен подражать культу Кастора и Поллукса, то скорее предпочел бы тысячу раз умереть. Значит, поскольку опасность соблазна полностью исключалась, Павел свободно восходит на этот корабль. Нет сомнения, что делал он это с плачем и сожалением, видя, как пустым идолам присваивается божественная честь. Посему к испытаниям апостола следует причислить и то, что люди, перевозившие его, были идолопоклонниками, посвятившими корабль заботе ложных богов.

12,13,14) *Приплыв в Сиракузы.* Лука рассказывает об остальной части путешествия Павла, говоря, что вначале путники прибыли в Сицилию. Затем, окольным путем из-за волнения на море, они перебираются в Италию. И хотя упомянутый Лукою сицилийский порт весьма знаменит, он все же больше отдален от побережья Италии, чем гавань Мессины, противостоящая Регию, о котором Лука говорит в дальнейшем. Этот порт примыкает к полю Бруциев, как и город Путеол примыкает к Кампании. Кроме того, поскольку в Путоле братья задержали Павла на семь дней, мы выводим отсюда, сколь человечно и благосклонно обращался с апостолом сотник. Не сомневаюсь, что он доверял святому мужу, твердо зная, что последний придет к назначенному сроку. И был настолько убежден в его порядочности, что не боялся никакого обмана. Из этого места мы также заключаем, что семья Евангелия распространилось тогда весьма широко, и даже в Путоле имелаась какая-то церковная община.

15. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Анпиевой площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился. 16. Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его. 17. Через три дня Павел созвал значительнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им: мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян. 18. Они, судив меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти; 19. но так как Иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ. 20. По этой причине я и призвал вас, чтобы увидеться и поговорить с вами, ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами.

(15. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Анпиевой площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился. 16. Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его. 17. Через три дня Павел созвал значительнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им: мужи братия! Не сделав ничего против народа или

отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян. 18. Они, судив меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти; 19. но так как Иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ. 20. По этой причине я и призвал вас, чтобы увидиться и поговорить с вами, ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами.)

15) *Тамошние братья, услышав.* Через собравшихся братьев Бог воодушевляет Павла, дабы тот с еще большим пылом защищал Евангелие. Ревность же братьев, их благочестивая забота выказывают себя в том, что они заранее спрашивают о времени прихода Павла и выходят ему навстречу. Ведь тогда исповедовать христианскую веру было не только позорно, но и опасно для жизни. И эти немногие люди рисковали не только собой, поскольку ненависть язычников могла перекинуться на всю Церковь. Однако больше всего ценили они свой долг, от исполнения которого не могли бы отказаться без греха лени и неблагодарности. Было бы чудовищным презреть столь славного апостола Христова, особенно трудящегося ради общего спасения. Поскольку он еще раньше писал к ним и охотно оказывал помощь, было бы недостойно лишить его ответного братского благоволения. Итак, исполняя свой долг, братья засвидетельствовали собственное почтение ко Христу. Кроме того, они еще больше разожгли усердие Павла, увидевшего плод своих непрестанных трудов. Хотя апостол был наделен непобедимым мужеством, будучи никак не зависим от человеческой помощи, Бог, имеющий привычку по-человечески укреплять Своих людей, таким способом влил в него новые силы. Впоследствии, будучи покинут в своем заточении (о чем жалуется в другом месте), апостол все же не пал духом, но под водительством Христовым сражался не менее мужественно и бестрепетно, чем если бы вел с собой в бой огромное войско. Однако даже тогда память о прошлой многолюдной встрече подкрепляла его силы. Ведь он знал, что в Риме находится множество благочестивых, но немощных братьев, ради назидания которых он и предпринял путешествие. В настоящее же время нет ничего удивительного в том, что Павел, увидев братьев, обрел новое упование, надеясь, что исповедание веры принесет немалый плод. Ибо всякий раз, как Бог показывает Своим рабам успех от их усилий, Он словно стрекалом побуждает их продолжать дело с еще большим усердием.

16) *Сотник передал узников.* Лука имеет в виду, что Павлу была дана большая, чем остальным, свобода. Ибо положение его было особым и отличным от других. Ему было позволено жить в частном жилище вместе с одним приставленным стражем. В то время как другие узники содержались в общественной тюрьме. Ведь из письма Феста начальник успел узнать, что Павел непричастен ни к какому злодейству. А сотник, вероятно, добросовестно передал то, что могло вызвать к апостолу благоволение. Осознаем, однако, что это Бог ослаблял с неба узы Своего раба, дабы не только облегчить его страдания, но и дать верующим более свободный доступ к нему. Бог восхотел, чтобы сокровище его веры не удерживалось в стенах темницы, но было выставлено на всеобщее обозрение, обогащая многих далеких и близких. Кроме того, положение Павла не было столь свободным, чтобы апостола избавили от постоянного ношения цепи. **Στρατοπέδαρχῃ** же Лука называет начальника претории, об обязанностях которого в отношении заключенных хорошо известно из истории.

17) *Через три дня.* Действительно, удивительна кротость Павла. Его народ причинил ему столько несправедливостей, а он пытается умиловить живущих в Риме иудеев, как бы извиняясь перед ними, дабы те не испытывали к нему ненависти, услышав о недоброжелательстве священников. Павла вполне можно было бы извинить, если бы он, презрев иудеев, сразу обратился бы к язычникам. Ведь апостол долгие годы и во многих местах пытался привести иудеев ко Христу, а они все больше и больше ожесточались. Однако же ни в Азии, ни в Греции, ни в Иерусалиме он ничего не упускал из того, что могло бы укротить их гнев. Итак, все, без сомнения, простили бы Павла, распрощайся он с теми, упорство которых столько раз лицеизрел. Однако, зная, что поставлен от Отца служителем иудеев, для исполнения обетований, коими Бог усыновил Себе сына Авраама, Павел, имея в виду свое призвание, никогда не устает проповедовать. Он видел, что в Риме предстоит задержаться надолго. И поскольку ему предоставлялась возможность учить, не хотел лишать иудеев своих трудов. Кроме того, Павел не хотел толкать иудеев на гонение Церкви из-за ненависти лично к нему. Ведь тогда малейший предлог мог бы привести к великой смуте. Итак, апостол предпочел принять меры, чтобы иудеи по своей обычной неумности не стали зачинщиками наихудшего пожара.

Не сделав ничего против народа. Две вещи могли вызвать ненависть к нему со стороны иудеев. То, что он вредил общественному благу своего народа подобно тому, как некоторые перебежчики еще больше усиливали его и так уже несносное рабство. Или же то, что он пытался нарушить божественный культ. Хотя иудеи испортились по сравнению с отцами, и религия их осквернилась многими заблуждениями, к имени закона и культу храма они испытывали великое почтение. Далее, Павел не отрицает, что свободно опускал обряды, суеверно соблюдаемые иудеями. Он лишь отвергает обвинение в отпадении, в котором его подозревали. Посему под отеческими обычаями разумею те, коими учеников Авраама и Моисея согласно их вере надлежало отличать от прочих народов. Действительно, свято принимая ко Христу, Который есть душа и исполнение закона, Павел ни в чем не оскорбил отеческие обычаи, но, скорее напротив, соблюдал их наиболее усердно.

19) *Принужден был потребовать.* Это апелляция потому вызвала ненависть, что, кажется, подрывала право и свободу иудейского народа, желавшего жить по собственным законам. Кроме того, защита Павла была сопряжена с бесславием и ущербом для всех иудеев. Значит, апостолу приходится устранить и это обвинение. Ибо прибегнуть к апелляции его вынудило именно упорство его врагов. И эта необходимость извиняет Павла. Ведь другого способа избежать смерти ему просто не оставили. И, извинившись за прошлое решение, апостол в будущем обещает вести дело так, чтобы не причинять вреда иудеям.

20) *За надежду Израилеву.* Под этим словом надлежит разуместь больше, чем оно, на первый взгляд, означает. Это явствует из ответа иудеев, в котором говорится о некоем учении. Что в данном случае является ссылкой на речь Павла, пропущенную Лукой. Итак, Павел рассуждал тогда о Христе и пытался объяснить: без Него иудеям ни храм, ни закон не принесут никакой пользы. Ведь именно на Нем основан завет усыновления и узаконено обетование спасения. Иудеи не сомневались в том, что от прихода Мессии зависит восстановление царства. В те времена печальное положение дел еще больше усиливало надежду и желание Его пришествия. Посему Павел обоснованно говорит, что связан узами ради надежды Израиля. Это научает нас тому, что правильно надеются только те, кто устремляет взор ко Христу и Его духовному Царству. И Павел, твердо помещая во Христе надежду всех благочестивых, тем самым исключает всякое прочее упование.

21. *Они же сказали ему: мы ни писем не получали о тебе из Иудеи, ни из приходящих братьев никто не извещил о тебе и не сказал чего-либо худого.* 22. *Впрочем желательно нам слышать от тебя, как ты мыслишь; ибо известно нам, что об этом учении везде спорят.* 23. *И, назначив ему день, очень многие пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им [учение] о Царствии Божиим, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков.* 24. *Одни убеждались словами его, а другие не верили.*

(21. Они же сказали ему: мы ни писем не получали о тебе из Иудеи, ни из приходящих братьев никто не извещил о тебе и не сказал чего-либо худого. 22. Хотим же слышать от тебя, как ты мыслишь; ибо известно нам, что об этой секте везде спорят. 23. И, назначив ему день, очень многие пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божиим, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков. 24. Одни убеждались словами его, а другие не верили.)

21,22,23) *Мы ни писем.* Священники и книжники умолчали об этом не потому, что стали мягче к Павлу или решили его пощадить. Скорее это произошло из-за презрения или отчаяния. Ведь у них не было способов преследовать Павла в отдалении, и переправка его в Италию могла показаться им погребением его дела. Они привыкли властвовать не только горделиво, но и спокойно, лишь бы никто не досаждал им у них на родине. Далее, хотя иудеи приходят слушать Павла не с полностью добрыми намерениями, они все же показывают какое-то усердие к научению, не отказываясь выслушать защиту учения, везде вызывавшего жаркие споры. Ведь многие закрывают себе путь через предубеждение, не соизволяя слушать то, что отвергается большинством, и подписываясь под мнением других в осуждении неизвестного учения. Между тем, как уже было сказано, весьма порочна ссылка на противоречие, возникшее по причине ненависти или ложного подозрения. Словно не было предсказано Исаией, что Бог будет камнем преткновения для всего народа.

Неизвестно, говорил ли в назначенный день один только Павел, или выступали обе спорящие стороны. Хотя, опираясь на обстоятельства времени, можно заключить: выступление Павла не могло быть непрерывным. Едва ли он мог произносить речь с утра до вечера. Посему не сомневаюсь, что апостол, коротко изложив суть Евангелия, дал слушателям возможность спрашивать и отвечал на их вопросы. Кроме того, следует отметить двоякий, по словам Луки, статус дискуссии. Во-первых, Павел учил, каково именно Царство Божие, говоря особенно о славе и блаженстве, везде столь сильно восхваляемом пророками. Поскольку многие из иудеев воображали плотское царство Божие в нашем мире, ложно усматривая его в праздности, удовольствиях и богатстве, было необходимо просветить их насчет его духовной природы. Начало царства заключалось в обновлении жизни, а конец – в блаженном бессмертии и небесной славе. Во-вторых, Павел увещевал их принять Христа, обетованного Автора этого блаженства. Причем эта вторая часть в свою очередь раздвигалась на две. Ведь о ней нельзя было говорить с пользой без изложения обязанностей обещанного Искупителя. Кроме того, Павел показал, что Он уже явился, что Сын Марии и был Тем Самым, на Кого надеялись отцы. Среди иудеев приход Мессии был общепринятой аксиомой. Они верили, что Мессия должен все привести в полнейший порядок. Но Павел настаивает на другой стороне вопроса, менее для них известной: обетованный Мессия должен изгладить грехи мира Своей жертвенной смертью, примирить Бога с людьми, обрести вечную праведность, воссоздать людей по образу Божию, возрождая их Святым Духом, и, наконец, сделать верующих в Него наследниками небесной жизни. И все это исполнилось в лице распятого Иисуса Христа. Так что Павел, говоря об этих вещах, с необходимостью отвращал иудеев от их земных грубых домыслов, призывая на небеса, и одновременно устранял соблазн креста Господня, поучая, что нет иного способа примирения с Богом.

Отметим: все, сказанное Павлом, о Христе взято, по свидетельству Луки, из закона и пророков. Ведь истинная религия отличается от всех вымышленных тем, что в качестве правила рассматривает только божественное Слово. А Церковь Божия отличается от всех мирских сект в том отношении, что слушает одного лишь вещающего Бога, подчиняясь только Его власти. Отсюда видно согласие ветхого завета с Евангелием

для утверждения веры во Христа. Кроме того, здесь говорится о двойной пользе Писания, которую Павел хвалит также в другом месте (2Тим.3:16). А именно: оно достаточно как для обучения невежд, так и для опровержения нападок противников истины. Итак, именно это правило ставят для себя те, кто думает трезво и желает научить других, возвещая все лишь из чистого источника Писания. Иначе поступают философы, ссылаясь только на доводы разума, поскольку у них нет никакого твердого авторитета. Им весьма усердно подражают паписты, которые, отложив в сторону божественные речения, полагаются только на домыслы ума, то есть – на чистую глупость.

24) *Одни убеждались.* Лука сообщает о результате проведенной дискуссии, о том, что не все равным образом преуспели в обучении. Мы знаем: апостол был наделен такой благодатью Духа, что мог склонить даже каменные сердца. Однако, долго и много рассуждая, он не смог обрести для Христа всех слушателей. Посему не будем удивляться, если и сегодня неверие многих противится ясному евангельскому учению. Если многие остаются в ожесточении, хотя истина Христова сияет им подобно полуденному солнцу. Добавь к этому, что слепыми и невеждами от Павла уходят те, кто добровольно пришел к нему, как бы желая научиться. Если же и в добровольных слушателях царило подобное упорство, что удивительного, если Христа отвергают люди, надмевающиеся самомнением и открыто бегущие от света.

25. *Будучи же не согласны между собою, они уходили, когда Павел сказал следующие слова: хорошо Дух Святой сказал отцам нашим через пророка Исаию: 26. пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите. 27. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. 28. Итак да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат. 29. Когда же он сказал это, Иудеи ушли, много споря между собою. 30. И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, 31. проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно.*

(25. Будучи же не согласны между собою, они уходили, когда Павел сказал следующие слова: хорошо Дух Святой сказал отцам нашим через пророка Исаию: 26. пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите. 27. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. 28. Итак да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат. 29. Когда же он сказал это, Иудеи ушли, много споря между собою. 30. И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, 31. проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением без воспреещения от кого-либо.)

25) *Не согласны между собою.* Злоба и порочность неверующих приводит к тому, что Христос, являясь нашим миром и единственными узами священного единства, становится причиной для распри, создавая сору между теми, кого ранее связывала дружба. Вот Иудеи приходят, чтобы послушать Павла. У всех них одно чувство, один голос. Все исповедуют послушание закону Моисея. Но, услышав об учении примирения, заводят между собой распрю и расходятся в разные стороны. Однако не следует думать, будто разногласие возникает от евангельской проповеди. Напротив, тогда выходит на свет упорство, ранее скрывавшееся в злых сердцах. Как и солнечный свет не создает новых красок, но лишь обнаруживает их различие, невидимое во тьме. И, поскольку Бог особо просвещает Своих избранных, и вера также свойственна не всем, будем помнить: непременно произойдет так, что после проповеди Христа одни начнут разногласить с другими. И пусть тогда нам на ум придет сказанное Симеоном: цель споров состоит в том, чтобы открылись помышления многих сердец, и неверие, восстающее против Бога, есть подлинная мать раздоров.

Когда Павел сказал следующие слова. Вначале Павел пытался привлечь их мягким и приятным образом. Теперь же он обрушивается на их открывшееся упорство, сурово возвещая божественный суд. Ибо так и следует поступать с противниками, гордыня которых не в состоянии покориться простоте учения. И нам надо придерживаться того же правила: обучаемыми и кроткими мы должны управлять мягко, а надменных призывать к судилищу Божию. То же, что Павел ссылается на слова не пророка, а Самого Святого Духа, относится к удостоверению пророчества. Ведь Бог приказывает слушать только Себя, и авторитет учения может быть тверд только тогда, когда мы знаем, что учение исходит от Бога, а не родилось в уме человеческом. Кроме того, Павел намекает, что упорство это относится не к одному лишь веку, но речение Духа охватывает собою все будущие времена.

26) *Пойди к народу сему.* Знаменитое место, шесть раз встречающееся в новом завете. Но поскольку здесь оно приводится с другой целью, следует знать, каким образом Павел приспособливает его к настоящему случаю. Этим молотом он хочет как бы сокрушить ожесточенность нечестивых и воодушевить еще нежных и немощных верующих, дабы их не смущало неверие остальных. Итог таков: ныне исполняется предсказание пророка. Посему у отверженных нет основания льстить себе, а у верующих нет причин пугаться этого как чего-то нового и неожиданного. Хотя ослепление, упомянутое пророком, несомненно началось уже в его эпоху, Иоанн говорит, что оно, прежде всего, относится к временам Христа. Посему Павел вполне обоснованно приспособляет его к тому презрению Евангелия, которое он наблюдал. Он как бы говорит: происходит лишь то, что некогда предсказал Святой Дух устами Исаии.

То же, что данное место по-разному истолковывается не только евангелистами, но и самим Павлом, не включает в себе никакого противоречия. Матфей, Марк и Лука говорят, что пророчество исполнилось, когда Христос образно обращался к народу и не поведал ему тайны Небесного Царства. Ибо тогда Слово Божие звучало в ушах неверующих, отчего они, однако, не возымели никакой пользы. Иоанн (12:37) утверждает нечто похожее: многочисленные чудеса не подвигли иудеев к вере, дабы исполнилось то же самое пророческое свидетельство. Значит, эти четыре автора согласны в следующем: по праведному суду Божию вышло так, что отверженные, слушая, не слышат, и, взирая, не видят. Теперь же Павел напоминает сказанное пророком об иудеях, дабы никто не удивился их слепоте. Далее тот же Павел в 11-й главе Послания к Римлянам рассуждает еще возвышеннее, говоря, что причина ослепления в том, что Господь даровал свет веры только избранному Им по благодати остатку. Не подлежит сомнению: то, что отверженные отвергают спасительное учение, происходит от их злобы. Посему вина за это лежит на них самих. Однако эта ближайшая причина не мешает тому, чтобы тайное избрание Божие проводило различие между людьми. Дабы веровали те, кто определен к жизни, а другие оставались ослепленными.

Сейчас я не буду больше останавливаться на словах пророка, поскольку разъяснил их в другом месте. Так что Павел не по любопытству привел пророческое высказывание, но приспособил его слова к своей цели. Посему ослепление, которое пророк приписывает тайному суду Божию, Павел вменяет злобе иудеев. Пророку приказано затмить глаза своим слушателям, Павел же обвиняет современных ему неверующих за то, что те сами сомкнули себе очи. Хотя он четко приводит оба положения: что Бог является автором их слепоты, и что, несмотря на это, они сами добровольно смыкают собственные очи. И эти два положения, как говорилось выше, совершенно друг с другом согласуются. В последней фразе, где говорится: да не видят очами, и не слышат ушами, и не разумеют сердцем, – Бог показывает, сколь ясно и понятно Его учение. Его вполне достаточно для просвещения всех человеческих чувств, если люди сами по злобе своей не создают в себе тьму. Подобно тому, как Павел в другом месте сообщает (2Кор.4:3): его Евангелие открыто, и никто не будет слепнуть в его свете, кроме предопределенных к погибели, которым сатана затуманил очи.

И не обратятся, чтобы Я исцелил их. Отсюда мы заключаем, что не всем предлагается Слово Божие с целью обращения их к здравому разумению. Но внешний голос проповедника без действенности Святого Духа звучит в ушах многих только для того, чтобы сделать их неизвинительными. И здесь плотская гордыня начинает дерзко роптать против Бога. Как и сегодня мы видим многих говорящих, что напрасно, больше того, абсурдно призывать людей, если в них не имеется способности к повиновению. Но, хотя от нас и скрыта причина, по которой Бог является слепым и разговаривает с глухими, одна лишь Его воля, будучи правилом всяческой праведности, должна заменять нам тысячу доводов. В заключение надо коротко отметить, какой именно спасительный результат вызывает божественное Слово. Оно производит обращение человека, являющееся не только началом исцеления, но неким воскресением из смерти в жизнь.

28) *Да будет вам известно.* Чтобы иудеи впоследствии не винили его в отпадении, в том, что он, оставив священный род Авраама, обратился к оскверненным язычникам, Павел возвещает много раз провозглашенное пророками: спасение, прямыми или, по крайней мере, первыми наследниками которого были иудеи, будет отдано внешним. Говоря же, что спасение послано язычникам, Павел подразумевает: после того, как его отвергли иудеи. И об этом подробнее говорилось выше. Значит, смысл таков: у иудеев нет оснований жаловаться на то, что язычники допущены к незанятому, добровольно ими покинутому наследству. Также, говоря, что язычники слышат, Павел не делает веру присущей им всем без исключения. Ибо он достаточно хорошо знал, сколь многие даже из язычников нечестиво противятся Богу. Однако всех уверовавших язычников апостол противопоставляет неверующим иудеям, дабы первые вызвали у последних ревность. Как и сказано в песне Моисея (Втор.32:31). Между тем, Павел хочет сказать: учение, отвергаемое иудеями, не будет бесполезным в другом месте.

29) *Много спора между собою.* Нет сомнения, что апостол еще больше ожесточил нечестивых, приведя говорящее против них пророчество. Иудеи до того упорны в своей ругани, что будто сами себя подзуживают. И причина, по которой они продолжали спорить, даже уходя от Павла, состояла в том, что большая их часть не захотела соглашаться с ним. Однако в то время, как прочие спорили, некоторые приняли сказанное Павлом и не усомнились мужественно объявить то, во что уверовали. Кроме того, напрасно кто-то стал бы возражать, что семенем раздора явилось здесь Евангелие Христово. Ведь ясно, что все раздоры рождаются из человеческого упорства. Кроме того, дабы мы наслаждались миром с Богом, нам совершенно необходимо сражаться с Его презрителями.

30,31) *Принимал всех.* Святой апостол явил пример великой стойкости, пойдя навстречу всем желающим послушать его. Действительно, он вполне сознавал, сколь сильную вызовет к себе ненависть. И лучше всего смягчить негодование противников можно было молчанием. Так и следовало поступать благоразумному человеку, желавшему личной безопасности. Но, поскольку Павел помнил, что и в темнице не меньше, чем на свободе, был апостолом Христовым и глашатаем Евангелия, он рассудил, что не подобает отказывать никому из готовых к научению. Дабы использовать данную Богом возможность. Посему для него святое призвание Божие было важнее собственной жизни. И дабы мы знали, что Павел подвергся риску добровольно, Лука немного ниже выразительно хвалит его за упование. Он как бы говорит: отложив в сторону страх,

Павел добросовестно повиновался заповеди Божией, и никакие трудности не испугали апостола, продолжавшего, как и раньше, оказывать усердие ко всем.

Проповедуя Царствие Божие. Лука не отделяет Царство Божие от всего, относящегося ко Христу, словно это разные вещи. Но вторая часть служит как бы толкованием предыдущей. Дабы мы знали: Царство Божие основано на знании достигнутого Христом искупления и в нем содержится. Итак, Павел учил, что люди чужды Царства Божия, доколе, примирившись с Богом через отпущение грехов, не обновятся духом к святости жизни. Таким образом, Царство Божие лишь тогда создается и процветает, когда Посредник Христос соединяет людей, одаренных незаслуженным отпущением грехов и возрожденных к праведности, с Богом Отцом, дабы, начав на земле небесную жизнь, они всегда воздыхали по небу, где их ожидает полное и несомненное наслаждение славой. Лука также упоминает данную Павлу свободу как особое благодеяние Божие. И свобода это происходила не от снисходительности его противников (ибо им была ненавистна религия Павла), не от их бездеятельности и недосмотра, но оттого что очи их ослепил Сам Господь. Посему апостол вполне заслуженно хвалится, говоря, что для Слова Божия вовсе не существует уз (2Тим.2:9).